

Министерство образования и науки Российской Федерации
Департамент государственной политики в сфере высшего образования
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Институт управления
Кафедра социологии и организации работы с молодежью
Центр социологических исследований
Лаборатория социологии молодежи
Высшая школа управления

Институт социально-политических исследований РАН
Ассоциация «Совет муниципальных образования Белгородской области»
Управление молодежной политики Правительства Белгородской области

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Сборник статей по материалам
первой Международной конференции

30 октября 2014 года

Белгород 2014

УДК 316.3/4
ББК 60.524
Т 65

Редакционная коллегия:
Ю.А. Зубок (ответственный редактор),
И.И. Гуляев, И.С. Шаповалова,
Т.В. Белых, С.В. Хашаева

Рецензенты:
доктор социологических наук, профессор *В.В. Бахарев*
доктор социологических наук, профессор *Г.А. Ельникова*

Т 65 **Трансформация идеи гражданского общества в контексте социальных изменений**: сборник статей по материалам первой Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 30 октября 2014 г. / отв. ред. Ю.А. Зубок. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 320 с.

ISBN 978-5-9571-1023-1

Настоящий сборник содержит материалы первой Международной научной конференции «Трансформация идеи гражданского общества в контексте социальных изменений», прошедшей 30 октября 2014 года в Белгородском государственном национальном исследовательском университете. Статьи, вошедшие в сборник, представляют широкий спектр теоретических и эмпирических исследований, разносторонне раскрывающие актуальные проблемы гражданского общества, его трансформации в контексте социальных изменений.

Сборник предназначен для социологов-исследователей, философов, политологов, преподавателей и студентов социологических и других направлений подготовки.

УДК 316.3/4
ББК 60.524

ISBN 978-5-9571-1023-1

© Белгородский государственный
национальный исследовательский университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Алексеев А. И., Курск

Влияние технико-технологического прогресса на трансформацию форм социальной организации в процессе развития общества 8

Баранова С.Ю., Борисов С. С., Белгород

Выход предприятия на новый сегмент рынка в условиях трансформирующихся институтов гражданского общества 13

Борисов С. С., Баранова С.Ю., Белгород

Влияние трансформации институтов гражданского общества на профессиональную ориентированность учащихся средней школы 17

Гридчин А. А., Белгород

Концептуальные подходы к регулированию социального конфликта 21

Гордеева Н.О., Белгород

Гражданское общество и изменение социальных институтов в условиях трансформации общества (на примере института семьи на Украине) 30

Надуткина И. Э., Белгород

Гражданские инициативы как основа повышения доверия граждан к государственным институтам 38

Реутова М. Н., Белгород

Перспективы развития института гражданской экспертизы в условиях формирования регионального солидарного общества 44

Spasić Ivana

The descriptive and the normative in the concept of civil society: evidence from Serbia 49

Хашаева С. В., Белгород

Современные тенденции соревновательных процессов в гражданском обществе 56

Чупров В. И., Москва

Концептуализация доверия в механизме саморегуляции социальных взаимодействий 60

Шавырина И. В., Белгород

Роль волонтерского движения в формировании регионального солидарного общества 64

МОЛОДЕЖЬ В ПРОЦЕССАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Бабинцев В. П., Белгород

О стратегии формирования регионального солидарного общества 68

Багреева Е.Г., Багреева Е.В.

Проблема доверия иностранцев к российской социальной реальности 73

Bakrac V., Podgorica Faculty of philosophy University of Montenegro – Podgorica Young people in the context religious social change – the case of Montenegro	76
Березутский Ю.В., Хабаровск Духовно-нравственный потенциал жизнедеятельности молодой семьи Хабаровского края	90
Брыткова А.Ю., Белгород Ценностные ориентации современной студенческой молодежи	92
Воеводина Е.В. Высшее образование молодёжи с ограниченными возможностями здоровья как социокультурный капитал	97
Гоженко Г. И., Белгород Влияние информационно-технологической среды на трансформацию гражданских интересов молодежи	100
Городова Т. В., Белгород Социальная интеграция молодёжи с ограниченными возможностями как важного элемента гражданского общества	102
Гуляев И.И., Белгород Некоторые вопросы формирования гражданского общества в контексте новой государственной молодежной политики в Российской Федерации	108
Дейч Б. А., Макиев О.Б. Состояние молодежи и молодежной политики в современной России: проблемы, риски, пути развития	112
Дивненко О. В. Симуляция и имитация в системе компетенций молодежи в новой социальной реальности	115
Зубок Ю. А., Москва Противоречия формирования и реализации социального потенциала молодежи в новой социальной реальности	118
Зубок Ю.А., Москва, Яковук Т.И., Брест Саморегуляция духовной жизни молодежи в новой социальной реальности	121
Каменский Е. Г. Курск, Шаповалова И.С., Белгород, Шмигирилова Л.Н., Белгород Патриотизм в молодежной субкультуре	124
Кисиленко А.В., Белгород Потенциал молодежного волонтерства в нивелировании негативных последствий технологических рисков	131
Мосиенко О. С., Ростов-на-Дону Социально-демографические характеристики молодежной безработицы	134
Нарыкова С. П., Краснодар Молодежь в интенсификации политических процессов транзитивного общества	137

Орлова В.В., Томск	
Проблема вторичная занятости студенческой молодежи	140
Паутова Л.А., Москва	
Противоречивая молодежь: казусы общественного мнения (по данным ФОМа)	146
Райдугин Д.С., Москва	
Об основных принципах рефлексивного познания социального феномена молодежи	149
Рукавицина О. А., Белгород	
Совершенствование системы мотивации и стимулирования научно- исследовательской активности студентов вуза	152
Рожкова Л.В., Сальникова О.В., Пенза	
Трудовые ценности и стратегии современных студентов	158
Сорокин О.В.	
Формирование девиантных установок в молодежной среде	161
Сушко П.Е.	
Сельская молодежь в поисках социального лифта: социальные реалии, возможности и риски	163
Черкасова Т.В., Уфа	
Российская молодежь в социальной реальности – 2014	167
Шовгеня С.А., Белгород	
Формирование карьеры молодого специалиста: возможные риски в процессах трансформации гражданского общества	171

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Боженев С.А., Белгород	
Удовлетворенность населения условиями городской среды: методика оценки и результаты	178
Березутский Ю.В., Хабаровск	
Ценностно-мотивационная основа жизнедеятельности молодой семьи Хабаровского края	184
Белых Т.В., Белгород	
Трансформация семейных ценностей	191
Данакин Н.С., Шутенко А.И., Белгород	
Принципы управления образовательными инновациями в современном вузе	197
Денищик А.Ю., Белгород	
Деятельность профсоюзов в зеркале профсоюзных газет «Солидарность» и «Единство»	203
Гуляев И.И., Огнёва Ю.И., Белгород	
Социологический анализ электоральной культуры молодёжи Белгородской области	210

Евдокименко Ю.И., Белгород	
Гендерные проблемы семейных отношений	218
Истомин А.Г., Лебедев С.Д., Белгород	
Элементы локальной идентичности в формировании гражданской религии регионального сообщества	224
Колпина Л.В., Белгород	
Добрососедство как низовая форма самоорганизации населения: проблемы и тенденции	229
Конев И.В., Белгород	
Стратегия государственной поддержки малого предпринимательства	234
Кубякин Е.О., Краснодар	
Экстремпарантность как склонность к совершению экстремальных социальных действий	243
Никулина Н.Н., Белгород	
Семья с одним родителем в современных социально-экономических условиях: аспекты трансформации современной семьи	245
Новикова И.Н., Белгород	
Стереотипы отношения к бездомным животным в общественном мнении населения г. Белгорода	252
Орлова В.В., Томск	
Социальный капитал и возникновение чувства локального патриотизма	257
Питка С.Н., Белгород	
Рейтинг российских регионов в свете общественной экспертизы	266
Проказина Н.В., Орел	
Конструирование исторической памяти о Великой Отечественной войне	272
Посухова О.Ю., Ростов-на-Дону	
Конструирование идентичности профессионала как условие обеспечения национальной безопасности в российском обществе (на примере молодежи Ростовской области)	274
Реутов Е.В., Белгород	
Социокультурный фон гражданского активизма в российском обществе	277
Санина И.В., Белгород	
Анализ корпоративной культуры в организации	282
Селиверстова Н.А., Москва	
Штрихи к портрету молодого читателя	287
Смакотина Н.Л., Москва	
Проблема насилия в отношении детей: концептуальная модель социологического исследования	290
Солнышков А.Ю., Москва	
Умение моделировать социальную реальность как актуальная социализационная проблема	295

Тимофеев В.К., Белгород Религиозные объединения как субъекты гражданского общества в регионе	298
Усманов Б.Ф., Москва К вопросу о «качестве человека»	304
Хаванская М.Ю., Белгород Диалектика взаимоотношений гражданского общества и государства как проблема дефицита человеческих ресурсов – социально активных людей	308

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ВЛИЯНИЕ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА¹

А. И. Алексеенко,

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры философии и социологии, ГОУ ВПО «ЮЗГУ»*

Социальная организации это большая ассоциация людей, действующих на основании неличных связей, созданная для достижения специфических целей. Социальные организации, по большей части, спроектированы — учреждены с определенными целями, и располагаются в зданиях или на физических пространствах, специально сконструированных, чтобы помочь в достижении этих целей.

Перманентное развитие общества обусловило возникновение и становление технико-технологической триады («ручной», «машинно-индустриальной», «кибернетической» техники); и далее, технико-технологическая триада детерминирует, в свою очередь, соответственно социальную триаду («докапиталистическую», «капиталистическую», «посткапиталистическую» [1].

Отличительной чертой каждого из элементов данной технико-технологической триады являлось соответствие социальной формы общественного устройства. Отличительной технической характеристикой орудий труда ручного типа является их универсальность, как следствие ему соответствует социально однородное, однокачественное общество первобытных людей.

В свою очередь техническая разнокачественность, неоднородность ручных орудий труда вызвала к жизни социальное расслоение в человеческом обществе. Появились социальные группы бедных, среднезажиточных и богатых людей с различными социальными интересами. Под воздействием нового технического феномена («технической неоднородности» ручной техники) общественная собственность на средства производства начала распадаться на «части». Человечество вступило в эпоху развития общественного разделения труда, частной собственности, экономической обособленности производителей, рыночной («атомарной») экономики. В результате промышленного переворота в 17-18 веках человечество «сменило» в своем материальном производстве технический базис ручного типа на технический базис машинно-индустриального типа. На базе крупного машинного производства социальная цивилизация индустриального типа достигла в своем развитии классической зрелости. Для технического базиса машинно-индустриального типа характерна

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №14-38-00047 «Прогнозирование и управление социальными рисками развития техногенных человекомерных систем в динамике процессов трансформации среды обитания человека» при участии НИУ «БелГУ», ИСПИ РАН, ЮЗГУ

так же «техническая неоднородность, разнокачественность». Разные звенья индустриального производства имеют разные уровни технического оснащения, культурно-технического образования работников, производительности их труда и пр. Одни предприятия оснащены передовой индустриальной техникой и технологией, другие отстают в научно-техническом прогрессе. Такая техническая неоднородность, неодинаковость индустриальных предприятий, отраслей материального производства объективно усиливает социальную неоднородность, разнокачественность общества, а также усиливает его социальное расслоение. Вместе с тем в индустриальном обществе на основе технико-технологической интеграции получает развитие тенденция «универсализации» машинного технического базиса, которая в свою очередь порождает «элементы» социальной однородности человеческого общества, в первую очередь это связано с процессом профессионализации и возникновением такого большого класса как пролетариат.

Похожую точку зрения можно встретить в работе Д.Е. Музы считающим, что методологической базой изучения этого типа общества является концепция технологического детерминизма, или представление о главенствующей роли техники в общественном развитии. Автор опирается на точку зрения П. Вышеславцева о том, что «индустриализм есть господство техники и, следовательно, «технократия», власть специалистов по управлению машинами, людьми, власть техников, инженеров, организаторов и бюрократов» [4]. Как следствие социальных организаций в виде фабрики, универсальным стандартом относительно социальных ценностей (предпочтений), являются материальные ценности, способные удовлетворить физиологические и физические потребности огромных масс людей. Напротив, духовные ценности, по сути, становятся уделом подвижников-одиночек появляется новая социальная общность которую Дж. К. Гэлбрейт называет техноструктурой. Её составляет многочисленная группа лиц: от самых высокопоставленных служащих корпорации – до работников в белых и синих воротничках. Технологический прогресс порождает новую схему жизни – «жесткую целесообразность». Конечно, в ней наличествует и торжество естественных наук, и «дух изобретательства», и «новая организация труда», позволяющие человеку вести облегченный, т.е. не связанный с трудностями прежних эпох, образ жизни. Но эта схема, если вспомнить аргументацию немецко-американского философа Г.Маркузе, не освобождает человека и общество, а наоборот загоняет их в новый вид рабства, сопряженный с инструментализацией жизненного процесса. Это осуществляется путем, когда «технология превращает человека и природу в легко заменяемые объекты организации», а «мир обнаруживает тенденцию к превращению в материал для тотального администрирования, которое поглощает даже администратора» [3].

Если же говорить об общем знаменателе индустриального прорыва, то нужно вслед за известным российским математиком И.Р. Шафаревичем, констатировать: в самих принципах технологической цивилизации заложены:

- а) утопия идеальной организации природы по шаблону «мегамашины»;
- б) идеи универсальности и беспочвенности, на основе которых она подчиняет себе другие культуры и цивилизации, уничтожая возможные «запасные» варианты исторического развития;

в) логика переориентации с собственно человеческого бытия, всегда соотношенного с естеством, на логику функционирования техники и технологий [6].

Однако реализация технической и социальной однородности в полной мере в человеческом обществе, базирующемся на индустриальном техническом базисе, не представляется возможной. Для достижения этих целей требуется принципиально иная технико-технологическая основа – постиндустриальная. Которая будет представлять собой автоматизированную, полностью интегрированную (на базе микроэлектроники) технико-технологическую систему с универсальными, гибкими, экологически чистыми, безлюдными технологиями, в ней технические средства будущего станут технически однородными, однокачественными, универсально гибкими по отношению к различным видам производимой продукции. Вытекающая из «технической универсальности» постиндустриального технического базиса, его «техническая однородность, однокачественность» обусловит объективно: социальную однородность человеческого общества.

П. Штомпка в работе «Социология социальных изменений» дает определение прогресса как идее, согласно которой человечество медленно, постепенно и долго выползло из первоначальных условий страха, отсутствия культуры, невежества, поднимаясь ко всё более высоким уровням цивилизации [7]. Ссылаясь на взгляды Фердинанда Тенниса, он отмечает, что им были впервые высказаны сомнения в прогрессивности природы изменений, прозвучала мысль о побочных негативных эффектах развития. Теннис обратил внимание на достоинства раннего традиционного сообщества по сравнению со сменившим его современным индустриальным и урбанистическим обществом, что вызвало широко распространившееся разочарование в идее прогресса и побудило к поискам «потерянной общности». Прогресс всегда соотносится с ценностями, т.е. это не чисто описательная, детальная, объективированная концепция, а, ценностная категория. Один и тот же процесс может квалифицироваться по-разному в зависимости от предполагаемых ценностных предпочтений, которые совершенно различны у разных индивидов, групп, классов, наций. Если абсолютного прогресса не существует, то всегда необходима шкала ценностей, принятых в качестве измерителя, или критерия, прогресса. Урбанизация, модернизация считались синонимами прогресса, и только недавно обнаружилось, что они могут иметь слишком далеко идущие последствия (перенаселенные города, забитые аэропорты, пробки на автострадах, перепроизводство товаров и т.д.) и что хорошие вещи могут давать весьма неприятные побочные эффекты (распыление ресурсов, загрязнение и разрушение окружающей среды, болезни цивилизации). Автор критикует кто придает большое значение техническому развитию, считая господство над природой конечной мерой прогресса. «Техника для них олицетворяет уникальную мощь человеческого рода в его противостоянии окружающему миру» [7]. В современном обществе господствуют активность, оптимизм, вера в прогресс, в науку и технологию как инструменты рационального изменения мира. В такой идеологической атмосфере не может не возникнуть антитрадиционализм, и его носителем выступает такая социальная общность как «нынешнее поколение».

Развитие технико-технологического процесса может быть также рассмотрено через понятие технологические уклады (Теория Шумпетера – Кондратьева). Технологический уклад – это технико-технологический комплекс, который функционирует на основе технологии, которая является главенствующей в пределах существования различных способов производства.

Так Чухно А. А. выделяет пять основных технологических укладов (таблица) [5]:

Таблица

Технологические уклады в развитии общества

Техно-логические уклады	Период доминирования	Страны-лидеры	Преобладающие технологии
I	1770-1830	Великобритания, Франция, Бельгия	Водяной двигатель, выплавка чугуна и обработка железа, строительство каналов
II	1840-1880	Великобритания, Франция, Бельгия, США, Германия	Паровой двигатель, угольная промышленность, машиностроение, черная металлургия, станкостроение
III	1890-1940	Великобритания, Франция, США, Германия	Электротехническое и тяжелое машиностроение, производство стали, неорганическая химия, тяжелое вооружение, кораблестроения, линии электропередач, стандартизация
IV	1940-1980	США, Западная Европа, Япония	Синтетические материалы, органическая химия, цветная металлургия, автомобилестроение, атомная энергетика
V	1980-2020	США, Евросоюз, Япония, страны Юго-Восточной Азии	Вычислительная техника, телекоммуникации, роботостроение, микро- и оптико-волоконные технологии, интернет, биотехнологии

По мере проникновения в процессы развития технологии стали определяться понятия и термины присущие ее развитию. Прежде всего технология – определенная последовательность производственных операций и процессов, подчиненных на достижению определенного результата, то есть изготовлению определенного продукта труда. Каждая технология, решая проблему производства определенного продукта, имеет определенные технологические пределы, которые характеризуют уровень возможностей этой технологии и обуславливают переход к более совершенным технологическим процессам. Причем производство одного продукта труда может производиться по различным технологиям, иначе говоря, в пределах господствующей технологии можно найти лучшие и худшие способы производства, это зависит от глубины знаний этих процессов и умения выбрать наиболее эффективный из них. Применение и использование новой техники и технологии позволяет уменьшать индивидуальные издержки производства ниже общественно необходимых и добиваться более высоких результатов производства. Но, как и все в жизни, технология имеет определенный предел, если потенциал заложенный в ней иссякает, то она становится неспособной для дальнейшего прогресса. Технологическая граница означает, что высоких результатов производства можно достичь лишь при условии пере-

хода к новой, высшей технологии. Процесс развития здесь такой: применение новой техники и технологии, которое дает дополнительные доходы, распространяется, охватывает все большее количество предприятий и фирм, снижает общественно необходимые затраты до уровня, заданного новым условиям производства, и для дальнейшего увеличения доходов необходимо применять еще новую и еще более эффективную технику и технологию, которые обеспечат снижение индивидуальных затрат ниже нынешних общественно необходимых. Следовательно, периодически происходит замена господствующей технологии, при которой производится основная масса продукции, новой технологией. Переход к ней определяет технологический скачок, величина или высота которого определяется степенью эффективности новой технологии, тем, насколько она опережает ту, которая царила или господствовала.

Процесс замены имеющейся технологии совершенной происходит во времени, при этом если имеющаяся технология достигла своего предела и не соответствует новым условиям, а новая технология еще не разработана или еще не доказала свои преимущества, наступает период технологического разрыва.

Особенно интересно стадияльное место России, как отмечал Г. Г. Малинецкий «В самом деле, освоение возможностей IV технологического уклада (локомотивными отраслями которого были тяжелое машиностроение, большая химия, массовое производство, автомобилестроение, авиастроение и несколько других) было основой советской индустриализации, форсированного промышленного развития. Реализация этой программы позволила стране выстоять в Великой Отечественной войне, стать сверхдержавой, добиться паритета с США в области стратегических вооружений.

Возможности, предоставленные V технологическим укладом (связанные с развитием компьютеров, малотоннажной химии, телекоммуникаций и интернетом), были упущены нашей страной, втянувшейся в бесплодные разрушительные реформы.

Сейчас весь мир готовится к технологическому скачку (судя по нашим прогнозам, это будет происходить в 2014-2018). Локомотивными отраслями рождающегося VI технологического уклада, вероятно, станут биотехнологии, нанотехнологии, робототехника, высокие гуманитарные технологии, новая медицина, новое природопользование. Сейчас, именно сейчас, решается, какие отрасли, страны, регионы, корпорации станут ведущими, а какие ведомыми на новом витке технологического развития. От эффективных, продуманных действий в этой сфере сейчас зависит будущее нашей цивилизации – мира России.

Системная причина охватившего мир кризиса состоит в том, что отрасли V технологического уклада уже не дают прежней отдачи и не требуют тех гигантских финансовых средств, которые сегодня есть в мире. С другой стороны, отрасли VI технологического уклада ещё не созрели для массивного вложения средств. И это межвременье естественно приводит к кризису. Поэтому нынешний период крайне важен. Именно в это время отбираются и проходят обкатку те нововведения, под флагом которых будет происходить развитие до 2040–2050 годов. Именно сейчас мы находимся в точке бифуркации в технологическом пространстве и имеем реальные возможности многое изменить.

Если этого не сделать, то страна будет развиваться по инерционному сценарию, и место экономических, технологических факторов на этих больших, исторических временах займут цивилизационные факторы» [0].

Таким образом, влияние технико-технологического прогресса на трансформацию форм социальной организации по мере развития общества всегда оказывало решающее значение, однако данный процесс не может быть рассмотрен только как процесс усложнения техники и технологий. Появляются новые формы социальных отношений, которые должны базироваться на гуманистических принципах, но этого не происходит. Растущая политическая поляризация в мире, неравномерность экономического развития порождает и различное отношение к данной форме прогресса в обществе.

Литература

1. Кирюхов Э. Научно-технический прогресс и мировая история. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.pandia.ru/text/77/206/80634.php> (дата обращения: 07.09.2014).
2. Малинецкий, Г.Г. Проектирование будущего. Роль нанотехнологий в новой реальности. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.lawinrussia.ru/node/247631>(дата обращения: 07.09.2014).
3. Маркузе, Г. Одномерный человек. [Электронный ресурс]. URL : <http://enatramp.narod.ru/pervoistochnik.files/man.files/man6.html> (дата обращения: 07. 09.2014).
4. Муза, Д.Е. Введение в глобалистику: учеб. пособие/ Д.Е.Муза. – Донецк: ДонНТУ, 2010. – 240 с.
5. Чухно, А. А. Сучасні економічні теорії : підруч. / А. А. Чухно, П. І. Юхименко, П. М.Леоненко. – К.: Знання, 2007. – 878 с.
6. Шафаревич, И. Р. Две дороги – к одному обрыву. [Электронный ресурс]. URL: <http://shafarevich.voskres.ru/a28.htm> (дата обращения: 07.09.2014).
7. Штомпка, П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

ВЫХОД ПРЕДПРИЯТИЯ НА НОВЫЙ СЕГМЕНТ РЫНКА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

С.Ю. Баранова,

*магистр, кафедра региональной экономики,
НИУ «БелГУ»*

С. С. Борисов,

*ассистент кафедры
социологии и организации работы с молодежью, НИУ «БелГУ»*

Развитое гражданское общество является важнейшей предпосылкой построения правового государства и его равноправным партнером.

Гражданское общество – сфера материальной, экономической жизни и деятельности людей. Именно оно является первичным по отношению к государству, гражданская жизнь как сумма разнообразных интересов скрепляет государство (Карл Маркс и Фридрих Энгельс). Гражданское общество можно определить также как совокупность неполитических отношений, то есть

общественных отношений вне рамок властно-государственных структур, но не вне рамок государства как такового [6].

К экономической сфере гражданского общества относятся частные предприятия, корпорации, товарищества, акционерные общества, компании и другие объединения граждан в хозяйственной сфере, которые создаются по собственной инициативе.

Стоит отметить тесную связь между потребностями людей и благоприятным развитием фирмы в современных условиях рыночной экономики. Поэтому важно, чтобы маркетинговая стратегия предприятия подстраивалась под изменяющиеся условия общества. Разработка маркетинговой политики компании необходима для того, чтобы обеспечить эффективность мероприятий, проводимых предприятием. А формирование маркетинговой стратегии как процесса зависит от организации маркетинга на предприятии, его целей и задач. Можно сказать, что маркетинговые исследования – это средство, обеспечивающее менеджеров информацией, необходимой им для принятия решений.

Маркетинг – социальный и управленческий процесс, направленный на удовлетворение нужд и потребностей, как отдельных индивидов, так и общественных групп посредством создания, предложения и обмена товаров и услуг [2, с. 47].

Маркетинговая деятельность предприятия направлена на то, чтобы достаточно обоснованно, опираясь на запросы рынка, устанавливать конкретные текущие и главным образом долговременные (стратегические) цели, пути их достижения и реальные источники ресурсов хозяйственной деятельности: определять ассортимент и качество продукции, ее приоритеты, оптимальную структуру производства и желаемую прибыль. Другими словами, производитель должен выбирать такую продукцию, которая найдёт сбыт и принесет прибыль. А для этого нужно изучать общественные и индивидуальные потребности, запросы рынка как необходимое условие и предпосылку производства. Поэтому все больше углубляется понимание того, что производство начинается не с обмена, а с потребления.

Цели маркетинговой политики – это наиболее общие направления маркетинга.

Известны четыре альтернативные цели системы маркетинга: достижение максимально возможного уровня потребления; достижение максимального уровня потребительской удовлетворенности; предоставление максимально широкого выбора; максимальное повышение качества жизни[1].

Маркетинговая политика является важной составляющей бизнеса, без которой сегодня его продвижение и успешность просто невозможны, особенно если учитывать существующие суровые условия современной конкуренции в экономических секторах.

При планировании маркетинга, первостепенным является разработка стратегии маркетинга. Она представляет собой общий план деятельности в области маркетинга для какого-то определенного товара. Первым этапом разработки стратегии является выявление группы потребителей, на запросы

которых ориентируется фирма в своей деятельности. Вторым шагом является решение о сочетании элементов, которые нужно использовать в маркетинговой программе, чтобы достичь максимальной эффективности.

Одним из первостепенных объектов маркетингового исследования является рынок.

Рынок – совокупность существующих или потенциальных покупателей товара; это система экономических отношений купли-продажи товаров в рамках которых формируется спрос, предложение и цена товара.

Первая задача, которая стоит перед маркетологом, это выявить те товары и услуги, которые привлекут потребителей (определить перспективный товар). После принятия решения о том, какие товары производить, производитель должен определить какую цену установить на этот товар. Затем определяются места продаж, каналы сбыта, система транспортировки, партнерские торговые организации. Продвижение товара включает рекламу, личную продажу, формирование благоприятного общественного мнения и другие приемы стимулирования сбыта.

Целью маркетинга является получение желаемого положения компании, марки, товара, которое можно достичь скоординированными усилиями всех сотрудников компании в более или менее определенный промежуток времени. Маркетинг ориентирован на увеличение рыночной доли фирмы – части общего объема продаж какого-либо товара, приходящейся на данную фирму.

Как наглядный пример возможности реагирования, и учета изменений институтов гражданского общества в своей маркетинговой политике, представляется интересным рассмотреть возможные направления маркетинговой деятельности компании ОАО «Ростелеком».

На сегодняшний день компания «Ростелеком» является лидером на рынках фиксированной связи, ШПД (широкополосный доступ в сеть интернет), и IPTV (интерактивное телевидение) в России. Организация занимает первые места по разработке облачных решений на российском рынке. Разрабатываемые и внедряемые в дальнейшем решения охватывают такие сферы, как образование, медицина, мобильные платежи, электронное правительство, жилищно-коммунальные услуги, безопасности, здравоохранения.

Компания обслуживает более 100 миллионов абонентов в 80 регионах страны. Основной сферой деятельности является предоставление высокотехнологичных услуг фиксированной и мобильной связи, платного телевидения, широкополосного доступа в Интернет и облачных решений для частных и корпоративных клиентов.

В целом количество абонентов услуг ШПД превышает 9,8 миллионов человек, а платного телевидения ОАО «Ростелеком» – 7 миллионов пользователей. На сегодняшний день количество абонентов, пользующиеся мобильной связью компании, составляет 14,1 миллион человек. По данным предприятия, её услугами пользуются более 100 миллионов жителей России [7].

В настоящее время рынок телекоммуникационных услуг в Российской Федерации активно развивается. Для реализации услуг продолжают появляться новые технологии, вызывающие интерес со стороны предприятий и населения.

Необходимо отметить, что внешняя среда, в которой функционирует фирма достаточно изменчива и требует постоянного контроля со стороны маркетингового отдела фирмы. Для наглядности представлен SWOT-анализ компании в таблице.

Таблица

Матрица SWOT-анализа ОАО «Ростелеком»

Возможности	Внешние угрозы
<ol style="list-style-type: none"> 1. Увеличение населения в городах способствует снижению уровня затрат, связанных с продвижением услуг, прокладкой кабелей, строительством станций, и т.д. 2. Рост уровня технического развития Белгородской области позволит расширить зону проникновения телекоммуникационных услуг по региону. 3. Рост заработной платы населения позволяет прогнозировать рост уровня доходов, а также расширяет возможности домохозяйств и. 4. Выход на новые сегменты рынка 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Развитие сети Интернет. 2. Появление конкурентов на рынке телекоммуникационных услуг. 3. Последствия прошедшего экономического кризиса. 4. Географические особенности Российской Федерации. 5. Потеря клиентов. 6. Нестабильность политической ситуации в стране.
Сильные стороны	Слабые стороны
<ol style="list-style-type: none"> 1. Развитая сеть клиентских отделов, которая позволяет осуществить подключение услуг и оплату за их предоставление с минимизированными затратами временных и человеческих ресурсов. 2. Лидирующее положение на рынке телекоммуникационных услуг. 3. Высокие финансовые показатели компании на протяжении длительного периода. 4. Автоматизированная информационно-справочная система абонента (оплата услуг, отслеживание потребляемого трафика, переход на альтернативные тарифные планы, блокировка/разблокировка доступа). 5. Широкая перечень тарифных планов, которая удовлетворяет критериям выбора большинства слоёв населения. 6. Возможность оплаты подключения и использования услуг в рассрочку, а также бесплатные предложения. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Стоимость оказания услуг выше по сравнению с конкурентными структурами. 2. Высокая степень загруженности технической поддержки и операторов группы продаж, что может увеличить время ожидания абонентов ответа специалиста. 3. Качество предоставления услуг зависит от индивидуальных технических характеристик телефонной линии. 4. Себестоимость 1 комплекта оборудования намного выше дохода, который может принести один отдельно взятый абонент.

SWOT-анализ – метод стратегического планирования, заключающийся в выявлении факторов внутренней и внешней среды организации и разделении их на четыре категории: Strengths (сильные стороны), Weaknesses (слабые стороны), Opportunities (возможности) и Threats (угрозы)[6].

Рассмотренные аспекты SWOT-анализа деятельности фирмы ОАО «Ростелеком» и соотношение сильных сторон с возможностями компании позволяет сформировать ряд предложений, дальнейшая реализация которых может привести к укреплению конкурентного положения предприятия на рынке теле-

коммуникационных услуг, а также будет способствовать ликвидации слабых составляющих и угроз со стороны микросреды.

Чтобы сохранить и укрепить лидирующие позиции, которые занимает компания на рынке телекоммуникационных услуг, рекомендуется использовать базовую стратегию дифференциации, она поможет привлечь потенциальных клиентов, а также удержать постоянных. На сегодняшний день российский бизнес нуждается в исследовании и открытии новых сегментов рынка в изменяющихся условиях внешней среды.

Литература

1. Акулич, И. Л. Маркетинг [Текст] / И. Л. Акулич. – М. : Высшая школа, 2000. – 447 с.
2. Борисов, А. Б. Большой экономический словарь [Текст] / А. Б. Борисов – М. : Книжный мир, 2003. – 143 с.
3. Герасимова, В. И. Анализ хозяйственной деятельности [Текст] / В. И. Герасимова. – М. : Юрайт, 2008. – 380 с.
4. Маркова, В. Д., Кузнецова, С. А. Стратегический менеджмент [Текст] / В. Д. Маркова, С. А. Кузнецова. – М. : ИНФРА-М, 2002 – 274 с.
5. Савицкая, Г. В. Экономический анализ [Текст] / Г. В. Савицкая. – М. : Колос, 2006. – 320 с.
6. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс] URL : <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 15.09.2014).
7. Официальный сайт Белгородского филиала ОАО «Ростелеком» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://belgorod.rt.ru/>

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

С. С. Борисов,

ассистент кафедры

социологии и организации работы с молодежью, НИУ «БелГУ»

С. Ю. Баранова,

магистр,

кафедра региональной экономики, НИУ «БелГУ»

В эпохе позднего модерна, в которой в данный момент находится наша страна, происходит процесс трансформации всех общественных институтов. Не составляют исключения и институты гражданского общества. Традиционные формы таких базовых общественных институтов как, например, семья и религия, преобразуются в новые, более близкие идеологии либерализма. Этот процесс накладывает отпечаток на все общество. Естественно процесс профессионального выбора выпускника школы также подвержен влиянию трансформации этих институтов. Во-первых, это влияние выражается в изменении установок на труд. Труд давно стал ценностью инструментальной. Навянные западным обществом идеалы материального успеха делают основным мотивом выбора профессиональной деятельности – деньги. Для человека придерживающегося либеральной идеологии нет незыблемых ориентиров. Его идеалы – идеалы все-

дозволенности. А профессионализм в труде, как писал еще Макс Вебер, всегда носит отпечаток аскетизма.

Естественно, нынешние индивидуалистские ценности не способствуют ориентации на труд, а развращают людей. Ведь в либеральной идеологии правильно то, что хорошо для человека. В настоящее время традиционные, общинные ценности уступают место индивидуализму с совершенно иными ценностями и представлениями о труде. В качестве иллюстрации таких ценностей у школьников, кажется целесообразным привести результат нашего наблюдения. Взгляды на труд старшеклассников любящих играть в компьютерные игры, содержат лишь желания продолжать беспрепятственно играть. Не занять свою нишу в многообразии профессий а просто играть. И если уж придется зарабатывать самим, то играя. Многие таким образом и пытаются обеспечивать себя, продавая различные услуги и предметы в онлайн играх. Для них труд – зло, дискомфорт и противоречит идее свободного гедонистического существования.

Необходимо отметить, что для общественного блага и счастья человека необходима ориентация на труд как ценность терминальную. Ведь большая часть нашей жизни проходит именно в труде, и от того каким трудом будет заниматься человек, будет это его призвание или досадная необходимость зарабатывать денег, зависит очень многое: душевное спокойствие человека, его развитие, профессионализм, интегрированность в общество и т.д. От отношения к труду во многом зависит личное счастье человека и процветание общества. Ведь если каждый будет заниматься именно тем делом к которому у него есть способности, которым он хочет заниматься, которое нужно обществу, то каждый сможет достичь в подобном деле больших успехов.

К сожалению, сейчас, ввиду вышеназванных причин и не только их, развивается такое явление как полупрофессионализм. Под это определение попадают люди, работающие не по полученной специальности, совместители. Растет прослойка людей непрофессионально занятых, т.е. занятых в труде, требующем не столько профессиональных знаний, умений, навыков, сколько повседневной и социальной компетентности, определенных личностных качеств. Помимо прямого вреда государству и обществу эти тенденции уменьшают сумму личного счастья и благополучия самих горе-специалистов и их семей [1, 18]. Таким образом, представляется чрезвычайно актуальным противодействовать существующей и продолжающейся трансформации институтов современного российского общества. На самом высшем уровне это должно выглядеть в виде отказа от ценностей либеральной идеологии, распространяемых разлагающимся западным обществом, постепенно переходящим в эпоху постмодерна. Разработка механизмов трансформации нашего общества в соответствии с этим императивом не входит в задачи данной статьи и работы нашего коллектива в целом. Мы работаем на более конкретном уровне. А именно, для содействия школьнику в правильном профессиональном выборе нам кажется наиболее целесообразным создать единую, сквозную, социально-психолого-педагогическую технологию профессиональной ориентации. Причем очень важно начинать процесс профессионального ориентирования не со школьных лет, а с этапа детского сада. На данном этапе предлагается прививать ребенку

любовь не к отдельной профессии, а к труду в целом. Ведь тот, кто любит трудиться, непременно найдет себе профессию по душе и по плечу. К сожалению, упомянутые выше трансформации института семьи способствуют обратному процессу. Либеральная идеология вседозволенности и гиперопеки над ребенком, производит на выходе из школы инфантильных, ничего не желающих подростков не способных к труду. Желаящих быть успешными, но не с помощью труда. Во время учебы в университете часто приходилось слышать выражения: «Да я не знаю (о дальнейшем трудоустройстве) куда, может в офис там какой-нибудь тысяч на 15 чтоб особо не делать ничего». Подобная установка может господствовать по причине «ленной» установки на труд формируемой в семьях. Еще одной причиной служит неудачный выбор будущей профессии школьником. Дело в том, что выпускники средних школ зачастую выбирают профессии руководствуясь не объективными факторами, такими как советы друзей и родителей, выбирают вуз располагающийся ближе к дому, специальность, на которую легче всего поступить и т.д. Также очень часто представления выпускников о жизненном успехе, мало соотносятся с востребованностью профессий на рынке труда. Существенное влияние подобных факторов значительно снижает шансы молодого человека выбрать востребованную профессию. В проведенном нами исследовании, часть данных которого представлена, например, в [2, 92], хорошо видно, что основные субъекты, информирующие и оказывающие влияние на профессиональный выбор школьника, не являются специалистами в деле профориентации. Самые влиятельные среди них: родители (22% для девушек и 19% для юношей), интернет (11% для девушек и 10% для юношей) и друзья (5% и 10% соответственно). А профессиональные субъекты, (профориентатор, школьный психолог, работники службы занятости населения), способные помочь сделать действительно обоснованный выбор, почти не имеют влияния.

Соответственно абитуриенты выбирают не востребованные обществом профессии, а во-первых модные (экономический, юридический и т.д. типы профессии), а во-вторых те, для поступления на которые им хватает балла ЕГЭ. В сентябре этого года нами было проведено исследование, целью которого было показать распределение наиболее подготовленных в отношении успеваемости учеников по факультетам БелГУ. Таким образом выявить самые обеспеченные квалифицированными кадрами профессии в будущем. За меру подготовленности были взяты полученные на ЕГЭ баллы, которые в свою очередь были укрупнены в градации: 281-241 набранный балл – самые подготовленные, 240-200 баллов – хорошо подготовленные, 199-159 – слабо подготовленные и 158-118 – наименее подготовленные. В результате было выявлено во-первых, довольно большое количество неподготовленных к обучению в вузе поступивших. Они могли бы овладеть, например, востребованными рабочими профессиями в соответствии со своими способностями. Но для этого, видимо, оказалась недостаточной проводимая профориентационная работа в школах. Во-вторых то, что больший прирост в работниках потенциально высшей квалификации получают типы профессий, не востребованных на рынке труда, разве что, кроме медицинского. Такие как экономический или юридический тип профессии. А востребованные с одной стороны государством (математики и естественнона-

учного образования, горного дела и природопользования, информационные технологии и прикладная математика), с другой стороны рынком труда (инженерный тип профессии) получают наиболее квалифицированных специалистов либо в меньшей степени (горного дела и природопользования – 1 поступивший, информационные технологии и прикладная математика – 3 поступивших) чем модные но невостребованные рынком труда профессии, либо не получают вовсе (математики и естественнонаучного образования – 0 наиболее подготовленных поступивших). Вследствие этого рассогласования неверно сформированных ожиданий учащихся и потребностей рынка труда специалистов и государства, прогрессирует описанное выше явление полупрофессионализма. Талантливые школьники, которые впоследствии могли бы занять действительно важные и нуждающиеся в кадрах профессии и обеспечить тем самым будущее процветание государства вынуждены искать себе работу не по полученной квалификации. Получается, что в нашем обществе существует и прогрессирует «кадровый голод». В условиях этого феномена нельзя говорить не то что о прогрессе, а о простом поддержании и выполнении существующих в нашем обществе кадровых функций. О недостаточной подготовленности кадров писал Преслегин С.Б., сообщая, что практически все авиационные происшествия последнего времени произошли в результате предельно неквалифицированных действий летного или наземного персонала. Вследствие тех же причин произошли и другие крупные аварии на производствах, АЭС и т.д. [3]. Развитие и поддержание технологических цепочек требует высококвалифицированных кадров, а при феномене полупрофессионализма трудно обеспечить кадрами даже традиционные области производства. Поэтому лучше для всех, когда каждый человек занимает то место, на которое он годен. И помощником в определении этого аспекта жизни как раз должна стать разрабатываемая нами технология.

Таким образом, мы попытались показать, во-первых, пагубное воздействие либерализации основных общественных институтов на процесс профессионального становления школьника, в частности изменение установки на труд. Во-вторых, сильнейшую важность как для общества так и для человека процесса обретения личностью профессии по душе и по плечу. Данная статья является лишь попыткой привлечения внимания исследователей к проблеме воздействия либерализации на процесс профессионального становления личности. Безусловно, эта проблема нуждается в гораздо более глубоком исследовании.

Литература

1. Фомин, В.Н. Профессиональное становление и профессиональное определение личности: актуализационно-потенциальный подход [Текст] / В.Н. Фомин. – Белгород : Изд-во БГТУ, 2009. – 163 с.
2. Борисов, С.С., Фомин В.Н. Исследование состояния профессиональной ориентированности выпускников школ г. Белгорода и Белгородской области // Белгородская городская агломерация как субъект опережающего развития: матер. научно-практической конференции. Т. 1 / под ред. С.А. Боженова, Ю.В. Астахова, К.В. Харченко [Текст] / С.А. Боженова, Ю.В. Астахова, К.В. Харченко. – Белгород : КОНСТАНТА, 2014. – С. 92 – 97.
3. Переслегин, С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске [Текст] / С.Б. Переслегин. – М. : АСТ, 2005. – 619 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

А.А. Гридчин,
*доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии и управления,
БГТУ им. В.Г. Шухова*

Регулирование социального конфликта означает целенаправленное воздействие на:

- а) его участников, изменение их роли в конфликтном взаимодействии;
- б) содержание конфликта, т.е. на предмет конфликтных притязаний, характер конфликтных действий и взаимодействий; результаты и последствия этих действий;
- в) формы проявления конфликтного взаимодействия, изменение его масштаба (в направлении локализации или, напротив, глобализации);
- г) изменение фазы (стадии) конфликтного взаимодействия, его продолжительности и интенсивности;
- д) изменение темпа и ритма конфликтного взаимодействия, его направления.

Если принять во внимание функции социального конфликта, то смысл регулирования заключается при этом в трех взаимосвязанных действиях, а именно:

- 1) в ограничении и блокировании деструктивных функций социального конфликта;
- 2) в содействии конструктивным (положительным) функциям конфликта;
- 3) в поиске и использовании альтернативных механизмов реализации и функций конфликта. Так, например, диагностическая может быть заменена функцией ранней диагностики социальной напряженности, адаптивно-стимулирующая функция – функцией межгруппового соревнования и т.д.

С учетом переменных социального конфликта и механизма воздействия на них, можно определить задачи регулирования.

1. Обострение конфликтного взаимодействия с целью ускорения процесса его последующего разрешения.
2. Направленное воздействие на ослабление конфликта и его постепенное затухание посредством «разведения» конфликтующих сторон и минимизации зоны столкновения их интересов.
3. Перевод конфликта в принципиально новый и, тем самым, девальвация значимости исходного конфликта.
4. Создание условий для победы одной из конфликтующих сторон и признания поражения другой стороной.
5. Содействие прекращению конфликта за счет ограничения ресурсов конфликтующих сторон и последующего истощения ограниченных ресурсов.
6. Содействие прекращению конфликта посредством стимулирования взаимных сторон и достижения между ними компромисса

7. Содействие прекращению конфликта посредством поиска и нахождения взаимовыгодного варианта его разрешения.

К настоящему времени сложилось несколько концептуальных подходов к регулированию социальных конфликтов. В числе наиболее известных и распространенных – *концепция принудительного регулирования*.

Согласно этой концепции наиболее эффективный и чуть ли не единственный способ регулирования конфликта – принуждение. Принуждение может быть внутренним или внешним. Внутреннее принуждение в свою очередь может быть односторонним или двусторонним. В первом случае принуждение оказывается одной из конфликтующих сторон; во втором случае каждая из конфликтующих сторон пытается оказывать давление на противоположную сторону. Результатом этих попыток становятся чаще всего либо обострение конфликта, либо достижение компромисса.

Альтернативная, во многом даже противоположная предыдущей является *концепция спонтанного саморегулирования*, согласно которой не следует вмешиваться в конфликт. Вмешательство приводит к его обострению. Нужно терпеливо дожидаться момента, когда конфликт затихнет, исчерпает самого себя.

В рамках данной концепции представляют интерес положения, относящиеся к возможным исходам конфликта.

Их обобщенное и систематизированное выражение нашло в работе А.А. Белова, который выделяет десять возможных вариантов исхода конфликтов [1]:

1. Полное прекращение конфронтации путем взаимного примирения сторон на какой-либо основе.

2. Исчезновение конфронтации, когда одна из сторон выходит победителем, а другая признает себя побежденной и подчиняется победившей стороне или когда обе стороны в различной степени удовлетворяют свои притязания. В этом случае латентный конфликт остается.

3. Исчезновение конфронтации, когда обе стороны проигрывают и получают «негативное» удовлетворение, например, в результате полного или частичного истощения ресурсов оппонирующих сторон. Такой результат не может быть деструктивным для противоборствующих групп.

4. Дальнейшее нарастание конфронтации и выход конфликта на новый виток развития.

5. Ослабление конфликта путем взаимных уступок или частичных уступок одной из сторон (достижение компромисса).

6. «Трансформация» конфликта в принципиально новый, разрешение которого снимает первоначальный конфликт или оставляет его неурегулированным, но «затмевает» его своим эффектом или отодвигает на второй план, вызывает состояние перманентной конфликтности.

7. Прекращение конфликта в результате сотрудничества противоборствующих сторон для выработки решения, удовлетворяющего обе стороны.

8. Прекращение конфликта на принципиальной организационно-нормативной основе.

9. Постепенное затухание конфликта путем его самопроизвольного течения, когда участники конфликта не предпринимают решительных действий по его ликвидации.

10. Организационное (механическое) уничтожение конфликта: расформирование подразделения, уход одного из участников конфликта из организации и т.д.

Концепции принудительного регулирования и спонтанного саморегулирования являются крайними в интервале существующих концептуальных представлений о характере и способах регулирования конфликта. Остальные концепции занимают промежуточное положение и отличаются сравнительно большей умеренностью в выборе средств и способов регулятивного воздействия.

В их числе – *концепция трансформационного регулирования*, суть которой заключается в разрешении конфликта через конфликт. Это означает, во-первых, придание конфликту управляемой формы, во-вторых, постепенное ослабление конфликта вплоть до установления режима сотрудничества между конфликтующими сторонами.

Основные изменения в парадигме исследования конфликтов, оказавшие влияние на отношение к ним и практику работы с ними, Н.В. Гришина формирует в виде нескольких тезисов [2].

1. Конфликт – это распространенная черта социальных систем, он неизбежен и неотвратим, а потому должен рассматриваться как естественный фрагмент человеческой жизни. Хотя конфликт, возможно, и не лучшая форма человеческого взаимодействия, мы должны перестать воспринимать его как какую-то патологию или аномалию. *Конфликт – это нормально.*

2. Конфликт не всегда и не обязательно приводит к разрушениям. Напротив, это один из главных процессов, служащих сохранению целого. Конфликт не следует воспринимать как однозначно деструктивное явление и так же однозначно оценивать. Современное понимание конфликтов предполагает, что *конфликт – это необязательно плохо.*

3. Конфликт содержит в себе потенциально позитивные возможности. Общая идея положительного эффекта конфликтов сводится к следующему: «продуктивность конфронтации проистекает из того факта, что конфликт ведет к изменению, изменение ведет к адаптации, адаптация ведет к выживанию». В конфликте потенциально заложено мощное конструктивное начало, а значит *конфликт – это может быть хорошо.*

4. Конфликт может быть управляем таким образом, что его негативные, деструктивные последствия могут быть минимизированы или элиминированы, а конструктивные возможности усилены.

Это означает, что *конфликт – это то, с чем можно работать.*

К рассмотренному концептуальному подходу близка *концепция кооперативного регулирования*, наиболее видным представителем является М. Дойч. Смысл данной концепции – всемерное стимулирование возможных форм сотрудничества конфликтующих сторон и постепенный отход от жестких конкурентных отношений.

М. Дойч, обобщив результаты своих многочисленных исследований, а также работ других авторов, следующим образом сформулировал различия по ряду параметров между группами, вовлеченными в процесс кооперативного или конкурентного взаимодействия [3].

1. Коммуникация:

а) кооперативный процесс характеризуется открытой коммуникацией и честным обменом информацией между участниками, которые заинтересованы информировать и быть информированными;

б) конкурентный процесс характеризуется недостаточной коммуникацией между участниками, попытками разными способами получить информацию о других, снабжая тех в свою очередь вводящей в заблуждение информацией.

2. Восприятие:

а) кооперативный процесс усиливает восприимчивость участников к сходству и общности интересов, стимулирует конвергенцию их представлений и ценностей и, напротив, снижает тенденцию к подчеркиванию различий. Также усиливается способность принимать другую точку зрения;

б) конкурентный процесс имеет тенденцию усиливать восприимчивость к различиям и опасности, идущей от других, и минимизировать сходство с ними. Возникает чувство полной оппозиции: «Ты плохой, я хороший».

3. Установки по отношению друг к другу:

а) кооперативный процесс ведет к доверительным, дружественным установкам относительно друг друга, увеличивает желание помогать другим, способствует взаимному принятию и ожиданию быть принятым;

б) конкурентный процесс ведет к подозрительным, враждебным attitudes, усиливает готовность негативно реагировать на просьбы и потребности других, способствует взаимному отвержению и ожиданию быть отвергнутым.

4. Ориентация на задачу:

а) кооперативный процесс стимулирует тенденцию участников подходить к решению общей задачи с использованием их индивидуальных возможностей и делает их способными заменять друг друга в совместной работе;

б) конкурентный процесс затрагивает разделение ресурсов и труда, а также координацию действий таким образом, что страдает продуктивность выполнения задач, которые были бы оптимальнее решены в ходе взаимосвязанной работы. Конкуренция стимулирует точку зрения, в соответствии с которой конфликты могут разрешаться только в результате навязывания одной стороне позиции другой. Усиление собственной мощи и ослабление другой стороны становятся целями участников, что увеличивает масштабы конфликтных проблем. Для влияния на других используются насилие, тактика угроз и хитрости.

Чтобы достичь разумного решения в процессе урегулирования социальных конфликтов, необходимо примирить интересы, а не позиции. В этом смысле *концепции позиционного регулирования*. Р. Фишер и У. Юри – основатели этой концепции – приводят для ее иллюстрации ситуацию, когда два человека ссорятся в библиотеке. Один из них хочет открыть окно, другой предпочитает закрытое окно. Они спорят, насколько его открыть: оставить щелочку, открыть наполовину или на три четверти. Ни одно из решений не устраивает обоих. Входит библиотекарь и спрашивает одного из них, почему он хочет открыть окно. Тот отвечает: «Для свежего воздуха». Она спрашивает второго, почему он хочет, чтобы окно было закрыто. «Чтобы избежать сквозняка», – отвечает он. После минут-

ного раздумья она широко открывает окно в соседней комнате, и свежий воздух поступает без сквозняка [3].

Этот пример типичен для многих спорных ситуаций. Поскольку проблема сторон представляется конфликтом между позициями и поскольку цель состоит в том, чтобы согласиться по поводу какой-то позиции, люди, естественно, думают и говорят о позициях и в итоге часто заходят в тупик. Библиотекарь не смогла бы найти выход, если бы сосредоточилась только на двух выявленных позициях обоих читателей о закрытом или открытом окне. Вместо этого она обратилась к их истинным интересам – получить свежий воздух и избежать сквозняка. Эта разница между позициями и интересами является решающей.

Основная проблема социальной напряженности заключается не в конфликтных позициях, а в расхождении между нуждами, желаниями, заботами и опасениями каждой из сторон. Интересы являются мотивом поведения людей, они являются молчаливой движущей силой на фоне гама и шума из-за позиций. «Ваша позиция – это нечто, о чем вы приняли решение. Ваши интересы – это нечто, что заставило вас принять решение» [4].

Успешное сглаживание интересов, а не позиций срабатывает по двум причинам. Первая – для удовлетворения каждого интереса обычно существует несколько возможных позиций. Нередко люди просто принимают какую-то одну определенную и жесткую позицию. Но стоит только попытаться разобраться в мотивировке интересов, как почти наверняка обнаруживается альтернативная позиция, охватывающая интересы обеих сторон. Вторая причина – примирение интересов вместо достижения компромисса между позициями работает и потому, что за противоположными позициями скрывается гораздо больше интересов по сравнению с теми, которые вошли в противоречие [5].

Концепция коммуникативного регулирования. Смысл данной концепции – в установлении эффективной коммуникации между конфликтующими сторонами. Критерием такой коммуникации выступает взаимопонимание конфликтующих сторон [6].

Эффективная коммуникация осуществляется посредством диалога, спора, переговоров и дискуссии [7].

Наши успехи или неудачи, удовлетворение или стрессы в значительной степени зависят от того, каким образом мы разговариваем, как ведем диалог, как общаемся с другими людьми. Помехой в коммуникации является каждый фактор, затрудняющий обмен информацией – диалог между сторонами коммуникации. К таким факторам можно отнести, например, шум улицы, языковые различия, а также более скрытые, такие, как различия в восприятии, эмоциональные состояния (гнев, страх, обеспокоенность, зависть, недоверие), а также несоответствие передачи и восприятия вербальных и невербальных сигналов.

К диалогу близка по содержанию и процедура проведения такого вида коммуникации, как *спор*. «Спор – это характеристика процесса обсуждения проблемы, способ ее коллективного исследования, при котором каждая из сторон, аргументируя (отстаивая) и опровергая (оппонируя) мнение собеседника (противника) претендует на монопольное установление истин».

Еще один вид коммуникации, имеющий принципиально важное значение для конфликтного менеджмента, – это *дискуссия*. Многие рассматривают ее как деятельность, которая в отличие от спора не разъединяет, а соединяет стороны. Признаки дискуссии связаны с организованностью, упорядоченностью, коллективной деятельностью по прояснению истинности каждого тезиса [8].

Особо важное место в конфликтном взаимодействии и при урегулировании конфликтов занимают *переговоры*. «В широком смысле переговоры можно определить как специфический тип регулирования институционализированного конфликта. Более узко переговоры – искусство взаимодействия с человеком или группой, обладающих несходными взглядами, с целью выработать взаимовыгодное соглашение» [9]. Причем, фраза «взаимовыгодное соглашение», как отмечает Д.В. Калашников, является ключевой, т.к. большинство переговоров, особенно между работодателем и служащим, проводятся как между противниками, по принципу «выигрыш – проигрыш», когда участники стараются перехитрить друг друга, заключить сделку за счет противника. Не является эффективной альтернативой и компромисс, который разочаровывает обе стороны: каждую убеждают уступить по важному для нее вопросу, дабы прийти к мнимому соглашению [10].

Переговоры являются одним из способов устранения конфликтов путем компромисса (в положительном смысле этого слова). Они считаются также лучшим способом снятия напряжения в межличностных контактах, поскольку не влекут за собой столько негативных последствий, сколько борьба или покорность, а по мере возможности позволяют учитывать интересы обеих сторон конфликта. Использование симметричной схемы «выигравший – выигравший» вместо доминировавшей до сих пор схемы «выигравший – проигравший» позволяет обеим сторонам получить определенную выгоду [11].

Концепция посреднического регулирования. Посредничество имеет широкое распространение при регулировании различного вида конфликтов – от международных до семейных [12]. Имея в виду это обстоятельство, сторонники посредничества рассматривают его в качестве основного, чуть ли не единственного способа регулирования социальных конфликтов [13]. Но, вместе с тем, использование посредничества связано с определенными ограничениями [14].

Принимая во внимание четыре основных признака классического посредничества (добровольность участия, нейтральность посредника, фасилитацию процесса разрешения проблемы и конфиденциальность процедуры), Ю.В. Карпенков выделяет и рассматривает четыре ограничения на организацию посреднической деятельности в современной России.

Первое ограничение – финансовое.

Второе ограничение – позиционное.

Третье ограничение: структурное.

Четвертое ограничение: культурное [15].

Концепция арбитражного регулирования. Согласно этой концепции, регулирование социальных конфликтов осуществляется арбитрами (третьейскими судами),

которым конфликтующие стороны *по соглашению* передают свои притязания и принимают обязательства *добровольно* исполнить принятые решения [16].

Арбитражное регулирование в условиях современной России осуществляется: а) через государственный арбитражный суд [17]; б) через третейский суд (регулирование предпринимательских конфликтов) [18]; в) через трудовой арбитраж (регулирование трудовых споров, конфликтов) [19].

В качестве основных принципов арбитражного суда определены: 1) независимость судей арбитражных судов, 2) законность при рассмотрении дел арбитражным судом, 3) равенство всех перед законом и судом, 4) равноправие сторон, 5) состязательность, 6) непосредственность судебного разбирательства, 7) гласность судебного разбирательства [20].

Третейские суды имеют ряд принципиальных преимуществ по сравнению с обычным арбитражным судом. Прежде всего, это негосударственный независимый арбитраж. Подведомственность споров у него – исключительно добровольная, основанная на соглашении сторон.

Регулирование предпринимательских споров (конфликтов) посредством третейского суда предполагает выполнение определенных процедурных условий. Рейтинг их сравнительной значимости: независимость третейского суда, добровольный выбор третейского суда, оперативность разбирательства спора (конфликта), ограничение разбирательства пределами исковых требований; возможность урегулирования спора на любой стадии судопроизводства; конфиденциальность решений и сохранение коммерческой тайны, ориентация на интересы предпринимателей, открытость действий сторон при защите своих интересов (вследствие отсутствия строгих процессуальных требований), состязательность сторон, отсутствие штрафных санкций за несоблюдение мер по обеспечению иска и исполнения решения, отказ от внесения частных определений в адрес организаций и должностных лиц (при условии нарушения законодательства и иных нормативных актов), отказ от претензионного урегулирования споров.

Арбитраж используется при урегулировании не только предпринимательских споров (в виде третейского разбирательства), но и трудовых конфликтов. Трудовой арбитраж создается для рассмотрения коллективного трудового спора с целью его разрешения в следующих случаях:

- при достижении сторонами коллективного трудового спора согласия после его рассмотрения примирительной комиссией и с участием посредника;
- уклонение работодателя от участия в создании или работе примирительной комиссии.

Концепция рефлексивного регулирования. По определению, сформулированному В. Лефевром, рефлексивное управление – это способ управления, при котором основания для принятия решения передаются одним из действующих лиц другому [21]. Это означает, что один из соперников пытается передать и внедрить в сознание другого такую информацию, которая заставляет этого другого действовать так, как выгодно тому, кто передал данную информацию. Таким образом, любые «обманные движения», провокации, интриги, маскировки, создание ложных объектов и вообще любая ложь представляют собой рефлексивное управле-

ние. Причем ложь может иметь сложное строение, например, передача правдивой информации, чтобы ее приняли за ложную. Для того чтобы понять, каким образом осуществляется рефлексивное управление в конфликте, воспользуемся примером приведенным В. Лефером [22].

Во II тысячелетии до н.э. библейский полководец Гедеон использовал светильники как средство рефлексивного управления своим противником – армией мадианитян. По нормам тех времен на каждую сотню бойцов полагался один трубач и один факельщик. Гедеон постарался довести эти нормы до сведения мадианитян, после чего каждому из 300 бойцов выдал по факелу и по трубе и ночью провел демонстрацию. Произведя несложные подсчеты, мадианитяне предположили, что войско Гедеона составляет 30 тыс. человек, и обратились в бегство. Противнику передавался репер – светильники. Фактически цель – избежать столкновений – была передана посредством картины плацдарма, а последняя – с помощью репера [23].

Концепция превентивного регулирования. Данная концепция нацелена на выявление условий и путей предупреждения конфликтов, их недопущения [24]. Легче не довести напряженную ситуацию до конфликта, чем тратить потом время и ресурсы на его разрешение. Эта концепция нашла, в частности, освещение в работах Н.С. Данакина, Л.Я. Дятченко [25]. Они выделяют и рассматривают девять способов профилактического воздействия.

1. Просветительская профилактика – человек не допускает отклонений в поведении, поскольку узнает о том, что задуманное им действие осуждается обществом.

2. Уведомляющая профилактика – человек лично уведомляется о нежелательных последствиях его действий.

3. Предупреждающая профилактика – человек предупреждается о возможных санкциях.

4. Упреждающая профилактика – упреждается совершение нежелательных действий.

5. Упорядочивающая профилактика – вносится определенный порядок в поведение конфликтующих сторон, позволяющий осуществлять эффективность контроля.

6. Разрешающая профилактика – превентивное разрешение жизненных затруднений и проблем конфликтующих сторон.

7. Релаксационная профилактика, смысл которой – в снятии или преобразовании негативных эмоциональных состояний в позитивные.

8. Отвлекающая профилактика, т.е. отвлечение от сомнительных намерений и действий.

9. Замещающая профилактика, т.е. предложение социального заменителя по принципу «свято место пусто не бывает».

Таким образом, в ходе диссертационного исследования выделено и рассмотрено десять концепций регулирования социальных конфликтов, различающихся тем, какому способу регулятивного воздействия отдается предпочтение. Эти различия предоставлены в наглядном и систематизированном виде в таблице.

Концепции регулирования социального конфликта

№ п/п	Название концепции	Предпочитаемый способ регулятивного воздействия
1.	Концепция принудительного регулирования	Применение силовых методов, принуждение
2.	Концепция спонтанного саморегулирования	Спонтанное изменение конфликта
3.	Концепция трансформационного регулирования	Перевод конфликта в приемлемый, регулируемый режим
4.	Концепция кооперативного регулирования	Преобразование соперничества конфликтующих сторон в сотрудничество
5.	Концепция позиционного регулирования	Примирение позиций конфликтующих сторон посредством нахождения взаимовыгодного варианта разрешения конфликта
6.	Концепция коммуникативного регулирования	Обеспечение коммуникаций конфликтующих сторон посредством диалога, спора, дискуссии, переговоров
7.	Концепция посреднического регулирования	Посредничество, медиация
8.	Концепция арбитражного регулирования	Арбитраж, третейское разбирательство
9.	Концепция рефлексивного регулирования	Передача оснований для принятия решения одной из конфликтующих сторон другой
10.	Концепция превентивного регулирования	Ослабление или устранение причин возможного конфликта

Литература

1. Белов, А.А. Аналитические модели организационного конфликта / А.А. Белов. – Белгород : Изд-во БелГУ, 1998.
2. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – СПб : Питер, 2002.
3. Deutsch, M. Distribute Justice: A Social-Psychological Perspective / M. Deutsch. – New Haven and London, 1985.
4. Фишер, Р. Путь к согласию, или переговоры без поражения / Р. Фишер, У. Юри. – М. : Наука, 1994.
5. Корнелиус, Х. Выиграть может каждый. Как разрешать конфликты / Х. Корнелиус, Ш. Фэйр. – М.: АО Стрингер, 1992.
6. Фишер, Р. и Юри, У. Указ. Соч.
7. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологич. исследования. – 1998. – № 3.
8. Данакин, Н.С. Коммуникативная технология / Н.С. Данакин, И.В. Конев, М.В. Коротницкая. – Белгород: Изд-во БГТУ им. Б.Г. Шухова, 2007.
9. Андреев, В.И. Конфликтология (искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов) / В.И. Андреев. – М: Народное образование, 1995.
10. Круликовский Т. Коммуникативные основы конфликтного менеджмента: Автореф. дисс. ... канд. социолог. наук / Т. Круликовский. – Орел, 2003.
11. Алексеев, А.В. Посреднические технологии регулирования социальных конфликтов: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / А.В. Алексеев. – Орел, 2005
12. Гришина, Н.В. Обучение психологическому посредничеству в разрешении конфликтов / Н.В. Гришина // Московский психотерапевтический журнал, 1992. – № 2.
13. Кейтнер, Дж. Увядание посредничества / Дж. Кейтнер // Социальный конфликт. – 1998. – № 4.
14. Карпенков Ю.В. Ограничения и перспективы классического посредничества в России // Социальный конфликт. – 1998. – №7.

15. Конев, И.В. Арбитражно-посреднические технологии регулирования социальных конфликтов / И.В. Конев, А.В. Сакулин. – Белгород: Изд-во БГТУ им. Б.Г. Шухова, 2008.
16. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (принят ГД ФС РФ 14.06.2002) (ред. от 27.12.2005, с изм. от 02.03.2006), // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
17. Федеральный закон от 24.07.2002 N 102-ФЗ "О третейских судах в Российской Федерации" (принят ГД ФС РФ 21.06.2002),// "Собрание законодательства РФ", 29.07.2002, N 30, ст. 3019.
18. Постановление Минтруда РФ от 14.08.2002 N 59 «Об утверждении рекомендаций об организации работы по рассмотрению коллективного трудового спора в трудовом арбитраже» // «Бюллетень Минтруда РФ», N 8, 2002.
19. Сакулин, А.В. Арбитражные технологии регулирования социальных конфликтов: Автореф. дис. ... канд. социолог. наук / А.В. Сакулин. – Орел, 2007.
20. Лефевр, В. Конфликтующие структуры / В. Лефевр. – М.: Мир, 1972.
21. Лефевр, В. Конфликтующие структуры / В. Лефевр. – М.: Мир, 1972.
22. Особенности рефлексивного регулирования социального конфликта раскрываются также в работах А. Рапопорта. См.: Рапопорт, А. Конфликт – консенсус как поле для «рефлексивной политики» / А. Рапопорт // Полис. – 1999. – № 1.
23. Соловьев, А. Превентивное управление конфликтом: есть ли необходимость говорить об этом? / А. Соловьев // Человек и труд. – 1998. – № 9.
24. Соловьев, А. Превентивное управление конфликтом: есть ли необходимость говорить об этом? / А. Соловьев // Человек и труд. – 1998. – № 9.
25. Данакин, Н.С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления / Н.С. Данакин. – М.: Белгород: Центр социальных технологий, 1996; Дятченко, Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами / Л.Я. Дятченко. – М. – Белгород: Центр социальных технологий, 1993.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ НА УКРАИНЕ)

Н.О. Гордеева,

*кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии и организации
работы с молодежью, НИУ «БелГУ»*

«Мудрый правитель не создаёт народу соблазнов, но заботится о том, чтобы народ был сытым. Это и ликвидирует страсти, и укрепляет здоровье у подданных. Да, мудрый правитель постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было соблазнов и страстей, а глубоко порочные люди не смели бы действовать». Лао-Цзы, «Дао-Дэ-Цзин»

Новое тысячелетие можно назвать эпохой перемен, охвативших все сферы жизнедеятельности украинского общества: экономическую, политическую, социальную, духовную. Изменения эти оказались настолько сильны, что затронули даже инертные структуры общественного сознания. Этот процесс отяго-

щен состоянием хронического эмоционального стресса, охватившим все слои населения и повлиявшим на сложные биосоциальные структуры.

Негативные явления повседневной жизни таких, как инфляция, социальная и политическая нестабильность вплоть до открытой агрессии против населения, отсутствие правовых гарантий, безработица и неопределенность будущего, и даже сама ситуация социальных и территориальных перемен, дали толчок социальной дезадаптации людей во множестве ее проявлений и развитию разнообразных девиаций. Этому предшествовали утрата прежних мировоззренческих ориентиров, что и привело к образованию ценностного "вакуума" в молодежной среде, который заполнился "псевдоценностями", навеянными кризисной ситуацией в обществе и чужой культурой. Благодаря этому иерархия общечеловеческих ценностей претерпела существенную деформацию.

В создавшихся условиях особое значение приобретают доверительные отношения, которые гармоничная семья способна обеспечить в большей степени, чем другие социальные структуры.

Трансформационные процессы, происходящие в нашем обществе, коснулись института семьи. Семья в Украине в течение XX столетия претерпела глубокие изменения, отразившиеся главным образом на ее основных функциях – хозяйственно-экономической, репродуктивной и воспитательной.

Семья, как и другие социальные институты, является специфическим образованием, обеспечивающим относительную устойчивость социальных связей и отношений в обществе. В последние годы бурных социальных перемен наблюдаются изменения института семьи не только на уровне отдельных функций, но и во всей своей структуре, носящие кризисный характер.

Наиболее тревожным в этом процессе можно считать возросшее число нестабильных браков, проблемных, незарегистрированных и неполных молодых семей с детьми, в том числе появление несовершеннолетних матерей-одиночек. К важной проблеме можно отнести настойчивые рекомендации западных коллег о такой модернизации украинской семьи, как легитимизация нового типа семьи – «брака-содружества, не характерного для славянского православного общества, как гиперболизированной формы эгалитаризации гражданского общества.

Что касается гражданского общества, то единого определения не существует, а соответствующее понятие, используемое в западной литературе, отражает историческую традицию западноевропейских стран последних двух сотен лет.

Этот термин в его современном употреблении относится к некоторой утопической модели общества (где гармоничное сосуществование индивидов и государства регулируется независимыми институтами).

Тему гражданского общества в ее соотношении с таким социальным институтом, как государство, можно отнести к классическим темам социальной и политической философии.

В социологии есть несколько конкурирующих определений того, что это понятие в себя включает. Тем не менее, его ключевые атрибуты, которые относятся скорее к общественной жизни, чем к частной или семейно-бытовой

деятельности; понятие сочетается с семьей и государством; оно существует в рамках правил и законности [14, Р. 74].

Похоже, что большинство представителей власти имеют в виду участие народа в общественных объединениях, средства массовой информации, профессиональные ассоциации, профсоюзы и т.п.

Для некоторых мыслителей (Гегель) это понятие, расположенное между индивидуальным (или семейным) и государственным, было явлением слишком кратковременным для того, чтобы быть трансцендентным (превосходным), когда сочетаются воедино личные и общественные интересы. Гегель указывал, что в гражданском обществе «каждый сам для себя цель, все остальное – ничто».

Для других исследователей «гражданское общество» противопоставляется государству, тогда как для Антонио Грамши (1959) гражданское общество было оплотом классовой гегемонии, и в конечном счете (хотя и не однозначно), поддерживающим именно государство. А.Грамши трактует «гражданское общество» как иную сферу доминирования руководящей группы, где ее господство выражается в «культурной гегемонии».

Позднее использование понятия опиралось 1) на опыт распада коммунизма в Восточной Европе и видимой атрофии несуществующего мезоуровня социальных отношений, 2) в сфере социальной самоорганизации, 3) на уровне сочленения интересов между частной/семейной сферой и тоталитарным государством.

Гражданское общество всегда рассматривалось как понятие, относящееся к динамике и охватывающее «социальные изменения». Его также предлагается рассматривать в качестве динамической стороны «гражданства», которое в сочетании с достигнутыми гражданскими правами и обязанностями, считается практичным, безупречным, обновленным и пересмотренным на уровне гражданского общества.

Таким образом, свобода слова как важнейшее гражданское право зависит как от культуры и организованности издателей с журналистами, так и читающей публики в целом, как для способа, которым это все легитимизируется, так и для его размаха с интенсивностью. [17].

Зрелость гражданского общества определяется способностью отдельных граждан и различных организаций отстаивать свои частные интересы, возможность их удовлетворения по собственному усмотрению, не нарушая при этом чужих частных и общественных интересов.

Как известно, среди основных видов социальных институтов гражданского общества можно выделить три группы. Это организации, в которых индивид: 1) получает средства к удовлетворению жизненных потребностей в пище, одежде, жилье и т. д. Эти средства индивид может получить в производственных организациях, потребительских и профессиональных союзах; 2) удовлетворяет потребности в управлении жизнью общества. Здесь интересы реализуются посредством участия в функционировании политических партий и движений и 3) удовлетворяет потребности в продолжении рода, общении, духовном и физическом

совершенстве и т. д. Этому способствуют семья, церковь, образовательные и научные учреждения, творческие союзы, спортивные общества и т. д.

В настоящее время трансформационные процессы в обществе искусственно эгалитаризируются, что, по мнению некоторых авторов (А.Г.Сытин), выводит исследователей на мысль о том, что это и есть основная особенность гражданского общества.

Профессор Вестминстерского университета, директор Центра изучения демократии (Лондон), рассматривает темы, ставшие центральными для демократической мысли, начиная с 18-го столетия. Опираясь на традиции европейской политической философии, Дж.Кин развивает идею о том, что подлинная демократия предполагает разграничение гражданского общества и государства.: Почему данная проблема вновь стала так важна в наши дни и с какими опасностями сталкиваются демократические институты в сегодняшней Европе? Автор пытается дать ответ на эти вопросы и утверждает, что гражданское общество должно рассматриваться как условие возможности эгалитарного многообразия [6].

Эгалитарное многообразие проявляется в структуре и функциях современной семьи.

Принадлежность супругов к различным культурным и социальным группам, разное образование, разные профессии нарушают гармонию. Как указано в литературе [5], чем резче разница в образовательном уровне жены и мужа (особенно при преимуществе жены), тем больше шансов, что брак завершится разводом. В то же время гомогенная семья, как правило, более устойчива, гармонична, эгалитарна. Такие семьи составляют около 70% общего числа семей [13, 138].

Следует отметить, что в периоды обострения национального шовинизма на государственном уровне особое внимание, как правило, уделяется семье, в частности, увеличению числа гомогенных браков.

В целом, характер отношений между полами обусловлен биологической необходимостью, с одной стороны, продолжения рода и сохранения вида, с другой – регулирования эмоциональных состояний для получения наслаждения. В отличие от эгалитарной, в традиционной патриархальной семье за супругами в строгом соответствии с полом закреплены определенные роли: жена – это мать и хозяйка дома; за мужем – материальное обеспечение семьи и инициатива в отношениях интимного характера [1, С.31]. Такой тип власти общепринят и часто узаконен в Таиланде, Японии, Германии, Иране, Бразилии и др.»

В последние годы во многих индустриально развитых странах произошел переход от патриархальной к эгалитарной семейной системе. В основном это обусловлено увеличением числа работающих женщин. При такой системе власть распределяется между мужем и женой почти в равной мере [10, С. 40].

Между традиционной и эгалитарной семьями имеется ряд переходных форм. Так, английские исследователи (Nye, 1976) выделяют новый тип отношений и распределения власти в семье, определенный ими как “companionship», или “брак-содружество» (ставший распространенным во многих цивилизованных странах), где один из супругов по отношению к другому выполняет также роль друга [16, Р.21].

К возрастанию доли эгалитарных браков ведет и рост уровня образования в обществе: они чаще встречаются в среде интеллигенции. Для семей, где один из супругов занимает руководящий пост или достиг достаточно высокого социального уровня, характерен брак-содружество [1, С.29].

По мнению ряда исследователей, для семей рабочих характерно более жесткое следование семейным ролям. Их отличительной особенностью является раздельный досуг мужчин и женщин, в то время как в семьях среднего и особенно высшего класса характерен совместный отдых. Чем ниже доход семьи, тем чаще она возглавляется женщиной. Характерный факт, отмечает Ян Робертсон: среди черных семей в США 40% возглавляют женщины [13, С.138].

Существует и такая форма брака, как «независимость», или «изоляция», преобладающая в Великобритании. Ряд исследователей, в частности, В.М.Сатир, основным отношением в семье считают отношение власти («доминантность-субмиссивность») и выделяют следующие типы семей¹: доминирующий муж – подчиненная жена (патриархальная семья); доминирующая жена – подчиненный муж (матриархальная семья); открытая борьба или сотрудничество (эгалитарная семья); изоляция [цит. по 5]. Первые два типа семей еще с конца прошлого века неоднократно рассматривались в социологической литературе, третий – объект чисто современных исследований. Выделение четвертого типа (изоляции) появилось в научной литературе сравнительно недавно.

Подробное описание и сравнительную характеристику «изолированной» английской и «коллективистской» японской семьи дал В.Овчинников. «Если японская семья замкнута для посторонних, то английская семья замкнута еще и внутри – каждый из ее членов куда больше сохраняет неприкосновенность своей частной жизни. Возводя в культ частную жизнь, независимость и самостоятельность человека, англичане обрекают себя на замкнутость, и, стало быть, на одиночество. Крепостные стены для защиты от непрошенных вторжений не только опоясывают домашний очаг, но и разделяют его обитателей. Словом, душа англичанина – это такая же «его крепость», как и его дом. Муж и жена там меньше вмешиваются в дела друг друга, чем это обычно свойственно супружеским парам в других странах.

Внутрисемейную атмосферу отличает сдержанность как своего рода самозащита от излишней фамильярности. Но если открытые проявления симпатии подавляются, то так же подавляются и знаки раздражения, обиды, гнева. Там, где супружеская пара в другой стране предпочла бы добрую ссору, которая разрядила бы атмосферу подобно грозе, англичане постараются как бы не замечать, игнорировать причину размолвки» [9, С.38]. Есть основание полагать, что характер отношений, распространенный в семьях Великобритании, и навел английских исследователей на мысль о существовании браков типа «companionship» (или «брак-содружество»).

Анализируя факторы распределения власти в семье, можно выделить внешние, определяемые стилем государственного управления, культурными традициями, типом социальной принадлежности семьи и социальным статусом

¹ Но в этой системе распределения власти не находится места ребенку.

обоих супругов, и внутренние, зависящие от уровня образования супругов, типа распределения власти в семьях родителей, участия одного (или обоих) супругов в материальном обеспечении семьи.

Психолог Э.Г. Эйдемиллер подчеркивает значение «доминантности-подчиненности» и в то же время в своей методике графического обобщения данных обследования семьи («Анализ семейных отношений») ставит во главу угла понятие «ответственности» как основное отношение, характеризующее семью [12, С.54].

В литературе неоднократно поднимался вопрос, какой тип отношений лучше – традиционный или эгалитарный.

Вряд ли найдется однозначный ответ, поскольку семья – это самостоятельная социальная организация, отдельная система, обладающая своими собственными «индивидуальными» особенностями. Патриархальная семья, казалось бы, уходящая в прошлое, все еще способна обеспечивать воспроизводство населения и социализацию детей.

В связи с этим Маргарэт Мид (1989) предлагает ввести термин «нормальная семья». «Нормальная семья» – понятие очень условное. Таковой предлагается считать семью, которая обеспечивает требуемый минимум благосостояния, социальной защиты и продвижения ее членам и создает необходимые условия для социализации детей до достижения ими психологической и физической зрелости. С точки зрения М.Мид, таковой является семья, где ответственность за нее как целое несет отец. Остальные типы семей, где это правило не выполняется, будем считать аномальными. Это – «общечеловеческое» различие типов семей [8, С.321].

Типичную семью советского (и даже постсоветского) периода некоторые авторы (в частности, В.Дружинин) рассматривают как вариант аномальной языческой семьи с рудиментами православной модели.

В такой семье мужчина и женщина борются за власть. Победа достается более сильному – не столько физически, сколько «морально». Пролетаризация, точнее люмпенизация, народа привела и к тому, что сместились отношения в семье: ответственность за семью в целом при социализме берет на себя государство, но реально ее несет женщина [5, С.111].

Деформация семьи по причине смерти одного из родителей, конфликта, развода и пр. имеет разные последствия для детей, воспитывавшихся в семьях, принадлежащих к различным культурам. Смерть отца или развод для «нормативной» советской семьи (аномальной языческой семьи) тяжела, но не является психологической катастрофой. Смерть же матери – трагедия и конец семьи как социальной группы. Противоположная ситуация возможна в семьях с доминирующим и ответственным отцом (православная и протестантская семья). Следует отметить, что здесь имеется в виду не вероисповедание, которого придерживаются члены семьи, а лишь принадлежность семьи к той или иной культуре, условно называемой «протестантской» или «православной» [5, с 155].

Семья также рассматривается как основная форма социальной общности в сфере быта, «первоэлемент быта», включающий в себя комплекс отношений – не только материальных, но и духовных, в основном нравственных и нрав-

ственно-этических. Представители данного подхода определяют семью как особого рода объединение людей, основанное на совместном труде, производстве и распределении материальных благ (и услуг). В этом смысле теоретики делали акцент на совместном производстве и воспроизводстве семьи как основной ячейки общества, долгое время изучавшейся в рамках марксизма. (Не случайно современные исследователи все еще тяготеет к социально-экономической сфере).

В таком аспекте семья выступает как бы “единицей учета». Применительно к семье в современных условиях общность – крайне неопределенное понятие, поскольку самостоятельные члены семьи получают средства к существованию, как правило, из разных источников. Однако и часть расходов члены семьи несут самостоятельно [4, С.26].

Каковы же причины дисфункции института семьи?

В настоящее время в литературе выделились два противоположных подхода относительно причин семейной дисфункции. Первый связан с работами социологов так называемого “научно-феминистского» направления, которые видят прогресс семьи во все большей *эгалитаризации* и освобождении женщин от домашних хлопот. В другом, напротив, призывают вернуться к *традиционной форме*.

Как указывают французские исследователи [15, Р.16], несмотря на ослабление традиционных устоев, в современных семьях в какой-то степени еще сохраняется неравенство мужчин и женщин, приводящее к “застою» в социальном росте последних. Доминирование мужчин, прежде всего, противостоит вышеописанным изменениям в сфере частной (домашней) жизни.

В современном французском (и не только французском) обществе продолжает функционировать – чаще всего в скрытой форме – старая модель, согласно которой женщина в основном прикреплена к дому: ей прежде всего вменяется обязанность управлять домашними делами. Как и прежде, женщина выполняет основные дела по дому, плюс к этому на нее ложатся заботы по воспитанию детей, включая контроль за их учебой.

В основном сохраняется монополия мужчин в сфере общественной жизни, утвердившаяся с древнейших времен. Определенным образом нарушается равновесие и в других сферах деятельности. В профессиональной сфере это прикрепление женщины к дому ведет к пресловутому “двойному рабочему дню», затрудняет женщине приложение сил в эту сферу, следовательно, и профессиональный рост, карьеру (хотя зачастую способствует профессиональному росту супруга). В сфере образования по той же причине среди девушек и молодых женщин наблюдается определенное самоограничение. Оно вызвано своего рода предвосхищением того, что в дальнейшем придется сочетать профессиональные обязанности и обязанности хозяйки и матери, а это заведомо исключает возможность самой престижной карьеры, которая открывается через успехи в образовании [3, Р.3-8].

По мнению West and Zimmerman (1987), обретая пол, мужчины обретают господствующее, а женщины – подчиненное положение. Воспроизводство гендерного сознания на уровне индивидов поддерживает основанную на признаке

пола социетальную структуру, формируя в отношении «пола» определенные ожидания [15, Р.74-75]. Во многих обществах женщин и мужчин не только воспринимают, но и оценивают по-разному, обосновывая это их гендерными различиями в способностях. По словам Дж.У.Скотт (1988), «пол – это приоритетный способ выражения властных отношений» [7 С.103].

Совокупность таких тенденций, как улучшение образовательного уровня, повышение занятости женщин, контроль рождаемости, позволила женщинам получить большую автономию в отношении супружеских связей, что связано прежде всего с созданием семьи и ее сохранением. В то же время изменение социальной роли женщины вызвало в последние 20 лет изменение брачных отношений: рост количества незарегистрированных семей, разводов, а также увеличение числа женщин, сознательно придерживающихся безбрачия, особенно среди наиболее образованных и высококвалифицированных [3, С.3-8]. Так, по мнению исследователей второго направления, «аномальные» изменения в современной семье произошли вследствие ухудшения положения мужчины. Как указывает В.Дружинин, эгалитарная семья, характерная для индустриальной эпохи и являющаяся результатом кризиса семьи как социального института, маскирует распад структуры семьи и латентный конфликт. Количество разводов, начавшее расти в индустриальных странах, в постиндустриальных достигает максимума. Это позволяет американским социологам говорить о крахе семьи и рождении нового варианта человеческих отношений, не имеющих ничего общего не только с «традиционной семьей», но и с семьей вообще. В США за 30 лет уровень разводов возрос почти в 15 раз, он самый высокий в мире [5, С.34], а 60% канадских детей не воспитываются родным отцом. В этих, а также в западноевропейских странах набирает обороты ювенальная юстиция, нарушающая традиционные отношения «отцов и детей». По показателям стабильности браков, как известно, можно судить о степени духовного благополучия в обществе.

Таким образом, деградация в обществе начинается с дисфункцией института семьи и изменения семейной структуры. Навязываемая цивилизованными западными странами семейная политика с новой для восточно-европейских стран ювенальной юстицией, может привести не только к искажению брачно-семейных отношений, но и всей общественной структуры, тесно связанной с институтом семьи.

По утверждению З.Баумана, в современном обществе семья, брак, родительские отношения, соседство, работа во многом утратили свою роль охранителей границ социетальной фабрики. Считавшийся естественным авторитет «старшего» квалифицируется как недопустимое внешнее насилие. Разрушение внешне заданных критериев нормы (как и внешних границ цивилизации) делает возможным проблематизацию внутренних барьеров, объектом невиданных «улучшений» становится, например, собственное тело. Парадокс заключается в том, что индустрия символического соблазна сделала возможной даже добровольную стерилизацию миллионов граждан демократических государств – эффект, о котором и не мечтали «инженеры» тоталитарных машин [2.]

Нельзя не согласиться с мнением ряда социологов, считающих, что движение к гражданскому обществу сегодня невозможно без институционализации социума, наведения элементарного порядка, правовых норм жизни. Требуется теоретическая база, способная объяснить механизмы влияния трансформационных процессов на характер изменений, происходящих в обществе. Назрела необходимость в проведении междисциплинарного исследования с использованием социологического метода изучения массовых социальных явлений. Такое исследование позволило бы найти конкретные способы восстановления утраченных семьей социальных функций.

Литература

1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.М., Дубровская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. (Спецпрактикум по социальной психологии). – М.: МГУ, 1987–120 с.
2. Бауман З. Жизнь во фрагментах: Эссе о постмодернистской морали. Лондон: Блэкуэлл, 1995.
3. Бир А., Пфефферкорн Р. Мужчины/женщины: динамика идентичности: Пер. с франц. //Журнал социологии и социальной антропологии.–1998.–Том 1, №1. – С.3–11.
4. Волков А.Г. Семья–объект демографии. – М.: Мысль, 1986.– 271 с.
5. Дружинин В.Н. Психология семьи.– М.: КСП, 1996.–160 с.
6. Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М. – Прогресс-Традиция, 2001
7. Лорбер Дж. Пол как социальная категория. //Женщина, мужчина, семья. //Альманах THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем.– Вып. 6. –М.: THESIS, 1994.–С.103–127.
8. Мид М. Культура и мир детства. –М.: Наука, 1988.– 429 с.
9. Овчинников В. Сакура и Дуб. //Роман-Газета.–1987.–№ 4.– С.1–80 (С. 21);–1987.– № 3.– С.1–80.
10. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ.–М.: Феникс, 1994.–688 с.
11. Сытин А.Г. <http://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-kak-uslovie-vozmozhnosti-egalitarnogo-mnogoobraziya-v-kontseptsii-dzhona-kin>
12. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Семейная психотерапия.–Л.: Медицина, 1990.– 180 с.
13. Якуба Е.А. Социология. Учебное пособие для студентов вузов.–Х.: Константа, 1996.–192 с.
14. Dictionary of Sociology. /Edited by Marshall G. – Oxford University Press, 1998
15. Hommes-Femmes: l'introuvable egalite.–Paris: Edition de l'Atelier, 1996.–169 p.
16. Nye Fr.J. Role Structure and Analysis of the Family.–London, 1976.–299 p.
17. Pelczynski Z.A. The State a Civil Society, 1984.

ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ

И.Э. Надуткина,

*кандидат социологических наук, доцент,
профессор кафедры социальных технологий, НИИ «БелГУ»*

Построение демократического гражданского общества и правового государства в России возможно лишь на основе широкой общественной поддержки тех инновационных процессов, которые связаны с переходом от системы тоталитаризма к демократии.

литарной, административно-командной, к системе, основанной на общечеловеческих либерально-демократических идеалах в политике, экономике, социальной сфере, но, в то же время, учитывающей специфику российского общества, своеобразии вековой истории России.

В демократическом обществе, где, по определению, постоянно сталкиваются нередко противоположные групповые и индивидуальные интересы, именно гражданские структуры чаще всего берут на себя функцию «резонатора», обеспечивая ненасильственное и правовое разрешение конфликтов. В российском обществе, с его сильной традицией директивных, единоличных решений и подавления инакомыслия, эта роль общественных объединений должна быть особенно весома.

Именно гражданские инициативы, гражданский контроль способны сейчас заложить основу правового государства, повсеместного соблюдения законности, защиты прав человека и предотвращения коррупции – наиболее острых проблем, тормозящих развитие страны. С помощью гражданских структур возможна и большая прозрачность государственного управления и, следовательно, повышение доверия граждан к государственным институтам.

Гражданские инициативы – это социальный капитал, признанный во всем мире, одна из объективных причин существования государства. При этом активность граждан, развитие добровольческого движения остается приоритетом некоммерческих организаций, а не государства.

Следует признать, что в регуляции процессов взаимодействия гражданина и государства общество находится в начале пути. Поэтому крайне важно правильно расставить приоритеты и не упустить время.

Позиция, занимаемая государством продиктована необходимостью диалога и партнерства между властью и гражданским обществом. Без действительно партнерских отношений между государством и обществом не может быть ни сильного государства, ни процветающего благополучного общества, нужен диалог на равных, эффективность этого диалога в значительной мере зависит от представителей власти в целом. Иметь в стране развитые демократические процедуры не просто необходимо, но и экономически выгодно. Быть с обществом в ответственном диалоге – политически целесообразно. И поэтому современный российский чиновник обязан учиться разговаривать с обществом не на командном жаргоне, а на современном языке сотрудничества, заинтересованности, диалога и реальной демократии».

Президент не раз отмечал, что гражданские инициативы, в первую очередь лице некоммерческих организаций (НКО) России, представляют собой очень серьезную силу, – не альтернативную, а дружественную, – поддерживающую государство. Эти слова стали отправной точкой для общественных реформ в области продвижения гражданских интересов в Российской Федерации. Важность развития гражданских инициатив Президент многократно отмечал и в других выступлениях. Нужны организационные и законодательные меры, обеспечивающие эффективную обратную связь общества с госаппаратом. Власть сегодня очень нуждается в притоке

современно мыслящих, компетентных людей из негосударственных структур. По-настоящему сильного демократического государства при слабом обществе, конечно же, не будет. И только полноценная общественная жизнь может обезопасить государственную машину от застоя.

Гражданские инициативы во всем мире являются элементом «социально-го капитала», без которого немислимо эффективное развитие общества и демократического государства. Исследования показывают, что в странах, строящих демократию, активный экономический рост происходит именно в тех регионах, где есть традиции гражданских объединений и участия граждан в управлении.

Гражданские инициативы позволяют создать не формальную, «манипулятивную» демократию, когда после выборов от человека уже ничего не зависит, но ассоциативную демократию, основанную на гражданском участии и принципах субсидиарного государства.

В историческом опыте многих городов и государств в той или иной степени решалась дилемма: следует ли привлекать некомпетентную массу (широкие демократические слои общественности), народ к управлению или власть должна принадлежать, прежде всего, избранным, компетентным (небольшой замкнутой группе людей) представителям населения страны. История доказала опасность абсолютизации, как полного народовластия, так и всевластия государственных чиновников. Стало очевидным, что вопрос участия населения в управлении – это вопрос меры такого участия, вопрос эффективности механизма и многообразия форм взаимодействия систем власти и населения.

Под гражданской инициативой понимается реализуемый гражданами и общественными объединениями комплекс мероприятий, направленных на достижение конкретного социально значимого результата, а также поступившие от граждан и общественных объединений предложения по организации такого комплекса мероприятий.

Гражданские инициативы можно рассматривать как «форму проявления социальной активности, способ выражения общественных потребностей и интересов. Целью гражданских инициатив является решение жизненно важных проблем гражданского общества.

Гражданские инициативы могут быть классифицированы по разным основаниям:

а) по целям или направлениям, социальной ориентированности (антивоинные, национально-освободительные, экологические и др.);

б) по степени радикализма, характеру стратегических и тактических установок (конструктивные, деструктивные);

в) по социальному и национальному составу (с участием интеллигенции, служащих, женщин, молодёжи, студентов, национальных групп);

г) по степени эффективности (рациональные, иррациональные);

д) по масштабности (в пределах отдельных регионов и зон).

Выдвижение, распространение и практическая реализация гражданских инициатив делает необходимым образование инициативных групп, гражданских комитетов, клубов и т.п. Они создаются, как правило, на принципах свободного участия, формального членства, гласности, равноправия, самоуправления.

ния, носят постоянный или временный характер. Большинство из них, по мере осуществления социальных запросов, самопроизвольно прекращают свою деятельность.

Носителями гражданских инициатив выступают индивиды, социальные общности и группы, неформально объединённых граждан. Имеются случаи выдвижения гражданских инициатив политическими движениями и партиями. На них общество реагирует неоднозначно, поддерживая одни и игнорируя другие. Различают легитимные и нелегитимные гражданские инициативы. В последнем случае они попадают под юрисдикцию государства и преследуются по закону.

В развитии гражданских инициатив выделяются несколько этапов:

- выдвижение почина;
- распространение инновационных предложений;
- рекрутирование сторонников нового гражданского проекта;
- практическая реализация социального замысла.

Гражданские инициативы могут играть не только созидательную роль. Используемые в популистских целях экстремистски настроенными деятелями, гражданские инициативы приобретают разрушительный характер.

Способами выдвижения гражданских инициатив выступают заявления, запросы, петиции, участие в слушаниях и др. Формами гражданских инициатив являются референдумы, сходы, участие в самоуправлении через общественные объединения, мирные массовые акции. Одной из важнейших форм, отражающей реальное влияние гражданского общества на государство, является работа групп гражданского контроля за деятельностью органов государственного управления.

Протестными формами поведения, к которым прибегают лоббисты гражданского общества, являются митинги, пикеты, демонстрации, акции по сбору подписей и другие.

Пассивное отношение органов государственного управления к гражданским инициативам, и их отстраненность от принятия решений в соответствии с законными требованиями граждан, могут привести к нелегитимации гражданских инициатив, что в свою очередь чревато обострением социально-политической ситуации, способно негативно сказаться на развитии политических процессов в обществе. Вот почему диалог, взаимодействие властных структур с гражданским обществом – необходимое условие разрешения проблем, остро волнующих граждан.

Ценность гражданских инициатив определяется их содержанием, заинтересованностью в них значительной части общества. Высокий потенциал данных инициатив при определённых условиях используется для развёртывания массовых демократических общественных движений. Несмотря на свою противоречивую природу, они оказывают позитивное воздействие на общественное развитие. Гражданские инициативы внесли существенный вклад в решение таких крупных социальных проблем, как развитие государств по пути демократии и демилитаризации, мирного сосуществования.

Гражданские инициативы рассчитаны на привлечение максимально возможного внимания общественности к различным социальным проблемам. Степень поддержки тех или иных инициатив широкими массами во многом определяется их полезностью и значимостью.

Основным критерием оценки реального влияния гражданских инициатив на жизнедеятельность государства является эффективность работы органов власти. Следовательно, поиск путей взаимодействия гражданина и государства является важнейшей задачей политической науки и практики.

Таким образом, интенсивность гражданских инициатив является показателем зрелости гражданского общества, гражданское общество – система связей и институтов, действующих в демократическом обществе в рамках правового поля независимо от государства, но взаимодействующих с ним.

В современной концепции гражданского общества прочно утвердилось понимание необходимости автономии общества, а это означает автономию различных общественных сфер и ассоциаций – экономики (т.е. предприятий), профсоюзов, университетов, печати, науки, объединений граждан и отдельных профессий, религиозных объединений. Роль государства по отношению к этим общественным агентам должна сводиться к установлению самых общих рамок в виде закона, регулирующего правила игры, которых все должны придерживаться, чтобы не ставить под угрозу права и свободы других членов общества. Автономия различных сфер общества подразумевает, что они могут самоорганизовываться в соответствующие ассоциации, демократическая внутренняя жизнь которых имеет большое значение для гражданского общества.

Гражданские инициативы, социальная активность граждан, является одним из источников самоорганизации общества, необходимость которой обусловлена общественным разделением труда. В развитом обществе в отличие от примитивных или традиционных обществ, по мнению Э. Дюркгейма, основной силой, образующей связь между гражданами, является *органическая солидарность*, которую он рассматривал как высший моральный принцип, высшую универсальную ценность. Органическая солидарность строится на осознании гражданами взаимозависимости друг от друга, и необходимости согласования, в связи с этим, своих интересов. Такая форма солидарности возможна лишь в условиях демократического общества.

Идеальная демократическая система призвана трансформировать возможность самоорганизации гражданского общества в возможность его самоуправления. Само существование правового государства оправдано лишь в той мере, в которой оно гарантирует свободное развитие гражданского общества.

Уровень развития и способы функционирования гражданских инициатив в общественной сфере являются индикатором успешности перехода к гражданским (в противовес только административно-государственным, институализированным) методам развития и содействия реализации социальной активности населения.

Как и всякий общественный процесс, расширение числа участников управленческих решений имеет как положительные, так и отрицательные последствия.

Положительными являются:

– возможность принимать управленческие решения, опираясь на информацию о реальных настроениях людей в стране, на знания об иерархии наиболее актуальных проблем;

- оценивать отношение людей к постановлениям, решениям, принимаемым законодательной и исполнительной властью;
- принимать решения, осознавая степень готовности различных групп населения к принятию и реализации постановлений власти, направленных как на осуществление перспективных, так и текущих задач;
- знать основные, наиболее значимые социальные группы, готовые к активной работе по реализации принятых решений или же ориентированные на пассивное ожидание;
- работать, реализуя идею активного социального партнёрства власти и населения, общественных движений, различных партий.

К отрицательным последствиям можно отнести:

- усложнение процесса принятия решений, поскольку согласование большого числа различных интересов процесс многоступенчатый и трудный;
- возможно значительное удлинение сроков принятия решений;
- не исключено некоторое увеличение материальных затрат, обусловленное возрастанием числа участников управленческого процесса.
- привлекаемые к принятию управленческих решений социальные субъекты чаще всего не обладают в полном объёме необходимой информацией и не имеют навыков ведения конструктивного диалога.

Сказанное означает, что, с одной стороны, эффективное управление не может быть делом всенародным, оно требует профессионализма, то есть квалифицированных специалистов, имеющих опыт управленческой работы и владеющих разносторонней информацией о социальных процессах. С другой стороны, несомненно, положительные результаты широкого участия жителей в процессе управления территорией не должны игнорироваться.

Решение государственных проблем, в том числе и глобальных стратегических задач, всегда требует учёта максимально большего числа интересов, так как мнение небольшой, пусть весьма компетентной группы может и не отражать точку зрения большинства. Несогласованность интересов приведёт возможно, к неправильным решениям, и главное, к низкой эффективности их реализации. Представления граждан о желаемом будущем страны непременно проявятся в степени одобрения или неодобрения того стратегического плана, который, в конечном счёте, будет предложен, так как сложно заставить людей претворить в жизнь то, в разработке чего они не участвовали.

В этом и состоит одна из проблем реформирования общества «сверху», что в настоящее время свойственно, так называемым, странам «новой демократии». Так как такие реформы не пользуются поддержкой граждан, а, наоборот, реализуются, преодолевая огромное сопротивление населения, в искаженном виде. Для того, чтобы избежать такого развития событий, исторически положительно себя зарекомендовали демократические формы управления согласования интересов больших социальных групп, а также гражданского общества и государства.

Подъём гражданской активности может происходить самопроизвольно, по мере нарастания объективных изменений в стране, но его можно и организовать, проводя соответствующую целенаправленную политику. Большое значе-

ние для развития гражданских инициатив в демократическом обществе имеют политические и промышленные объединения, ассоциации, в которых люди объединены по принципу сходства интеллектуальных и нравственных интересов и целей. В демократических странах прогресс всех сторон жизни первоначально зависит от умения создавать объединения.

Социально-психологическим условием развития инициативы личности является органичное сочетание уважения закона и прав других людей с необычным свободолобием, прагматизмом, чувством собственного достоинства. То есть, такой человек повинуетя обществу не потому, что он ниже тех, кто им управляет, или менее, чем другой человек способен управлять самим собой. Он потому повинуетя обществу, что признает полезным союз с подобными себе и знает, что этот союз не может существовать без власти, поддерживающей порядок.

Таким образом, можно выделить внешние (социальные, политические, экономические, культурные) и внутренние (психологические) факторы развития гражданских инициатив. К внешним факторам можно отнести наличие открытого, гражданского, демократического общества, правового государства. К внутренним – психологическую готовность людей консолидироваться в отстаивании своих интересов, правовую грамотность, политическую, гражданскую, партисипативную культуру основной массы населения.

Таким образом, важным условием развития и реализации гражданских инициатив является открытость общества. В открытом обществе все формы знания и всякая социальная политика могут открыто критиковаться. Двумя важнейшими факторами управления страной является государство и гражданское общество. Этим и обуславливается взаимозависимость в системе «гражданское общество – гражданские инициативы – правовое государство».

Общество способно взаимодействовать с государством в тех вопросах, которые следует решать только совместными усилиями. Без коллективного обсуждения и принятия важных решений неумолимо нарастает отчуждение между социумом и государственной властью.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЛИДАРНОГО ОБЩЕСТВА¹

М.Н. Реутова,
*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

Одной из ведущих целей развития современного российского общества является дальнейшее развитие и совершенствование его параметров, характеризующих уровень самоорганизации граждан, способности населения

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области. Грант «Потенциал общественных организаций в формировании регионального солидарного общества» № 14-13-31008 (рук. – Е.В. Реутов)

выражать свою волю и давать оценку властным решениям независимо от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти. Важнейшим условием осуществления не формального, а реального участия граждан в управлении делами государства является гражданский контроль власти, который должен рассматриваться не как дополнение, а как необходимый составной элемент системы современной демократии.

Ограничением деятельности власти, не учитывающей приоритеты граждан или нарушающей их права, могут стать различные формы гражданского контроля власти, в том числе институт гражданской экспертизы.

Ведущими субъектами гражданской экспертизы выступают специалисты, профессионалы – члены экспертного сообщества, которые могут по заказу общественных или некоммерческих организаций профессионально оценить принципы, методы реализации, привлекаемые ресурсы и последствия предполагаемых или уже принятых органами власти и управления решений, т.е. проводить экспертизу решений проблем на соответствие интересам общества и на обоснованность, а также на возможность реализации принимаемых решений.

Однако реальные механизмы привлечения как непосредственно граждан, так и их представителей – экспертов – к оценке принимаемых решений разработаны недостаточно. Во-первых, законодательная база для проведения подобной экспертизы только сформировалась [1]. Во-вторых, даже несмотря на наличие ряда механизмов, обеспечивающих возможность оценки гражданами определенных решений органов власти и управления на местах, к которым относятся общественные приемные, общественные палаты, взаимодействие органов власти с партиями, общественными и профессиональными организациями, проведение опросов общественного мнения, мониторингов, существуют разнообразные социальные барьеры, затрудняющие использование населением данных каналов реализации контроля за деятельностью власти и оценки ее действий.

Гражданская экспертиза – независимый от органов государственной власти анализ социально значимых практик с точки зрения их соответствия общественному интересу, который отстаивает гражданский актор, являющийся заказчиком (исполнителем) экспертизы. Гражданская экспертиза проводится в интересах граждан (структур гражданского общества), при этом последние рассматриваются как выразители интересов множества граждан, что облегчает оценку и учет этих интересов экспертами.

Анализ данных по регионам показал, что в них разработаны и внедрены механизмы инкорпорирования общественного мнения в систему регионального управления. Среди основных элементов взаимодействия общественности и органов государственного и муниципального управления можно отметить следующие:

1. Взаимодействие с общественностью, реализуемое через отделы по работе с общественными организациями и населением муниципального образования, а также посредством работа со СМИ.

2. Работа с населением, включающая в себя:

- приемы граждан по личным вопросам, письма и обращения граждан;
- встречи руководителей региона с населением, проведение собраний, сходов жителей города;
- общественные слушания и др.

3. Работа с различными группами населения (встречи руководителей с трудовыми коллективами и различными социальными группами населения, проведение информационных дней; взаимодействие с некоммерческими организациями города (района), взаимодействие с гражданами по месту их проживания и тому подобное).

4. Функционирование совещательных структур при органах регионального управления.

Вместе с тем, ряд механизмов развит недостаточно, в частности система изучения общественного мнения, которая должна включать как постоянно контролируемые параметры, характеризующие социальное самочувствие граждан, так и социологическую экспертизу отдельных социальных проектов и программ.

Значимое место в системе изучения общественного мнения должны занимать опросные методы: массовые и экспертные опросы, интервью граждан, постоянный мониторинг мнения населения по важным социальным вопросам. Опросные методы позволяют выявить проблемы, возникающие при включении общественного мнения в систему регионального управления с точки зрения специалистов, работающих в данной системе, занимающихся изучением данной проблемы, узнать мнение населения и учесть его при принятии управленческих решений [1].

Результаты анкетирования членов общественных организаций Белгородской области, проведенной кафедрой социальных технологий (2011, N=71) свидетельствуют, что по мнению подавляющего большинства опрошенных (66,2%) практика гражданской экспертизы в регионе развита недостаточно или совсем не развита, при этом 25,4% затруднились ответить на данный вопрос.

В качестве основных препятствий (барьеров) на пути организации гражданской экспертизы представителями общественных организаций были названы следующие: отсутствие у общественности ясного представления о содержании этой деятельности – 40,9%; пассивность населения – 35,2%; отсутствие традиций – 22,5%; противодействие чиновников – 21,1%; отсутствие нормативного обеспечения – 21,1% (табл. 1).

По мнению государственных и муниципальных служащих (N=129), наиболее существенными барьерами организации гражданской экспертизы в регионе (муниципальном образовании) выступают: отсутствие у общественности ясного представления о содержании этой деятельности – 60,5%; пассивность населения – 49,6%; отсутствие нормативного обеспечения – 27,9% и противодействие чиновников – 18,6%.

Таблица 1

Барьеры на пути развития института гражданской экспертизы

Что препятствует развитию института гражданской экспертизы?	Количество	
	абс.	%
Отсутствие традиций	16	22.5%
Противодействие чиновников	15	21.1%
Непонимание ее важности руководителями общественных организаций	9	12.7%
Пассивность населения	25	35.2%
Отсутствие нормативного обеспечения	15	21.1%
Невозможность использовать результаты экспертизы	4	5.6%
Отсутствие у общественности ясного представления о содержании этой деятельности	29	40.9%
Затрудняюсь ответить	1	1.4%
Не ответили	8	11.3%
Всего	71	100.00%

Оценивая эффективность различных методов участия общественных объединений в оценке качества регионального управления, представители общественных организаций в качестве наиболее результативных отметили участие в работе представительных органов власти (45%); создание общественных советов при органах исполнительной власти (42,3%); организация интернет-форумов с обсуждением проектов решений и нормативных актов (35,2%) и др. (таблица 2).

Таблица 2

Результативность методов участия общественных объединений в оценке качества регионального управления

Какие методы участия общественных объединений в оценке качества регионального управления Вы считаете наиболее результативными?	Количество	
	абс.	%
Участие в работе представительных органов власти	32	45.1%
Создание общественных советов при органах исполнительной власти	30	42.3%
Участие в работе коллегий при исполнительных органах власти	16	22.5%
Проведение общественных слушаний	19	26.8%
Обсуждение проблем на заседаниях Общественной палаты	21	29.6%
Организация интернет-форумов с обсуждением проектов решений и нормативных актов	25	35.2%
Социологический мониторинг	12	16.9%
Обсуждение проектов решений в СМИ	20	28.2%
Не ответили	1	1.4%
Всего	71	100.00%

По мнению экспертов (N=78), к вышеназванным методам следует добавить социологический мониторинг (51,3%) и обсуждение проектов решений в СМИ (34,6%).

Таким образом, наиболее существенными барьерами организации гражданской экспертизы в региональном управлении являются отсутствие у населения ясного понимания сущности, роли, значения данной гражданской техноло-

гии, недостаточно разработанная нормативно-правовая база, пассивность населения, низкий уровень доверия органам власти, противодействие чиновников, отсутствие традиций.

Теоретический и эмпирический анализ проблемы социальных барьеров организации гражданской экспертизы в условиях формирования регионального солидарного общества позволил сформулировать рекомендации по совершенствованию организации общественной экспертизы, способствующие снижению социальных барьеров и росту участия граждан и их объединений в экспертизе принимаемых органами власти решений и оказываемых услуг. К ним относятся:

1. Активная пропаганда, правовое и финансовое обеспечение идеи общественных слушаний, как модели привлечения общественности к решению вопросов местного самоуправления и участия в принятии стратегических решений (в том числе, по формированию и оценке эффективности социальной политики) и сотрудничества с представительным органом власти. Стимулирование активности адресных групп по созданию института публичных слушаний предполагает: пропаганду его идеи; прямое включение лидеров некоммерческих организаций и депутатов городской и областной Думы в разработку концепции (в рамках тренинговых заданий и в деятельности созданной инициативной группы) и проведение общественной дискуссии о целесообразности общественных слушаний как элемента процесса принятия решений.

2. Организация и проведения цикла специальных семинаров-тренингов для основных субъектов гражданской экспертизы: членов некоммерческих организаций, представителей ТОСов, экспертов. Кроме этого, консультационная, организационная и методическая поддержка всех форм сотрудничества некоммерческих организаций с органами местного самоуправления и проведение совместных мероприятий с участием представителей всех фактических и потенциальных субъектов гражданской экспертизы.

3. Организация интернет-форумов с обсуждением проектов решений и нормативных актов.

4. Организация социологического мониторинга оценки населением решений органов власти с регулярным оповещением населения о его результатах в СМИ.

5. Распространение передового опыта разработки и внедрения технологий преодоления барьеров организации гражданской экспертизы в на уровне муниципальных образований в другие муниципальные образования и регионы, проведение межрегиональных и всероссийских научно-практических конференций на базе ведущих вузов по данной проблеме.

Реализация данных рекомендаций может привести к качественному изменению взаимодействия основных субъектов гражданского общества, заинтересованных в развитии практики гражданской экспертизы, будет способствовать практической реализации механизма включения некоммерческих организаций в социальную политику региона и повышению роли общественности в процессе принятия решений на уровне местного самоуправления и регионального управления.

Литература

1. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/23/zakon-dok.html> (дата обращения: 23.08.2014).
2. Специфика применения метода опроса при изучении общественного мнения населения в региональных условиях [Электронный ресурс] // Социология и маркетинг в сети. URL: http://socionet.narod.ru/borya/soc_57.html (дата обращения: 25.08.2014).

THE DESCRIPTIVE AND THE NORMATIVE IN THE CONCEPT OF CIVIL SOCIETY: EVIDENCE FROM SERBIA

Ivana Spasić

*Professor Department of Sociology,
Faculty of Philosophy University of Belgrade
Belgrade, Serbia*

It is well known that the concept of civil society underwent a revival in the 1980s, in a context marked by the decline of real-existing socialism and a popular mood increasingly in favor of alternatives. Indeed, the idea that the redeeming, liberating capacities of spontaneous bottom-up civil organizing will soon overpower the repressive constraint exercised by the authoritarian state seemed both attractive and persuasive, in theoretical and empirical terms alike. In a post-Marxist theoretical milieu, civil society was sometimes seen as the privileged collective bearer of the emancipatory political project, instead of the proletariat of orthodox Marxism. The way socialist regimes in Eastern Europe were dismantled in the late 1980s looked as the final proof of the soundness of such hopes.

But outlier cases are always there, and they often provide fresh theoretical insights. In this paper* I will take the example of Serbia's belated and distorted post-socialist transition to discuss what I think is a serious flaw in the reception of the civil society concept: the entanglement of descriptive and normative aspects it usually contains.

We may start from Jean Cohen and Andrew Arato's tripartite division into *political*, *economic* and *civil societies*. On this view, civil society is "a sphere of social interaction between economy and state, composed above all of the intimate sphere (especially the family), the sphere of associations (especially voluntary associations), social movements, and forms of public communication» (Cohen and Arato, 1992: ix). Modern civil society is created through forms of self-constitution and self-mobilization, and its main principles are the idea of rights, autonomous association, and free horizontal communication, whereby all social groups are enabled to have their voice publicly heard and to exert some public influence.

Apart from being applicable to a concrete set of organizations and initiatives emerging in a given country, the concept of civil society also figures at the level of social discourse – ways of speaking and naming that different actors use to account for their own and others' action. In social science as well as social life, words are

* This paper is a result of the research project „Challenges of New Social Integration in Serbia“, No. 179035, supported by the Ministry of Education and Science of Serbia.

never neutral labels simply applied to unambiguous objective realities. Rather, language is constitutive of identities, practices, positions and policies, and therefore also of social reality itself. The term “civil society» shows this very well, as it has in the recent past been endowed with much political meaning and used as an instrument in political conflicts.¹ As a corollary of this, we can distinguish a *descriptive* and a *normative* meaning of the term. The first is used to denote certain social phenomena, with independence from the state apparatus, grass-roots character and addressing popular concerns being the only required conditions. The second is applied only to those civic initiatives that are driven by liberal and democratic values, and connotes an evaluative moment of “right» and “wrong». The two aspects are closely connected and often empirically intertwined, but can be analytically separated.

Civil society in Serbia since the 1980s

Unlike some other countries of Eastern Europe in the decades 1950s-1980s, the socialist Yugoslavia had not developed a strong and politically consequential civil society. This is, paradoxically, due at least in part to the “soft» nature of the Yugoslav system. By co-opting the population with freedom to travel, relative openness to cultural innovation, and abundance of Western consumer goods, the regime managed to obfuscate the division between “state» and “society».

The civil society renaissance began in Slovenia, whose political atmosphere was most liberal and where self-organized civil groups were mushrooming since the early 1980s (Mastnak 1992). It spread to some other then-Yugoslav republics on the eve of the 1991 breakup and war, while Serbia had its heyday of civil society discourse only in the 1990s, in the conditions of overall social crisis and prolonged hold on power by the communists turned nationalists, in the hybrid regime of Slobodan Milošević.

During the 1980s, at the time of *perestroika* in the USSR, Poland’s Solidarnosc, and East German protest gatherings, Serbia turned in the opposite direction. A populist “antibureaucratic revolution» broke out, bringing Milošević to power in 1987. This was a combination of grass-roots popular mobilization and its instrumentalization by a faction of the communist elite vying for dominance within the existing system (Vladislavljević, 2008). It started as a grass-roots protest of Kosovo Serbs against the discrimination they felt to have been suffering at the hands of the Albanian majority in the province, and then expanded into other parts of Serbia and Montenegro. The protest stemmed from genuine popular concerns, which in some other circumstances could have engendered autonomous civil society initiatives, but in this constellation were taken over by the party-state apparatus. The populist campaign included overt abuse of civil society, but at the same time a certain genuine participation of (portions of) civil society. Apart from wide strata of discontented population, other prominent participants were the Church and the intellectual elite, acting through some of its professional organizations and the mass media (Popov [ed.], 2000; Dragović Soso, 2003). This episode compels us to note an important point: the values civil society actors promote are not always democratic.

¹ This view of „civil society discourse“ as constitutive is championed passionately by Jeffrey Alexander (2006).

During the 1990s, civil society developed in a contradictory environment. On one hand, the formal political pluralization and the changed, post-1989 climate facilitated the emergence of the first genuine NGOs. On the other, the Milošević regime was extremely hostile to the non-profit sector, especially to the emergent civil rights, feminist, and anti-war organizations. A positive explosion of civic spirit took place in the so-called Winter Protests of 1996/97, following a large-scale governmental fraud in local elections. Sometimes called “the Serbian middle-class revolution», the protest campaign lasted for three months and involved opposition parties, various civil groups (human rights, women’s, student, youth, cultural) and independent individuals (see Lazić [ed.], 1999). It forced the Milošević regime to accept electoral victory of the opposition in forty urban centers. The period 1997-2000 was an interesting phase for civil society development: on one hand, the newly established democratic local authorities offered more space to work and thrive, while on the other, the continuity in power of the Milošević regime served as a strong common enemy that united various NGOs, civil initiatives, and individual citizens eager to bringing about political change.

Serbia passed the minimum threshold of democracy – the first electoral transfer of power from (former) communists to a non-communist government – only in 2000, more than a decade after the fall of the Wall.¹ It came by way of the regime’s electoral defeat on 24 September in the then Federal Republic of Yugoslavia (consisting of Serbia and Montenegro). Slobodan Milošević lost to Vojislav Koštunica in the presidential contest and his coalition was defeated in parliamentary elections. This was followed by mass popular mobilization against the electoral fraud attempted by the losers. The protests culminated at the mass rally in Belgrade on 5 October 2000 with the participation of several hundred thousand people, which ended in the storming of the buildings of National Assembly and the state TV.

Employing Cohen and Arato’s conceptualization, the process through which Milošević was removed from power involved chiefly the “political society» (the power apparatus was getting weaker and its internal divisions growing, the opposition managed to unite for the first time, etc.). However, the course of events remains inexplicable without taking into account the “civil society» as well. It may safely be argued that the unexpectedly peaceful and democratic form which the change of regime assumed can be attributed to broad civil society mobilization. A vast array of NGOs, citizen groups and initiatives allied themselves with the democratic opposition, joining forces for one and the same goal: to remove the Milošević regime and break the apparently unending spiral of misery.

The election campaign mobilized diverse citizen groups and organizations and employed a variety of means – convoys traveling through Serbia, rallies, speeches, open-air concerts, public panel discussions, door-to-door campaigning, distribution of leaflets, bulletins, artifacts with political slogans, etc. All of a sudden, communication and cooperation proved possible; local groups woke up; many previously passive cit-

¹ On Serbia’s peculiar postsocialist transition see e.g. Cohen, 2000; Gordy, 1999; Golubović, Spasić and Pavićević (eds) 2003; Lazić, 2011; Uvalic, 2010.

izens got interested; ethnic lines were crossed for the first time after the war and people felt they could work together.

After the election of 24 September a remarkable campaign of civil disobedience took place, aimed at defending the votes that Milošević tried to falsify. It is worth noting that civil disobedience is a form of political action virtually unknown in the Serbian political tradition. It went on for almost two weeks until 5 October, with its mass participation and spontaneous coordination reaching unprecedented scales. Hundreds of thousands of people went on strike, blocked streets and roads, assembled in city squares, attended meetings, campaigned on their own among their neighbors.¹

From a vast number of various NGOs that took part in the campaign the one organization that certainly deserves to be singled out is the *Otpor*, a youth organization that proved irreplaceable in mobilizing popular support. Its activists were very young, they were perceived as disinterested and morally pure, yet they were the targets of the cruelest police repression. *Otpor* quickly emerged as the symbolic backbone of the whole anti-regime movement.²

After the democratic victory, a wholly new phase began for civil society in Serbia. Institutional obstacles were removed for its full blossoming, political repression stopped, international cooperation resumed after almost a decade of sanctions, and the atmosphere was favorable. Thus in the first post-2000 years dozens, maybe hundreds of new NGOs and associations were established. The state often turned to the NGO sector for help and so civil society began to exert some influence on policy-making through consultation, supply of relevant information, databases, and contacts. The principal areas where the role of NGOs was prominent is gender equality and gender/family related issues, the media, refugees and IDPs, the environment, legal protection of human rights, ethnic minority rights (especially in cases of minorities without political representation so far, like Roma), and education. Some prominent individuals, active in the resistance against Milošević, moved from the civil sector into positions of power. On the other hand, a certain exhaustion of energies and ideas was felt very soon, as if the disappearance of the longstanding common enemy, i.e. the Milošević regime, resulted in confusion – we knew what we were fighting against, but what are we fighting *for*?

It has become evident since the early 2000s how internally diverse civil society is. It contains a wide range of organizations and initiatives with divergent ideologies, political objectives, strategies and tactics, and social values. There is the whole spectrum, from the extreme right to the extreme left, from most traditional conservatives, to liberal anti-nationalists, to anarchists. In other words, as the situation was normalizing, the unity achieved in 2000 was shown to be exceptional, the result of a specific moment in time.

This brings us to the theoretical problem introduced in the opening sections of this paper – the confusion between description and evaluation in discussing civil society. For, when “civil society» in Serbia is talked about in public and academic discourse, when its flourishing is encouraged or recommended, and obstacles on its way

¹ The importance of “5 October” for political subjectivation of Serbian citizens from the perspective of its ordinary participants is discussed in Spasić, 2004.

² On the legacy of *Otpor* and the evolution of youth activism in Serbia after 2000 see Greenberg, 2014.

denounced, what is actually meant is just a portion of the whole array of organizations independent of the state. This civil society “core» is composed of a cluster of liberal, democratic, anti-nationalist organizations which were the principal targets of the Milošević regime’s war on civil society. These organizations work in the area of human and minority rights protection, inter-ethnic dialogue, education for democracy, regional cooperation, LGBT rights, and European integration. Their guiding principles are democracy, anti-nationalism, multiculturalism, gender equality, peace, tolerance, etc.

To the left of them, there are scattered and generally just inchoately institutionalized anarchist, anti-globalist, left environmentalist, and radical feminist groups. But there is also the other direction, moving far to the right. The major player on the conservative side is the Serbian Orthodox Church. The entire Church may be said to be very conservative, even if measured by standards of established religious institutions in other countries. In closer or looser affiliation with it, there exist still more conservative cultural and youth groups, study centers, and media. There are also nationalist organizations not attached to the Church, i.e. aiming at protecting Serbian language and the Cyrillic alphabet, opposing Western influences, advocacy in favor of Serbian indictees at the Hague Tribunal, etc.

The latter two types of organizations are generally not referred to as “civil society», by either themselves or others. This curious mismatch indicates that this term is often used in a normative rather than purely descriptive sense

Another theoretical point raised by examining the situation in Serbia is the relation of civil society to the state. Studies of civil society in post-communist societies have displayed an “anti-statist bias» (Green, 2002). However, the relationship between “society» and “state» is obviously much more complex. To begin with, in today’s Serbia, like in many other places, various civil society segments are ideologically opposed and sometimes enter into more or less violent conflict with each other. Good illustrations can be derived from the ambivalent developments in the area of LGBT rights in post-2000 Serbia. On one hand, LGBT organizations are more numerous, active, and publicly visible than ever before, and some real advances have been made in improving the situation of LGBT citizens. On the other hand, resistance to this process is also rising. The state, for its part, has been oscillating between the two “blocs». All this can be seen in the dramatic history of attempts to organize a Gay Pride Parade in Belgrade. The first occasion, in 2001, ended in brutal violence by rightist hooligans against the participants of the march, with dozens of casualties. The attackers enjoyed the support of the Church and right-wing groups, while the police was poorly organized. The scenario was repeated in 2010. In 2011, for the first time, the police offered adequate protection, and something like a Parade was staged, albeit under grotesquely tense circumstances at the verge of a minor civil war. It took three more years for the next Gay Pride to take place, in somewhat more relaxed atmosphere, in 2014.

The lesson we may take from this is twofold. Firstly, when clashes between opposed factions of fragile and internally divided civil societies grow beyond manageable proportions, it is only the state that can pacify these conflicts. Secondly, there are important segments of civil society that are much less liberal and democratic than

the state, and not at all committed to human rights, equality and dignity for all. The state, in other words, has often proved to be much more progressive than powerful sections of civil society. True, it may be argued that by resorting to violence one crosses the boundary dividing “civil» from “uncivil» societies. But this argument is not very helpful, since it is always the case that the violence used by some groups, however marginal, has social roots and is embedded in political subcultures which cannot always be denied legitimacy. Another area where similar examples have arisen in the past years is the situation of illegal migrants who unsuccessfully tried to enter the EU via Serbia. Their rising numbers demand the opening of new centers to accommodate them while their cases are being processed, but attempts to do so by the state have triggered the proliferation of what we may call variants of NIMBY (Not In My Back Yard) grassroots mobilizations among local inhabitants, which is quite a novel phenomenon in Serbia.

How then are we to judge these events? On one hand, all these forms of protest express genuine problems, concerns and interests of some social groups, who also deserve to be given a say in the process of democratization. Moreover, they often act as a kind of “checks and balances» on the activity of the government, which is a primary function of civil society generally. But on the other hand, they sometimes gravely imperil the achieved standards of constitutional equality and human rights. The record is, at the end of the day, ambivalent.¹

Conclusion

Let us summarize the theoretical problem and how evidence from Serbia sheds light on it. The concept of “civil society», especially in research on post-communist countries, has mostly been used in a normative sense, as a universally desirable portion of social reality, crucial for the process of transition to democracy. There has been an explicit or implicit assumption that forms of civil society will be democratic in character and promote pro-democratic interests and values. On one level of analysis, then, a general notion of “civil society», without further specification, is postulated as the autonomous sphere of societal self-organization or self-constitution, whose expansion and free development ought to be encouraged and defended against state encroachment. On another, more covert level which is normative in character, it is implied that *the* civil society consists of only *some* organizations, aiming at *some* political objectives and promoting *some* values. In reality, however, nothing warrants the automatism of this “democratic assumption». It is not enough to base one’s analysis of (and support to) civil society on the fact of its political contention or protest against state power or policies, because the contention can also be undemocratic. Coupled with the significant historical role that civil society thus understood is envisaged to play, this results in a “normative overcharging» of the concept of civil society (Pavićević, 1997).

In the Serbian context as well, the concept of civil society has been used as a polemical term with a strong normative bent. At first, it was used to oppose the communist party-state; in the second stage, in the 1990s, it was used against the national-

¹ The ambiguities of the role of civil society in Balkan transitions is also discussed in Bojicic Dzelilovic et. al. (eds), 2013.

ism, populism and collectivism of the Milošević regime (as in Pavlović [ed.], 1995, Skenderović Ćuk and Podunavac [eds.], 1999). This association of “civil» with “anti-nationalist» has lingered on to this day. Traditionally, the NGOs composing the “core» of civil society have seen their main goal to be fighting Serbian nationalism, this way or the other. But this has had unfortunate consequences in disconnecting them from their own social environment. Many ordinary people, after prolonged exposure to official nationalism and xenophobia of the Milošević years, view the work of such organizations as somehow “un-Serbian». Although in the local normative usage “civil society» has mainly been used as a contrast for “national», theoretical reasons for excluding the “national», or even “nationalist», from the scope of civil society are scant at best. By virtue of unacknowledged “normative overcharging», the very concept of civil society is reduced to just one part of its empirical contents. And the result is a gap between the self-proclaimed civil society and the population at large.

A broader conclusion from this is that the full meaning of the concept of civil society cannot be divorced from the political context in which it appears. Rather than simply considering it in purely theoretical terms, one has to examine the actual circumstances of its usage: *who, when, where* and *against whom* is invoking it. Because of the recent history of usage as a polemical weapon in real political struggles, the concept always bears a heavy baggage of evaluation and political positioning.

References

- Alexander, Jeffrey. 2006. *The Civil Sphere*, New York: Oxford University Press.
- Bojicic-Dzelilovic, Vesna, James Ker-Lindsay and Denisa Kostovicova (eds). 2013. *Civil Society and Transitions in the Western Balkans*, Basingstoke: Palgrave Macmillan
- Dragović Soso, Jasna. 2003. *Saviours of the Nation: Serbia's Intellectual Opposition and the Revival of Nationalism*, Montreal: McGill-Queen's University Press
- Cohen, Jean L. and Andrew Arato. 1992. *Civil Society and Political Theory*, Cambridge/London: MIT Press.
- Cohen, Lenard J. 2000. *Serpent in the Bosom: The Rise and Fall of Slobodan Milošević*, Boulder: Westview Press.
- Golubović, Zagorka, Ivana Spasić and Đorđe Pavićević (eds.). 2003. *Politika i svakodnevni život: Srbija 1999-2002*, Belgrade: Institut za filozofiju i društvenu teoriju.
- Gordy, Eric. 1999. *The Culture of Power in Serbia: Nationalism and the Destruction of Alternatives*, University Park, PA: The Pennsylvania State University Press.
- Green, Andrew T. 2002. “Comparative development of post-communist civil societies», *Europe-Asia Studies* Vol. 54 (3), pp. 455-471.
- Greenberg, Jessica. 2014. *After the Revolution: Youth, Democracy, and the Politics of Disappointment in Serbia*, Stanford: Stanford University Press.
- Lazić, Mladen (ed.). 1999. *Protest in Belgrade, Budapest and New York*: CEU Press.
- Lazić, Mladen. 2011. *Čekajući kapitalizam*, Beograd: Službeni glasnik.
- Mastnak, Tomaž. 1992. “Civil society in Slovenia: from opposition to power», in: Jim Seroška and Vukašin Pavlović (eds.), *The Tragedy of Yugoslavia*, Armonk: M.E.Sharpe, pp.49-66.
- Pavićević, Djordje. 1997. “Civil society: a normatively overcharged term», in: David Durst et al. (eds.), *Resurrecting the Phoenix*, Sofia: EOS, pp. 351-358.
- Pavlović, Vukašin (ed.). 1995. *Potisnuto civilno društvo*, Belgrade: Eko centar.
- Popov, Nebojša (ed.). 2000. *The Road to War in Serbia. Trauma and Catharsis*, English version edited by Drinka Gojković, Budapest and New York: Central European University Press.

Skenderović Ćuk, Nadia and Milan Podunavac (eds.). 1999. Civil Society in the Countries in Transition: Comparative Analysis and Practice, Subotica: Agency of Local Democracy/Open University.

Spasić, Ivana. 2004. "Citoyens contre politiques: le 5 octobre 2000 et la construction de la Serbie de l'après Milošević", Revue d'études comparatives Est-Ouest, vol. 35 (1-2), pp. 269-295.

Uvalic, Milica. 2010. Serbia's Transition: Towards a Better Future, Basingstoke: Palgrave.

Vladisavljević, Nebojša. 2008. Serbia's Antibureaucratic Revolution: Milosevic, the Fall of Communism and Nationalist Mobilization, Basingstoke: Palgrave.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

С.В. Хашаева,

кандидат социологических наук,

доцент кафедры социологии

и организации работы с молодёжью, НИУ «БелГУ»

Соревновательность – собирательное понятие, имеющее, как минимум, четыре значения: 1) определенная характеристика социальных отношений (экономических, правовых, политических и т.д.); 2) определенный вид социальных отношений; 3) определенное психологическое состояние человека (социальной группы); 4) определенный вид социальных процессов [5].

Соревновательность выступает в виде определенного социального процесса, понимаемого как относительно однородная серия явлений, связанных взаимными причинами или структурно-функциональными связями [6]. Эта серия явлений означает установление самих соревновательных отношений, повышение или понижение их интенсивности, расширение или сужение их масштаба...

Первая из этих тенденций – *возбуждение жизненной энергии соревнующихся*. Впервые обратил внимание на эту тенденцию К. Маркс. В «Капитале» он писал, что «уже самый общественный контекст вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц...» [3].

Тенденция к возбуждению жизненной энергии соревнующихся получила экспериментальное подтверждение. Еще в начале XX века В.Меде провел лабораторный эксперимент. Подростки в возрасте 12-14 лет подвергались воздействию электрического тока. Сила тока увеличивалась до тех пор, пока становилась непереносимой. Тогда по сигналу испытуемых ток отключали. Сначала они проходили испытание поодиночке, причем устанавливались границы чувствительности. Потом люди включались в испытание попарно, и экспериментатор побуждал их к соревнованию и выносливости. Порог чувствительности снизился, т.е. выносливость увеличилась в среднем на 13%. В следующей серии опытов испытуемые могли выбирать партнеров по взаимному желанию.

Другая тенденция-закономерность – *иррадиация соревновательных отношений*. Соревнование вовлекает в сферу заинтересованности людей самые различные их качества и виды деятельности, возводя их в значимые критерии

взаимной оценки и самооценки. Так, соревнование в трудовой деятельности незаметно «перерастает» свои границы и... уже побуждает соревнующихся продолжить свое образование, принять активное участие в художественной самодеятельности, заняться спортом и т. д. ... И все эти стороны человеческой жизни становятся значимыми показателями состязания. Соревнование постоянно повышает критерии взаимных оценок его участников, их требований, которые наполняются более значимым содержанием. Сфера межличностного, межколлективного соревнования – это, образно говоря, не ковер для состязания борцов, при выходе за который борьба останавливается. Она больше похожа на процесс выращивания кристалла. Его рост определяется внутренними причинами и чтобы выращивать кристаллы, надо знать эти причины. Так же обстоит дело и с соревнованием.

Еще одна тенденция-закономерность – *побуждение к обмену ресурсами* (знаниями, умениями и т.п.). Смысл этой закономерности образно выразил Б. Шоу. Если у вас есть одно яблоко, а у другого – одна груша, то обменявшись ими, вы будете иметь все-таки один плод. Если же у каждого из вас по одной идее, то обменявшись ими, вы уже оказываетесь при двух идеях.

Обмен ресурсами освобождает многих от «изобретения велосипедов», позволяет аккумулировать в деятельности каждого партнера то, что достигнуто и апробировано другими, повышает ее результативность. История свидетельствует о том, каких значительных успехов может достичь страна, ориентированная на интенсивный обмен ресурсами. (Пример – Япония). Следуя пословице «У зайца нет острых когтей, зато у него длинные уши», японцы активно изучают и заимствуют зарубежный опыт, старательно приспособлявая его к своим условиям и особенностям.

При постоянном обмене ресурсами подтверждается житейская мудрость «с кем поведешься, от того и наберешься» не только в отношении знаний и умений. Давно уже бытовало мнение, что лица супругов, счастливо проживших долгие годы, обретают схожие черты. Один американский психолог решил проверить эту гипотезу. Он сравнил фотографии сотен супружеских пар – в день свадьбы и спустя 25 лет. И что же? У многих он, действительно, увидел изменение лиц в направлении взаимного сходства.

Обмен ресурсами – это обмен между относительно равноправными партнерами, имеющими свободу выбора. Источником, импульсом такого обмена выступает противоречие между субъектами (развернутая форма противоречия между естественно-предметным и социальными сторонами деятельности). Обмен ресурсами не возникает, если ее цели, результаты, средства и условия у разных субъектов идентичны (абстрактное тождество) или, напротив резко отличается друг от друга (абстрактное различие). Так, например, рядом или даже на одной территории могут сосуществовать различные этнические группы (племена, народности), не обменивающиеся ресурсами.

Важное значение имеет также тенденция «*опредмечивания*» жизненной энергии, психологического подъема, вызываемого соревнованием. По обычной логике вещей подъем сменяется спадом и далее – состоянием психологического равновесия. Однако нельзя ли, – возникает вопрос, – повлиять на эту амплитуду

состояний, зафиксировать ее в точке подъема? Удержать психологический подъем соревнующихся, превратить его в норму отношения к труду, делу можно посредством его «опредмечивания», т.е. очевидного изменения условий работы, в направлении их совершенствования. Без этого психологический подъем не только теряет устойчивость в данный момент, но гораздо с большими усилиями может быть возобновлен в последующем.

Следует обратить внимание также на тенденцию к *самовозбуждению*, иначе говоря, эффект обратной связи. Речь идет о взаимосвязи мотивов соревнования и самого соревнования. Мотивы побуждают к соревновательности, а само соревнование (объективная соревновательная ситуация) усиливает соревновательные мотивы.

Чем короче дистанция между статусами социальных субъектов, тем больше вероятность возникновения между ними соревновательных отношений [1]. Тенденция к *статусной детерминации соревновательных отношений* и процессов относится ко всем уровням их проявления, в том числе, к уровню локальных организаций, первичных групп, где существенное значение имеет личный статус сотрудника.

В соответствии со статусом, занимаемым индивидом в первичной группе, от него ожидаются определенные действия. Чем выше статус, тем больше требований и строже оценка. Одно дело, когда опаздывает на работу «вечный нарушитель», и совсем другое дело, когда на столько же опоздал сотрудник, пользующийся безупречной репутацией. На первого могут и не обратить внимания, тогда как второй факт будет воспринят как событие. Коль скоро спрос с человека пропорционален его статусу, некоторые считают более выгодным и удобным для себя пользоваться невысоким статусом, «держаться в тени». С другой стороны, качества руководителя, его поступки, оказываются чаще всего предметом подражания, соревновательного отношения. По данным социологических исследований, 70-80 процентов работающих постоянно или частично ориентируются на своего непосредственного руководителя, видя в нем пример нравственного поведения.

Еще одна тенденция, характеризующая динамику соревновательных отношений, – это *обратимость соревновательных ориентаций*. Применительно к соревновательному процессу мы обычно считаем, что «средняки» ориентируются на лучших, аутсайдеры на «средняков», а лучшие – на достижение еще более высоких результатов. Однако такая линейно-поступательная модель соревновательного процесса проявляется далеко не всегда. В реальной жизни может действовать и противоположная – линейно-регрессивная модель соревновательного процесса, когда его лидеры, сбавляя темп и результативность деятельности, оказываются в группе «средняков», а эти, в свою очередь, нисходят до уровня аутсайдеров.

Психология середняка находится, как правило, под действием «гипноза фона». Именно так назвал писатель Г. Радов стремление некоторых хозяйственников «прилично» выглядеть на соответствующем фоне. «Заедешь в колхоз, спросишь об урожае, – писал он, – а тебе отвечают: восемнадцать центнеров. Прикинешь: чернозем роскошнейший, пласт – полтора метра, влаги было

достаточно, почему же только восемнадцать? А тебе говорят: – То есть как это «только»? Да на фоне среднего урожая в стране... И действительно, «на фоне среднего урожая в стране» эти восемнадцать центнеров выглядят куда как парадно... Это на хороших землях. А на средних? И там ведь действует свой «фон», свое сравнение. И так как «фон» этот чаще всего до крайности мал и беден, то порой на этом «фоне» передовиками и ударниками считаются люди, добывшие и центнеров десять...» [4].

Действие «гипноза» соревновательного фона – это еще одна из примечательных тенденций соревновательных процессов. Результаты лидеров далеко не всегда оказываются фоном сравнения для остальных участников соревнования. Успех передовика, говорят, – укор для других. Только одни отводят укор, стремясь достичь и превзойти передовые рубежи, а другие выбирают себе для сравнения более скромный, утверждающий чувство самоуважения фон. Вид пропасти у одних вызывает мысль о сооружении моста, а у других – об отступлении. «Гипноз фона» создает психологический барьер между участниками соревнования, ослабляет накал трудового состязания, препятствует восприятию и внедрению передового опыта. Как следствие, появляются легенды о «тепличных условиях», создаваемых якобы для лидеров (хотя иногда это действительно имеет место).

Отметим, что с целью поддержания положительной самооценки человек нередко меняет свои соревновательные установки, модифицирует соревновательное поле, подбирает подходящий социально-психологический фон для сравнения.

Завершим анализ тенденций-закономерностей соревновательных процессов *характеристикой тенденции инверсии* (лат. *inverso* – переворачивать). Возможно, впервые обратил внимание на эффект инверсии Ф. Бэкон, анализируя особенности экспериментального метода в науке. «Инверсия эксперимента, – писал он, – имеет место тогда, когда доказывается противоположное тому, что известно из эксперимента» [2].

«В любой организационной работе нетрудно, в принципе, различить то, что организуется, и то, каким способом организуется. «Что организуется» – это содержание или предмет организационной работы, а «каким способом организуется» – ее форма. Далее, есть цель организационной работы («ради чего организуется»), средства («чем организуется») и функции («как организуется»). Очевидно при этом, что форма определяется содержанием и подчиняется ему, функции определяются целью и средства – тоже целью. Однако, в самом процессе организационной деятельности есть тенденция обращения формы в содержание, средств в цель, функций в цель. Эта тенденция как раз и выражается законом инверсии».

Подмена содержания формой, иначе говоря, формализм, встречается чаще всего тогда, когда организаторы не имеют адекватного или четкого представления об особенностях организуемого объекта, и сводят свою деятельность к выполнению инструктивных предписаний, принятию «оргмер» и «оргвыводов» без учета и понимания их целесообразности и последствий. Не так уж редки ситуации, когда человек увлеченно занят организационными процедурами и

мероприятиями, ставшими своего рода ритуалом, и не в состоянии при этом объяснить, что и кого он организует, а если и пытается объяснить, то не выходя опять же за рамки стереотипно-ритуальных представлений.

Сказанное имеет особенно важное значение для управления соревновательными процессами в организации. Именно инверсия содержания и формы, цели и средств стала главной бедой организации соревнования в советский период. Соревновательность была, по сути, отчуждена от самих сотрудников организаций, сведена к набору организационных процедур, превращена в предмет заботы узкого круга людей-организаторов. В итоге организация соревнования была подменена соревнованием организаторов.

Таким образом, в соревновательных процессах проявляются тенденции-закономерности 1) возбуждения жизненной энергии соревнующихся, 2) иррадиации соревновательных отношений, 3) побуждение к обмену ресурсами; 4) опредмечивания жизненной энергии, психологического подъема, 5) самовозбуждения, 6) статусной детерминации, 7) обратимости соревновательных ориентаций, 8) «гипноза» соревновательного фона, 9) инверсии.

Литература

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. – Екатеринбург: ЛИТУР, 2002.
2. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук: Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1971.
3. Маркс К. Капитал. – Т. 1. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Т. 23.
4. Радов Г. Гречка в сферах. – М., 1976.
5. Хашаева С.В. Состязательный механизм социальной регуляции: монография / под ред. проф. Н.С. Данакина. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2009. – 148 с.
6. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДОВЕРИЯ В МЕХАНИЗМЕ САМОРЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ¹

В. И. Чупров,

*главный научный сотрудник
отдела социологии молодежи ИСПИ РАН,
доктор социологических наук, профессор*

Доверие в данной концепции представляет собой социологическую категорию, характеризующую степень соответствия ожидаемым и реальным знаниям о партнере взаимодействий как значимом объекте социальной реальности. Как феномен социальной реальности, доверие рассматривается в диалектической связи с недоверием, в единстве двух сторон одного и того же явления. Диалектика связи доверия и недоверия раскрывается во взаимных переходах

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Доверие как фактор саморегуляции в изменяющейся социальной реальности» при поддержке РГНФ (грант № 14-03-00484)

одного состояния в другое, отражая изменение ожиданий от партнера взаимодействий. Поэтому недоверие означает не просто недостаток доверия, а является качественно иным состоянием партнеров, связанным с несоответствием ожидаемых и реальных знаний друг о друге, придающем взаимодействиям особый характер.

Под саморегуляцией понимается деятельность, направленная на предупреждение и преодоление возникающих отклонений от такого состояния условий бытия и способов жизнедеятельности, которые индивид (группа) принимает для себя как должные и ожидаемые. Рассматриваемая как воздействие личности или группы на самих себя, саморегуляция является способом преодоления несоответствия реальных и ожидаемых результатов от взаимодействия партнеров. Недоверие партнеру, понуждает корректировать собственное отношение к нему. Важную роль в этом процессе играет индивидуальная или групповая рефлексия доверия. Она реализуется посредством постоянного переосмысления основ доверительного отношения к другому, способности к самоанализу способов взаимодействий с ним в направлении оптимального выбора ради максимизации выигрыша (благ) или минимизации проигрыша (затрат).

В рассматриваемом механизме саморегуляционная функция доверия имеет институциональные, социокультурные, социально-стратификационные, социально-организационные основания (признаки). Институциональное саморегулирование осуществляется путем выработки системы социальных норм в различных сферах жизнедеятельности людей, усваиваемых индивидуальным (групповым) сознанием в качестве допустимых рамок социального поведения. Соответственно доверие приобретает нормативный характер (институциональное доверие). Примером может служить корпоративная форма доверия, когда люди доверяют друг другу по принадлежности к структуре. Или, наоборот, в условиях тотальной коррупции, государственные чиновники, милиция и политики могут быть причислены априори к категории ролей, лишенных доверия.

Исторически обусловленная эволюция социальных институтов, осуществляемая в направлении от традиционных к современным, определяет и направленность изменения нормативной составляющей доверия, т.е. допустимых рамок доверительных отношений. Современное развитие политического института в направлении правового государства отражается в доверии власти. Новейшее развитие института экономики по пути гражданского общества проявляется в доверии менеджменту. Либерализация социальных институтов формирует новые критерии доверия в межличностных отношениях. Таким образом, процесс институционализации определяет меру доверия, которая, в свою очередь, становится фактором регулирования взаимодействий в различных сферах общественной жизни.

В качестве социокультурных признаков доверия в механизме саморегуляции выступают потребности, интересы и ценности, во взаимосвязи которых образуется мотивационная сфера сознания. Социальные взаимодействия как обмен услугами, будут взаимовыгодными, а значит, результативными, если реальные социальные действия соответствуют ожиданиям партнеров, определяются их общими потребностями и взаимными интересами, а сами услуги пред-

ставляют для них ценность. Во взаимосвязи потребностей, интересов и ценностей, как элементов мотивационной сферы сознания, вырабатываются относительно общие критерии и стандарты поведения, которые, по определению Т. Парсонса, выступают в роли символических посредников взаимодействия людей, социальных групп. Таким критерием является доверие, уровень которого определяет характер и направленность взаимодействий.

Потребности, отражая состояние неудовлетворенности чем-либо или кем-либо, являются источником активности субъекта, придавая саморегуляции предметную направленность. Благодаря связи с потребностями, доверие приобретает активную направленность на партнера взаимодействий. Доверяя, мы не пассивно ожидаем ответных действий партнера, а стремимся извлечь из этого пользу для себя. Однако потребности, являясь источником активности, не указывают на способы ее реализации. Таким способом являются интересы, которые придают саморегуляции деятельностную форму. Соответственно в форме конкретных действий, направленных на реализацию собственных интересов, осуществляется регуляционная функция доверия. Иначе говоря, в доверии проявляется заинтересованность в определенном отношении с партнером. В таком понимании доверие представляется как «рациональное ожидание» (Р. Хардин) соответствующего поведения от партнера, или «инструментальное доверие» (П. Штомпка). Центральное место в социокультурной саморегуляции принадлежит ценностям. Отражая идеальные представления о предмете, они являются смыслообразующим началом в механизме саморегуляции. Благодаря связи с ценностями, доверие наполняется смыслом, придавая саморегуляции избирательность и направленность. Такой тип доверия П. Штомпка называет «аксиологическим доверием», когда доверие опирается на моральные ожидания. В зависимости от смысла, которым наделяются партнерские отношения, изменяется направленность реализации регулятивной функции доверия.

Социально-стратификационная составляющая механизма саморегуляции направлена на преодоление социального неравенства, существующего в обществе, вследствие общественного разделения труда. Возникающие в процессе стратификации статусно-ролевые различия, являются не только основаниями неравенства, но и обладают стимулирующими свойствами, используемыми в механизме социальной саморегуляции. Благодаря доверию социальные позиции в процессе саморегуляции трансформируются в личностные. Рефлектируя новые для себя позиции в процессе перемещений, люди наделяют их личностным смыслом, оказывая встречное влияние на социальное расслоение, усиливая, или, наоборот, ослабляя социально-ролевые конфликты. Следовательно, регулятивная функция доверия проявляется в легитимации форм взаимодействий людей, способствующих повышению уровня социального расслоения, либо дестратификации.

Социально-организационная составляющая механизма саморегуляции призвана регулировать социальные взаимодействия путем упорядочения социальных связей. Организационный порядок реализуется не только путем институционального закрепления сложившейся структуры, но и вследствие интериоризации и воспроизводства групповых норм и ролевых структур, оптимизации

межличностных взаимодействий, т.е. саморегуляции. В саморегуляции организационного порядка доверию принадлежит важная роль. Благодаря доверию достигается упорядоченность внутригрупповых отношений, стабильность иерархической структуры организации, устойчивость внутренних и внешних социальных связей.

Для более углубленного анализа саморегуляционной функции доверия, обратимся к основным социологическим теориям социального взаимодействия – к ролевой теории личности, теории социального обмена, символического интеракционизма, этнометодологии. С позиций ролевой теории личности (Дж. Мид), доверие представляет собой систему ожиданий или требований относительно норм исполнения индивидом социальных ролей, и является разновидностью социальных санкций, упорядочивающих отношений и взаимодействий в группе.

В теории обмена социальные взаимодействия рассматриваются, исходя из допущения, что в них заложено некое рациональное начало, которое побуждает человека вести себя расчетливо и постоянно стремиться к получению самых разнообразных «выгод» – в форме денег, услуг, престижа, статуса, уважения, успеха, дружбы (Дж. Хоманс, П. Блау). К числу важнейших из ожидаемых вознаграждений Блау относит социальное одобрение. Возникающее в ходе обмена действиями взаимное вознаграждение становится повторяющимся и регулярным, и постепенно перерастает в доверительные отношения между людьми, базирующиеся на взаимных ожиданиях.

Значимые аспекты доверия в социальном взаимодействии вытекают из теории символического интеракционизма (Г. Блумер, Р. Роуз). Согласно концепции Г. Блумера, люди действуют по отношению к другим, ориентируясь, прежде всего, на значение (смысл), которые придают этим отношениям. Необходимым условием символической интеракции является доверие между взаимодействующими субъектами. Без доверия друг другу не может быть достигнуто ни одинаковое понимание смыслов, ни их взаимосогласование в символической форме в процессе конструирования социальной реальности.

В развитие этнометодологического подхода Э. Гофман разрабатывает концепцию управления впечатлениями, в которой в качестве фактора взаимодействий выступает проектирование людьми собственных имиджей. Сознательно режиссируя впечатления о себе, люди стремятся произвести благоприятное впечатление на других. В конечном итоге управление впечатлениями направлено на повышение доверия к себе, превращая его в фактор регулирования социальных взаимодействий.

Итак, саморегуляционная функция доверия, являясь важной составляющей социальных взаимодействий, проявляется в них в следующих формах.

Во-первых, регулирование ожиданий и требований относительно выполнения социальных ролей. Доверие способствует формированию ролевой структуры личности, поощряя ее ожидаемую направленность в ролевых взаимодействиях и предупреждая возникновение социально-ролевых конфликтов.

Во-вторых, регулирование отношений обмена в социальных взаимодействиях. Доверие является формой социального одобрения. Оно стимулирует

взаимное вознаграждение, а также доминирование приобретаемых благ над вынужденными затратами во взаимодействиях с партнерами.

В-третьих, регулирование символической интеракции между взаимодействующими субъектами. Доверие повышает значение отношений с другими, способствует их символизации (значимые другие), обеспечивает взаимосогласование символов в процессе конструирования социальной реальности.

В-четвертых, регулирование правил поведения, принятых на веру, в повседневных взаимодействиях. Благодаря обобщенному доверию (Ф. Фукуяма), повседневные правила поведения приобретают нормативный характер, происходит конституирование обыденных норм.

В-пятых, регулирование конструированием людьми собственных имиджей, позволяющих повысить уровень доверия к себе. Под влиянием доверия имиджи приобретают легитимную форму.

Доверие, таким образом, придает саморегуляции преимущественно конструктивную направленность, а недоверие, выполняя функцию «болевого синдрома» – консервативную.

РОЛЬ ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЛИДАРНОГО ОБЩЕСТВА¹

И.В. Шавырина,

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии и управления БГТУ им. В.Г. Шухова*

В настоящее время особую актуальность приобретает проблема развития социальной активности молодежи. Социальная активность в данном случае представляется наиболее оптимальным методом формирования общественного доверия, личной и коллективной ответственности, ведущим к повышению эффективности деятельности социально ориентированных, в том числе благотворительных, некоммерческих организаций, содействующих развитию гражданского общества в России.

Для молодежи свойственны те черты, которые определяют ее место и роль в системе социальных отношений. Данная категория граждан является общественной силой, «которая может осуществить различные начинания, потому что она не воспринимает установленный порядок как нечто само собой разумеющееся и не обладает закрепленными законом интересами ни экономического, ни духовного характера» [1]. В силу своего особого взгляда на общественные проблемы, молодые люди становятся инициаторами изменений в обществе. А волонтерство, в свою очередь, как общественное движение открывает перспективу подрастающему поколению проявить свои социальные и культурные особенности. Добровольчество – это способ выстраивать социальные

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области. Грант «Потенциал общественных организаций в формировании регионального солидарного общества» № 14-13-31008 (рук. – Е.В. Реутов).

отношения, развивать и находить применение своим моральным, духовным качествам, получать новые навыки, а также оказывать другим и находить самим себе поддержку, друзей, чувствовать свою необходимость и пользу.

Тот факт, что молодежь характеризуется не в полной мере устоявшимися интересами, объясняет, в определенной степени, характер потенциала и социальных возможностей молодого поколения. Это социальная общность, которую каждый член общества сопоставляет с молодежью как неизбежной частью механизма воспроизводства, а каждый представитель этой социальной общности сам отождествляет себя с ней.

На наш взгляд, несомненную значимость представляет все возрастающая роль волонтерского движения в формировании регионального солидарного общества. Говорить сегодня о волонтерском движении, как о явлении можно, только учитывая тот факт, что все волонтеры руководствуются в своей деятельности одним общим принципом – безвозмездно помогать людям. Волонтерство (добровольчество) – это единый акт или группа акций социально значимого характера (физическая, экономическая, социальная, культурная поддержка), символ солидарности, созидательная и созерцательная сила, направленная на сохранение и укрепление человеческих ценностей (потребность в мире, свободе, безопасности, справедливости), на реализацию прав и обязанностей граждан, изучение их личностного роста и осознание полного человеческого потенциала [2]. А волонтеры, по мнению Е.И. Холостовой, это люди, делающие что-либо по своей воли, по согласию, а не по принуждению. Они могут действовать либо неформально, работать бесплатно как в государственных, так и частных организациях, или являться членами добровольческих организаций [3]. Понятие «волонтер» концептуально раскрыто в Федеральном законе от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Согласно этому документу волонтеры – это граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя [4]. Таким образом, волонтер – это, прежде всего, член общественной объединения, организации социальной направленности.

Формально не являясь профессиональным уровнем социальной работы, добровольчество выполняет конкретные социальные функции. Это означает, что волонтерская деятельность имеет своей направленностью нравственное воспитание, возрождение в социальной среде общечеловеческих ценностей культуры и нравственности.

Вопрос о потенциале использования молодежной волонтерской деятельности может рассматриваться как минимум в двух аспектах: влияние молодежного волонтерства на конкретно-историческую ситуацию, сложившуюся в обществе; влияние волонтерства на саму личность молодого человека, включающегося в данную деятельность.

В социальном плане волонтерство направлено на достижение определенных целей. Одна из них направлена на формирование стабильности и сплоченности в обществе, а другая на дополнение услуг, предоставляемых социальными программами в тех случаях, когда эти услуги нерентабельны, но необходимы обществу.

Волонтерство может осуществляться с различной степенью участия – от полного вовлечения до эпизодического участия в волонтерской деятельности.

Исследования мотивации российских добровольцев показывают, что главными мотивами, побуждающими к добровольческой деятельности, являются:

- стремление к строительству более справедливого и свободного общества;
- энтузиазм, доброта и подвижность граждан;
- стремление быть социально полезными другим людям;
- неравнодушное отношение к происходящему вокруг;
- желание реализовать себя и свои инициативы;
- желание решить проблемы других людей и собственные проблемы [5].

Спектр мотивов молодых людей, приобщающихся к волонтерству, достаточно широк и многообразен. В настоящее время волонтерская деятельность – один из наиболее распространенных видов общественной активности населения, имеющий огромный потенциал в плане формирования регионального солидарного общества.

Тем не менее, потенциал волонтерских организаций не в полной мере реализован. Как справедливо отмечает А.В. Стагнеева, «действующие меры поддержки волонтерства остаются недостаточными для интенсивного развития добровольческой деятельности молодежи, а также ее активного включения в экономическую, социально-политическую и культурную жизнь общества. Следовательно, необходимы адекватные преобразования уже существующей системы организации волонтерской деятельности молодежи на региональном уровне, тем более что она, как правило, не является оптимальной и демонстрирует низкую отдачу» [6].

По ее мнению, «процесс совершенствования организационных оснований добровольческой деятельности молодежи предполагает решение двух основных задач. Во-первых, развитие мобилизационных практик волонтерских организаций, которые выражаются, прежде всего, в формировании готовности акторов включаться в функционирование различных социальных отношений для достижения определённой цели. Во-вторых, комплексное ресурсное обеспечение добровольческой деятельности молодежи, в первую очередь, информационное» [7].

Таким образом, в современном обществе волонтерская деятельность признается одним из самых эффективных способов участия общественности в различных сферах общественной жизни, в принятии различного рода управленческих решений, но потенциал волонтерских организаций не в полной мере реализован на местном уровне, носит в основном ситуационный и фрагментарный характер.

Литература

1. Мангейм, К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – М., 1992. – С. 442–444.
2. Бадя, Л.В. Прогрессивные идеи социальной педагогики и социальной работы в России: история и современность / Л.В. Бадя. – М.: Изд-во АСОПиР, 2005. – С. 56.
3. Холостова, Е.И. Волонтеры // Словарь-справочник по социальной работе / под ред. проф. Е.И. Холостовой. – М., 1997. – С. 121–124.

4. Федеральный Закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Сборник нормативных правовых актов РФ. – М., 2010. – С.94.
5. Азарова, Е.С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности: автореф. ... канд. психол. наук / Е.С. Азарова. – Хабаровск, 2008. – С. 11.
6. Стагнеева А.В. Диагностика условий применения технологий рекрутирования в управлении волонтерскими организациями // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6; URL: www.science-education.ru/113-10894 (дата обращения: 08.09.2014).
7. Там же.

МОЛОДЕЖЬ В ПРОЦЕССАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

О СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЛИДАРНОГО ОБЩЕСТВА

В.П. Бабинцев,
заведующий кафедрой социальных технологий
НИУ «БелГУ»,
доктор философских наук, профессор

Когда впервые в 2009 году в Белгородской области была сформулирована идея солидарного общества, она вызвала много вопросов и возражений, часть из которых воспроизводится и сегодня.

Прежде всего, для многих было не ясным, что из себя представляет такое общество, каковы его главные характеристики?

Казалось бы, ответ на этот вопрос дала утвержденная распоряжением Губернатора Белгородской области от 3 мая 2011 года Концепция Программы «Формирование регионального солидарного общества». В ней было сказано: «Региональное солидарное общество выступает как система межличностных и межгрупповых отношений субъекта Российской Федерации, основанная на осознании их участниками общности идеологии, интересов, ценностей и жизненных смыслов, взаимной поддержке, лояльности и сотрудничестве в достижении позитивных общественно значимых целей.

Таким образом, солидарное общество базируется на духовности и нравственности, доверии и солидарности.

Формирование солидарного общества изначально рассматривалось как большой социальный проект, то есть ограниченное по времени нововведение, в основе которого лежит система ценностей его инициаторов, их специфическое видение будущего, в данном случае – будущего Белгородской области. В силу данного обстоятельства проект предлагает картину этого будущего, которая отличается от реальности, причем отличается весьма существенно. И разрыв между образом будущего и реальностью сегодняшнего дня настолько велик, что обыденное сознание отказывается принимать идею разработчиков и заказчиков проекта, рассматривая ее как очередную утопию (в лучшем случае), либо как очередной обман «простого человека», осуществляемый правящей элитой (в худшем случае).

Мы полагаем, что необходимыми характеристиками регионального солидарного общества в современных условиях являются:

формулировка ценностей и смыслов, которые являются безусловными для абсолютного большинства населения области и основаны на культурно-исторических традициях;

– обеспечение открытого, честного диалога между органами власти и населением;

- развитие нравственности, оптимизма, патриотизма, позитивно ориентированного мышления;
- формирование ответственности власти за эффективность и безопасность своей деятельности;
- утверждение идеи социальной справедливости как ведущего принципа взаимоотношений между людьми;
- наличие четких норм во взаимоотношениях между людьми и социальными институтами, которые не могут быть нарушены ни при каких условиях;
- социальная активность, готовность и способность граждан участвовать в решении государственных и общественных проблем, вопросов местного значения;
- акцент на взаимной ответственности (власти и граждан, граждан по отношению друг к другу);
- постоянный и конструктивный диалог государственной власти и гражданского общества;
- консенсусный язык общения, то есть язык, использующий одинаково воспринимаемые участниками диалога понятия, ориентированный на поиск общих смыслов, понимание друг друга».

Но в то же время социологические исследования свидетельствовали: в реальной жизни люди имели место с иными характеристиками повседневной реальности. В частности, в ходе мониторинга оценки эффективности деятельности органов власти и управления Белгородской области в 2009 году выяснилось, что 22% белгородцев убеждены в том, что в обществе стало меньше доверия; 33% – меньше справедливости; 31% - больше жестокости; 45% – больше безразличия. При этом 39% постоянно сталкиваются с безразличием по отношению к себе, 33% - с проявлениями лжи.

Мониторинг, проведенный в 2010 году, фактически подтвердил это. В ходе его 37% белгородцев заявили, что постоянно сталкиваются с проявлениями безразличия по отношению к себе.

Наконец, мониторинг «Роза качества» в 2011 году выявил: постоянно встречаются с проблемой несправедливости 39.00% респондентов; 17.55% враждебности, 30.63% лжи и 37.43% - безразличия к людям. Результаты мониторинга дают основание утверждать: в последние годы в обществе резко обострилась проблема социальной справедливости. С проявлениями несправедливости в настоящее время постоянно сталкиваются 40% белгородцев. Таким образом, общество, в котором мы живем, весьма далеко отстоит от идеалов солидарности.

В этой связи надо честно ответить на вопрос: есть ли в идее солидарного общества элемент утопизма? И этот ответ должен быть следующим: несомненно, он присутствует, но не меньше, чем в любом другом социальном проекте, предполагающем существенное изменение сложившихся жизненных условий. При этом, чем более глубинные основания жизни затрагивают предлагаемые изменения, тем выше в них доля утопизма.

Предлагаемый же проект был ориентирован на изменение ценностей, а они среди других оснований жизнедеятельности людей менее всего подвержены преобразованию.

Но поскольку изначально было ясно, что проект крайне сложен, что формирование солидарного общества потребует огромных затрат ресурсов и не гарантирует успеха, может быть, не следовало вообще его инициировать? Имеет место и иная точка зрения. В соответствии с нею данный проект имел чисто утилитарное значение как красивый лозунг в ходе избирательной кампании в Белгородскую областную Думу. После успешного ее завершения нет смысла возвращаться к этой сложной и далеко не однозначной по своему содержанию и последствиям идее.

Тем не менее, сегодня имеются достаточные основания считать, что формулировка этой идеи была адекватной реакцией на вызовы, которые предъявила региональному управлению современная социально-экономическая ситуация. И здесь необходимо учесть несколько обстоятельств.

Во-первых, как уже отмечалось выше, Белгородская область существенно продвинулась в своем развитии в первое десятилетие 2000-х годов, войдя в число ведущих субъектов Российской Федерации. Однако по мере наращивания социально-экономического потенциала региона стала все более очевидной проблема несоответствия его уровню качества отношений между людьми. То есть, формируя сравнительно продуктивную социально-экономическую систему, мы мало продвинулись в изменении сознания людей, а по некоторым позициям даже оказались отброшенными назад в сравнении с советским периодом. В частности, в сознании значительного числа людей прочно утвердился культ денег («бабла»), торгашества, а духовные ориентиры стали второстепенными. Но, как оказывается, общество не может успешно развиваться только за счет техники и технологии. Более того, чем совершеннее становятся его технико-технологические основания, тем острее потребность в культуре, в том числе и в культуре человеческих отношений.

В этой связи уместно привести вывод специалистов в сфере системного управления, которые утверждают: «Исследования в области культурной антропологии, исторической социологии и исторической психологии обнаружили системную зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью социума. А именно: чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурно-психологической регуляции необходимы для сохранения общества. Эта зависимость обозначена как *закон техногуманитарного баланса*» [1].

Во-вторых, в начале 2000-х годов все регионы России, а приграничные, к числу которых относится Белгородская область, все более отчетливо стали ощущать на себе влияние глобальной конкуренции. При этом стало очевидным, что в современной конкурентной борьбе успешным может быть только общество, которое имеет ясное представление о собственной культурно-цивилизационной идентичности, то есть его граждане способны соотнести себя с конкретными ценностями, традициями, нормами поведения,

сформировавшимися в прошлом и имеющими перспективу в будущем. Это триединство прошлого, настоящего и будущего – единственная прочная основа перед экспансией продвигаемой глобальной корпоратократией псевдокультуры, разрушающей национальные государства и обеспечивающей доступ транснациональным компаниям к контролируемым ими ресурсам.

Идея солидарного общества стала своеобразной попыткой закрепления региональной идентичности. Сегодня довольно редко вспоминают о том, что солидарность – это еще и солидарность с прошлыми и будущими поколениями, установление преемственности между ними, без которой мы остаемся «Иванами, не помнящими родства», а потому представляем собой лишь материал для манипуляции со стороны транснациональной элиты.

В-третьих, еще одним вызовом современности стало требование поиска дополнительных ресурсов, способных обеспечить успех каждому отдельному человеку и общественным группам. К числу таких ресурсов относится социальный капитал, представляющий собой человеческие возможности, сформировавшиеся в результате интеграции людей в социальные группы (семью, трудовой коллектив, местное сообщество, нацию). Это реальные и потенциальные возможности людей, которые они могут использовать для повышения качества собственной жизни и жизни всего общества, и которые являются результатом их межличностного взаимодействия. Наиболее существенным в социальном капитале является то, что он создается не усилиями отдельных, обособленных друг от друга людей, а формируется и накапливается под влиянием их включения в прочные коллективистские отношения, установления и выполнения взаимных обязательств, ответственности и солидарности. Размер социального капитала общества прямо зависит от степени взаимной поддержки, сотрудничества и доверия его граждан друг к другу. Чем этот уровень выше, тем большими ресурсами обладают страна и государство.

Практика показывает, что общества с высокой степенью интеграции, обладающие значительным социальным капиталом, наиболее стабильны и динамичны в своем развитии. Наглядный пример в данной связи представляет Израиль.

Таким образом, формулировка концепции солидарного общества имела под собой довольно глубокие основания. Вместе с тем, изначально было очевидно, что решение этой задачи связано с огромными трудностями, не замечать которые было невозможно.

Во-первых, реализация Стратегии предполагала изменение ценностей белгородцев, в особенности коррекцию тех их деформаций, которые произошли в последние десятилетия.

Во-вторых, нельзя не учитывать высокий уровень зависимости области от федерального центра. Но на общегосударственном уровне не предложено удовлетворительной национальной стратегии, без которой невозможно формировать солидарную доверительную среду.

В-третьих, Стратегия предложена в ситуации заметной отчужденности власти и населения и, как следствие, неприятия основной массой граждан

инициатив, исходящих от власти. Взаимное доверие между властью и тем, что принято называть гражданским обществом, находится на крайне низком уровне, что, впрочем, определяется не только позицией самой власти, но и традициями отечественной политической культуры. В этой связи неизбежно скептическое восприятие значительной частью населения идеи солидарности как очередной «обманки», предлагаемой властью.

В-четвертых, в обществе сохраняется высокий уровень социальной дифференциации и даже поляризации населения. В этой связи неизбежно возникает сомнение, в какой степени можно достичь солидарности между олигархом и наемным работником; между безработным и крупным чиновником. Положительный ответ на данный вопрос обычно сопровождают ссылками на наличие общих национальных интересов и национальных ценностей. Однако практика показывает, что эгоистические и корпоративные интересы остаются приоритетными для представителей большей части элит, а реальные механизмы формирования их социальной ответственности не созданы.

В-пятых, при разработке Стратегии изначально отмечалось, что есть опасность имитации ее практического исполнения. Эта опасность определяется тем, что имитации все более становятся органичными системе государственного и муниципального управления.

Таким образом, перспективы реализации Стратегии формирования солидарного общества далеко не однозначны. Концепция его вполне может остаться всего лишь красивой декларацией и не привести к реальным позитивным изменениям в жизни белгородцев.

Комплекс встающих в связи с ее реализацией задач, несомненно, объемов и сложен. Инициатором их решения должна и может стать новая региональная элита, которая принципиально отличается от бюрократии, превратившейся на федеральном и региональном уровнях в специфическую субкультуру, агрессивную по отношению к носителям иных ценностей и смыслов, претендующую на универсализацию своих ценностей – распространение их на все сферы жизни.

Новая элита должна быть, буквально, выращена за пределами корпоративной бюрократической системы на базе крайне слабых, но все же существующих элементов гражданского общества путем включения в данный процесс интеллигенции, национально ориентированных предпринимателей, молодежи. В контексте реализации стратегии формирования регионального солидарного общества нет более важной проблемы, чем разработка и внедрение технологии создания такой элиты. И решать ее следует не на основе здравого смысла и интуиции, но на основе научных разработок.

Литература

1. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11 – 12 апреля 2013 г. М.: «КАНОН+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 21.

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ ИНОСТРАНЦЕВ К РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Е.Г. Багреева,

*заместитель начальника лаборатории исследования
проблем исправления осужденных,
НИИ уголовно-исправительная система Минюста России,
г. Москва доктор юридических наук, профессор*

Е.В. Багреева,

*доцент кафедры уголовного права и процесса,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва, кандидат психологических наук*

Обострившаяся за последний год социально-политическая ситуация в мире: несоблюдение норм международного права рядом зарубежных стран повлекло за собой создание напряженной, а порой и агрессивной обстановки в межгосударственных и межкультурных отношениях, повлекших изменение степени доверия.

Проблема доверия является многоаспектной, а потому рассматривается в научном поле целого ряда дисциплин: от психологии и социологии до политологии и экономики.

Важность доверия для познания мира подчеркивает множество авторов (например, Скрипкина Т.П. (2000), R. Kramer (1999), P. Sztompka (2013), Антоненко И.В. (2012), Купрейченко А.Б. (2012), Зубок Ю.А. (2014) и др.). Традиционно исходят из того, что доверие отражает правила построения ожиданий будущих событий и согласования сформированных ожиданий с информацией об осуществлении этих событий и имплицитно оценивает каждое явление и каждый объект в соответствии с этими правилами. Это правило актуально для многих сфер деятельности человека. Большинство политических теоретиков подчеркивают значение договора, а выбор свободных и рациональных субъектов считают главной нормой поведения. Это утверждение связывает современных сторонников теории общественного договора с теорией естественного права XVII-XVIII вв. В XXI веке проблема доверия рассматривается как одна из ключевых в развитии человеческих отношений.

В целом ряде европейских стран, считающих себя оплотом демократии, искажение фактов и происходящих за пределами Старой Европы событий привела к снижению доверия к России, с одной стороны, и росту недоверия к объективности отражения ситуации местными СМИ, с другой. В условиях агрессивных политических реалий, ужесточения существующих и введения ряда новых санкций по отношению к России, страдают в первую очередь торгово-дипломатические и культурные связи, растет уровень негативной стигматизации страны.

Так, социологический опрос, проведенный с 17 марта по 5 июня 2014 года американским агентством Pew Research Center в 44 странах, включая

Россию (48 643 респондента), показал, что после присоединения Крыма имидж России за рубежом в ряде стран значительно ухудшился.

Отрицательный рейтинг России вырос в 20 из 36 стран, в которых опросы проводились два года подряд, снизился в шести и остался на прежнем уровне в 10. Наибольшее ухудшение произошло в Польше (81%), Германии (79%), Италии (74%), Испании (74%), Франции (73 %), Великобритании (63%). Кроме того, в США отмечено падение на 29 процентных пунктов и сегодня составляет (72 %), в Польше – на 27 и Великобритании на 24.

Однако далеко не все респонденты единодушны в негативной оценке сложившейся ситуации. Жители Греции выделяются среди своих европейских соседей – всего 35% респондентов из этой страны критичны по отношению к России, их доля не изменилась с прошлого года.

Вместе с тем, в странах Западной Европы в ситуации общей напряженности растет количество представителей молодого поколения готовых поставить под сомнение однозначность негативного образа России представленного в местных СМИ и провести собственный анализ происходящих событий в поисках объективных компонентов социальной реальности нашей страны и выявлении факторов, влияющих на степень доверия.

В сентябре 2014 года было проведено пилотажное исследование представлений европейской молодежи о России с применением специально разработанного опросника на английском языке и серии глубинных интервью. Группа опрошенных состояла из 62 студентов в возрасте 19 – 21 года из ряда европейских стран: Франция, Германия, Австрия, Бельгия и Голландия, приехавших в Москву на один семестр для обучения в РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Свое пребывание в России большинство студентов объяснили интересом к изучению новой культуры и желанием освоить русский язык. Кроме того, многие отметили стремление приобрести опыт жизни в огромной по размерам стране и одном из крупнейших мегаполисов мира. Желание наладить потенциальные контакты для делового взаимодействия и потребность в самостоятельном анализе политико-экономической системы России стали весомым аргументом при выборе страны обучения для четверти опрошенных студентов. Согласно результатам опроса, целый ряд респондентов мужского пола прибыли в Москву с целью подтвердить или опровергнуть стереотип о «красоте русских девушек» и максимально сократить дистанцию недоверия.

Таким образом, причиной приезда в Россию для большинства респондентов стало желание создать объективный образ страны и соотнести их представления о России, насаждаемыми национальными СМИ с актуальными реалиями жизни в нашей стране. Кроме того, большинство опрошенных занимают активную позицию по отношению к освоению русского языка и других культурных составляющих нашей страны. Однако существующий у них уровень доверия не располагает к быстрому налаживанию деловых контактов. С другой стороны, отсутствие сформированной установки на поиск потенциальных партнеров из России может быть связано как с молодостью

респондентов так и с устойчивым влиянием установок старшего поколения в Германии, Бельгии, Франции, Австрии.

Согласно результатам опроса иностранцев в Москве существует ряд факторов, влияющих на степень доверия.

Так, большинство (63%) опрошенных указали на избыточное в общественных местах количество людей в униформе близкой к военной как фактор, способствующий возникновению напряженности. Помимо представителей охранных служб в университетах, вестибюлях метро, магазинах, больницах и музеях, количество разнообразных контрольно-пропускных пунктов с не всегда очевидной процедурой оформления пропускных документов вызывают не ощущение защищенности, а напротив чувство контроля извне и слежки.

Респонденты (37%) обратили внимание на организацию системы приема заявок и обращений в различных общественных институтах, где у входа в учреждение дает разъяснения не настроенная на помощь секретарша, а, стоящий у входа в камуфляжной одежде сурового вида, охранник. Такое положение вещей не редко вызывает у иностранцев чувство страха (24%), что также укрепляет негативный стереотип о нашей стране эпохи Сталина даже у людей, не имеющих представления о советской России.

Кроме того, по мнению 42% респондентов, отсутствие четкой и логичной организации социально-культурной сферы, начиная от образовательной и заканчивая гражданско-правовыми отношениями (от оформления разного рода документов до всеопутывающей бюрократии), является препятствием развития доверия к стране и людям.

Вместе с тем, среди факторов доверия, мотивирующих к развитию отношений с Россией и россиянами и являющихся рациональным основанием доверия, 67% респондентов отметили социально-экономические ресурсы страны: огромная территория, значительные природные ресурсы, относительно низкая стоимость высококвалифицированной рабочей силы. Кроме того, среди показателей доверия в сфере экономики – ведения бизнеса в России респонденты отметили отсутствие принятых в Европе ограничений на рекламу (25%), круглосуточное функционирование торговых точек (23%).

На эмоциональном уровне 17% опрошенных отметили плотность населения в мегаполисах, разнообразие этнических групп (12%), представленных на территории огромной России и владение ими русским языком. Кроме того, многие респонденты (34%) из Европейских стран высказали удивление стилем общения местного населения: «формальность, холодность, деловитость и, порой, грубость» при первой встрече и быстрая смена стиля общения при более тесном взаимодействии «теплота, заинтересованность, открытость и желание помочь». Отсутствие открытой улыбки, как неотъемлемой части повседневного общения, и способа выразить свое уважение к собеседникам отметили больше половины респондентов (56%). Такая специфика общения жителей столицы, безусловно, является препятствием доверия, и мешает межличностному общению.

Таким образом, проблема доверия, являясь базовой и многоаспектной, а в современных обострившихся геополитических отношениях чрезвычайно важной и актуальной. Согласно ответам респондентов проблема доверия затрагивает уровень межличностного взаимодействия, который в свою очередь влияет на межгосударственные отношения.

YOUNG PEOPLE IN THE CONTEXT RELIGIOUS SOCIAL CHANGE – THE CASE OF MONTENEGRO

Bakrac V., Podgorica

Faculty of philosophy University of Montenegro – Podgorica

Theoretical-chronological review

In all socialist societies, out of which Montenegro is no exception, manifest types of religion and religiosity were deeply kept back into one's privacy. Socialist system, shaped by Marxist-Leninist ideology had strongly critical relation toward religion. According to this ideology, religion was defined as a kind of alienation, so the society in Montenegro was secularized under the ideological pressure. Even though we do not have at our disposal many scientific verifications of the secularization from the socialist period of Montenegro, census itself clearly shows that religion was in an unenviable position. That is unequivocally testified by data, that during socialist period, a question of denominational self-identification was imposed as a question in census until 1993. There is a question: Is it really about (non)religiosity of the population of Montenegro or that religiosity, lead by controlled atheism, had to be suppressed. By keeping back religion in the sphere of one's privacy, it is deprived of every social relevancy and privilege, which was the aim of the process of the systemic atheism. In that sense, religion loses every monopoly and impact on social life (economy, law, politics, education, etc) and by time becomes no more driving force in one's life. (Vilson, 2005)

Orthodox Church especially fell into disfavor of the systemic atheism by the fact that Orthodox creed stood for main defender and protector of the national body in Montenegro. Socialist party believed that by neutralizing religion, it will attain homogeneous society. (Blagojevic, 2005:163-165). On the other hand, advanced secularization on the homogeneous orthodox region should be found within Orthodox Church herself, who bounded her identity to nationality, which was, according to Vukomanovic, one of her main weaknesses. (Vukomanovic, 2001:103)

At the end of the 20th century, by collapse of the socialist system, there is revitalization of religion in Montenegro, followed by social and spiritual convulsions, where religion, we believe, saw her chance. In the situation where feeling of insecurity caused by the falling of the system was prevailing, religion appears as a comfort. Thus, religion awakens dozed functions, offering identity and identification to the community, integrating a member into the community. (Blagojevic, 2009) At the beginning of the new millennium, there is more and more need for religion, especially among the youth in Montenegro, among which religion found safe place.

Processes of the economic, social, political transformations, followed by many contradictions and existential difficulties, cause that more youth is attached to religion. In that sense, today we can talk not only about revitalization of religion, but also about certain stabilization of the religious feeling in this area.

RESEARCH RESULTS, DATA INTERPRETATION AND ANALYSIS

Methodological framework

Research on religiosity of the Orthodox youth in Montenegro was done on stratified specimen in total 226 examinees, by the method of the questionnaire with already offered answers, in the period of March-July, 2010. As far as we know, this is the first research about religiosity of the Orthodox youth in Montenegro. According to that, the aims of the research can not be highly demanding. Thus, the main purpose of the research is checking the level of religiosity of the youth in classic, dogmatic and ecclesiastical sense. That includes checking religiosity on the basis of the indicators of the religious self-identification, believe in dogmatic statements about God and religious practice.

Research covered population of the youth between 16 and 27, on the territory of Montenegro, which was separated into 3 regions for the sake of the research, and those are: north, central part and south. In two-phase sample, first, we chose municipalities (towns and villages), and then we chose every second building (house) and every third household. The structure of the examinees, that was included in the questionnaire, justifies purposely chosen municipalities. By looking at demographic structure, there is some major part of female (57,1%) compared to male (42,9%), major part of the questionnaire consists of examinees from the town (68,1%) compared to the village (31,9%). Regarding profession, examinees mostly declared themselves as pupils (60,7%) and students (39,3%).

Self-estimation on religiosity

Establishing the comprehensiveness of religiosity according to the indicators of the religious self-identification, is not only considered insufficient but also common and artificial indicator of the religiousness. Surely, self-estimation was more reliable indicator than denominational self-identification, so it was crucial part for choosing this group of the indicators. Thus, we opted for more precise scale of religiosity where examinees could choose one of the options:

Table 1:

Self-estimation on religiosity in percentages	
Relation toward religion	%
I am believer and I accept everything my religion preaches	58.4
I am religious but I do not accept everything my religion preaches	23.0
I am not sure wheather I am believer or not	9.3
I am indifferent toward religion	2.7
I am not religious but I have nothing against it	6.2
I am not religious and I am against it	0.4
Σ	100,0

After analysis of the given data, we see that in the modality “I’m religious” 81,4% examinees said they are religious, 12,0% declared themselves as indifferent, 6,6% as nonreligious. Preliminary, it could be said that actual religiosity, seen

through indicators of the religious self-identification, is major manifestation in Montenegro, at least, when it's about Orthodox creed. It could be stated that high trend of de-secularization and revitalization of the religion, that dates from the beginning of the 1990-ies, is still major manifestation.

Religious self-identification and socio-demographic characteristic: Regarding the region, (north, central part and south), there is no big statistic difference among variables ($\chi^2=12,859$, $df=10$, $p=0,232$). In the north, sub-score is 40,7%. From the total number, 85,9% declared themselves in the modality „I am religious“, there are 5,4% who are indifferent toward the religion, whereas 8,7% declared themselves in the modality „Nonreligious“. In the central part, sub-score is 30,5%. In the modality „I am religious“ there are 79,7%, 14,5% of them are indifferent and 5,8% are nonreligious. In the south, sub-score is 28,8%. 76,9% declared themselves in the modality „I am religious“, 18,5% indifferent, and 4,6% nonreligious. There is, even though not big, difference among the regions. In the south religiosity is somewhat on the lower level than in the north, which could be explained by better life of the citizens in the south.

According to the sex, there is no much difference among segments of the variables ($\chi^2=11,075$, $df=5$, $p=0,050$). Sub-score for the male population is 42,9%. From the total score, 82,5% male examinees declared themselves in the modality “I am religious”, there are 15,5% indifferent male examinees, whereas there are 2,0% nonreligious examinees. Sub-score for the female population is 57,1%. From the total score, 80,6% declared themselves as religious, 9,3% indifferent and 10,1% nonreligious. The assessment of the religiosity according to the indicators is the same with both sexes. Religiosity is no more characteristics of only female sex, so that there is no difference among the sexes of the examinees.

By analysis of age group, we concluded that there is no big difference among the segments of the variables ($\chi^2=14,978$, $df=15$, $p=0,455$). Sub-score of the examinees between the age of 16 and 19 is 35,8%. From the total number, 81,5% examinees declared themselves in the modality “I am religious”, 11,1% as indifferent, and 7,4% as nonreligious. Within the age group between 20 and 23, sub-score is 29,4%. There are 80,3% who are religious, 13,6% indifferent, and 6,1% examinee declared as non-religious. Within the age group between 24 and 27, sub-score is 34,8% and relation toward self-estimation of the religiosity is 82,1% religious, 11,5% indifferent, and 6,4% non-religious. Regarding the age, percentage is quite equal.

Place of living makes no big difference in religiosity ($\chi^2=3,341$, $df=5$, $p=0,648$). Sub-score in town and in the village is 68,2% or 31,8%. Our research shows somewhat more religious people in towns compared to villages, and the percentage is 83,1% or 77,9%. People from the villages lead in the modality of indifferent examinees as well, and the score is 11,1% or 13,8%, as well as in the modality: “Nonreligious”, 5,8% and 8,3%. We can conclude that religiosity is no longer case of typically country thing, when it comes to self-estimation on religiosity with Orthodox examinees, which can be seen as a kind of a trend.

In the category “profession”, examinees mostly declared themselves as a pupils 31,4% and students 19,9%. 83,1% of the pupils and 77,7% of the students declared in the modality “Religious”. Among pupils, in the category “Indifferent”,

many of them declared so, 11,3% or 13,3%, and among student population there are more of them who declared themselves as nonreligious 5,6% or 11,1%. It could be concluded that according to the self-estimation of the religiosity, there is no big difference among pupils and students ($\chi^2=10,279$, $df=8$, $p=0,246$).

According to the analysis of the obtained data, it can be stated that religiosity, based on the religious self-identification, is quite the same regarding status characteristic, when it comes to population of the youth of Orthodox creed.

Orthodox creed and belief in dogmatic postulates about God

Belief in a God, who is a creator of the heaven and the earth, everything visible and invisible, creator of the man, and that our destiny is in His hands, is basic dogmatic postulate in Christianity. It is important to say that Orthodox Christian sees God as Holy Trinity, three persons in one man. In Christianity God means love, so it is sin to be an atheist.

Even though we are not sure that examinees understand God the way Orthodox dogma says, we made a table with statements about God so as to check religiosity of the Orthodox Christians. Such statements are shown in the table.

Table 2:

Score of the answers according to the dogmatic postulates about God

		I do not agree at all	I do not agree, partly agree	I am indecisive	I mostly agree	I agree completely
Do you agree that one should believe in God?	%	1.8%	0.9%	6.2%	25.7%	65.5%
Do you agree that God is a founder of everything that exists?	%	3.5%	7.1%	10.2%	27.9%	51.3%
Do you agree that God created man?	%	4.4%	5.3%	18.6%	20.8%	50.9%
Do you agree that God sees and knows everything?	%	3.5%	5.8%	9.7%	22.6%	58.4%
Do you agree that one's destiny is in God's hands?	%	8.8%	7.1%	9.7%	26.1%	48.2%

It is clearly shown in the table that on each dogmatic postulate, examinees declared around 50,0%, so half. They most declared on the question: „Do you agree that one should believe in God?“ in total 65,5%, so that we crossed this modality with socio-demographic data, whereas when it comes to the other postules, we will accept the obtained information from the table. For the case of purposefulness, we will divide the table into three groups, so that the examinees who mostly agree and agree completely will be in group „We agree“, the ones who do not agree at all and agree partly, will be in group „We do not agree“, and the third group will be the indecisive ones.

Socio-demographic features and belief in dogmatic postulations about God. According to the region, there is no big difference regarding belief in God ($\chi^2=14,771$, $df=8$, $p=0,064$). 93,5% of the examinees in the north, 92,8% in the

central part and 86,2% in the south, agree with the postulate that one should believe in God. Score of the indecisive examinees goes in the same order, and is 4,3%, 2,9% and 12,3%, whereas there are 2,2% examinees in the north who do not agree, 4,3% in the central part and 1,5% in the south. Least examinees who agree with such statement is in the south, which can be explained by better social status and less tradition. Members of the Orthodox denomination mix with the members of the Islamic community in the north and that can influence more percentage in the statement about belief in God.

According to our expectations, sex does not make much difference in the statement about belief in God ($\chi^2=2,086$, $df=4$, $p=0,719$). Research shows that belief in God is no more just female characteristic. In the category „I agree“, percentage of female and male answers is 92,8% or 89,9%, score of the indecisive is 6,2, while score of those who do not agree is 1,0% or 3,9%.

Among variables that refer to the age group, there is no big difference ($\chi^2=11,025$, $df=12$, $p=0,527$). 93,8% of the examinees, who are between 16 and 19, agree that one should believe in God, there are 89,3% of those who are between 20 and 23, and 89,6% in the age group between 24 and 27.

Also, there are no considerable oscillations when it comes to the qualifications ($\chi^2=24,479$, $df=12$, $p=0,027$). 90,3% of the examinees who have finished primary school agree with the statement that one should believe in God, there are 96,5% of the ones who have finished secondary school, and 86,0% high school. Most of the indecisive examinees are the ones with the primary school – 9,6%, then 2,3% with secondary school, and 6,0% with high school. The number of the examinees who do not agree that one should believe in God is statistically negligible.

Type of the settlement does make big difference in statistics on the statement that refers on belief in God ($\chi^2=2,221$, $df=4$, $p=0,697$). It is important to say that in the previous researches, village strongly opposed processes of the secularisation and atheism, at least when it comes to the creed of the dogmatic belief in the religion. In that sense, it could be stated that belief in God was typically village category. Process of desecularisation and revitalisation caused less difference when it comes to the indicators of the belief in God, comparing town and a village. Thus, it could be concluded that religion was revitalised, especially in the urban area.

Results of our research do not show any significant difference among segments of the crossed variables that refer to the type of the settlement. In the modality „I agree that one should believe in God“ there are 92,1% of the examinees from the town and 88,8% from the village. This confirmed our assumption that creed in God is not typically rural characteristic. In the modality „I am indecisive“, there are 5,1% of the examinees from the town and 8,3% from the village, and the number of the examinees who do not agree that one should believe in God is 2,7%. Motifs for high percentage in the statement that one should believe in God in the village could be found in the fact that villages, where the research was done, is not far away from the town so that some of the members of the household are connected to the town because of their jobs. High percentage of the creed in God in town can be explained by the economic crisis, less employment opportunity and low income which causes

feel of insecure, as well as uncontrolled growth of the socio-pathological phenomenon in the urban area.

Marital status makes no significant difference in the statements about creed in God ($\chi^2=16,027$, $df=12$, $p=0,119$). Since research includes youth, most of them declared as single. In this category, 92,6% of the examinees agrees that one should believe in God; research shows 4,7% of the indecisive and 2,6% of those who do not agree with the said statement. In the category „Married“, (male and female), 77,8% examinees agree with the statement that one should believe in God.

There is also no much difference when it comes to pupils and students ($\chi^2=7,440$, $df=8$, $p=0,490$). Score of the positive answers among pupils and students is almost identical. Pupils agree more with the statement about creed in God, 95,7 or 91,1% for the students. Students are a bit more indecisive 4,4% compared to the pupils 2,8%, while the number of the ones who do not agree, is negligible. It is usual that the more one is educated, the less he believes in God. Research of the other dogmatic postulations of the God shows this as well.

RELIGIOUS PRACTICE

Religiosity in some area can be thoroughly assessed using many indicators. Religiosity is usually appraised, based on the religious awareness and religious practice. Looking back at the said statement, we opted for some of the most usual forms of the religious practice for Orthodox creed. For the case of better understanding and comprehension, we divided religious practice into two groups: participation of the tradition (baptism, church wedding and family patron's day), and actual connection between people and religion (going to church, prayer, etc)

Orthodox creed and participation in the traditional rituals

Many researches in the areas where Orthodox creed is dominant (Blagojevic, 1995), show that revitalisation of the religion was achieved through respect of the rituals and religious practice. Based on the evidence, it could be said, that religious practice of the traditional nature opposed more the pressure of the atheistic ideology, than actual religious practice (going to church, liturgy, etc) in the researched area. In that sense, we expect that participation in the traditional rituals will be more than a half.

Baptism. Baptism is not just one of the seven sacred secrets in the Christianity, but is one of the fundamental sacraments, so the purpose of the baptism is deeply religious and symbolic. It is true that baptism itself is a bit profane, and that all anachronistic elements are removed from the preparation for the baptism as a ritual.

As Smeman says: „Baptism is a symbol of forgiving the sin and reviving the life in people, which he, as a Son of the God and Saviour brought to the people“ (Smeman, 2008). So, baptism in Christ represents the gift of new human being.

In our research, examinees were supposed to answer whether they are baptised or not. Therefore, 68,6% said they are, and 31,4% they aren't. Score of almost 70,0% shows how strong and resistant traditional element of this ritual is in the sphere of culture and ritual conduct. That shows us that it survived even in the times of atheism, and that even today it is very frequent.

Examinees were supposed to answer the question: „Do you agree that children should be baptised?“, in order to recognise the willingness of our examinees to

pursue with the tradition in future generations, since baptism is not just matter of one's designation.

Table 3:

Distribution of the answers on statements about baptising the children

Statement		I do not agree at all	I do not agree	I am indecisive	I mostly agree	I agree completely
Do you agree that children should be baptised?	%	3,1	2,6	9,3	19,1	65,9

Results will be divided into three groups: Examinees who mostly and completely agree will be treated as “I agree”, those who do not agree at all and do not agree will be treated as “I do not agree”, and the third group will be the indecisive ones. These rules will stand for all indicators of religious practice.

Through analysis of the obtained information, we see that 85,0% agree with baptism of the children, 5,7% do not agree and 9,3% is indecisive. This information will be crossed with socio-demographic characteristic.

Regarding baptism, most of the examinees who are baptized are in the south, 81,6%, then there are 59,7% of them in the north and 65,2% in the central part. It is interesting to say that in the south, there are only 81,6% of those who think that children should be baptized, 85,8% in the north and 86,9% in the central part.

Baptism ritual is more frequent with female 72,8% than with a male sex, 60,8%. Also, female examinees agree more that children should be baptized, 86,8% than male examinees in Christianity 82,4%, but score is almost equal.

Positive answer about baptism gave 51,8% examinees who are between 16 and 19, then 66,6% of those who are between 20 and 23, and 85, 8% between 24 and 27. Facts unambiguously show that number of the baptized examinees grows by the age. These facts lead to conclusion that baptism is not only performed in the childhood and that it is a matter of one own decision, as well. Score of the positive answers on the statement about children baptism, is in the same age order, 88,8%, 83,3% and 82,0%. According to our research, at least when it's about baptism, tradition connected with the religion and church, has great chance to remain in future generations.

There are more of them in the village who performed this ritual of baptism, 69,4% in comparison to the number in town, 66,9%, whereas there are less examinees in the village who think children should be baptized, 72,9%, compared to those in the town 87,7%.

Examinees who are married, performed this ritual and the score is 85,1% and those who aren't married, 64,7%; there are 86,3% unmarried examinees who agree that children should be baptized and 74,1% who are married.

Score of the pupils who are baptized is 50,7% in comparison to the students 71,1%, and there are 90,1% of the pupils who agree children should be baptized and 77,7% of students.

Church wedding. Just as Holy Trinity represents unity in distinction, the same could be said for marriage. God created man to live in a family and not alone. Just as

God blessed fore parents: “Give birth and multiply”, the same church blesses unity between man and a wife. (Ver, 2001:279)

Our examinees were supposed to give answers on the statement: “Do you think it is necessary to be married in church?” Distribution of the answers is shown in the table.

Table 4:

Distribution of the answers on the statement about church wedding

Statement		I do not agree at all	I do not agree	I am indecisive	I mostly agree	I agree completely
Do you think it is important to be married in the church?	%	4,4	11,1	14,1	32,3	38,1

Compared to the facts about baptism, we see that the score with those who agree it is important to get married in the church, is somewhat lesser, 70,4%. Number of those who do not agree is 15,5% and 14,1% is indecisive, though it is not excluded that through a process of socialization and change in reflection, a number of those who are indecisive enjoys one of the options.

In comparison to socio-status characteristic, relation is as follows: Research shows that most of the examinees, who agree it is necessary to get married in church, come from the north, 78,2%, there are 60,8% in central part and 69,2% in the south. In the central part, there are 8,6% of those who are strongly against it, whereas, in the south, there is not one examinee who is against church wedding.

Men are less willing to get married in church, and the score for them is 64,9%, while the score for the same statement for women is 74,4%.

In the age group between 16 and 19, there are 66,6% of them who agree with church wedding, 78,8% between 20 and 23, and 66,6% between 24 and 27, identical as in the first age group.

When it comes to the score in the village, there is somewhat greater number of those who agree with the church wedding, and that is 72,2% in comparison to town 69,4%. Number of indecisive is noticeable in town, 16,2%.

Examinees who are married, gave positive answers about church wedding, 77,7%, whereas score of those who aren't married is 68,4%. It looks like desire and need for such marriage appears in the marriage or otherwise the positive feeling about it grows with those who have that experience.

When it comes to the students and pupils, percentage of the answers on the same question is almost equal, and the score is around 69,0%, whereas there are 19,7% indecisive pupils, 22,2% indecisive students.

Family patron's day. In Orthodox creed where Serbian Orthodox Church overrides, patron saint is most celebrated and respected. It is not only characteristic with the Serbs, but also with Roman Catholics in Boka Kotorska, south Herzegovina, etc. Apart from family's, there are town's, church's and other patron days. That means, patron's day is a worshipping the patron saint. That is common activity of the family as community. Patron's day, when it's accepted once, can't be rejected unless

there is some strong reason for that, and is transferred from generation to generation. (Kalezic, 2000)

Examinees were supposed to answer the following question: „Do you agree that patron’s day should be praised?“ and the answers are given in the table.

Table 5:

Distribution of the answers that refer to the patron’s day

Statement		I do not agree at all	I do not agree	I am indecisive	I mostly agree	I agree completely
Do you agree that patron’s day should be praised?	%	0,9	2,6	4,0	12,4	80,1

Analysis of the obtained information unambiguously shows that most of the examinees agree that patron’s day should be praised, 92,5%, which confirmed our expectations. It could be concluded that praising the patron’s day is the most common type of religious practice in the area where research was done.

Regarding the region, frequency praising the patron’s day is almost identical. 93,4% of the examines from the north, 94,2% in the central part, and 89,2% in the south said patron’s day should be praised.

94,8% of male and 90,6% of female examinees agree that patron’s day should be celebrated. Number of those who answered the same question is identical in the age group, as well. There are 93,8% examinees between 16 and 19, then 93,9% between 20 and 23, and 91,0% between 24 and 27.

Examinees who are married agree upon said statement, and the score is 85,1%, whereas score for those who are not married is 93,6%. Regarding pupils and students, and whether patron’s day should be praised or not, score is pretty equal, around 92,0%.

Actual connection for religion and church

Actual connection for the religion and church refers to such religious practices that are included in nontraditional group, and thus may be called religious rituals that are not profane. We have already said that the process of secularization was mostly seen in erosion of this very part of the religious practice, and that assessment of the process of revitalization of the religion is mostly based on return of the religious practice.

As an indicator of the scope of the religiosity in some area, sociologists of religion use indicators which can be divided into indicators that belong to a direct duty of the believers (in our research such indicators are: going to church, going to liturgy), and indicators that refer to devoutness (in our research such are: prayer and fast)

Religious conduct as direct duty of the believers

Going to church. Creedo says: “I believe in One, Holly, Minster and Apostolic church”, and apostle Paul says to the Ephesians: “Christ loved the Church and gave himself to it”. (Eph., 5/25)As Creedo says, church is Unity, which means, unity with God and people. Just as God has two natures, thus church possesses

synergy of Divine and human, with difference that Christ's human nature is sinless, whereas some of the church members aren't sinless. (Ver, 2001:233). Also, Creed says that Church is sacred, which means she consecrates our life by the power of the God, therefore purifying us from the sin and leading us to the God. Church is *minster* or *katholiki* in Greek, which means fullness, integrity and universality. Church is universal because God does not address someone special, some special period in time or culture, but He addresses all cultures and all epochs. Church is Apostolic, and word *apostle* when translated from Greek, means pastor, which means she is based upon apostles' testimony which Christ himself taught. (Smeman, 1996:107).

Our research had to check how frequent youth of the Orthodox creed from Montenegro goes to church. We have already said that going to church is included in the direct duty of the believers. Indicators of the frequency are very important for socialist research.

Table 6:

Frequency of going to church as direct duty of the believers

Do you go to church?	%
Couple times in a week	4.0
Once in a week	12.4
Two times in a month	21.2
Couple times in a year	44.2
Almost never	8.9
Never	5.3
I do not want to give an answer	4.0
Σ	100

As expected, we see that percentage of the obtained data is lower compared to traditional practice, for example. Therefore, we will gather the answers (couple times and once in a week, two time in a month) in the category "Monthly going to church", and hence there are 37,6% of the examinees, who monthly go to church. Then, there are 44,2% of those who practice this couple times in a year and 14,2% of those who almost never and never do it.

Now we will compare the answers with socio-demographic status: 43,4% of the examinees from the northern part go to church monthly, 34,8% couple times in a year, and 18,4% almost never or never. In the central part, 28,9% of the examinees go to church monthly, 63,6% yearly, and 15,9% almost never and never. Score for those from the south is as follows, 38,4% go to church monthly, 44,9% yearly, 7,6% almost never, and there was none examinee who said he never goes to church.

Members of the male population go to church at least one in a month and for them the score is 34,1% whereas score for female population in this section is 40,3%, then 51,6% of the male and 38,7% of female population go to church couple times in a year. 13,4% of the male and 15,5% of the female population go to church almost never or never.

In the age group between 16 and 19, there are 34,6% of the examinees who go to church monthly, then there are 46,9% of those between 20 and 23, and 33,3% between 24 and 27. In the same age order, 45,6%, 31,8% and 52,5% of the examinees

go to church couple times in a year and 14,8%, 21,2% and 8,9% those who almost never or never go to church.

Examinees from the rural area, as expected, go more frequent to church. 34,4% of the examinees from urban area and 44,4% from rural area go to church monthly. 49,3% from urban and 33,3% from rural area go to church couple times in a year, and 13,6% or 16,6% go to church almost never or never.

Score for the unmarried examinees who monthly go to church is 37,3%, then 44,2% go to church yearly, and 15,2% almost never or never. Those who are married go to church more frequent. 48,1% of the examinees do it monthly, 33,3% yearly and 14,8% almost never and never.

Students go more frequent to church than pupils. 31,0% of the pupils and 37,8% of the students do it monthly. 50,7% of the pupils and 40,0% of the students do it couple times in a year, and 14,0% of the pupils and 20,2% of the students do it almost never or never.

It can be stated that there are more examinees that go to church couple times in a year, than those who do it regularly. It can't be said that going to church it typically urban or rural characteristic, nor typically man or female characteristic. There are no boundaries.

Liturgy. Word "liturgy" means common acting in the Orthodox Church, ie. common acting of the church members, who are gathered as a community of the God's people.

So, liturgy is one of the most important duties of the true believer, who lives life with God, with his suffering and the Resurrection. Therefore, in sociologic research, this ritual is very important indicator of the religiosity and connection of people and church.

In our research, examinees were supposed to answer the following question: "Do you go to liturgy?" Answers are shown in the table.

Table 7:

Frequency of going to liturgy

Question	never	rarely	sometimes	usually	regularly
Do you go to liturgy?	36,7	31,4	21,7	8,0	2,2

Analysis of the obtained data justifies our expectations. Only 10,2% of the examinees go to liturgy usually or regularly. 37,6% of the examinees go to church regularly, which justifies our conclusion that going to church is traditional practice. 68,1% rarely or never go to church.

Now we will analyze frequency of this duty and socio-demographic characteristic. 11,9% from the north go to liturgy usually or regularly, and 68,4% never or rarely. In central part, there was not one examinee who said he does it regularly, but there are 5,4% of those who do it usually, and 76,8% of those who rarely or never do it. When it comes to the south, there are 58,4% of those who do it rarely or never and 12,3% those who do it usually and regularly.

Female examinees go more to liturgy, 11,6%, compared to male 8,2%. There are 65,9% of male examinees and 69,7% of female examinees who never or rarely go to liturgy.

When talking about age group, 70,3% of the examinees who are between 16 and 19 never or rarely go to liturgy, there are 66,7% of those who are between 24 and 27, whereas 12,1%, 8,9% and 9,0% in the same age group do it usually or regularly.

Examinees from the rural area go to church usually or regularly, and the score is 6,9%, or 11,6% for those from urban areas. 70,8% of those from urban areas and 62,5% from rural areas do it never or rarely.

Score for the unmarried examinees who go to liturgy usually or regularly is 9,4% and for those who never or rarely go is 69,0%. Examinees who are married go to liturgy more frequent than the unmarried ones, 14,8%, and 63,0% never go to liturgy.

Among students, there are 71,1% who never or rarely go to liturgy, 8,8% go usually, and there was none examinee who said he/she goes to liturgy regularly. Among pupils, 67,6% never go and 11,2% go to liturgy.

Religious conduct as a way of piety

Prayer. God’s power and grace is achieved through prayer. There is neither spiritual life nor piety without prayer. Prayer which is done out of church must be praying in silence and privacy of one’s room. This is basic rule that Christ made. (Mt., 6/5-6).

In socialist research, prayer is seen as a very important indicator when estimating one’s religiosity. Prayer is usually caused by one’s problems, and that is the reason why we didn’t insist upon research on common prayer in church, but we asked: “Do you pray during the day and outside church?”

Table 8:

Distribution of answers about prayer outside church as a kind of piety

Question		Never	Rarely	Sometimes	Usual ly	Regular ly
Do you pray during the day and outside church?	%	12,8	24,8	26,6	18,6	17,2

By the analysis of the obtained data, we have a score of 35,8% of the examinees who pray usually or regularly and 37,6% of those who do it rarely or never.

Crossing it with socio-demographic characteristic, we see that there is no much difference among variables.

43,4% of the examinees from the north pray rarely or never, whereas 35,8% do it regularly. In central part, 31,8% pray rarely or never and 39,1% pray usually or regularly. In south, 35,3% pray rarely or never and 32,3% pray usually or regularly.

Women are more zealous in their prayers than men. There are 39,5% female and 30,9% male examinees who do it usually and regularly, 44,3% male and 32,5% female examinees who pray rarely or never.

When it comes to age group, 27,1% of the examinees who are between 16 and 19, then 51,5% who are between 20 and 23, and 37,1% between 24 and 27, pray

rarely or never. Usually and regularly prays 44,4% between 16 and 19, then 31,8% between 20 and 23, and 30,7% between 24 and 27.

Regarding village, there are more examinees who do not pray or they do it rarely, 44,4% or 34,4% in town, whereas there are 38,9% of those in town and 29,1% in village who pray usually and regularly.

Examinees who are married usually pray, and the score is 22,2%, as opposed to the ones who aren't married, 38,4%. Inversely proportional is the relation between examinees who are married and who do not pray, 48,2%, and 37,3% of those who aren't married. Prayers who are not married pray more.

26,8% of the pupils and 46,6% of the students pray rarely or never, whereas 43,6% of the pupils and 33,3% of the students do it usually or regularly. It is usual that the more someone is educated, the less they pray regularly.

Fast. Fast is one of the main postulates in Christianity. Jesus fasted himself and he taught his followers to do the same, which is testified by the Gospel. (Mt., 6/16-17)

The aim of the fast in Orthodox creed is to control oneself and not let one's body controls them. People should not only fast to free from indulgence but also to serve God properly; God, who saved them in Christ and the Spirit. Fast without effort is futile. (Hopko, 2009:146, book IV)

Table 9:

Score of the answers about fast as an act of piety

Question		Never	Rarely	Sometimes	Usually	Regularly
Do you fast?	%	14,6	22,6	34,1	19,9	8,8

28,7% of the examinees fast usually or regularly, 34,1% fasts sometimes, and 37,2% rarely or never fasts. We could say that this duty is on the level of already researched rituals of the Orthodox practice.

We will take a close look at socio-demographic characteristic and the fast. In the northern part there are only 29,3% of those who rarely or never fast, whereas 43,4% do it usually and regularly. So, fast is most valued in the northern part, then in the south 21,5%, while score in the central part is 15,9%.

Female examinees fast more (usually or regularly) in comparison to male ones, 29,8% or 27,9%. Then, 36,0% male and 37,4% female examinees rarely or never fast. Score in all variables is almost equal which means that fast is not typically male or female characteristic.

Regarding age group, there are 30,8% of the examinees between 16 and 19, who never or rarely fast, then there are 42,4% of those who are between 20 and 23, and 39,7% of those between 24 and 27. In the same age order, 34,5%, 24,2% and 26,9% of the examinees fast usually and regularly. The fact is that younger generations fast more, but it can't be stated that older generations fast less.

Fast is more noticeable in the rural areas; 34,7% of the examinees from the rural areas fast usually and regularly, and 27,7% rarely or never fast. When it comes

to score in urban areas, 25,9% in town fast usually and regularly, and 41,5% do it rarely or never.

Score in the category “Rarely and never” for the examinees that aren’t married is 36,8% and 27,3% of the examinees in this category doesn’t fast. Examinees who are married fast, and score for them is 40,7% whereas 33,3% of them doesn’t fast.

Pupils fast more than student population, 32,3% or 13.3%, then 55,5% of the students and 32,3% of the pupils fast rarely or never.

CONCLUSION

All in all, we can state that religiosity of the Orthodox youth from Montenegro is on an enviable level. Revitalization of the religion is not just a clear fact, but it’s also a matter of certain stabilization with a tendency of further growth. High level of religiosity is evident in all structural elements, though, at different intensity. Remarkable score of the religiosity is seen in the indicators of the self-assessment of the religiosity (81,4%) and in agreement with the statement that one should believe in God (91,2%). Also, if we take into account indicators of the traditional religious practice (baptism, family patron’s day, etc), we see it’s still common. Though, we must notice that actual religious practice is pretty eroded, whether it’s direct duty of the believers or indicators that are connected to the act of piety.

It can’t be stated that there wasn’t increase of the religiosity based on the indicators of actual nature, but less compared to the indicators of the religious conception and traditional religious practice. In that sense, we could say that “belief without belonging” is pretty evident in Montenegro. (Davie, 2005; Djordjevic, 2009). We think that religiosity (connection with religion and church) of the Orthodox youth is mostly seen among believers who religiously identify themselves, participate in traditional rituals, agree that one should believe in God, and selectively participate in current rituals. So, it is usually a believer who goes to church couple times in a year, rarely fasts, goes to liturgy and prays in and out of church. Thus, religiosity in Montenegro is more traditional characteristic, while religious practice does not represent key segment of the piety.

Literature

- Blagojević, Mirko (1995): *Priplizavanje pravoslavlju*, Niš: JUNIR, Gradina.
- Blagojević, Mirko (2005): *Religija i crkva u transformacijama društva*, Beograd: Filip Višnjić.
- Blagojević, Mirko (2009): Empirical (Re)volution of Revitalisation of Orthodox Christianity, in Daniela Gavrilović (edited) *Revitalization of Religion Theoretical and comparativ Approaches*, YSSS Anual-Year XVI, Niš.
- Davie, Grace (2005): *Religija u suvremenoj Europi-mutacija sjećanja*, Zagreb: Golden marketing; Tehnička knjiga.
- Đorđević, B. Dragoljub (2009): Religiousness of serbs at the Beginning of the 21 st Century: What is it About? In: Daniela Gavrilović(edited) *Revitalization of Religion Theoretical and comparativ Approaches*, YSSS Anual-Year XVI, Niš.
- Hopko, Tomas (2009): *Pravoslavna vera – osnovni priručnik o Pravoslavnoj crkvi*, knjiga I-IV; Kragujevac: Kalenić.
- Kalezić, M. Dimitrije (2000): *Krsna slava u Srba*, Beograd: Narodna knjiga; Alfa.

- Sveto Pismo (2004): Sveti arhijerejski sinod srpske pravoslavne crkve.
Šmeman, Aleksandar (1996): *Verujem*, Cetinje, Svetigora.
Šmeman, Aleksandar (2008): *Vodom i duhom*, Sveta gora, Manastir Hilandar
Ver, Timoti (2001): *Pravoslavna crkva*, Beograd: Zavet.
Vilson, Brajan (2005): Novi likovi hrišćanske zajednice, u: Makmaners, Dž., Oksfordska istorija hrišćanstva, Beograd: CLIO.
Vukomanović, Milan (2001): *Sveto i mnoštvo-izazovi religijskog pluralizma*, Beograd: Čigoja štampa.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Ю.В. Березутский,

*Дальневосточный институт управления – филиал
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ», г. Хабаровск,
кандидат социологических наук, доцент*

Духовно-нравственные основы жизнедеятельности молодой семьи определяет не только вектор направленности этой жизнедеятельности, но и формирует социализационные механизмы их воспроизводства на новые поколения. С социологической точки зрения, в основе преемственности как базового элемента воспроизводства лежит идентификация молодежи с такими общезначимыми социокультурными образцами, как нормы, ценности, исторически сложившиеся традиции [1].

Сравнивая результаты мониторингового социологического исследования [2], следует отметить, что духовно-нравственный потенциал молодых семей, с позиций взаимного уважения и понимания супругами друг друга, хоть и не является присущим для всех молодых семей, но все же значительно вырос (с 27,6% в 1996 г. до 45,4% в 2013 г.).

В то же время конфликтность молодых семей достаточно высокая. В значительной части молодых семей (43%) дети становятся свидетелями ссор родителей, причинами которых в большинстве своем выступают бытовые проблемы (63,0%), финансовые проблемы (40,9%), отсутствие взаимопонимания (22,6%), алкоголь (19,5%), жилищные проблемы (18,3%), разногласия по поводу воспитания детей (16,3%), взаимоотношения с родителями, родственниками, друзьями (10,2%).

Все эти проблемы оказывают свое влияние и на демографический потенциал молодых семей, выраженный в показателях разводов, и, как следствие, негативных социальных последствиях для детей. При этом в каждой третьей молодой семье (31,8%) часто или же иногда возникают мысли о разводе.

Результаты исследования выявили некую симптоматичную особенность, произошедшую за исследовательский период (1996-2013 гг.), проявившуюся в

смещении воспитательной функции молодой семьи. Если в 1996 г. вопросы воспитания детей в рейтинге обсуждаемых семейных проблем занимали 2 место (35,8%) после бытовых проблем (51,7%), то уже в 2013 г. обсуждение вопросов воспитания детей ушло на 4 позицию (46,2%) после обсуждения бытовых проблем (72,0%), вопросов отдыха и досуга (51,4%) и вопросов о работе (50,4%).

Взрослые своей нравственностью играют главную роль в формировании социально направленной личности детей, как носители моральных и идейных ценностей и ценностных ориентаций общества. В то же время результаты опроса молодых семей свидетельствуют об ограниченности такого воздействия на детей, поскольку по самооценкам менее половины супругов (42,5%) согласны, что их поведение и поступки могли бы стать образцом для подражания. Лишь две трети опрошенных (69,3%) отметили, что их поступки и действия не нарушают принятых в обществе норм и правил. Каждый третий молодой семьянин (27,0%) ради достижения своей цели готов поступиться принятыми нормами этики и морали. Все это свидетельствует о существенной деформации духовно-нравственного потенциала молодых семей, правовой культуры, норм этики и морали в целом у молодежи, в том числе семейной. Именно этот духовно-нравственный потенциал молодых семей будет ими транслироваться в процессе социализации подрастающего поколения.

Различные социологические исследования свидетельствуют о преемственности молодежи в отношении ненормативности ее сознания и поведения. Наследуя образцы ненормативного сознания и поведения от старших поколений, молодежь также считает допустимым для себя употребление нецензурных выражений, алкогольных напитков, воровства, получение взятки, уклонение от уплаты налогов и др. Так, у молодежи средний показатель ненормативности ее сознания, рассчитанный на основе оценок допустимости различных асоциальных явлений составляет 51,1%, у представителей среднего возраста – 49,0% и старшего – 36,7 % [3].

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о проблемах состояния духовно-нравственных основ жизнедеятельности молодых семей. Ценностные представления семейной молодежи находятся в противоречии с их поведением, а также с возможностями их достижения (реализации) в современных условиях. В то же время, такие региональные особенности молодежного сознания во многом идентичны с сознанием в целом и российской молодежи (согласно данным общероссийских исследований). Это лишний раз подтверждает определяющую роль общесистемных факторов социализации молодого поколения, необходимость создания регулирующих условий повышения уровня и качества жизни молодых семей.

Литература

1. Зубок, Ю.А. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе / Ю.А. Зубок, Т.И. Яковук. – Брест: Альтернатива, 2008. – С. 33.

2. Исследование «Потенциал молодых семей как фактор социально-экономического развития региона (на примере Хабаровского края)». Социологический мониторинг проведен специалистами Дальневосточного института – филиала РАНХиГС в 1996 г. (n=600), в 2007 г. (n=640) и в 2013 г. (n=612). В исследовании использовалась квотная выборка, данные репрезентируют структуру молодых семей по трем признакам: по территории проживания в разрезе муниципальных образований Хабаровского края, по полу и возрасту опрашиваемых. Научный руководитель – д-р социол. наук, профессор Н. М. Байков.

3. Березутский Ю. В. Динамика состояния нормативности сознания молодежи в региональном измерении // Социология власти: журнал Социологического центра РАГС. 2010. № 4. С. 94-100.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.Ю. Брыткова,

*магистр кафедры социологии и организации работы с молодежью
Института управления НИУ «БелГУ»*

Различные социальные изменения, происходящие в современном обществе, охватывают практически все сферы общественной жизни, тем самым обстоятельно влияя на систему ценностных ориентиров и социальное положение различных слоев населения. Реформирование общественной системы вызывает социальную напряженность, вследствие чего значимую роль обретает субъективный фактор отношения различных групп населения к проводимым преобразованиям.

Динамичность социальных изменений характерна и для Белгородской области, региона специфического по своим этническим, религиозным, социокультурным и другим характеристикам. Сложившаяся в этой связи проблемная ситуация, на наш взгляд, зависит от двух основных причин: объективной и субъективной. Первая связана с появлением определенных социальных групп со своими специфическими интересами, тем самым значительно осложняя процесс социальной идентификации; другая связана с доминированием пессимистических настроений в процессе политического, экономического и духовного развития.

Во всех этих процессах участвует молодежь, от идеологической позиции и инициативности которой во многом зависит социальная стабильность в Белгородской области. Молодежная среда тем самым становится наиболее уязвима, т.к. ей присущи возрастные особенности освоения социальных норм и ценностей, связанные с тем, что в период молодости люди находятся на стадии социального выбора.

В процессе трансформаций ценностных ориентаций молодежь проходит возрастное и социальное становление. Молодежь, как особая социально-демографическая группа в воспроизводстве общества, в сохранении его

ценностных норм играет ведущую роль. В структуре населения Белгородской области 26,2% составляют люди в возрасте от 16 до 30 лет. В их числе находится и студенческая молодежь, которая является не только интеллектуальным, но и профессиональным резервом региона.

Различные социологические исследования показывают, что российская молодежь – это новое поколение, которым присущи особые мотивы поведения, нравственные ценности, проблемы и ориентиры. За последнее десятилетие ценностные ориентации молодежи претерпели радикальные изменения.

Таким образом, возникает проблема дезориентация ценностных норм студенческой молодежи, суть которой состоит в том, что ценности испытывают деформацию в условиях социальной трансформации современного общества. Эта проблемная ситуация наиболее существенно проявляется в образовательном процессе, что вызывает в свою очередь ряд других проблем, например, мотивация студенческой молодежи, жизненные перспективы, цели и т.д. Исследование данного процесса важно как для понимания как настоящего состояния общества, так и будущего.

Внутреннее принятие осознанных личностью смыслов является необходимым условием образования личностных ценностей. Подростковый и юношеский возраст – время интенсивного формирования мировоззрения, системы оценочных суждений, нравственной сферы человека, его убеждений и идеалов.

Появление убеждений в юношеском возрасте свидетельствует о значительном качественном переломе в характере становления системы моральных ценностей. По мнению многих исследователей, именно система ценностных ориентации во многом определяет формирование личности человека. Способность к познанию себя и окружающих возрастающая по мере приобретения подростком социального опыта является тем фактором, который определяет изменения, происходящие в системе ценностей. Устремленность в будущее становится основной направленностью личности, человек предвосхищает свое будущее, устанавливая мостик между «собой как возможностью» и тем взрослым, которым он станет.

Наряду с открытием своего внутреннего мира возникает необходимость принимать решения, связанные с будущей системой выборов.

Важнейшей предпосылкой успешной самореализации молодого человека в будущем является согласованная, непротиворечивая система ценностных ориентаций, которая лежит в основе формирования содержательно и хронологически согласованных жизненных целей и планов. Представления о сравнительно отдаленном будущем в профессиональной, семейной и других сферах жизнедеятельности сформированы у человека уже к 14-15 годам. Юноши и девушки проявляют реалистичность в жизненных притязаниях, связанных с будущей профессиональной деятельностью и семьей.

По мнению ученых, именно вузовская среда создает необходимые условия для личностного роста и формирования высшего, автономного уровня

системы ценностей. Содержание ценностей в большой степени зависит от культурного контекста и исторического периода, в котором живёт подрастающее поколение. Общество предъявляет молодым специалистам все новые требования, призывая к возрождению и развитию национальной культуры, национального образования, целью которого является формирование достойного представителя культуры своей страны.

Основное содержание идеальной модели ценностных ориентаций современных студентов вузов должно включать в себя: сохранение жизни и здоровья как высших жизненных ценностей; первостепенность духовно-нравственных опор, таких как счастье, любовь, хорошая семья, будущее детей, дружба, что особенно важно в условиях нестабильности и жизненной среды; образованность, хорошую работу и хорошее материальное положение; конкурентоспособность, стремление к профессиональной самореализации, строящихся на уверенности в себе, предприимчивости, самостоятельности, упорстве, ответственности, самосовершенствовании (в условиях появления новых возможностей, ужесточения конкуренции и требований к профессионализму); креативность, развитие своих способностей и индивидуальности, сохранение духовной независимости и самоуважения (поскольку в настоящее время востребованы способности принимать нестандартные решения, создавать оригинальные проекты, критично мыслить, отстаивать свою позицию и т. д.); активные социальные контакты и социальная компетентность, то есть установление благоприятных отношений в различных сферах социального взаимодействия, расширение межличностных связей, реализация своей социальной роли (в настоящее время востребовано умение работать в команде, видеть возможные перспективы карьерного роста). Следовательно, разрешение социально-экономических и образовательно-воспитательных проблем общества предполагает совершенствование аксиологической подготовки будущих специалистов, от которой будут зависеть духовное здоровье нации, уровень аксиологической просвещенности юных граждан, успешность их адаптации к новым социально-экономическим условиям и конкурентоспособность на рынке труда.

В последние годы количество публикаций посвященных ценностным ориентациям студенческой молодежи неуклонно растет. Именно ценностные ориентации определяют духовный стержень человека, выражают его отношение к миру и к самому себе, оказывают влияние на направленность и содержание социальной активности, наполняют жизнь смыслом, представляют основной канал усвоения человеком духовной культуры общества, превращения культурных ценностей в стимулы и мотивы практического поведения, являются системообразующим элементом мировоззрения.

По доминирующим в обществе ценностям можно определить уровень культурного развития общества, степень его цивилизованности, интересы, преобладающие в обществе.

Система образования играет огромную роль в формировании и развитии мотивационной сферы личности.

Экономическая и социальная ситуация в нашей стране накладывает существенный отпечаток на систему жизненных ценностей молодых людей, иерархию мотивов выбора профессии, отношения к семье и браку, на личность человека. Поскольку спрос на гуманизм, гуманность, гуманитарность, нравственность, человечность в наше время возрастает, ученые предсказывают «возрождение гуманизма», «приоритет духовных ценностей» превращение гуманитарных наук в научного лидера. Особую актуальность приобретает изучение изменений, происходящих в сознании современной молодежи.

Рассмотрим данные последних исследований, в которых изучались представления студентов «популярных» специальностей об основных сферах жизнедеятельности, их ценностные ориентации, мотивы выбора профессии, представления о сфере семейных отношений, а также содержание представлений студентов о будущем. Образ будущего, который складывается у молодежи, является индикатором социального развития общества, так как именно в представлениях о будущем можно увидеть потенциал взрослой личности, ее ценностные ориентиры. Важно отметить, что независимо от специальности, у студентов наблюдается синхронность при выборе ведущих ценностей.

Ведущие терминальные ценности: на первом месте – «здоровье», на втором – «любовь», на третьем – «счастливая семейная жизнь». Можно утверждать, что приоритетной для студентов различных специальностей является сфера семейных отношений. Представители всех специальностей заинтересованы в активных социальных контактах и в установлении благоприятных отношений в различных сферах социального взаимодействия, а также в реализации своей социальной роли. «Работа» как ценность для студентов менее значима, по сравнению с «друзьями», «любовью» и «семьей», однако профессиональная самореализация очень важна.

Современные молодые люди осознают значимость в современном обществе образованности, хорошей работы и материального благополучия, возможно значимость этих ценностей возросла в условиях повышения цен, коммерциализации важных социальных сфер, роста безработицы и конкуренции. Выявлено, что большинство студентов всех специальностей надеются на легкое, активное и упорядоченное будущее. Студенты ориентируются не на ценности социальной успешности (продуктивная жизнь, познание, интересная работа, материально обеспеченная жизнь, общественное признание), не на ценности социального взаимодействия (развитие, познание, уверенность в себе, интересная работа, друзья) и индивидуальной самореализации (развитие, познание, свобода, творчество, продуктивная жизнь), а именно на ценности личного счастья.

Данные исследования показывают, что студенты всех специальностей ориентированы на общечеловеческие ценности личного счастья, наиболее

значимыми из которых являются: любовь, здоровье, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь, жизненная мудрость. Счастливая семейная жизнь, любовь, здоровье, являются для студентов более значимы чем свобода, творчество, общественное признание уверенность в себе и друзьях.

Семья остается традиционно привлекательной ценностью для всех опрошенных студентов, при описании светлого будущего почти каждый респондент указывает на наличие мужа, любимого человека, семьи, детей. Интересен тот факт, что при описании темного будущего самым страшным событием студенты считают смерть близких, при этом описывая светлое будущее, респонденты не упоминают о родителях, то есть в картинках светлого будущего родители не представлены.

Достижение материального благополучия. Студенчество, относящее себя к среднему классу общества, достижение материального благополучия видит в таком мифологизированном образе жизни высшего класса, когда можно «ни в чем себе не отказывать».

Многие хотят иметь недвижимость за границей (Франция, Швейцария, Италия). Можно предположить, что студенчество морально уже готово к условиям рыночной экономики, однако описывая свои фантазии, студенты часто не указывают способы достижения этого благосостояния.

Итак, Система ценностных ориентаций, являясь не только элементом духовной сферы, проявлением социального творчества, одновременно выступает проекцией отношения студенчества к окружающей социальной действительности в форме реализации сущностных сил студенчества, и в этом смысле она является не только барометром настроений студенчества, но индикатором стабильности общества. От того насколько сбалансирована система ценностных ориентаций под влиянием политических, экономических и культурных институтов зависит не только эффективности социально-культурного воспитания студенчества, поступательный характер образовательных процессов, но и динамика социально-политических преобразований в стране.

Литература

1. Алексеева, В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности / В.Г. Алексеева // Психологический журнал, 2005. – № 5. – С. 63-70.
2. Будиайте, Г.Л., Корнилова, Т.В. Личностные ценности и личностные предпосылки субъекта / Г.Л. Будиайте, Т.В. Корнилова // Вопросы психологии. – 2003. – № 5. – С. 99-105.
3. Иконникова С.Н. Динамика ценностных ориентаций молодежи в период реформ / С.Н. Иконникова. СПб., 2003. С. 234.
4. Леонтьев Д.А. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего / Д.А. Леонтьев // Вопросы психологии. 2001. – №. 3. – С. 45-47.
5. Реана, А.А. Психология личности в трудах зарубежных психологов / А.А. Реана. СПб: Питер, 2000. – 320 с.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЁЖИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ

Е.В. Воеводина,
*заведующая кафедрой социологии ФГБОУ ИВО
Московский государственный гуманитарно-экономический
университет, г. Москва, кандидат социологических наук*

Люди с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) занимают значительную долю в структуре населения РФ (примерно 10%), значительная часть из них – дети и подростки в возрасте до 18 лет (около 4%), молодёжь и лица трудоспособного возраста (свыше 30%) [7]. При этом демографическая ситуация современной России такова, что в ней востребовано все потенциальное экономически активное население, в том числе люди с инвалидностью.

Согласно ресурсным моделям стратификации, ведущим фактором, определяющим положение индивида в социальной структуре, является объем аккумулированных им ресурсов (социокультурных, образовательных, экономических, информационных и др.). Совокупность ресурсов составляет личностный капитал индивида, что обеспечивает формирование соответствующих диспозиций. Так, П.Бурдье, выделяет следующие виды капитала: экономический (конвертированный в деньги и собственность), культурный (образование, воспитание, телесность, звания – символический капитал и др.), социальный капитал («связи», обеспечивающие членство в группе) [1; 60]. Причём два последних вида капитала также могут быть конвертированы в экономический.

Высшее образование лиц с ОВЗ, как и любой другой социальной категории, является одним из значимых ресурсов пополнения культурного капитала в его институционализированной форме. Особую значимость оно представляет для молодёжи с ОВЗ. С одной стороны, образование призвано обеспечить профессиональные знания и навыки. С другой, его уместно рассматривать и как социальный капитал, в том плане, что оно предоставляет индивиду возможность расширения сети контактов в соответствии с профессиональными интересами (при прохождении практик, стажировок). Образование формирует культуру взаимодействия, обеспечивает пополнение коммуникативного потенциала индивида. Высшее образование увеличивает шансы лиц с ОВЗ на успешное трудоустройство и самореализацию, в связи с тем, что ряд «рабочих» специальностей, требующих физического труда, часто недоступен для данной категории из-за имеющихся ограничений.

Однако на пути лиц с ОВЗ, желающих учиться в вузе, встречается немало внешних препятствий: это и отсутствие доступной среды, и недостаток адаптированных учебных планов, информационно-коммуникативных средств сопровождения образовательного процесса и др. [2; 50]. Наличие таких

барьеров осложняет не только процесс вовлечения студента с ОВЗ в среду вуза, но и снижает мотивацию к поступлению в учебные заведения еще на этапе профессионального самоопределения.

Существуют и внутренние (субъективные) причины, препятствующие приобретению данного вида капитала молодёжью с ОВЗ. К ним можно отнести отсутствие мотивации в области самореализации, профессионального становления. Господство медико-ориентированной модели инвалидности в социокультурном пространстве и связанные с ней стереотипы в восприятии лиц с ОВЗ как «немогущих» и «беззащитных» стимулировало такие негативные явления, как гиперопека, сегрегация и эксклюзия данной категории [5; 13]. Отрицательным последствием медико-ориентированной модели инвалидности является то, что сами лица с ОВЗ могут быть ориентированы на низкий уровень социальных притязаний, в результате гиперопеки со стороны микросреды, прежде всего, своих родственников. Здесь возможно провести аналогию с симуляционной моделью Р.Будона, описывающей взаимодействие образования и стратификации [6; 151]. Суть в том, что семья склонна положительно оценивать, быть удовлетворена даже малыми достижениями инвалида в учебе или же вовсе игнорировать образование как значимый ресурс, канал мобильности. Если лица с ОВЗ воспринимаются как «безнадежно больные», как правило, исключается возможность «давления» родителей в сторону «продвижения» таких детей, будь то образование или карьера. Главной установкой становится создание условий для комфортного физиологического состояния инвалида, борьбы с болезнью. А это в целом ослабляет мотивацию молодежи с ОВЗ к самореализации не только в профессиональной области, но и в таких сферах, как политика, культура, семья и т.п.

Таким образом, на пути получения высшего образования молодёжью с ОВЗ возникают не только пространственные и социокультурные барьеры, но и личностные, субъективные. Такое понимание в целом важно для анализа проблем инклюзии лиц с ОВЗ в связи с тем, что достаточно длительное время они рассматривались как объект внешнего воздействия среды («объектный» подход). Среди основных причин неудач, возникающих в процессе социальной адаптации, анализировались в основном именно средовые факторы.

Пришедший на смену субъектный подход предлагает искать причины неудач не только в социальном мире, но и «внутри» самого субъекта – молодого инвалида. Взаимосвязь социального (внешнего) и личностного (внутреннего) обосновывается в таких современных парадигмах, как символический интеракционизм, теории обмена, феноменология. Так, например, отечественные представители феноменологического подхода Ю.А.Зубок и В.И.Чупров анализируя отношение молодежи к образованию, отмечают «двойственность» социального и субъективного в формировании отношения к образованию: индивид сам конструирует собственную реальность в сфере образования, сам оценивает степень его значимости для себя и формирует соответствующие ожидания, но реализация этих желаний «зависит как от самого молодого человека, так и от внешних факторов и лежит в основе социально-ситуационных характеристик отношения к образованию» [3; 79]. К ним, в свою очередь, исследователи относят большую группу факторов:

принадлежность к различным социальным слоям, материальное положение, инновации в системе образования и др. [4; 106].

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что образование является одним из основных элементов социокультурного капитала молодого инвалида, формирование которого зависит не только от условий социальной среды, но и от восприятия значимости высшего образования самим субъектом, его готовности к освоению данного вида капитала, личностных диспозиций.

Каково же отношение молодежи с ОВЗ к высшему образованию? Обратимся к результатам исследования по теме «Социальная адаптация студентов с ограниченными возможностями жизнедеятельности к условиям вуза посредством формирования позитивного социального портрета людей с инвалидностью», осуществленного в 2011-2012 гг. во Владимирской области (грант Российского гуманитарного научного фонда №11-13-33002а/Ц). В число дополнительных задач проекта входило определение мотивов молодых инвалидов к получению высшего образования [2; 51].

Результаты показали, что в получении образования лицами с ОВЗ определяющими являются как экономические, так и социальные мотивы. Приведем некоторые мнения студентов-инвалидов, выраженные ими в процессе полуформализованного интервью (N-13). Социальные мотивы: «Учёба помогает найти друзей, познакомиться с интересными людьми», «Высшее образование престижно, позволяет повысить свою значимость в обществе». Экономические мотивы: «Образование повышает шансы устроиться на работу, без него нельзя. Сейчас даже дворники и уборщицы имеют высшее образование...». Таким образом, из приведенных мнений видно, что респонденты склонны воспринимать высшее образование именно как форму капитала (прежде всего, экономического и социокультурного).

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что высшее образование является одним из факторов, способствующих улучшению условий жизнедеятельности и социальной мобильности данной категории: оно определяет профессию и возможности социального взаимодействия, что, в конечном счете, приводит к увеличению реабилитационного потенциала молодежи с ОВЗ и обеспечению более выгодных позиций в социальной структуре.

Литература

1. Бурдые П. Формы капитала (пер. М.С. Добряковой) // Экономическая социология, 2002, № 5, С. 60-75
2. Воеводина Е.В. Адаптация студентов с ограниченными возможностями на основе позитивного социального портрета // Социология, 2013, № 2, С. 49-55
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социологические исследования, 2012, № 8, С. 103-111
4. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социокультурный механизм формирования отношения молодежи к образованию // Социологические исследования, 2013, № 1, С. 78-90
5. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. – Саратов: Научная книга, 2006. – 260 с.
6. Смирнова Е.Э. Социология образования. – СПб.: Интерсоцис, 2006. – 192 с.
7. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ГРАЖДАНСКИХ ИНТЕРЕСОВ МОЛОДЕЖИ

Г.И. Гоженко,
*ассистент кафедры социологии
и организации работы с молодежью,
НИУ «БелГУ»*

Информационное пространство в современном мире обуславливает не только поведенческие характеристики молодежи, но и ценностные, мировоззренческие позиции. В зависимости от социального (или государственного) заказа, общество посредством средств массовой информации и коммуникационных систем окружает себя той информацией, которая, с одной стороны, транслирует привычные, устоявшиеся ценности, а с другой стороны, формирует общественное мнение, охватывая все большее количество населения, покрывая своей сетью даже недоступные ранее территории.

Рассматривая динамические характеристики социума, нельзя не сказать о трансформациях коммуникационных каналов, сопровождающих происходящие гражданские процессы. За последние 15 лет наше общество сделало огромный шаг в развитии информационно-коммуникационных технологий. Если раньше ученые отмечали крайне низкую статистически включенность российских граждан в Интернет[1], то сейчас из всех коммуникационных каналов признанное лидерство у электронных средств коммуникации – интернет-ресурсов, пользующихся наибольшей популярностью в молодежной среде, со значительным преимуществом перед другими видами средств массовой информации. Повышение доступности интернета, детерминировало возрастание интереса молодежи к вопросам политики, а также развитие ее гражданской активности.

Одним из основных каналов распространения информации выступили социальные сети. Они стали базой как для передачи информации о различных сферах общества, в том числе – гражданской, так и для отражения интересов интернет-пользователей по различным направлениям. Многие вопросы, касающиеся политики, права, гражданского общества стали доступнее для значительного количества молодежи.

Согласно статистике поискового ресурса «Яндекс», в 2012 году первыми в ряде рейтингов стали запросы, касающиеся главного политического события страны – выборов президента Российской Федерации [2, 3]. Кроме того, было зафиксировано повышение поисковых запросов, содержащих слово «закон» на 9% по сравнению с предыдущим годом. Анализ контента социальных сетей позволяет зафиксировать динамику возрастания интереса молодежи к проблематике внутри- и внешнеполитических отношений. Все более ярко выражается стремление молодежи к артикуляции своих гражданских интересов. Вместе с тем, гражданская активность значительного числа молодых людей ограничивается пассивным выражением своих мнений. Социальная активность в реальном мире – off-line пространстве – не претерпела

значительных изменений. Большинство молодых людей не проявляют общественной активности, не стремятся к преобразованию социальной среды. Тем не менее, основные гражданские интересы молодежи с развитием информационных технологий начали менять вектор своего развития, переходя от увеличения количества потребностей, к повышению требований к качеству услуг, предоставляемых государством.

Осознание того, что развитие информационно-технологического обеспечения положительно влияет на повышение открытости политического процесса, обеспечивая двустороннюю коммуникацию общества и государства, в деятельность органов государственной и региональной власти, а также местного самоуправления активно внедряются информационные технологии. В рамках данного направления создан сайт государственных услуг, ведется SMM работа с аудиторией наиболее популярных социальных сетей. Значительным шагом стало обеспечение процесса голосования в органы власти и муниципального управления видеонаблюдением, доступным on-line каждому пользователю сети интернет.

Ярким примером эффективного взаимодействия государственной власти и административного аппарата социальных сетей стало проведение кампании по защите информации при проведении Единого государственного экзамена в 2014 году. Подтверждением успешности данного проекта стало обращение главы Рособнадзора к представителям социальных сетей, в котором он поблагодарил их за сотрудничество в обеспечении прозрачности экзамена и избегании утечек контрольных измерительных материалов [4].

Таким образом, развитие сети интернет (а в настоящее время более 66,5 млн. россиян старше 18 лет пользуются интернетом, более половины из которых младше 35 лет) активизировало развитие гражданской активности молодежи. Эта позитивная тенденция сопровождается и негативной характеристикой – значительное количество молодых людей ограничивают развитие своей социальной и гражданской активностью комментированием событий в интернете, однако не стремятся участвовать в реализации своих интересов в off-line пространстве. Для преодоления данного факта может быть предложено развитие взаимодействия органов по делам молодежи, социальных учреждений, общественных организаций с молодежью в сети интернет. В то же время, важно делать акцент на коммуникационной составляющей интернет-ресурсов и социальных сетей, которая не должна охватывать все сферы жизни молодого человека – недопустима виртуализация реальных действий и социальной активность молодого гражданина.

Литература

1. Баранов, Н.А. Тернистый путь сети Интернет в России // Международная конференция: Интернет, общество, личность (ИОЛ-99). СПб.: Институт «Открытое общество», 1999. С.305-307.
2. Темы года в поиске Яндекса URL: http://company.yandex.ru/researches/figures/2012/ya_2012.xml (дата обращения: 15.09.2014).
3. Законы 2013 года в поиске Яндекса URL: http://company.yandex.ru/researches/figures/2013/ya_laws_2013.xml (дата обращения: 15.09.2014).

4. Глава Рособнадзора поблагодарил социальные сети за сотрудничество во время проведения ЕГЭ-2014 URL: http://obrnadzor.gov.ru/ru/press_center/news/index.php?id_4=4255 (дата обращения: 15.09.2014).

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ МОЛОДЁЖИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ КАК ВАЖНОГО ЭЛЕМЕНТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Т.В. Городова,

*кандидат социологических наук,
ст. преподаватель кафедры социологии
и организации работы с молодёжью, НИУ «БелГУ»*

Современный социум не в полной мере исполняет свои обязанности по отношению к молодёжи с ограниченными возможностями. И без его поддержки они имеют минимальные шансы на самостоятельное решение проблемы интеграции в общество. Более того, эффективность деятельности, направленной на решение проблем молодых людей с ограниченными возможностями, как и других подобных групп, в современном обществе становится задачей спасения их жизней, одним из критериев гуманности гражданского общества.

В организации социальной интеграции и поддержки молодёжи с ограниченными возможностями ключевая роль принадлежит институтам, по своему статусу призванным решать эти проблемы. Их организационно-управленческое воздействие на социальную ситуацию и личность данной категории, как элемента гражданского общества, должно осуществляться не только через непосредственное оказание помощи, но и через формирование благоприятного реабилитационного пространства, в котором осуществляется его жизнедеятельность. Оно представляет собой совокупность разнородных социальных связей и отношений, прямо или косвенно обуславливающих реализацию реабилитационного потенциала молодёжи с ограниченными возможностями. В рамках этого пространства действуют государственные и негосударственные структуры, социальные группы, личности, непосредственно и опосредованно работающие с молодёжью.

Реабилитационное пространство представляет собой часть социального пространства гражданского общества. В соответствии с предлагаемой нами концепцией, структура реабилитационного пространства включает в себя пять ключевых элементов:

- 1) объекты – молодёжь и семьи;
- 2) субъекты – социальные институты, группы людей и отдельные граждане, реализующие деятельность по реабилитации молодёжи с ограниченными возможностями;
- 3) общественное мнение, экспектации, определяющие возможности ассимиляции молодёжи с ограниченными возможностями;

4) физическая среда, ее организация, адаптированность к специфике людей с ограниченными возможностями;

5) проблемный комплекс – совокупность социально-средовых барьеров реализации индивидуального реабилитационного потенциала молодого человека с ограниченными возможностями, имеющих как объективную, так и субъективную природу.

Объекты. Наиболее существенными характеристиками молодого человека с ограниченными возможностями как объекта реабилитации являются:

– ограниченность личностных (физических, психических) ресурсов к образованию, труду, социальному взаимодействию, самообслуживанию (в разной степени в зависимости от тяжести инвалидности), как с инструментальной точки зрения (в плане доступности), так и с точки зрения способностей формирования тех или иных знаний, умений, навыков;

– низкая социальная адаптивность, детерминирующая повышенную зависимость от различных субъектов опеки, от модели, реализуемой ими, и социальной ситуации в целом, с одной стороны, и, с другой стороны – минимальная возможность изменения такой ситуации, влияния на нее, как в настоящем, так и в перспективе, в силу социальной эксклюзии и, впоследствии – в силу объективно обусловленной разобщенности таких детей.

Наряду с самим лицом с ограниченными возможностями объектом реабилитации является и семья. При этом подчеркнем, что семья, одновременно является и субъектом социальной реабилитации. Следовательно, определение ее положения в рамках реабилитационного пространства существенно зависит от ракурса анализа.

Работа с молодым человеком с ограниченными возможностями должна начинаться с социальной адаптации и различной помощи (социальной, психологической, педагогической, правовой и других видов) семье, как институту первичной социализации больного. Только адаптировав семью к ситуации можно положить начало успешной социализации самого инвалида.

Субъекты социальной реабилитации. Они представляют институциональную составляющую реабилитационного пространства. К их числу относятся институты образования, здравоохранения, социальной защиты, как уже отмечалось, семьи, а также, общественные формирования. Среди субъектов социальной реабилитации следует выделить государственные, муниципальные и общественные (гражданские) формирования. Поскольку, в соответствии с Конституцией, российское государство является социальным, основные субъекты реабилитационной деятельности – это государственные институты, в задачи которых входит решение проблем данной группы населения. Базовым среди них являются институты здравоохранения, образования, социальной защиты.

Институт здравоохранения выполняет социально значимые функции организации и ведение лечебного и реабилитационного процесса, содержания и воспитания в учреждениях здравоохранения детей с ограниченными возможностями. Такие учреждения, как дома ребёнка и социальные отделения

детских больниц непосредственно участвуют в жизнеустройстве детей-инвалидов: оказывают медицинскую, педагогическую и социальную помощь.

Структура социального института образования, как элемента реабилитационного пространства, включает: органы управления образованием, банки данных о детях и молодых людях с ограниченными возможностями и государственные учреждения, где они воспитываются – детские дома, дома-интернаты, школы-интернаты. Эти государственные и муниципальные учреждения функционируют для защиты прав и законных интересов детей с ограниченными возможностями и создания нормальных условий для их физического, психического и духовного развития.

При выполнении своих функций в отношении детей и молодёжи с ограниченными возможностями элементы института здравоохранения не могут функционировать без взаимодействия с другими элементами системы социальной работы и внешней средой. Однако в области нормативно-правового регулирования здравоохранения недостаточно четко прописаны схемы взаимодействия между учреждениями здравоохранения, социальными службами, учреждениями образования и даже между различными медицинскими службами.

Социальная защита как социальный институт представляет собой относительно устойчивую форму организации социальной жизни, обеспечивающую устойчивость связей в отношении социально незащищенных слоёв населения. Являясь инструментом социальной политики, она включает в себя совокупность норм, правил, структур, посредством которых осуществляется деятельность по преодолению ситуаций риска в жизни граждан и обеспечению установленных государством социальных гарантий.

Отдельного внимания заслуживает, как уже отмечалось, институт семьи. Данный социальный институт осуществляет в отношении детей-инвалидов профилактическую работу, обеспечивает социальный патронаж в специализированных учреждениях (социально-реабилитационных центрах и социальных приютах). Институт семьи, выступая в качестве субъекта реабилитационной деятельности, играет главную роль в осуществлении реабилитационного процесса и выступает в качестве основного связующего элемента реабилитационного пространства, своего рода посредника во взаимодействии всех элементов между собой [1].

Эта особая роль семьи определяется выполняемыми ею функциями: воспитательная, хозяйственно-бытовая, эмоциональная, духовного (культурного) общения, социального контроля. Семья для человека – наиболее значимый фактор социализации и превосходит по влиянию все другие общественные образования. В ней человек усваивает систему норм, правил, ценностей и знаний в соответствии с культурой и традициями общества и апробирует их на практике, чем во многом в дальнейшем и определяется успешность социальной адаптации человека.

Следующим элементом реабилитационного пространства и фактором, обуславливающим его реабилитационный потенциал, являются *общественные организации*.

Становление негосударственных организаций, в которых решение многих жизненно важных вопросов оказывается в руках самих инвалидов, является важным шагом в определении взаимоотношений между государством, благотворителями и индивидами. Инвалиды становятся активно действующими социальными субъектами, не только изменяя условия жизни, но и переопределяя себя [2].

Несмотря на то, что общественные организации инвалидов не обладают властной и ресурсной мощью государства, у них имеется ряд преимуществ, которыми, в силу своих особенностей, не обладает государственный аппарат, но без которых невозможно обойтись в практическом решении проблем инвалидов. Среди этих преимуществ выделяются следующие: объединения инвалидов могут полнее учесть в своей работе ценности и приоритеты своих членов, чем государственные или созданные сверху структуры; информация, которую получают такие организации, более полна и релевантна, что ценно для их участия в законотворческой деятельности; собственная инициатива инвалидов позволяет найти новые формы социальной интеграции, разработка которых была бы затруднительна без учета мнений самих инвалидов; высокая мотивированность и организованность таких ассоциаций создает почву для создания разветвленной инфраструктуры, способной более эффективно администрировать как государственные ресурсы, так и средства, поступающие от благотворителей.

В общегосударственном процессе решения проблем инвалидов их организации могут и должны осуществлять специфические функции, которые государственные институты либо просто не в состоянии выполнять, либо будут выполнять с гораздо меньшим эффектом. Именно на этом разделении и взаимном дополнении функций и должно быть основано социальное партнерство государства и организаций инвалидов в решении социальной проблематики инвалидов.

Другим важным гражданским агентом реабилитационного пространства является бизнес-сообщество. Тем не менее, существует ряд проблем, препятствующих эффективности благотворительной деятельности с его стороны. Так, Т.А. Кочеткова, рассматривая проблему образования инвалидов, считает, что оно нуждается в дополнительных социальных инвестициях со стороны российского бизнеса. Но его поддержка в планах крупнейших корпораций России находится далеко не на первом месте. Приток финансовых средств от частных жертвователей наиболее вероятен через организацию системы сбора разовых пожертвований на различные локальные проекты. При этом самый «непопулярный» путь – оказание помощи через государственные органы социальной защиты [3].

К этой же группе элементов можно отнести *средства массовой информации*, как инструмент формирования общественного мнения и экспектаций.

Характеризуя современную российскую действительность, следует отметить, что СМИ пока уделяют недостаточно внимания проблеме детей с ограниченными возможностями; широкая общественность еще не готова к

принятию таких детей. Результаты контент-анализа относительно презентации инвалидов в СМИ показал: последние видят свою задачу в том, чтобы вызвать у публики жалость и сочувствие к инвалидам, подвергнуть критике действия властей. Всячески подчеркиваются сложности, вызванные нетрудоспособностью, трудности работы людей с ограниченными возможностями и мало освещается положительный опыт – достижения инвалидов в труде, их успехи в жизни. Акцент делается на том, как отважен человек в преодолении своего недуга, либо на том, какой травмой для семьи становится появление на свет неполноценного ребенка. Человек с разного рода физическими недостатками предстает в виде жалкого и несчастного существа. Относительно редко инвалиды представлены как профессионалы, участвующие в общественно значимых событиях, в принятии решений.

Общественное мнение представляет собой «такое проявление общественного сознания, в котором отражается отношение (оценка) больших социальных групп, народа в целом к актуальным явлениям, представляющим общественный интерес... Причем этот интерес выражается не в строго теоретической форме (что характерно, например, для идеологии), а в виде симбиоза положений «здравого смысла», отдельных теоретических положений и даже заблуждений» [4]. Общественное мнение, экспектации, определяющие возможности ассимиляции детей с ограниченными возможностями, во многом задаются социальной политикой и социальными институтами, ее реализующими. Так, например, В.П. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова отмечают, что если статус инвалидов как клиентов преобладает в отношениях с государством и государственными службами, инвалиды оказываются ущемленными в своем статусе гражданства [5]. Отношение государства к инвалидам задает модель подобных взглядов и для населения.

Общественное мнение реализуется через его носителей – социальных субъектов. Субъекты общественного мнения – это социальные субъекты, установки, ценности и представления которых опосредуют процесс социальной интеграции и социальной инклюзии детей с ограниченными возможностями.

Доминирующая в общественном мнении модель в настоящее время характеризуется отношением к детям с ограниченными возможностями, как к ущербным. При этом наиболее позитивные паттерны отношений выражаются в сострадании к таким детям и их семьям; негативные – в презрении. Так или иначе, в их основе этого отношения лежит чувство собственного превосходства. Случаи помощи носят чаще несистемный, и, в основном, материальный характер. Существует установка на изъятие ребёнка-инвалида из семьи и социума, и помещения его в особые условия, в изоляцию, в интернат. Широко распространено представление, что инвалиды рождаются только у алкоголиков и наркоманов, что соответствует истине только в 10 %-20 %.

Физическое реабилитационное пространство. Под физическим реабилитационным пространством мы понимаем инфраструктуру инвалидности, в первую очередь, наличие технических и технологически средств, позволяющих ребенку адаптироваться к жизни.

Социологические исследования показывают, что ключевые объекты социальной инфраструктуры остаются до настоящего времени труднодоступными для инвалидов. К числу таких объектов относятся государственные учреждения, учреждения культуры, здравоохранения и даже реабилитационные учреждения, призванные играть ведущую роль в процессе реабилитации и социальной интеграции инвалидов.

Следует иметь в виду, что доступность физической среды, включая жилье, транспорт, образование, работу и культуру, информации и каналов коммуникации является условием независимой жизни детей с ограниченными возможностями. Независимая жизнь – это право человека быть неотъемлемой частью жизни общества и принимать активное участие в социальных, политических и экономических процессах, свобода выбора и свобода доступа к жилым и общественным зданиям, транспорту, средствам коммуникации, страхованию, труду и образованию, возможность самому определять и выбирать, управлять жизненными ситуациями [5].

Проблемный комплекс может иметь общий и специфический (например, региональный или местный) характер; субъективную или объективную природу. Объективные проблемы выражаются в реальном отсутствии тех или иных возможностей. Субъективные проблемы связаны с незнанием о существовании тех или иных возможностей. Понятие «комплекс» отражает взаимозависимость существования одного типа проблем от других, и невозможность их решения путем реализации частных мер.

Реабилитационное пространство не сводится к некоторой оболочке социальной жизни, которая окружает реабилитационную деятельность в гражданском обществе. Оно представляет собой саму социальную жизнь, её насыщенность, масштабы и инновационность.

Итак, развитое гражданское общество должно способствовать социальной интеграции молодёжи с ограниченными возможностями с помощью создания реабилитационного пространства, как многоуровневого и сложно структурированного образования.

Литература

1. Системный подход в современной науке / под ред. И. К. Лисеева. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 78.
2. Ярская-Смирнова, Е. Р. Социальная работа с инвалидами. / Е. Р. Ярская-Смирнова, Э. К. Наберушкина. – СПб. : Питер, 2004. С. 59-63.
3. Кочетова, Т. А. Благотворительность и образование инвалидов / Т.А. Кочетова // Образование как фактор социальной мобильности инвалидов : сб. науч. ст. Саратов : Научная книга, 2007. С. 28-29.
4. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М. : Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1998. С. 290.
5. Романов, П. В. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова – Саратов : Научная книга, 2006. С. 131-134, 146.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И.И. Гуляев,

*кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии и организации
работы с молодежью, НИУ «БелГУ»*

Молодое поколение на сегодняшний день представляет собой ту силу, которая будет определять ход событий в недалёком будущем. Молодежь – ценнейший и уникальный ресурс любого общества. Именно она выполняет ряд стратегических задач общества – воспроизводство ресурсов и инноваций, развитие экономических, политических и социальных основ общества.

Одной из целей нашей конференции – есть обоснование задачи гражданского общества по отношению к молодежи, которая состоит в том, чтобы включить ее в равноправный диалог, направленный на обсуждение стратегии общего будущего страны, не только через процесс адаптации к существующим условиям жизни, социальную поддержку нормального уровня жизни, но и через процесс осмысления и планирования будущего всего общества и своего места в нем.

Участие молодежи в общественно-политической жизни России имеет принципиальное значение для развития страны не только в отдаленной, но в самой близкой и конкретной перспективе. Получая знания и осваивая новейший социально-политический опыт, молодое поколение граждан либо интегрируется в существующий социум и тем самым объективно модернизирует его, либо отчуждается от социума в ходе корпоративной социализации или дистанцирования от политики [1].

Главной задачей современной молодежной политики должно стать создание условий для расширения возможностей молодого поколения в участии жизни общества и направления молодежного потенциала на развитие России, обеспечения должного уровня ее конкурентоспособности. Государство и общество должны нести ответственность за формирование новых поколений. Молодежь и ее объединения должны стать активными, заинтересованными участниками решения задач, стоящих перед страной.

Практически все ученые занимающиеся вопросами российского гражданского общества выделяют ряд проблем его становления. К ним относятся экономические субъекты гражданского общества, а именно институт предпринимательства, как основа среднего класса любой развитой страны. Далее выделяются политические институты, такие как независимые молодежные движения, молодежные организации и даже политические партии со значительным молодежным содержанием. Не менее важным для существования и развития гражданского общества является наличие и эффективность органов самоуправления, к ним относятся как непосредственные структуры молодежного самоуправления, так и организация

местного самоуправления. По нашему мнению государственная молодежная политика в отношении развития гражданского общества и должна строиться в этом направлении т.е. строительстве экономических, политических и социальных основ гражданского общества. Интересен в этом отношении проект Федерального Агентства по делам молодежи, который внесен на рассмотрение в Государственную Думу в начале октября 2014 года. Проект называется «Основы государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года».

Характеризуя современное состояние и проблемы государственной молодежной политики, авторы документа отмечают его особенности:

- Наиболее серьёзным качественным вызовом предстоящего периода будет являться ценностный вызов, угрожающий выведением значительной и наиболее активной части российской молодёжи из сферы реализации своих навыков и умений на благо Родины.

От развития молодёжи зависит, сможет ли Россия быть суверенной динамично развивающейся страной.

Необходимо обеспечить высокий уровень уважения российской молодёжи к своей истории и традициям, к духовным ценностям наших народов, тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России, научить молодёжь ответственности за свою страну и её будущее.

Информационный вызов характеризуется возрастающим влиянием информационных потоков на общественно-политические и социально-экономические условия развития современного государства, общества и отдельных граждан. Особенно чувствительно, данный вызов ощущается в среде молодых граждан государства, которые являются наиболее активными пользователями информации и информационных технологий. Однако, подпадающая под информационное давление молодёжь, не обладающая устойчивым иммунитетом к деструктивному влиянию и достаточными знаниями, чтобы ему противостоять, способна дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в государстве.

Основным количественным вызовом, который окажет системное влияние на все, без исключения, ключевые сферы, такие как: экономика, национальная безопасность и положение страны на международной арене, социальная сфера, финансовая система, технологическое развитие и инновации, в ближайшие 10 – 15 лет, будет снижение абсолютной численности молодёжи и её удельного веса в населении Российской Федерации. Данный вызов состоит из факторов:

- демографический фактор – сокращение численности потенциальных молодых матерей (20 – 30 лет) и молодых семей; угроза убыли населения;

- социальный фактор – малочисленность молодёжи по сравнению со старшими поколениями порождает серьёзнейшую проблему обеспечения пенсионной системы и роста пенсионной нагрузки;

- экономический фактор – сокращение числа молодых работников (особенно высокой квалификации) несет в себе угрозу экономической стагнации и ослабления позиций России в мировой экономике;

- кадровый фактор – критическая нехватка молодой рабочей силы в ряде стратегически значимых отраслей (в том числе производство, различные отрасли бюджетной сферы), препятствующая их полноценному функционированию;

- региональный фактор – предстоящее сокращение численности молодого населения в сочетании с высоким миграционным оттоком может привести к критическому ухудшению социально-экономической ситуации в ряде регионов (в первую очередь, территории Дальнего Востока), а также в сельской местности.

- фактор национальной безопасности – заключается в сокращении численности мужчин призывного возраста. В сочетании с региональным вызовом это означает ослабление возможности противостоять неконтролируемым потокам международной миграции, усиление геополитических угроз (прежде всего, в Сибири и на Дальнем Востоке).

Необходимо отметить, что характеризуя современное состояние молодежи в России, авторы документа совсем не затрагивают проблемы существования и развития гражданского общества. В какой-то мере это можно отнести к задачам формирования патриотизма и ответственности молодежи за развитие страны. Но в целом наблюдается полное не понимание того в каком состоянии находятся в данный момент гражданское общество в России и место молодежи в нем.

В определении приоритетных направлений и задач молодежной политики в Российской Федерации авторы выделяют шесть приоритетов и только два из них можно отнести к проблемам формирования институтов гражданского общества. Это приоритет 1, в котором говорится о воспитании патриотов, граждан правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре своего и других народов. И приоритет 2, в котором отмечается создание условий по формированию у молодежи навыков и компетенций, которые позволят реализовать человеческий потенциал молодежи в предпринимательстве, в профессионально-трудовой сфере, науке, инновациях, сфере высоких технологий.

В задачах по формированию системы ценностей и мировоззрения молодежи, способствующей качественной реализации её человеческого потенциала выделяется необходимость воспитания ответственности и гражданственности, как важной основы самоидентификации россиян; поддержка молодёжных программ, проектов и инициатив, направленных на укрепление общественных ценностей в молодёжной среде; поддержка программ формирования единой российской гражданской нации, национально-

государственной идентичности, воспитание толерантности к представителям различных этносов, межнационального сотрудничества; создание условий для реализации предпринимательского потенциала молодежи, формирования и деятельности общественных объединений, направленных на развитие молодежного предпринимательства; поддержка молодых предпринимателей, формирования и деятельности общественных объединений, направленной на развитие молодежного предпринимательства; развитие всех моделей молодежного самоуправления и самоорганизации в учебных, студенческих, трудовых коллективах по месту жительства; содействие социализации, гражданской активности, реализации творческого потенциала, трудоустройству и предпринимательской активности молодых людей с ограниченными возможностями; содействие реализации молодежных общественных проектов и программ по привлечению молодежи в добровольные студенческие аварийно-спасательные формирования (студенческие спасательные отряды), добровольные пожарные формирования, популяризация теоретических знаний и практических навыков по безопасности жизнедеятельности среди молодежи при помощи[2].

При всем многообразии приоритетов, целей и задач формирования новой молодежной политики в Российской Федерации необходимо отметить слабый, или можно сказать практически отсутствующий в программе политический аспект существования современного гражданского общества. Но бесспорным является тот факт, что вовлечение молодежи в политическую практику, привлечение молодых людей в различные структуры государственного и муниципального управления формируют в молодежной среде гражданскую ответственность. Именно возможность участия в управлении государством мотивирует молодежь и воспитывает у нее ответственность за страну, формирует гражданскую позицию. Это касается не только политической составляющей молодежной политики, но в полной мере касается и экономической, социальной, культурной. Молодые люди, участвующие в процессах управления государством, муниципальными, предпринимательскими, спортивными, культурными или волонтерскими структурами учатся ответственности и вырабатывают гражданскую позицию.

Обсуждая данный проект депутаты Государственной Думы, я надеюсь должны обязательно обратить внимание на данное обстоятельство.

Литература

1. Молодежь и формирование гражданского общества в России: материалы Третьей Общероссийской научно-практической конференции, Волгоград, 27-28 сентября 2007 года / Волгоградский институт бизнеса. -Волгоград : Издательство «ПринТерра», 2007.
2. Основы Государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года. Проект от 03.10.2014 http://fadm.gov.ru/announcements/anonsdetail/?ELEMENT_ID=20156/

СОСТОЯНИЕ МОЛОДЕЖИ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, РИСКИ, ПУТИ РАЗВИТИЯ

Б.А. Дейч

*кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой института молодежной политики
и социальной работы ФГБОУ ВПО «НГПУ»*

О.Б. Макиев

*старший преподаватель института молодежной политики и
социальной работы ФГБОУ ВПО «НГПУ»*

В июне 2014 года сообщество руководителей и специалистов органов и учреждений молодежной политики было несколько взбудоражено: на сайте «Комитета гражданских инициатив» Алексея Кудрина были опубликованы результаты экспертного исследования результативности современной молодежной политики, проведенного экспертом Совета Европы по вопросам гражданского образования молодежи А. Ермолиным. К ключевым выводам эксперта можно отнести следующее:

– нынешняя молодежная политика не является приоритетным направлением государства, а та политика, которая реализуется, не востребована обществом (прежде всего самой молодежью);

– государство нацелено не на развитие молодежи, а на контроль, при этом отсутствует системное видение молодежных проблем;

– на те ресурсы, которые выделяются на молодежную политику можно не только развлекать, отвлекать и оздоравливать молодежь, но и развивать – то есть действительно решать серьезные стратегические задачи для страны в сфере создания успешного человеческого капитала [1].

Данные выводы, подтверждают результаты исследования, проведенного в 2010 году, которое показало, что современную молодежную политику государства однозначно положительно оценивают 15,3% молодых людей. 41% придерживается мнения, что в России в интересах молодежи «что-то делается, но мало заметно»; недовольны результатами нынешней молодежной политики 32% молодежи; 11% затрудняются оценить эффективность [2]. Эти цифры, по сути, показывают включенность молодежи в сферу молодежной политики – чуть более 15% активно включены и положительно оценивают, 41% включаются ситуативно, и немногим менее половины молодых людей недовольны молодежной политикой, так как просто «выпадают» из ее сферы.

Несмотря на то, что в средствах массовой информации прозвучали мнения работников сферы молодежной политики и представителей самой молодежи, о том, что на самом деле все не так, считаю возможным согласиться с выводами эксперта. Сегодня оценка эффективности молодежной политики основана в большей степени на количественных критериях: количество молодежи, принявшей участие в мероприятиях; количество молодежных проектов, реализованных в определенных направлениях; суммы грантовой поддержки молодежных инициатив; количество проведенных мероприятий;

количество молодых людей объединенных в волонтерские отряды и т. д. При этом именно органы и учреждения молодежной политики должны организовать и провести эти мероприятия, должны привлечь к ним молодежь, создать условия для поддержки процесса социализации молодых людей, воспитать (сформировать) у них необходимые качества.

Результатом такого подхода стало формирование социальной пассивности и потребительского отношения части молодежи к обществу и государству. В докладе эта позиция выражена еще более резко: «...сложившаяся среда производит для страны не трудолюбивых рабочих и увлеченных работников интеллектуального труда, а амбициозных приживал (даже не карьеристов), мечтающих о теплом месте в муниципальной или государственной системе, оправдывающих свой профессиональный примитивизм лояльностью» [1]. Исследование М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги так же косвенно подтвердило то, что формы и методы современной молодежной политики формируют у достаточной части молодежи иждивенческую позицию: доля молодежи, ожидающая появления от власти патерналистских функций (власть должна заботиться о молодежи и оказывать ей помощь во всем) – 43,8%, доля молодежи, желающей строить отношения с властью на паритетных началах – 42,4%; доля молодежи, желающей максимальной свободы от власти и возможности решать свои проблемы самостоятельно – 14,1%. [2].

Между тем, в обсуждаемом сейчас проекте «Основ государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года», отмечается, что в условиях реального снижения численности молодежи основными целями государственной молодежной политики должны стать максимизация (достижения максимального возможного уровня развития в имеющихся условиях) личностного потенциала российской молодежи и создание системных условий в социально-экономическом поле, на общественно-политическом и ценностном уровнях для обеспечения полноценной и разносторонней реализации во благо процветания страны.

Необходимо отметить, что в настоящее время государственная молодежная политика претерпевает значительные изменения. Это связано с осмыслением предыдущего опыта деятельности в сфере реализации молодежной политики и необходимостью обновления существующих подходов к организационной работе в молодежной среде, связанной и с определенными изменениями в молодежной среде, и с теми проблемами, которые становятся актуальными для нашего общества в целом. На протяжении ряда последних лет осуществляется концептуальный переход от идеи поддержки и социальной защиты молодежи к идее создания условий для повышения степени интеграции молодых граждан страны в социально-экономические, общественно-политические и социокультурные отношения с целью увеличения их вклада в социально-экономическое развитие страны.

Однако, несмотря на постепенное изменение концептуальных подходов, в практической реализации молодежной политики по-прежнему часто присутствует устойчивый взгляд на молодежь, как социально пассивную

группу, находящуюся в переходном состоянии потребителя социальных и бюджетных услуг, различных видов безвозмездной помощи, поддержки со стороны государства. И в тоже время на молодежь возлагаются серьезные задачи по социально-экономическому, политическому и социокультурному развитию муниципальных образований (территорий), регионов и страны в целом. Решение этих задач возможно, если нацелить молодежную политику на создание молодежных сообществ, деятельность которых будет ориентирована на развитие и капитализацию территорий регионов и муниципальных образований. Непременным условием включения молодежи в процессы развития и капитализации территорий является совместная выработка привлекательного образа территории, который должен быть соотнесен со стратегией развития территории регионов и муниципальных образований.

Предлагаемый подход предполагает переход от безвозмездной поддержки молодежных инициатив к инвестиционной финансовой политике. То есть предопределяет вложение финансовых средств в молодежную политику, как инвестиций в процессы развития территорий регионов и муниципальных образований. Это позволит молодежному сообществу осознать свою роль в процессах экономического развития территорий, повысить уровень самоопределения, самоорганизации, самосознания молодежи и молодежной среды (молодежного сообщества), как субъекта и объекта социальной, политической и экономической системы развития территорий. Партнерство в молодежной политике на региональном и муниципальном уровнях должно базироваться на субсидиарной ответственности, предполагающей поощрение самостоятельности и ответственности молодежи за свое будущее и будущее региона и муниципального образования, а так же отказ от распределительной модели с переходом на инвестиционный характер потребления регионального и муниципального благосостояния.

Основными результатами молодежной политики необходимо рассматривать повышение уровня:

- социального самоопределения отдельно взятого представителя молодежного сообщества;
- самоорганизации и самосознания территориальных молодежных сообществ;
- капитализации территорий, как следствие участия в процессах развития территорий молодежи и молодежного сообщества;
- социальной успешности молодежи, обладающей ресурсами саморазвития и развития территорий муниципальных образований.

Приоритетным подходом в процессе реализации молодежной политики должно стать понимание необходимости перехода от отдельных мероприятий и акций по различным направлениям ГМП к политике системного включения молодежи в реальные процессы самоопределения, активного участия в лично и социально значимой деятельности, развитии территорий муниципальных образований и республики в целом. При этом необходимо рассматривать молодежь как партнера, как сознательного субъекта деятельности, а не только как объект воздействия. Кроме того, оценка качества

молодежной политики должна осуществляться не только в рамках традиционного мониторинга, но и с использованием форм профессиональной и общественной экспертизы.

Литература

1. Доклад эксперта Совета Европы по вопросам гражданского образования молодежи А. Ермолина « О молодежной политике как национальной системе воспитания и подготовки провинциальных кадров»: <http://www.newsru.com> (дата обращения 24.09.2014).
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М., 2010. – С. 68.

СИМУЛЯЦИЯ И ИМИТАЦИЯ В СИСТЕМЕ КОМПЕТЕНЦИЙ МОЛОДЕЖИ В НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

О.В. Дивненко,
*кандидат педагогических наук,
профессор кафедры психологии и педагогики высшей школы
Национального института бизнеса, г. Москва*

В начале второго десятилетия XXI века очевидны изменения во всех видах системы образования и воспитания, ориентированной, в том числе, на развитие основных системных компетенций молодежи. В условиях новой современной реальности можно выделить кардинально противоположные тенденции развития общественного труда и жизни человека, с которыми не может не считаться система образования [2].

Первая – разобщение, обезличивание и формализация профессиональной деятельности и социальных отношений. Это проявляется в таких явлениях как развитие «культуры потребительства»; экологическая и психологическая опасность деятельности человека; межличностное отчуждение; рост непрофессионалов с дипломом о высшем образовании; увеличение числа людей, «выпадающих» из социальных норм деятельности и общения, включая процессы виртуального общения и «виртуальной жизнедеятельности».

Вторая, противостоящая первой, сильная тенденция новой реальности – возрастание роли психологического, личностного фактора, интеллектуальных функций в современном труде и жизни человека, наукоемкости труда, развитие управляющих и предвосхищающих функций во всех видах деятельности; увеличение роли межкультурного мирового общения; повышение значения этических норм и доверия между людьми, роли индивидуальной инициативы и свободы творчества, открытости перед будущим.

Более того, в условиях новой социальной реальности, развивающейся «со скоростью опережения мысли», сокращается время на принятие решений, на достижение эффективных результатов при кропотливом получении знаний, развитии необходимых компетенций. При этом человеку, особенно молодому, важно эффективно и активно включаться в социальные отношения, быстро двигаться к намеченным целям, получая конкретный положительный результат. Поэтому для достижения данных результатов молодежи необходимы качества,

которые бы стали ресурсом для успешного социального продвижения, гарантировали бы результат независимо от возможных ситуаций неопределенности.

В современной социологии процесс социального продвижения рассматривается через призму формирования как социальной компетентности личности в целом, так и отдельных социальных компетенций. Человек является социально-компетентным, если его способности, имеющиеся умения и навыки, отвечают требованиям конкретной ситуации и позволяют эффективно решать возникающие задачи и, что особенно важно, в условиях новой социальной реальности.

Исследуя процессы формирования и развития социальной компетентности, заметим, что она, как конструктор, состоит из комплекса определенных компетенций. При этом состоять социальная компетентность может из различного набора компетенций. Важно заметить определенную зависимость:

- уровня развития социальной компетентности от набора (структуры) компетенций;

- эффективности социальной подвижности и мобильности молодого человека от структуры компетентности;

- характеристик макро- и микрогрупп, в которые включен человек.

Другими словами, чем выше уровень развития социальной компетентности, чем актуальнее набор (структура) компетенций, включенных в нее, тем выше эффективность социальной подвижности, выстраивания отношений молодым человеком.

У молодежи в условиях социальной неопределенности, которая является имманентной характеристикой современных обществ, происходит процесс отбора важных признаков, которые затем конвертируются в компетенции.

В связи с этим среди определенных групп молодежи наблюдается использование предметно-рефлексивных отношений, моделей рационального поведения прагматического свойства, направленных на быстрое достижение собственных личностных целей, не ориентированных на саморазвитие и преобразование общества.

Рассмотрим некоторые условия, способствующие выбору молодого человека именно данной стратегии поведения.

С одной стороны, анализируя развитие процессов социальной регуляции и саморегуляции, личность определяет наиболее подходящий для себя вариант развития: «Быть таковым (имеющим определенное качества), то есть состояться»; «Стремиться быть таковым, то есть развиваться»; «Получить типовые основные навыки для возможности имитировать определенные виды деятельности, то есть имитировать»; «Казаться таковым, то есть симулировать».

Так, какой путь нужно выбрать, чтобы получить результат как можно быстрее без особых усилий? Конечно, имитировать и симулировать... Чтобы сэкономить время и усилия в процессе достижения результата молодой человек начинает учиться имитировать и симулировать. Он положительно отвечает на

такие вопросы как «Зачем быть, если можно казаться?», «Зачем идти длинным путем, если можно коротким?». Создается целая система имитирования и симулирования.

Отметим, имитация по «Бизнес-словарю» – это подражание, создание искусственной модели реального процесса [3]; по словарю Ушакова – это подделка подо что-то; предмет, сделанный в подражание настоящему так, что его можно принять за настоящее, за образец [1].

Симулирование, по С.Ожегову, это процесс притворства, создания ложного представления о наличии чего-либо [13]; по Ушакову – притвориться (притворяться) кем-чем-нибудь, создать (создавать) ложное представление о наличии чего-нибудь [1].

Параллельно с этим на институциональном уровне созданы и продолжают создаваться конкретные системы, определяющие качественно-количественные характеристики личности путем привлечения экспертов, проведения рейтингов, выдачи сертификатов, подтверждающих наличие качественные характеристик у субъектов и групп.

Как частичный результат таких процессов – депрофессионализация, неопределенность в системе ценностных ориентаций на уровне «человек – общество – государство». Интерпретируя Ж.Бодрийера, симуляция настолько широкомасштабна, что она заставляет совпасть все реальное с моделями симуляции. В данном случае такая сутевая характеристика, как разница между симуляцией и реальным [2], исчезает.

Таким образом, на современном этом умение имитировать и симулировать определенные качества, умения и даже деятельность, становится для молодежи одной из социальных компетенций. Не просто отдельно взятой ситуационной характеристикой, а именно сознательной четко продуманной моделью поведения.

Имитация и симуляция как модели рационального поведения, с одной стороны, могут позволить решить молодому человеку ряд важных для него задач – быстрое включение в актуальные для него группы, получение определенного статуса, сформированное о себе мнение, позволяющее успешно продвигаться к цели. С другой стороны – формализованный подход к формированию мнения о себе без опоры на конкретные имеющиеся знания, реальный опыт, развитые способности является определенным механизмом для смещения ценностных установок, не способствующих развитию гуманистического развивающегося общества, а также негативных трансформаций личности. Прежде всего, потому, что молодой человек не обладает и не стремится обладать теми качествами, которые он имитирует и симулирует.

В качестве ключевых аспектов исследования данной темы важно выделить следующее. Новая социальная реальность располагает более широким комплексом условий и характеристик для эффективного развития личности. Одновременно с этим, имеет ряд негативных характеристик, особенностей, справиться с которыми молодой человек может только при

эффективном развитии социальной компетентности. Имитация и симуляция – есть результат и «ответ» на изменяющуюся реальность.

Исследование процессов имитации и симуляции является актуальным в системе происходящих изменений в современном мире как процесс формирования ответов на новую социальную реальность, новый мир взаимоотношений людей и социальных общностей.

Литература

1. Большой толковый словарь современного русского языка. В 4 томах под редакцией Д.Н. Ушакова. – М., 2000.
2. Беридзе А.З. Институт образования в условиях новой социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – №5.
3. Бизнес-словарь. – М., 2012.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000.
5. Дивненко О.В. Симуляция как социальная компетенция молодежи в условиях неопределенности // Актуальные проблемы экономики, социологии и права, № 2, 2012.
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Риск в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления // Образовательная политика, № 12, 2008.
7. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Неинституциональные механизмы саморегуляции рисков // Глобализация и социальные изменения: материалы научной конференции, 2006. Сборник научных докладов.
8. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. – М., 2008.
9. Кляйненберг Э. Жизнь соло: новая социальная реальность. – М., 2014.
10. Марина Х.А. Поверженный разум. – М., 2011.
11. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1992.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ В НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ю.А. Зубок,

заведующая отделом социологии молодежи

Института социально-политических исследований

РАН г. Москва, доктор социологических наук, профессор

Под потенциалом чаще всего понимается наличие ресурсов, возможностей, способностей – вообще сумма факторов, от которых зависит успешное решение тех или иных задач. Способность, понимаемая как свойство молодого человека или группы обеспечивать процесс непрерывного возобновления и обновления собственных сущностных сил, является внутренним источником их активности, содержащейся в потенциале.

Значимой составляющей социального потенциала молодежи является мотивационная сфера ее сознания, т.е. совокупность потребностей, интересов и ценностей, определяющих характер социальной деятельности разных групп молодежи. Определяя предметную направленность деятельности, конкретные

ее способы и мировоззренческий смысл, мотивационная сфера сознания характеризует устремления молодых людей и в этом смысле становится важной частью их социального потенциала. Одновременно мотивация выполняет и регулирующую роль в социальном потенциале, предопределяя выбор смысложизненных ориентиров и способов их реализации, установку на те, или иные формы активности.

Как показывают исследования¹, формирование современной молодежи происходит под влиянием изменившихся представлений об удачном выборе, успешной и счастливой жизни, что изменяет не только смысложизненные ценности, но и способы их реализации. По-иному выглядит соотношение ценностей, их регулирующая и ориентирующая роль, степень значимости для разных групп молодежи. Во-первых, осуществляется постепенный отход от прежних стандартов, на которых воспитывались предыдущие поколения молодежи, снижении значимости существующих в обществе традиционных норм и стилей жизни как критериев одобряемого поведения, деструкции нормативности и вариативности поведенческих норм. Так, самоценное отношение к труду, с точки зрения его содержания, всё больше вытесняется инструментальным. Если понимание общественной значимости труда в возрасте старше 60 лет составляет 47,3%, то в группе 18-24 – 23,5%. Отношение к труду как к терминальной ценности в поколении старше 60 лет также выше, что является следствием социализации в советский период. Данные исследования показывают, что ценности труда, реальности. В отличие от старшего поколения, сформировавшегося и большую часть своей жизни прожившего в условиях господства общественно одобряемых ценностей честного добросовестного производительного труда на всеобщее благо, прочно закрепленных в глубинных пластах сознания и сохраняющихся в новой социально-экономической, то нынешняя молодежь и их родители (среднее поколение) формировались под влиянием образцов расширенного потребления. В обществе, ориентированном на производство главной социальной опасностью является неостребованность на рынке труда, отсутствие общественной пользы, а в обществе потребления доминирует опасность стать «неполноценным» потребителем. Успешные – «правверные» потребители являются основным активом общества потребления, в то время как «неполноценные» потребители – его обременительный пассив. В условиях, когда само по себе наличие работы не гарантирует возможность включения в активный процесс потребления, а доступ в те сферы, где, действительно, можно заработать, ограничен, то молодёжь все чаще ориентируется на нетрудовые формы дохода, что выступает предпосылкой разрушения ее социального потенциала в аспекте трудовых интересов.

¹ Исследования проводятся Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в мониторинговом режиме, начиная с 1990 года, по всероссийской выборке среди молодежи в возрасте 15-29 лет. Выборка рассчитывается на основе половозрастных квот с учетом региональных особенностей в 13 субъектах Российской Федерации. Объем выборки составляет до 2500 тыс. человек. Руководители исследования д.соц. н., проф. В.И. Чупров и д.соц. н., проф. Ю.А. Зубок.

Деструктивную роль в социальном потенциале молодежи играет несоответствие ожиданий молодежи реальным возможностям становления ее субъектности. Возможности молодежи найти работу, повысить квалификацию, продвинуться по службе, защитить права, хотя и выросли за последние 12 лет, но все же оцениваются как благоприятные лишь половиной молодежи. Тем самым они также остаются потенциальными, не переходящими в действительность. Заинтересованность в получении достойного заработка проявили 77,5% молодежи в возрасте 18-29 лет, а возможность его повышения оценили для себя лишь 43%. Подобное несоответствие негативно отражается на социальном потенциале молодежи в трудовой сфере. Об этом свидетельствует и характер связи между оценкой возможности реализации интересов и ценности труда. В группе респондентов, не имеющих возможность повысить свою заработную плату (1 и 2 позиции на семибалльной шкале), труд как терминальную ценность отмечают 16,1%, в то время как в группе с высокой степенью возможности (6 и 7 позиции) – 26,7%.

Во-вторых, возникает противоречие между устойчиво воспроизводимыми традиционными и формирующимися современными образцами в социальном потенциале молодежи. Данное противоречие находит свое выражение во всех сферах жизнедеятельности. Традиционная составляющая в большей мере отражает терминальное значение ценностей и связано с ценностно-рациональными составляющими. В свою очередь, современные – отражают процесс рационализации и инструментализации сознания молодежи. Рационализация, предполагающая наличие осознанной цели, наполняет мотивационную сферу сознания новыми смыслами и представлениями о новых возможностях. Под влиянием глобализационных процессов они приобретают современное содержание. Так, например, в сфере семейных отношений воспроизводится традиционная ценность семьи, но рационализируются представления о формах ее жизнедеятельности и характере устройства. А в сфере социально-политических отношений традиционные ценности единовластия, государственнические ориентации воспроизводятся наряду с демократическими ценностями свободы выбора, волеизъявления и независимости.

Направленность и характер формирования мотивационной составляющей социального потенциала молодежи определяется регулятивной деятельностью институциональных механизмов, роль которых в новой социальной реальности существенно ослабевает. Вследствие ослабления целенаправленного регулирования условия формирования и реализации социального потенциала молодежи складываются спонтанно и хаотично. Под влиянием случайных процессов складываются далеко не все составляющие условий, *необходимые* для перехода определенных свойств молодого поколения, его духовных и физических сил из потенциального состояния в активное. В случае нарушения всей совокупности необходимых условий они утрачивают *достаточность*. В социальном плане такие условия характеризуются как *неопределенные*. Неопределенность условий проявляется в том, что они не позволяют внутренним способностям молодежи и ее

возможностям переходить в действительность, препятствуя развитию как самой молодежи, так и всего общества. Так, общественная потребность в модернизации социально-экономических отношений предполагает необходимость расширенного включения молодежи в процесс труда, повышения ее знаний, квалификации, умения решать задачи растущей сложности, формирования у всех молодых людей современной трудовой этики. Однако в силу дисфункций ряда институтов сложившиеся условия не являются достаточными даже для того, чтобы молодежь реализовала полученные знания и трудовые установки. В результате в сфере трудовых отношений ценность интересного содержательного труда и самореализации вытесняется их рационализацией в форме снижения ценности добросовестного квалифицированного труда в сознании молодежи, подмены результатов труда симулякрами, имитационными моделями трудовой деятельности как следствия неадекватной его оценки, резких различий в оплате труда в разных секторах экономики. Схожие тенденции наблюдаются и в образовании. Воспроизводство его терминальной ценности входит в противоречие со снижающимся престижем знаний в обществе, а вместе они находятся в противоречии с падающим качеством подготовки в условиях «инстант-культуры» как образа жизни по ускоренному образцу.

Таким образом, новая социальная реальность характеризуется неопределенностью. Она отражает не только открытость и незавершенность формирования четких структур и образцов взаимодействия, их переходность, но и преимущественно случайный характер течения, вносящий непредсказуемость в жизнедеятельность не только отдельных индивидов и групп, делая их развитие спонтанным. Фактор случайности становится важнейшим не только в формировании, но и в реализации социального потенциала молодежи, порождая значимые противоречия между общественной потребностью в укреплении социального потенциала молодежи и неопределенностью условий его формирования и реализации, между традиционным и современным в его составляющих.

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ В НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ю.А. Зубок,

заведующая отделом социологии молодежи

Института социально-политических исследований

РАН г. Москва, доктор социологических наук, профессор

Т.И. Яковук,

профессор кафедры политологии и социологии БрГУ,

г. Брест, Беларусь, доктор социологических наук, профессор

Новая социальная реальность характеризуется многозначностью и неопределенностью. Они выражаются в открытости и неравновесности,

неструктурированности и неоднозначности структур и процессов, в полифуркационном характере жизненных выборов молодежи как способов конструирования новой определенности. Тем самым расширяется пространство для *саморегуляции* молодых людей как эмансипированных социальных субъектов. Понимаемая как процесс воздействия индивидов и групп на самих себя с целью реализации социальных ожиданий, этот процесс протекает в форме противоречий.

1. Противоречие, возникающее на фоне все более активной на постсоветском пространстве глобализации, предлагающей молодёжи ценности и нормы, далекие от аксиологии традиционной культуры, усвоенной в процессе первичной социализации. Данное противоречие находит выражение в амбивалентности норм, примером которой могут служить, с одной стороны, ожидания молодёжью материальной поддержки со стороны государства, а, с другой – протест против вмешательства в индивидуальное пространство, в личную жизнь молодого человека. Названное противоречие приводит к возникновению внутрикультурного диссонанса в обществе. В условиях трансформирующихся обществ новые правила вошли в противоречие с прежними нормами и ценностями, укорененными глубоко в ментальности народа. Провоцируя неопределенность в механизме ценностно-нормативной регуляции, данное противоречие является одним из факторов усиления традиционного межпоколенного конфликта.

На фоне глобализации и усиления префигуративного сознания молодёжи в деятельности механизма саморегуляции проявляется асинхронность. Ее примером служит противоречие между объективно устаревшими, инерционными социокультурными образцами и новым социальным опытом и стилями жизни молодёжи. Распространенной формой данного противоречия также является межпоколенный конфликт.

2. Разрыв между предлагающимися ценностно-нормативными системами и теми, что призваны служить их реализации. Так, ориентация на «новые» ценности успеха приводит молодёжь к поведению, направленному на обход социально несанкционированных действий, способствует возникновению и существованию организованной преступности. Данное противоречие обусловлено непоследовательной молодежной политикой в разных сферах жизнедеятельности. Примером может служить ситуация в сфере молодежного предпринимательства. Объективная потребность в развитии малого бизнеса и готовность молодежи пробовать свои силы на этом поприще, причем отнюдь не стремление в олигархический бизнес, а попытка найти альтернативу безработице, наталкивается на отсутствие эффективных рыночных механизмов. В этой связи непреодолимым препятствием становится и налоговая политика, и бюрократические препоны, и взяточничество, и правовая незащищенность, в совокупности подрывающие веру в возможность законного предпринимательства и предопределяющие его «сползание» в криминальное поле.

3. Между возникающими в обществе духовными потребностями, интересами и ценностями, которые позитивно осмысливаются молодёжью, и их

снижающимися позициями в аксиологической структуре молодёжи ввиду отсутствия ресурсов, необходимых для их реализации. Ярким примером такого противоречия служит устойчиво высокая ценность образования и неравенство доступа к нему молодёжи из-за отставания доходов от роста стоимости обучения. Эта проблема особенно актуальна для российской молодёжи в связи с изменением природы образовательной системы, превращением ее в сферу услуг.

4. Между общественными ожиданиями и реальным ролевым поведением молодёжи, связанными с различными социальными позициями (статусами), занимаемыми молодыми людьми одновременно – конфликта ролей, который сам провоцирует неопределенность и непредсказуемость социального поведения молодых людей. Примером такого противоречия может выступать конфликт семейных ценностей, связанных с созданием семьи и поддержанием ее жизнедеятельности, и изменением структуры рабочего и свободного времени, форм трудоустройства, необходимостью продолжить образование. Неопределенность, зыбкость жизненных перспектив молодых людей в новых условиях провоцирует трансформацию мотивационной сферы сознания молодёжи, ее интересов, потребностей, ценностей в разных сферах, в т.ч. связанных с семейной жизнью, рождением детей, которые традиционно занимали ведущие позиции в аксиологической структуре предыдущих поколений молодёжи.

5. Противоречия в пределах одной роли, между ее сегментами. Примером такого противоречия является ситуация, в которой, с одной стороны, климат рыночной экономики требует ориентации молодых людей на успех, являющийся основной ценностью новой рыночной идеологии, а, с другой стороны, неконкурентная окружающая среда (студенческий, производственный коллектив, ближайшие друзья и родственники), исповедующая ценности справедливости, равенства и коллективизма, без особого энтузиазма относится к чужому успеху, удачным карьерам. Именно в этом противоречии скрывается одна из основных причин высокой значимости в современной белорусской молодёжной субкультуре атрибутов успеха (удачной карьеры, денег, собственного дома, автомобиля, заграничных путешествий и т.п.) и неготовности молодёжи вербализировать свою устремленность к успеху, как одной из важнейших жизненных потребностей.

6. Между двумя нормативными антиномиями. Первая выражается в несовпадении между нормативными подсистемами, когда одно и то же поведение оценивается по-разному. Ярким примером такого противоречия является партнерство в незарегистрированном браке, допускаемое законом, но все еще осуждаемое традиционной моралью. Хотя в российском обществе данное противоречие проявляется уже не так остро, как в белорусском.

Вторая возникает в пределах одной нормативной системы, когда содержащиеся в ней правила требуют одновременно противоположного поведения, например, в юриспруденции что-то может одним законом допускаться, а другим запрещаться или, что еще хуже, требоваться. Данный феномен достаточно широко представлен в белорусском социуме, особенно в

сфере экономики, регулирующей огромным количеством законов, постановлений, указов и декретов, не всегда согласующихся друг с другом, что вводит предпринимателей, особенно молодых, в ситуацию неопределенности и риска в процессе саморегуляции.

Все перечисленные противоречия характеризуются своеобразным дуализмом существующих типов культур – традиционной и современной, и предопределяют рождение гибридных форм социокультурной регуляции в новой социальной реальности.

ПАТРИОТИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Е.Г. Каменский,

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры философии и социологии, ЮЗГУ*

И.С. Шаповалова,

*доктор социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой социологии и
организации работы с молодежью, НИУ «БелГУ»*

Л.Н. Шмигирилова

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии и
организации работы с молодежью, НИУ «БелГУ»*

Современное социально-политическое пространство России является сегодня одной из наиболее конъюнктурных акцентуаций научного внимания, включающей в свои контуры широчайший спектр проблем и вопросов государственного строительства и его социокультурной платформы.

Касаясь весьма актуальной проблемы стратегий государственной и частной жизни в соответствии с новыми декларациями и приоритетами перспективного движения к реальному воплощению гуманистических идей, отметим, в первую очередь, что сегодняшний контекст социально-политического развития России отражает общие процессы разрушения мировой геополитической магистрали и упорные попытки ее реанимировать со стороны ряда политических субъектов.

В столь антагонистичном пространстве Россия покоряет XXI век под лозунгами инновационности, прав человека, укрепления государственности, мировой интеграции и т. д. При этом возникает вопрос о том, возможно ли достигать параллельно столь содержательно различные цели в полном (или, по крайней мере, планируемом) объеме [1].

На фоне констатируемых положений, сегодня особо актуализируются вопросы патриотической платформы предполагаемых и реализуемых политических преобразований. Данное обстоятельство, в свою очередь, также не осталось вне сферы научного внимания, что отразилось в значительном

объеме работ, освещающих те или иные аспекты проблем патриотизма как предметной области исследовательского поиска. При этом наиболее остро подвергаются популяризации вопросы патриотического содержания мировоззрения современной молодежи, технологий его формирования и аналогичные.

В частности, по мнению ряда авторов [2, 3, 4, 5], в молодежной среде происходит атрофия чувства патриотизма, потеря национального достоинства, размывание традиционных ценностей, недостаточное освоение патриотического ресурса, отстраненность подростков от включенности в общественно-полезную деятельность, отчужденность от семьи, Родины, неадекватное отношение к традициям своего народа, отсутствие координации и тесного взаимодействия всех социальных институтов, имеющих отношение к воспитанию детей и молодежи. При этом цитируемые авторы высказывали подобные мнения в различные хронологические фрагменты, объединяющие около 20 лет российской новейшей истории, что, вероятно, можно интерпретировать как пролонгирование описанных ими проблем уже на протяжении значительного времени и не имеющих по сей день должного решения.

Следовательно, несмотря на значительное число научных исследований, понимание сущности патриотизма, патриотического сознания, патриотического воспитания граждан, а также роли государственных институтов в патриотическом воспитании современной молодежи не исчерпало себя и требует дальнейшего научного осмысления.

Идею патриотизма, так или иначе, затрагивали в своих произведениях известные российские писатели, историки, философы. Цели и задачи гражданского, патриотического воспитания нашли отражение в российской педагогической мысли, в трудах В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова, А.Н. Радищева, К.Д. Ушинского, Н.Г. Чернышевского и др. Так, например, русский критик-демократ В.Г. Белинский указывал на содержание патриотизма – общечеловеческие ценности и идеалы, делающие личность членом общечеловеческого сообщества. «Любить свою родину, – подчеркивал он, значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому» [6]. В.В. Розанов, русский писатель, публицист и философ, в письме своему биографу Э.Д. Голлербаху писал: «До какого предела мы должны любить Россию? ... До истязания, до истязания самой души своей. Мы должны любить ее до «наоборот нашему мнению» [7].

Коснемся несколько подробнее основных направлений современной научной мысли в рамках заявленной проблематики. Ряд работ посвящен непосредственно генезису понятия «патриотизм», его сущности, структуре, функциям [8, 9, 10, 11], где исследуются теоретико-методологические основы самого феномена, факторы, влияющие на формирование патриотических установок в различных экономических, политических и социальных условиях.

Ряд авторов (Н.П. Лузик, Е.А. Петрова, В.П. Потапов, М.Л. Чаусов и др. [12, 13, 14, 15]) акцентируют субъект-объектную трактовку феномена патриотизма, характеризуют его как взаимоотношение социальных субъектов и

государства, выделяя «малую» и «большую Родину»; «государственный патриотизм», «русский патриотизм» и «местный (региональный) патриотизм».

В исследованиях, посвященных патриотизму в системе политического сознания, политической психологии, рассматриваются различные аспекты социальной адаптации молодежи и процесса формирования новой иерархии демократических ценностей у молодого поколения [16, 17, 18]. Молодежной и патриотической политике, различным ее направлениям уделяют внимание такие авторы, как Н.Р. Ахвледиани, М.М. Кудрявцев, П.В. Летуновский и др. [19, 20, 21]. Научный интерес представляют исследования, посвященные тематике патриотического воспитания граждан, принадлежащие авторству Е.А. Андреева, В.В. Гладких, В.А. Коробова, Ю.П. Сентюрина и др. [22, 23, 24, 25].

Приведенный перечень работ далеко не исчерпывающий, что, тем не менее, позволяет обосновать высказанное нами выше утверждение об актуализации вопросов патриотизма как предметной области научного анализа.

В рамках заявленной к разработке проблеме научно-образовательным центром межрегионального и приграничного сотрудничества НИУ «БелГУ» было проведено исследование патриотических установок молодежи, целью которого было определение тенденции их формирования и осуществление экстраполяции социальной ситуации ближайшего будущего.

Можно констатировать, что молодежь, в большинстве своем понимает патриотизм как «любовь к Родине» (72,67%). В свою очередь, смысловое наполнение этой категории содержит в 22% случаев такие характеристики как уважение к ней и гордость за свою страну. Вторым вариантом молодые люди обычно выбирают любовь к малой родине, своему дому (15,33%), любовь к народу (12,67%), любовь к своим близким (11,33%).

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «Что такое, на Ваш взгляд, патриотизм?»

Проявления патриотизма современная российская молодежь видит в укреплении семьи, в воспитании детей в духе патриотизма (34,90%), в праздновании исторических событий и юбилеев (30,87%), в участии в деятельности патриотических организаций (28,86%). Менее популярны, такие варианты как беседы на патриотические темы (8,72%), голосование за политические партии (12,75%), критика недостатков своей страны (7,38%), работа с полной отдачей на благо Родины (6,04%).

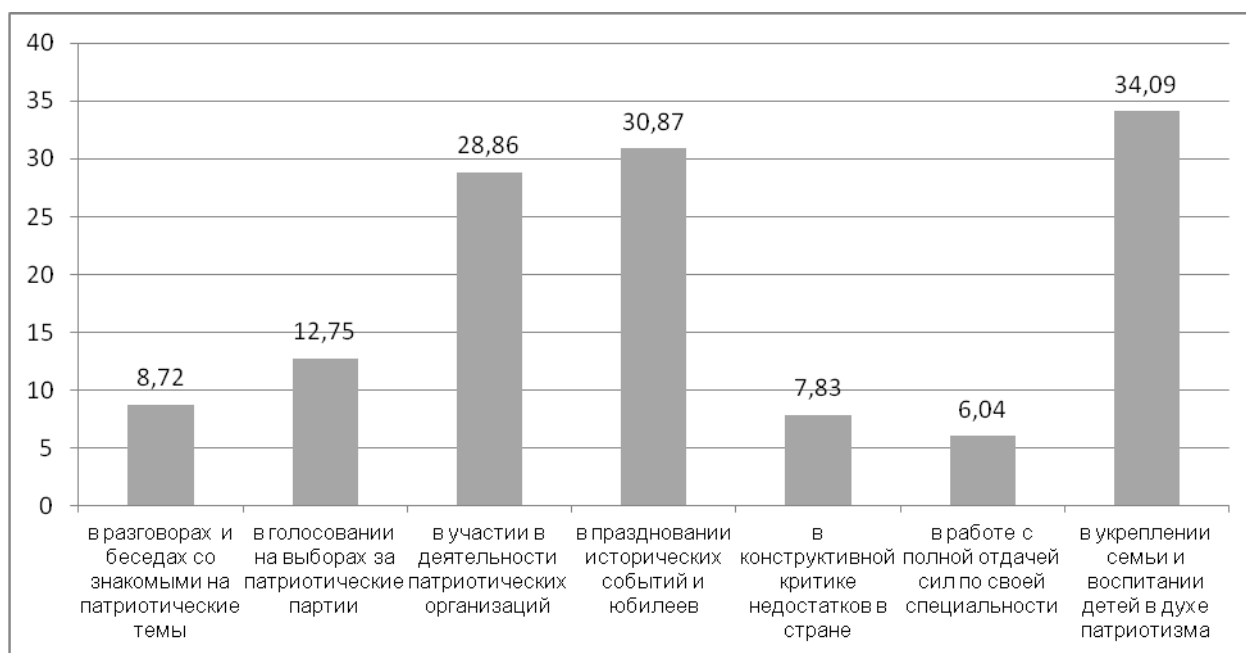

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос: «В чем проявляется истинный патриотизм?»

Что же предлагает российская молодежь государству в качестве стимулирующих мер по воспитанию патриотических ценностей? Самыми популярными ответами стали предложения ввести патриотическое воспитание с детского сада (43,33%), улучшить условия жизни населения (30%), повысить авторитет армии (25,33%) и показывать больше патриотических фильмов (23,33%). Менее популярны такие позиции как, поднять престиж страны (18,67%), реализовать в игре военно-патриотические сценарии (19,33%), создавать патриотические кружки, организации и клубы (17,33%), введение цензуры для СМИ (17,33%) и патриотические темы статей СМИ (14,67%).

Можно констатировать, что спектр мероприятий по формированию патриотизма (помимо семейного и ситуативного воспитания) сегодня крайне невелик. Мы предложили современной молодежи оценить значение для формирования патриотизма таких направлений как деятельность патриотических клубов и центров, фестивали и конкурсы патриотической направленности, военно-спортивные игры, влияние патриотической литературы, патриотические выставки, встречи с ветеранами и личный пример конкретных людей. Все эти направления молодежь двух стран в большинстве своем оценила, как оказывающие влияние в средней степени. Все, кроме встреч

с ветеранами. Их безусловную ценность признают 67,33% респондентов. «Истинный патриотизм, который люди доказали, а не сказали» – вот, что является залогом патриотического воспитания, по мнению молодых людей. Достаточно высоко было оценено и значение личного примера (37,33%), литературы (31,33%), выставок (32,67%), военно-спортивных игр (31,33%).

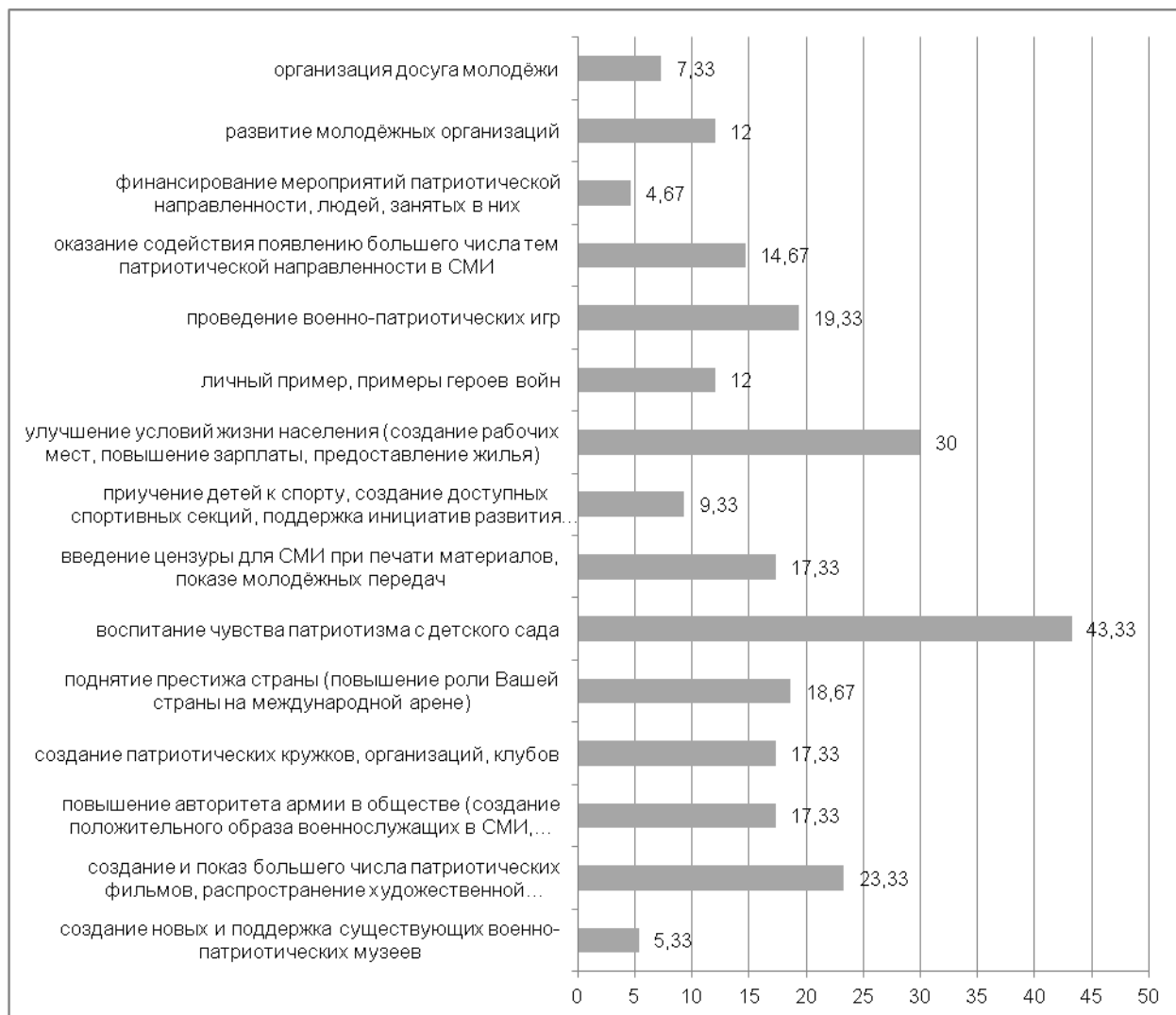

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, еще необходимо делать для воспитания патриотических ценностей среди детей и молодежи?»

И одним из наиболее репрезентативных в отношении личных позиций респондентов, был вопрос «Считаете ли вы себя патриотом?». В итоге патриотами себя считают 70,67% российской молодежи. При этом, таковыми себя не считают 29,33% молодых россиян. Эти данные рисуют нам возможный силуэт проблемы: в России порядка 35 млн. молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет. То есть, фактически каждый третий не считает себя патриотом, что в реальности говорит о цифре около 10 млн. человек.

Полученные данные заставляют исследователей пересмотреть цели проводимых исследований в этой области. Возможно, следует сделать акцент

не на понимании патриотизма современной молодежью, а на понимании ситуации его отсутствия.

Еще в 2010 году в научных публикациях мы отмечали проблему рассогласованности государственных и биографических стратегий в России, полагаем, что эта ситуация справедлива сегодня для большинства стран постсоветского пространства. Ключевой проблемой этой рассогласованности выступает дисфункция социальной политики государств, и молодежь как группа риска сегодня весьма многочисленная категория потребителей продуктов этой политики. В данную категорию можно включить все группы риска в нашей стране: детей-сирот (а может быть, детей вообще), пожилых граждан, инвалидов, малоимущих и т.д. И если верить статистике, публикуемой в средствах массовой информации, представители данных групп составляют большинство населения России. Следовательно, согласно принципу адресности социальной помощи, необходимо адресно же поддерживать основную массу граждан государства. Следуя далее этой логике, социальная политика в стране должна стать основным направлением внутренней политики. О социальных обязательствах государства и необходимости их полного исполнения очень часто в СМИ говорят в последнее время и представители политических верхов, вплоть до президента.

Особые сложности возникают именно в отношении молодежи. Причем с обеих сторон – и со стороны государства, и со стороны потребителя. Со стороны государства формально предпринимаются комплексные меры по реализации социальных обязательств. Но реальность такова, что все это оборачивается усложнением законодательства и бюрократических механизмов функционирования всей системы реализации социальной политики. В то же время сам контекст реализации государственных обязательств крайне неблагоприятен – уровень жизни в стране низкий, ресурсы государства ограничены. Соответственно, помощь на общем фоне упадка национального благополучия выглядит не просто несущественной, а мизерной. Социальный минимум в отношении молодежи остается невыполненным – это факт.

Кроме того, мы полагаем, что сегодня социально-политическая многомерность и мозаичность приоритетов индивидуального существования угрожает субъективной целостности личности молодого человека. Феноменология существования вынуждает молодежь одновременно выступать в разных ролях. Данное внутреннее противоречие именуется нами смысловым конфликтом биографических стратегий, но обозначение это весьма формальное. Проблема в том, что указанные смыслы не только линейно не согласованы, но и противоречивы внутренне. Ценностные диспозиции, подкрепляющие их изнутри (субъективно), уже не адекватны внешней нормативности, так как, в сущности, тоже линейны по отношению к внешней социальной среде. Нормативность стала сегодня в рамках конкретных социумов относительной фактически, а не теоретически. Таким образом, диспозиции личности как нормативные по сути образования не встраиваются в ценностно-нормативные структуры среды (политических приоритетов) ввиду невозможности их четкой идентификации. Интервертивная идентификация,

разрушаясь, провоцирует затруднения идентификации интровертивной (самоидентификации). Однако происходит это наиболее кризисно лишь при целостном восприятии социальной среды. Но и при отсутствии (ограниченности) таковой самоидентификация деформируется. Не снижают остроты проблемы ни национальная идея, ни государственная идентичность, так как, политически декларируемые, эти ценности теряют свой идеологически ориентирующий статус уже по причине их несоответствия набирающей обороты интеграции стран постсоветского пространства в мировое сообщество с одновременным желанием ортодоксально придерживаться национальных традиций.

И такое «понимание» патриотизма требует поиска новых, иных методов исследования, проникающих вглубь проблемы, которые, возможно, позволят в дальнейшем прийти к выводу – 10 млн. молодых людей, сказавших «я – не патриот», на самом деле, пытались сказать «мне трудно сейчас любить и гордиться своей Родиной».

Литература

1. Каменский Е.Г., Боев Е.И., Зотов В.В. Принципы инновационности и социальности общественного развития России: проблемы соотношения государственных и личностных стратегий // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – №9. – С.159-164.
2. Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе. Монография. – Волгоград, 2006.
3. Горбова М.А. Воспитание патриотизма у старшеклассников игровыми формами туристско-краеведческой деятельности: дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 1999.
4. Караковский В.А. Воспитавай гражданина. – М., 1987.
5. Лихачев Б.Т. Философия воспитания. Специальный курс: учеб. пос. для высш. учеб. завед. – М., 1995.
6. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. – М., 1954. – Т. IV. – С. 488-489.
7. Саккулин А.А., Макаров Ю.А. Василий Васильевич Розанов и фрейдизм. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2004. – С. 12.
8. Малинкин А.Н. Понятие патриотизма // Социологический журнал. – 1999. – № 1-2.
9. Малинкин А.Н. Новая российская идентичность: исследование по социализации знания // Социологический журнал. – 2001. – № 4.
10. Ильичев Н. О сущности, содержании и значении патриотизма // Вестник российского философского общества. – 2002. – № 3.
11. Зорькин В. Патриотизм истинный и ложный // Диалог. – 1994. – № 9-10.
12. Лузик Н.П. Патриотизм как социокультурный феномен. URL: <http://www.dissercat.com/> (дата обращения: 18.07.2014).
13. Петрова Е.А. Воспитание патриотизма и гражданской позиции в коллектива младших школьников // Педагогическая культура «Школы практического гуманизма». – М., 2008.
14. Потапов В.П. Исторические структуры нравственного сознания молодежи // История: закономерное развитие или хаос альтернатив? (Методологические заметки). – М., 2000;
15. Чаусов М.Л. Обеспечим единство – сохраним Россию! // Военные знания. – 2007. – № 8,10.
16. Ильинский И.М. и др. Молодежь планеты: Глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы. – М., 1999.
17. Мальцев П.В. Российская молодежь в современном политическом процессе: проблемы социализации и участия: дис. ... канд. полит. Наук. – Орел, 2003.

18. Пронина А.Н. Социализация-индивидуализация детей старшего дошкольного возраста в образовательном процессе детского дома: дис. ... д-ра пед. наук. – Елец, 2012.
19. Ахвледиани Н.Р. Влияние СМИ на патриотическое воспитание современной молодежи в России. Вестник МГОУ. Серия История и политические науки. – 2009. – № 4.
20. Кудрявцев М.М. Место молодежных политических движений в системе военно-патриотического воспитания граждан // Вестник МГОУ. Серия История и политические науки. – 2011. – № 2;
21. Летуновский П.В. Проблемы подготовки молодежи к защите отечества в Смоленской области России: политический исторический опыт и современность // Вестник МГОУ. Серия история и политические науки. – 2012. – № 1.
22. Андреев Е.А. Военно-патриотическое воспитание молодежи призывного возраста в процессе формирования готовности к военной службе: дис. ... канд. пед. наук. – Рязань, 2011.
23. Гладких В.В. Гражданско-патриотическое воспитание молодежи в поликультурной среде вуза: системно-деятельный подход: дис. ... д-ра пед. наук. – Тамбов, 2011.
24. Коробанов В.А. Патриотическое воспитание молодежи в условиях политической трансформации российского общества: дис. ... канд. полит. наук. – Саратов, 2005.
25. Сентюрин Ю.П. Политический экстремизм и патриотическое воспитание молодежи на современном этапе развития гражданского общества в России: дис. ... канд. полит. наук. – Нижний Новгород, 2007.

ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖНОГО ВОЛОНТЕРСТВА В НИВЕЛИРОВАНИИ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ¹

А.В. Кисленко,

*старший преподаватель кафедры социологии и организации
работы с молодежью Института управления НИУ «БелГУ»*

Просоциальный – поведенческий и мотивационный – потенциал волонтерской (добровольческой) деятельности позволяет рассматривать ее как катализатор социальной солидарности в межличностных и межгрупповых отношениях; условие, необходимое для продуцирования интегрирующих связей между людьми и социального доверия; форсайт-проект будущего социального развития, разработка которого способствует интенсификации и углублению процессов формирования гражданского общества, осознанию пределов и возможностей самоорганизации и саморегулирования людей во всех сферах общественной жизнедеятельности – образовании, политике, здравоохранении, экономике, науке, культуре, технике, экологии и т.д. Речь идет о так называемом социальном эффекте волонтерской деятельности, который зарубежные авторы обозначают как «пробуждение потенциала членов общества для улучшения качества их жизни» [1; 111].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №14-38-00047 «Прогнозирование и управление социальными рисками развития техногенных человекомерных систем в динамике процессов трансформации среды обитания человека» при участии НИУ «БелГУ», ИПИ РАН, ЮЗГУ.

Молодежь как особая социально-демографическая группа рассматривается нами в качестве реального или потенциального субъекта социальной активности в сфере волонтерства. Социологические исследования (ВЦИОМ, 2011 г.) фиксируют, что 48% молодых людей имеют опыт волонтерской деятельности, 75% – готовы участвовать в общественно полезной деятельности бесплатно или за символическую плату [2].

К числу наиболее популярных в молодежной среде видов добровольческой деятельности относится экологическое волонтерство. По данным инициативного всероссийского опроса молодые россияне в отличие от представителей других возрастных групп чаще выбирают для себя участие именно в экологических маршах (22 против 11-17%), направленных на улучшение состояния окружающей среды [2]. Здесь, безусловно, следует отметить, что в целом, «говорить о существовании в России мощного молодёжного экологического движения преждевременно. Оно еще не сформировалось. Вместе с тем, потенциал молодёжных организаций позволяет активно заниматься этой темой» [3; 5].

Отметим, что качественные изменения социально-экологической среды, вызванные переходом экономически развитых стран к так называемому обществу потребления, привели к необходимости осмысления и разработки превентивных форм нивелирования негативных последствий нарастающих технологических рисков, связанных с неконтролируемым развитием техники и технологий. В этой связи ООН, инициировала разработку и принятие концепции устойчивого развития (sustainable development), в основе которой лежит «идея равновесия между окружающей средой и ее ресурсами, экономикой и населением Земли» [4; 14].

Модель устойчивого развития Российской Федерации и ее регионов, предлагаемая национальной концепцией, в качестве приоритетных задач ставит «снижение уровня давления на окружающую среду; улучшение качества окружающей среды по отслеживаемым параметрам чистоты атмосферы, гидросферы, почвы, снижение объемов отходов производства; сохранение биоразнообразия; повышение уровня жизни населения, в том числе увеличение средней продолжительности жизни» [5; 63].

По нашему мнению, огромным потенциалом в реализации системы мер по обеспечению устойчивого развития (в частности, экологической безопасности) Российской Федерации и ее субъектов обладает молодежное экологическое волонтерство. Деятельность, осуществляемая различными добровольческими организациями, способствует стабилизации и улучшению качества окружающей среды, сокращению образуемой массы отходов, сохранению и восстановлению естественных экосистем, формированию у граждан экологически ориентированного мировоззрения, экологическому образованию и просвещению населения.

К числу основных экологических проектов, реализуемых волонтерами, следует, прежде всего, отнести:

- организацию субботников по уборке парков, лесов, берегов водохранилищ;

- поиск мест массового скопления мусора и его отдельную утилизацию;
- сбор денежных средств на сохранение и восстановление популяции редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений; патрулирование лесов в пожароопасный период;
- высадку деревьев, кустарников, цветов;
- заботу о бездомных животных;
- работу в заповедниках, национальных парках и других особо охраняемых природных территориях;
- участие в экологических экспедициях (например, на озеро Байкал);
- помощь диким животным (уход за ранеными и больными животным, учет численности популяции некоторых животных, птиц и др.);
- эко-мониторинг, участие в научных исследованиях экологического характера;
- участие в общественных городских инспекциях (решение вопросов незаконной вырубке лесных массивов, строительства, уплотнительной застройки, загрязнения воды, воздуха, почвы);
- проведение уроков, организацию тематических конкурсов, олимпиад экологической направленности для учащихся и студентов с целью формирования бережного отношения к окружающей природе;
- проведение круглых столов, конференций, форумов с целью обобщения и тиражирования позитивного опыта решения экологических проблем;
- разработку стандартов эколого-ориентированных предприятий, проведение экологическую сертификацию производств и т.д.

Таким образом, молодежное экологическое волонтерство способствует сокращению воздействия на окружающую среду всех антропогенных источников; созданию экологически безопасной и комфортной среды проживания человека за счет восстановления природно-охранных водных зон, культурно-исторических ландшафтных мест, природных заповедников; сохранению и восстановлению биоразнообразия; корректировке потребительского отношения людей к природе благодаря повышению уровня этико-экологической компетентности, формированию экологической культуры и мировоззрения.

Литература

1. Певная М.В., Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования, 2013, № 2, С. 110-119.
2. «Добровольчество в России: потенциал участия молодежи» // Режим доступа: <http://wciom.ru/>
3. Соколов А.В., Перспективы экологического молодежного движения // На пути к устойчивому развитию России, 2008, № 45, С. 5-6.
4. Морозова В.Н., Мировая экологическая политика и международное экологическое сотрудничество: учебно-методическое пособие для вузов. – Воронеж: Изд.-полигр. центр ВГУ, 2007. – 126 с.
5. Экология и безопасность жизнедеятельности: учеб. пособие для вузов / Д.А. Кривошеин, Л.А. Муравей, Н.Н. Роева и др.; Под ред. Л.А. Муравья. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 447 с.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОЛОДЕЖНОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

О.С. Мосиенко,

*старший преподаватель кафедры социологии факультета социологии и политологии ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону, кандидат социологических наук*

На период с 2007 г. по конец 2009 г. пришелся основной удар мирового финансово-экономического кризиса. Это время характеризуется снижением одних показателей, таких как ВВП, и увеличением уровня других – безработицы. Согласно данным Организации Объединенных Наций уровень безработицы в мире уже достиг своих рекордных значений, и по различным прогнозам он будет продолжать расти до 2017 года.

Подсчетом безработицы в России занимаются следующие ведомства:

1. Федеральная служба государственной статистики.
2. Федеральная служба по труду и занятости.
3. Министерство здравоохранения и социального развития.

На сегодняшний день около 5,7% экономически активного населения России являются безработными [1]. На первый взгляд, такой достаточно низкий уровень характеризует положительные трансформации в экономике страны, однако эксперты прогнозируют рост данного показателя в будущем. В результате проблема приобретает все большую актуальность. Правительство Российской Федерации планирует потратить около половины триллиона рублей на урегулирование рынка труда в период с 2013 по 2020 годы.

Рассмотрим динамику уровня безработицы в России в период с января 1994 по март 2013. Наибольший пик безработицы приходится на февраль 1999 года, где его значение достигло 14,6%. Скорее всего это связано с имеющимся в то время кризисом в стране. Затем наблюдается спад до января 2003 года (показатель составил 6,14%), после чего вновь наблюдается резкий скачек вверх. Можно предположить, что на увеличение данного показателя повлияли проводившиеся в это время многочисленные социальные реформы. В период с апреля 2003 по сентябрь 2008 г. наблюдается достаточно нестабильное поведение уровня безработицы. В третьем квартале 2008 года снова наблюдается увеличение показателя, причем гораздо сильнее, чем в 2003 году. Данное явление вероятнее всего связано с уже описанным выше мировым финансовым кризисом. Так, в апреле 2009 года уровень безработицы достиг 10,2%, после чего начал постепенно снижаться до декабря 2012 года, когда достиг своего минимального значения, равного 4%. Далее, в январе 2013 года показатель подскочил на несколько процентов вверх и затем начал опять снижаться. Надо заметить, что всплеск безработицы довольно часто наблюдается в первом квартале, что можно связать с сезонной особенностью.

Методика подсчета такова, что не учитывается скрытая и латентная безработица, а также все безработные, которые не получают пособия по безработице, то есть не состоят на бирже труда.

Но особенно остро тенденции и противоречия рынка труда проявляются при самоопределении молодежи на рынке труда, развитии моделей и форм вовлечения молодежи в трудовую деятельность. Молодое население как наиболее мобильная часть общества способствует переходу экономики на инновационную стадию развития. Важным условием реализации этого потенциала развития является интеграция молодежи в экономику путем обеспечения эффективной занятости. Кризис занятости молодежи отражает как общую несбалансированность рынка труда, характеризующуюся одновременным существованием безработицы и дефицита работников некоторых специальностей, территориальными диспропорциями, так и новую несбалансированность между растущим уровнем образования молодежи и низким качеством новых рабочих мест. Системный характер этого кризиса проявляется в уровне и продолжительности безработицы, во времени необходимом для поиска рабочего места, возрастании доли временной занятости. Особое опасение связано и с тем, что кризис занятости среди молодежи не просто временное явление, вызванное медленным экономическим ростом или циклическим спадом, это скорее структурная тенденция, которая может оказаться более продолжительной при отсутствии эффективной молодежной политики в сфере подготовки кадров, совершенствования институтов рынка труда.

Ежегодно на рынок труда прибывает порядка 116 тысяч молодых людей, в то время как число создаваемых рабочих мест может удовлетворить потребность лишь половины из них. С 2007 по 2012 гг. в мире безработица среди молодежи увеличилась на 4 млн. человек. За период с 2008 по 2012 гг. глобальный уровень безработицы среди взрослого населения вырос на 0,5%, а среди молодежи он вырос на 1%. Возрастная структура безработицы в России с 2000 г. по 2013 г. представлена в таблице 1.

Таблица 1

Распределение численности безработных по возрастным группам (в %)

Год	Безработные – всего	в том числе в возрасте, лет										Средний возраст, лет
		до 20	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59	60-72	
2000	100	9,6	17,2	12,5	11,6	13,6	12,9	10,4	6,4	3,0	2,8	34,7
2005	100	9,5	18,3	13,6	11,8	9,9	11,3	11,2	8,6	3,8	1,9	34,7
2010	100	5,9	20,8	15,0	11,7	9,6	8,5	10,5	10,1	5,7	2,2	35,3
2011	100	5,4	20,5	15,2	12,0	9,7	8,3	9,7	10,6	6,0	2,5	35,5
2012	100	4,8	22,3	16,0	11,7	10,2	7,9	9,1	10,1	5,6	2,3	35,1
2013	100	4,3	21,3	15,6	11,9	10,2	8,5	9,1	10,5	6,0	2,7	35,6

Анализ таблицы 1 демонстрирует, что самый большой процент безработных наблюдается среди людей в возрасте от 20 до 24 лет, и за последние 14 лет он постоянно увеличивается.

В возрастной группе до 20 лет с 2000 по 2013 г. наблюдается значительное уменьшение числа безработных. В сравнении с данными 2000 г. в 2013 г. уровень безработицы уменьшился на 5,3%. В группе безработных от 25

до 29 лет ежегодно наблюдается увеличение числа безработных. Значение 2013 г. по сравнению с 2000 г. увеличилось на 3,1%. В группе 50-54 г. с 2005 по 2013 год наблюдалось увеличение числа безработных. В группе 55-59 лет также с 2005 по 2013 г. наблюдается тенденция к увеличению значения безработицы. В 2013 году по отношению к 2005 году число безработных выросло на 2,2%.

На основании статистических данных можно утверждать, что среди безработных преобладает молодежь в возрасте от 20 до 24 лет, превосходя в полтора раза группу 30-39 лет по численности. Это вполне можно объяснить тем, что молодые профессионалы впервые выходят на рынок труда и им требуется время, чтобы найти подходящее место работы. Минимальное количество безработных наблюдается в возрасте старше 60 лет и связано это с тем, что в данном возрасте люди выходят на пенсию и уже не относятся к категории безработных лиц.

Обследования показали, что чем моложе безработные, тем короче у них продолжительность безработицы. Показатель средней продолжительности безработицы у молодежи в возрасте до 18 лет ниже (не существенно) соответствующего показателя среди безработных от 18 до 25 лет (табл. 2).

Таблица 2

Продолжительность безработицы	До 18 лет	От 18 до 25
До 1 месяца	6,3	8,1
От 1 до 3 месяцев	29,8	27,4
От 3 до 6 месяцев	28,8	29,4
От 6 месяцев до полугода	34,0	28,9
От одного года и более	1,0	6,3
Средняя продолжительность безработицы	5,0	5,3

Рассмотрим распределение численности безработных по гендерному (половому) признаку (табл. 3).

Таблица 3

	1992	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Уровень безработицы – всего	5,2	10,6	7,1	6,2	8,3	7,3	6,5	5,5	5,5
мужчины	5,2	10,8	7,3	6,5	8,9	7,9	6,9	5,8	5,8
женщины	5,2	10,4	6,9	5,9	7,7	6,8	6,0	5,1	5,2

По представленной таблице видно, что по стране с 2000 по 2013 гг. количество безработных женщин меньше, чем мужчин. По оценкам 2013 года на 1896 безработных женщин приходится 2242 безработных мужчины.

Анализ молодежного рынка труда затруднен ввиду отсутствия реальных данных официальной статистики. Поскольку скрытые формы безработицы службами занятости не учитываются, можно предположить, что официальные показатели молодежной безработицы сильно занижены – далеко не все молодые люди в поисках работы обращаются в службы занятости. Причин здесь довольно много. Одни не хотят прибегать к помощи службы из-за мизерности пособия, другие – из-за незнания своих прав и возможностей служб

занятости. Иногда причиной является большая удаленность служб от мест проживания безработных. По мнению многих, унизителен сам статус безработного. В результате молодые люди предпочитают трудоустроиваться самостоятельно, обходя процедуру регистрации.

Литература

1. Российский статистический ежегодник. 2013: Стат.сб./Росстат. – М., 2013.
2. Россия в цифрах. 2014: Крат. стат. сб./Росстат- М., 2014.
3. Труд и занятость в России. 2013: Стат. сб./Росстат. – М., 2013.
4. Федеральная служба государственной статистики. – М, 1999-2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/irosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения 10.08.2014).

МОЛОДЕЖЬ В ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

С.П. Нарыкова,

*докторант кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
г. Краснодар, кандидат юридических наук, доцент*

Рассматривая проблему интенсификации политических процессов системно, следует отметить, что современное развитие общества привело к образованию глобальных связей между людьми со всего земного шара. Сложность и многоуровневость взаимодействия, затрагивающего как отдельных молодых людей, так и целые страны, в конечном итоге позволяет судить о том, что на уровне экономики и культуры постепенно реализуется процесс преодоления государственных рамок и выхода на мировой уровень. На экономическом уровне речь идет о транснациональных компаниях, международных экономических соглашениях, а также о торговле различными ресурсами и продуктами потребления на международном уровне, что не может не влиять на сознание и поведение молодежи. На уровне культуры речь идет о том, что в рамках современного общества, с его информационными технологиями, также происходит формирование самостоятельного, обладающего собственными правилами и нормами коммуникативного пространства молодежи, не подпадающего под государственное регулирование. Все эти процессы, будучи естественными процессами самоорганизации различных групп молодежи, знаменуют собой принципиально новое взаимодействие общества и государства. На уровне общества происходит образование структур, систем взаимоотношений, культурных норм и установок, по широте своего масштаба выходящих за рамки какого-либо отдельного государства. Это не означает, что в современном обществе происходит постепенное упразднение института политической власти и выход молодежи из-под ее регулятивного влияния. Речь идет скорее о том, что в рамках современного общества наряду с тенденциями к усложнению системы социальных отношений намечается тенденция к интеграции молодежи в

несколько глобальных блоков, или коалиций. Этот процесс, знаменующий собой предельно масштабные тенденции развития общества, с одной стороны, в значительной мере детерминирует направленность политических процессов, с другой – находится в непосредственной зависимости от самих политических тенденций и направлений развития государства и общества.

Общие тенденции развития мирового общества, оказывая существенное влияние на развитие отдельных социальных подсистем, каковой является молодежь, не предопределяют их полностью, что связано как с многообразием форм социальных отношений, так и с многообразием культурно-мировоззренческих регуляторов автономно действующих молодых индивидов и групп молодежи в условиях постоянно изменяющейся социальной реальности. В этом отношении анализ общей направленности процессов глобализации представляет собой не столько прогноз развития общественной структуры, сколько отражение важных движущих сил, определяющих ход этого развития.

В рамках современной исследовательской и публицистической литературы проблема идентичности и самобытности социальной системы приобретает все большее отражение, что отражает стремление членов общества к сохранению культурных и социальных норм в неискаженном, не прошедшем процесс обработки и усреднения виде. В этом отношении осуществление политической власти также предполагает решение существенной проблемы – выбора направления социального развития. А также регулирование процессов саморазвития. При этом, могут иметь место деструктивные процессы, появляющиеся в результате воздействия извне, а также изнутри, на уровне социальных и культурных противоречий между молодежью и обществом, вызванных тесным контактом молодого поколения с иной общественной системой и социокультурной средой. В этом случае различные группы молодежи могут неодинаково вести себя в сфере социально-политических взаимодействий, демонстрируя крайние формы поведения, от апатии до активного протеста. В зависимости от этого характер протекания политических процессов будет различаться. Но структуры власти неизменно будут стремиться к стабилизации.

При рассмотрении интенсификации пространственно-временной динамики политических процессов в контексте стремления к стабильности института политической власти можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, современные политические структуры, в рамках которых происходит реализация политической власти, вынуждены иметь дело с очень сложной динамической системой процессов, их следствий, связей и отношений. В отличие от классического периода развития общества, когда деструктивность или конструктивность процессов была более очевидна, современный этап развития характеризуется неочевидным и поливариантным результатом. Одно и то же событие, обстоятельство или причина действий разных групп молодежи содержат широкий спектр результативности. Отсюда следует, что политическая власть вынуждена проявлять гибкость в регулировании социально-политических взаимодействий молодежи.

Во-вторых, защитные функции политической власти на современном этапе развития общества могут быть сведены к двум алгоритмам действий: модификация и преобразование общества в силу необходимости решения ряда проблем и запросов и непосредственный контроль возникновения проблем и социальных запросов. Данные алгоритмы реализуют регулятивную функцию политической власти и ее роль в формировании сценариев социальной жизни. В научном смысле это также интенция, направленная на изучение будущего, которая в одном случае происходит как реакция, а в другом – как предвидение и рефлексивное управление.

В-третьих, постоянно усложняющаяся социальная структура крайне непредсказуема, что усложняет политическое регулирование. По этой причине политическая власть, локализованная до масштабов отдельно взятого государства, стремится к упрощению социальной системы. Воздействие политической власти на молодежь при этом приобретает организующее и компенсирующее значение. Первое связано с унификацией и стандартизацией принципов и норм ее поведения. Это защитная реакция на разнородность и множественность молодежной среды, реализуемая на уровне государственных программ ГМП. Положительным результатом такой политики является упорядочивание социальных отношений, интеграция различных групп молодежи, разработка наиболее общих принципов социального развития и консолидирующих основ общества. Отрицательным следствием, как правило, является усреднение молодежи, что не исключает замедление темпов ее развития и развития всего общества. Второй вектор воздействия государственной политики молодежь имеет компенсирующее значение. Ввиду усложнения социальной системы в мировом пространстве, усложнение общества в масштабах государства также неизбежно. При этом адекватность усложнения социальной структуры посредством деятельности политической власти во многом зависит от научной базы, лежащей в основе ГМП.

В-четвертых, переход политики в область коммуникации и СМИ. Иными словами, современная политика стала коммуникативной и вместе с тем она есть информация. Все существенные политические решения находят отклик в информационной среде, но вместе с тем информационная среда есть та область феноменальности, в которой политическая власть как действующий социальный субъект и как процесс осуществления властных полномочий отражается в сознании молодежи в форме определенного образа[1].

И, наконец, в-пятых, политическая власть на современном этапе развития общества вынуждена решать проблему сохранения молодежи, при этом обеспечивая ее растущие запросы и обеспечивая условия для ее развития и саморазвития. Этот аспект деятельности политической власти на современном этапе имеет множественное измерение, включая предотвращение экологических, технологических, военных и иных угроз. Это способствует повышению доверия молодежи политической власти, что определит ее роль в интенсификации политических процессов в изменяющейся социальной реальности.

Литература

1. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе. Социокультурный механизм формирования и воспроизводства. Москва: НОРМА-ИНФРА М., 2014.

ПРОБЛЕМА ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В.В. Орлова,

*профессор кафедры философии и социологии
Томского государственного университета
систем управления и радиоэлектроники, г. Томск,
доктор социологических наук, доцент*

Проблема вторичной занятости студенческой молодежи во все времена являлась неотъемлемым элементом студенческой жизни и остро стояла как для России, так и для всего мира. Она занимает видное место в исследованиях прошлого и настоящего социальный феномен работающего студента всегда подразумевал соединение двух статусов – «студент» и «работник». Это обусловлено совокупностью внешних и внутренних мотивирующих факторов трудовой деятельности, структурными изменениями в жизни молодого человека.

Обладая определенным набором социальных характеристик (включая возраст, семейное и материальное положение, получаемую специальность), представитель социальной группы «студенты» переходит в социальную группу «работающие студенты».

На широкое распространение вторичной занятости среди современного студенчества указывают Ф.Э. Шереги и В.Г. Харчева, Т.П. Меркулова [1]. По результатам проведенного в 1997 г. исследования, 41,4% опрошенных студентов совмещали учебу с работой. Благодаря развитию системы негосударственного и внебюджетного профессионального образования у молодых людей появилась возможности выбора вида и формы его получения. Как показывает статистика, в настоящее время 80% выпускников школ получают будущую профессию в стенах высшей школы. При этом для значительной части студентов процесс обучения стоит немалых денег, что зачастую вынуждает их прибегать к поиску дополнительного заработка.

Работающий студент – достаточно распространенное явление в современном обществе. Причем речь идет не о студентах-заочников, а об активно работающих студентах дневной формы обучения.

Рыночная экономика, пришедшая взамен советской командно-административной форме, кардинально изменила социально-статусную структуру, которая долгое время строилась по принципам классовой принадлежности и близости к партийной элите, повысив значимость профессии и образования. Проблема «искусства выживания» для студентов дневных отделений российских ВУЗов вновь актуализируется и с годами становится все более весомыми.

Постановка вопроса о трудовой занятости студентов очной формы обучения обострилась вследствие некоторой рассогласованности между содержанием Закона «Об образовании», Трудового кодекса и устава образовательного учреждения, рекомендованного Министерством образования,

то есть нормативных документов, регламентирующих образовательную и трудовую деятельность.

Согласно закону «Об образовании РФ» 1992 г., режим занятий в вузе должен определяться Уставом образовательного учреждения, возможность (либо невозможность) совмещать учебу с работой для студентов-очников четко не сформулирована. В соответствии с Федеральным Законом «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» 1996 г.[2], обязанностью студентов среди прочих других является соблюдение Устава высшего учебного заведения (Глава III ст.16 п.8), а за нарушение его положений предусмотрены дисциплинарные меры вплоть до отчисления (Глава III ст.16 п.9). В то же время в Закон включена статья 17 (Глава III) «Гарантии и компенсации, предоставляемые лицам, совмещающим учебу в высшем учебном заведении с работой», а пункт 6 вышеназванной статьи предполагал налоговые льготы для тех организаций, предприятий и учреждений, работники которых обучаются на очном отделении.

При всей лояльности трудового законодательства к работающим студентам, именно устав вуза[3], как указано в пункте 6.7.3, определяет обязанности обучающихся в ВУЗе, в числе которых: «...в обязательном порядке посещать все виды учебных занятий, определенных учебным планом, если иное не предусмотрено локальными актами вуза...». Напомним, что объем учебной нагрузки, в соответствии с государственным образовательным стандартом, составляет не более 54 академических часов в неделю (п. 3.14). Получается, что трудовая занятость студентов очной формы обучения легитимна лишь в том случае, если обучающиеся не нарушают устав своего ВУЗа. С другой стороны, несоблюдение вышеперечисленных норм посещения занятий все же представляется допустимым, не говоря уж о неизбежности такого несоблюдения.

Таким образом, каждый молодой человек, имеющий какие-либо мотивы к совмещению работы и учебы, будет вынужден балансировать между успешным обучением в вузе и получением полного, качественного и заслуженного образования на высоком уровне, и финансовой благополучностью и профессиональными компетенциями и связями, которые могут быть приобретены в определенных условиях совмещая работу с учебой. Решение совместить обучение на дневном отделении с работой или подработкой, остается поступком, решиться на который или не решиться, - выбор сугубо индивидуальный. Но глядя на то, что этот выбор становится всё более очевидным для большего и большего количества студентов, можно сделать вывод, что для студентов происходит смена приоритетов.

Получение высшего образования всё чаще становится формальностью для молодых людей, и они изменяют распределение сил в пользу работы и сопутствующих ей преимуществ. Не малую роль в принятии этого решения играет та самая материальная выплата, которая именуется стипендией. На данный момент базовая стипендия студента Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУРа) составляет 1 300 рублей в месяц. Размер стипендии зависит от успеваемости, академической

и общественной активности студента, а также от размера повышающих коэффициентов. Распоряжением губернатора величина прожиточного минимума за второй квартал 2013 года на душу населения в Томской области установлена в размере 7967 рублей (в первом квартале – 7232 рубля). Для трудоспособного населения эта величина составляет 8428 руб. (в I квартале 2013 года – 7721 руб.), для пенсионеров – 6391 руб. (5725 руб.), для детей – 8124 руб. (6810 руб.). Путем простейших вычислений можно сделать вывод что студент, не имеющий талантов в научной и интеллектуальной сфере, не получающий именных, государственных, президентских стипендий, без помощи родителей обеспечить себя средствами к существованию не сможет. Поэтому тенденция к увеличению количества вторичнозанятых студентов, с этой точки зрения вполне логична. Именно поэтому было решено провести собственное исследование на эту тему и узнать так ли всё обстоит на самом деле. И действительно ли студенты вынуждены искать подработку во время обучения из-за жизненной необходимости, а не делают это исходя из стратегических мотивов с прицелом на перспективу дальнейшей «игры» на рынке труда.

В исследовании приняли участие студенты вузах г.Томска 20-22-х лет, очной формы обучения (262 человек. 160 девушек и 102 молодых человека, в период март-май 2014 год). Использован опрос студентов по разработанной анкете, интервью экспертов, в качестве которых выступили преподаватели вузов (n-5).

Все мотивы, которые побуждают студентов искать дополнительный заработок во время учёбы, можно разделить на группы.

1) **Тактические.** К ним относятся установки, направленные на получение дополнительных денег, которые возможно использовать для удовлетворения потребностей в карманных деньгах, развлечениях, отдыхе, приобретения электронных гаджетов, одежды, аксессуаров. А так же для обеспечения себя средствами к существованию, питанием, оплатой жилья и обучения.

2) **С прицелом на перспективу.** К ним можно отнести стремление приобрести репутацию, стаж, связи и опыт работы. Иными словами, речь идет о накоплении социального и профессионального капитала как индивидуального атрибута, дающего серьезные преимущества в достижении жизненных целей, карьере, доступе к перспективам на рынке труда.

Одним из интересующих нас вопросов был в какой же сфере занятости наиболее востребован труд студентов. Наиболее емкой для студенческого трудоустройства является сфера торговли (62%). Этому способствует несколько факторов.

1. Эта сфера предлагает наибольшее количество вакантных мест.
2. Высокая текучка кадров – ввиду этого количество вакансий практически не меняется.
3. Отсутствие высоких требований к профессиональным качествам кандидата на вакантное место.
4. Возможность выбора графика, либо ночной работы (например разгрузка товаров).

Второй по популярности сферой приложения труда вторично-занятых студентов является образование (16%), что вполне ожидаемо ввиду широкого распространения вожатских, воспитательских и даже преподавательских практик среди студентов. 12% опрошенных респондентов указали что были заняты в сфере логистики и транспорта. Данная сфера имеет схожие со сферой торговли преимущества, но немного более энергозатратная. Именно поэтому, данный вариант ответа был выбран только респондентами мужского пола. Для примера, работая пешим курьером за день при большом количестве поручений выходит немаленький «пробег», что непременно сказывается на физическом состоянии молодого человека. Помимо этого, очень часто от соискателя рабочего места требуется наличие водительских прав и собственного автомобиля (например, вакансии работника доставки продуктов питания, водителем такси и т.п.) и мужчины в глазах работодателя находятся в более выгодном положении.

Можно сделать вывод что труд студентов наиболее востребован в сферах не требующих каких-либо профессиональных компетенций. Что влечет за собой низкую оплату данного вида работы. Среди опрошенных студентов, которые когда-либо совмещали учебу с работой, 63% никогда не были официально трудоустроены.

Из полученных данных видно, что работодатели не спешат официально трудоустраивать временных работников, что влечет для них (работодателей) разнообразные выгоды. Возможность обойти налоговые вычеты, не расширять штат работников, расстаться с неудобным работником без выходных пособий, без предоставления соц. пакета, льгот и отпусков.

Казалось бы, такое положение вещей должно вызывать дискомфорт и недовольство. Но согласно ответам респондентов 54,7% опрошенных довольны своим местом работы, несмотря на не самое выгодное положение.

Исследование подтвердило одну из гипотез о том, что преподавательский состав лояльно относится к работающим студентам. Студенты, принявшие участие в нашем исследовании отмечают что в большинстве случаев преподаватели с пониманием относятся к такого рода положению студентов. 33% опрошенных отмечают что преподаватели их ВУЗов отрицательно относятся к такой форме «ухудшения успеваемости» и выражают мнение что если студент хочет работать, то должен поступать на заочный факультет. Хотя такой способ приемлем не для всех, например молодые люди, поступившие на заочную форму обучения, рискуют быть первично занятыми, но не в какой-нибудь сфере экономики, а в рядах Российской Армии на основании срочного призыва в её ряды.

Для подтверждения или развенчания такого мнения опрошенных студентов, были проведены несколько интервью с практикующими преподавателями ВУЗов различной направленности. Как преподаватель эксперты не против различного рода совмещений учебы и работы, если эта работа как-либо связана с получаемой студентом профессией. Способствует приобретению им профессиональных навыков, которые иногда даже помогают студенту во время практических занятий в вузе, и уж тем более при

последующем трудоустройстве. Был предложен интересный вариант решения конфликтов, возникающих у преподавателей и студентов из-за подобной практики совмещения: «Разработать для работающих студентов индивидуальные учебные планы; на старших курсах цикл «общих дисциплин» перевести на дистанционное обучение, это может заменить так называемое «свободное посещение», что не противоречит закону об образовании в последней редакции». Этот способ помог бы решить некоторые проблемы студентов, которые трудятся полный рабочий день.

Таким образом мы видим что отношение преподавателей к работающим студентам вполне адекватное и лояльное. Войдя в положение нуждающегося студента, преподаватели готовы предлагать альтернативы, но только при желании самого студента.

Законодательная база, регулирующая отношения в сфере образования и в сфере труда, оставляет возможность работать студентам-очникам. Но последствия совмещения учебы с трудом приводят к явным противоречиям как в правовом и институциональном аспектах высшей школы, так и в содержании полученного/неполученного образования, в связи с чем представляются неизбежными конфликтные взаимоотношения между системой высшего образования и рынком труда.

На разрешение данного противоречия, казалось бы, направлены меры, предусмотренные реформой высшего образования, в частности, переход на двухуровневую систему обучения (бакалавриат – магистратура), развитие малых форм бизнеса при вузах и др. Будет ли этого достаточно без комплексных преобразований учебных планов и использования новых форм учебных занятий для студентов?

Проведенное исследование вторичной занятости среди студентов г. Томска показало, что работающие студенты распространённое, массовое явление. Постоянно работают (в среднем около 63% студентов, доли работающих студентов варьируются в зависимости от вуза, а оставшиеся, в большинстве своем, ищущие работу, но не сумевшие ее найти.

Анализ побудительных мотивов, по которым студенты работают или ищут работу, показал, что на первом месте оказывается материальная заинтересованность – 51,2%. И, тем не менее, в целом, из структуры мотивационных приоритетов не следует, что работа является для студентов первейшим условием жизнеобеспечения, студенты тратят заработанные средства в основном на себя. Материальные потребности студентов далеко не единственное, что заставляет их работать или искать работу. Также значимое место (19%) занимает забота студента о своем послевузовском трудоустройстве, осознанный вклад в свою трудовую и профессиональную карьеру.

Работа, даже если она и не совпадает со специализацией, позволяет расширить сферы общения, деловые контакты, позволяет накапливать практический и социальный опыт, наличие которого часто является обязательным условием при приеме на работу в большинство престижных организаций и фирм. Анализ результатов опроса работодателей показывает, что

при приеме на работу они отдают предпочтение студентам, работающим во время учебы, особенно если они работали по специальности.

В связи с этим по совершенствованию учебного процесса предлагается:

- Учет объема занятости (количества часов работы) студентов в неделю, осуществление контроля трудовой деятельности студентов деканатом путем запроса справок с работы или обязательного получения разрешений на работу в деканатах. Если студент предпочтет работать больше, чем ему дозволено, и при этом будет демонстрировать низкую успеваемость, деканат должен иметь право предпринимать к такому студенту достаточные ощутимые меры наказания.

- Расширять в вузах объем платных услуг для работающих студентов: выделение дополнительного времени для выполнения лабораторных и других работ, требующих наблюдения преподавателя или работы обслуживающего персонала; установление более поздних сроков для сдачи зачетов и письменных работ.

- Увеличивать гибкость и прикладную направленность в обучении студентов.

- Восстановить действовавшие в раннее льготы при приеме в вузы лиц, имеющих опыт практической работы по избранной для обучения в вузе специальности.

По улучшению организационных условий работы студентов (для работодателей):

- Устанавливать им более свободный график работы.

- Использовать двойственное положение студента и давать ему возможность, с одной стороны, делать курсовые и дипломные работы на материалах и по тематике организации, в которой он работает, а с другой, пройти в этой организации стажировку и получить определенное дополнительное обучение и опыт практической работы.

- развивать практику, когда студента не принимают на постоянную работу в организацию, а дают ему определенный самостоятельный участок деятельности и право работать по гибкому графику на правах совместительства, временной работы или с оплатой по результатам. Тогда и работник у фирмы есть, и его внезапное увольнение ничему не помешает.

- Создавать в фирмах группы развития по перспективным, но рискованным направлениям бизнеса и привлекать студентов-старшекурсников к работе в этих группах.

- Расширять контакты между вузами и фирмами. Стимулировать фирмы и работодателей принимать студентов на работу с помощью налоговых льгот, каких-то других льгот или прямой платы.

- Развивать практику стажировки студентов-старшекурсников в фирмах без строгих обязательств об их последующем трудоустройстве.

Для решения проблемы трудоустройства студенческой молодежи необходимы объединенные усилия всех, от кого зависит решение этого вопроса и конечно материальные ресурсы.

Молодое поколение – это не только движущая сила инновационных изменений. В случае нарушения процесса общественного воспроизводства молодежь может стать возможным и весьма вероятным фактором социальной нестабильности и социальной дезинтеграции. Поэтому оптимизация процесса вторичной занятости студенческой молодежи должна рассматриваться как мера сохранения стабильности жизнеспособности общественной системы и системы образования.

Литература

1. Шереги Ф.Э. Харчева В.Г. Высшая школа в зеркале социологии // Социологические исследования. 1994. № 12; Меркулова Т. П. Оптимизация вторичной занятости учащейся молодежи: Автореферат дисс. ... канд. социол. наук / Российская академия государственной службы при Президенте РФ. М., 1998.

2. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ ; [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.consultant.ru/popular/education/>

3. Устав Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники» ; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tusur.ru/export/sites/ru.tusur.new/ru/tusur/ustav-07-18.pdf>

ПРОТИВОРЕЧИВАЯ МОЛОДЕЖЬ: КАЗУСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (ПО ДАННЫМ ФОМА)

Л.А. Паутова

*директор проектов Фонд Общественное Мнение (ФОМ),
г. Москва, доктор социологических наук*

Молодое поколение всегда немного другое, поэтому и требует от социологов больше внимания, чем другие возрастные группы. Мнения и установки молодежи (кажущиеся противоречивыми, но подчас просто отличающиеся от средне-массовых) даже исследователей наталкивают на тревожные выводы о политической инфантильности, гражданской пассивности и подверженности пропагандистскому влиянию. Результаты массовых опросов на разные темы, позволяют увидеть несколько интересных «казусов», как в установках самой молодежи, так и общественном мнении об этой группе. Начну с последнего.

1. Общественное мнение о молодежи. Беглый взгляд на результаты одного опроса, приводит к выводу, что в общественном мнении присутствует многоплановый образ амбициозных молодых технократов, страдающих многочисленными нравственными пороками. Например, в ответах на открытый вопрос «Какие качества современной молодёжи наиболее сильно отличают ее от молодёжи времен Советского Союза?» 49% респондентов описали негативные качества, 36% – положительные. В новом поколении не нравится наглость, невоспитанность (12%), безответственность (5%), меркантильность (5%), лень (5%), безнравственность (4%), отсутствие патриотизма (3%),

отсутствие целей в жизни (3%), вредные привычки (2%), стремление к легкой жизни (2%) отсутствие сплоченности (2%), агрессивность, жестокость (2%) и др. Среди позитивных качеств называется продвинутость, владение современными технологиями (12%), информированность (10%), независимость, уверенность (10%) активность, целеустремленность (4%). Несмотря на всеобщие сетования на неграмотность и необразованность молодых, почти половина участников опроса утверждает, что сейчас молодёжь более развитая, образованная, умная нежели в 70-е – 80-е годы XX в (43%).

Разные респонденты говорят о взаимоисключающих качествах молодых: образованные-глупые, ранние-инфантильные, все познавшие-малоопытные, активные-ленивые. Казалось бы, большая часть россиян уверена в том, что среди молодежи больше целеустремлённых, ставящих перед собой определённые жизненные цели (61%). Однако по мнению почти половины респондентов (47%) современная молодёжь не любит работать, работает плохо. Об этом нередко сообщает даже сами респонденты в возрасте 18-30 лет (38%). Неумение работать, пожалуй, одно из самых распространённых обвинений в адрес «поколения играков».

Резко полярные оценки нового поколения не удивительны. Такова природа поколенческих стереотипов. Оптимисты ищут в молодежи доказательства того, что все не так уж плохо («у нас замечательная молодёжь»). Критики идеализируют себя в молодости и беспокоятся за будущее («мы хотим знать, в чьи руки попадет воздвигнутое нами здание»). Для старших разговор о молодых – это также рассказ о себе, перенос своих идеалов на новое поколение. Разношерстность оценок возникает еще и потому, что поколение нулевых-десятих сильно отличается внутри себя по образованию, доходу, стилю жизни и т.п. Такой калейдоскоп мнений – явление, конечно же, нередкое. Однако часто приходится встречаться со знаковыми «нестыковками» и «нелогичностями» в ответах самого нового поколения. А поскольку тревога о будущем, мне не чужда, приведу несколько своих наблюдений за ответами молодежи 18-30 лет (данные общероссийских опросов по технологии ФОМнибус, 2013-2014 гг.) [1].

2. Молодые патриоты. Почти две трети (61%) молодых людей считает себя патриотами, примерно столько же среди населения в среднем (64%). Достойный ответ поколения, которое часто обвиняют в отсутствии патриотизма. При этом, среди молодых чаще, чем у старших поколений встречаются мнения, что патриот может любить зарубежную литературу больше отечественной или же избегать службы в армии. Интересно также, что две трети молодых респондентов убеждены: патриотом не может быть человек, не знающий истории своей страны (68%). Коллекция ФОМа однако недавно пополнилась новыми данными, свидетельствующими о скромных познаниях в истории: 41% молодых не смогли ответить, с кем Россия воевала в 1812 году, а 72% – назвать год окончания Первой мировой войны. Другой опрос показал, что треть молодежи не знает историю места, в котором живут (38%), а больше половины – в каком году основан их город (посёлок, село) (58%). Не будем сразу упрекать молодых (патриотизма – это все-таки не только знание истории), и посмотрим на другие факты. По сравнению со старшими поколениями

молодежь чуть более благосклонна к США, чуть реже одобряет «продуктовые санкции», в большинстве своем не осуждает эмигрирующих из России.

Наконец, еще одна цифра: 56% молодых считают, что следует ограничить въезд приезжих из других стран в их город (посёлок, село). Также молодежь чаще сообщает о конфликтах, противоречиях между приезжими других национальностей и местными жителями. Тема мигрантов и толерантности напрямую не связана с чувством патриотизма, однако позволяет увидеть настроения молодых в ином, тревожном ракурсе. Исследователи склонны рассматривать ксенофобские и антимигрантские настроения как симптом скрытого недовольства, социальной зависти и агрессии молодых. В итоге мы видим молодежь, как в заявительно патриотичную группу, со слабыми познаниями в истории страны, более лояльную к Западу, но при этом с симптоматикой латентного недовольства.

3. Гражданская активность молодых. Еще один показательный «казус» молодежных установок – из области гражданского общества. Вопреки частым обвинениям в пассивности, лени, безответственности, молодежь демонстрирует достаточно заметную вовлеченность в гражданскую активность. Так, новому поколению более интересны практики добровольчества, нежели людям постарше. Волонтерство сейчас даже в моде у продвинутой молодежи. Организовать субботник, чтобы прибраться в лесопарковой зоне, готовы 44% молодых россиян, помогать незнакомым людям – 78%. Новое поколение чаще говорит, что способно расстаться с деньгами на благотворительные акции (например, 45% готовы пожертвовать деньги на лечение ребенка, 32% принимали участие в благотворительных акциях в последний год). Это, конечно же, радует и активистов гражданского общества, и исследователей. При этом фокус внимания молодежи сосредоточен на свой социальный круг, который благодаря новым технологиям может быть сильно рассредоточен в пространстве. Локальные группы и сообщества, соседские отношения выходят за границы внимания молодых. Именно новое поколение чаще сообщает, что сдержанно общается с соседями, стараются быть осторожными в общении, реже здоровается или готовы помочь. Абстрактные незнакомые люди оказываются ближе соседей.

4. Лояльные оптимисты с мечтами об эмиграции. Молодежь по-прежнему сообщает об одобрении деятельности президента и партии власти (в сентябре доверие В. Путину – около 80%, «Единой России» – 56%). Политические рейтинги в этой группе такие же высокие, как и среди людей старших возрастов. О своем желании принять участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста молодые говорят редко (10-12%). Впрочем, почти половина (45%) сообщило, что приняли бы участие в акции протеста против фальсификации на выборах.

Позиция молодых в отношении ситуации на Украине в целом не отличается от среднестатистической. Впрочем, они не так активно следят за событиями и больше потребляют новости в интернете. Возможно, поэтому молодежь чуть менее уверена в объективности подачи информации (65% против 71% в среднем по опросу, сентябрь 2014 г.).

Новое поколение традиционно достаточно бодро оценивает свое экономическое положение и его перспективы (81% определяют свой уровень жизни как средний и выше среднего). Ситуацию в России юноши и девушки также воспринимают скорее позитивно, о кризисе говорят реже остальных.

Однако на фоне такой высокой политической лояльности и относительного оптимизма заметны другие цифры: 24% говорят, что хотели уехать за границу навсегда, на постоянное место жительства (среди населения 12%). Социологи неоднократно отмечали, что такие заявления надо рассматривать скорее как эмоциональные интенции, нежели решительные «чемоданные настроения». Однако эти стабильные мечты позволяют предположить, что лояльность молодых является во многом ситуативной, конъюнктурной.

Плюс ко всему, нужно учитывать опасность переоценки некоторых утверждений молодых: в юности всегда присутствует желание приукрасить свой доход и оптимистично воспринимать происходящее. Исследователям приходится помнить об этом свойстве возраста, тем более что совсем недавно молодые респонденты раскрыли о себе интересные нюансы: что могут соврать знакомым (50%), умеют врать 45%, считают допустим говорить неправду на работе (44%).

Приходится держать ухо в остро, а то вдруг они и социологам врут... Но мне кажется, именно это неожиданное сочетание установок и настроений позволяет ухватить дух поколения – поколения стабильности нулевых, но в то же время динамичных социальных сетей, интернет-активизма и краудфандинга, активного потребления и неожиданного патриотического подъема.

Литература

1. ФОМнибус – еженедельный опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6%. Все описанные в тексте опросы размещены на сайте по адресу <http://fom.ru>

ОБ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПАХ РЕФЛЕКСИВНОГО ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА МОЛОДЕЖИ

Д.С. Райдугин,

*декан факультета социологии и психологии ФГБОУ ИВО
Московский государственный гуманитарно-экономический университет,
г. Москва, кандидат философских наук*

Становление рефлексивной социологии осуществлялось в трудах М. Вебера, развернувшего своей «понимающей социологией» исследовательский вектор от общества как надындивидуальной, внешней по отношению к субъекту, конструкции к самому человеку – его внутреннему миру, связано в первую очередь с творчеством родоначальника феноменологической социологии А. Шюца. В своей работе «Феноменология и

социальные науки» [2; 180-201] А. Шюц ставит две исследовательские задачи: 1 – выявить основы гуссерлианского обоснования социальных наук и 2 – домыслив Э. Гуссерля, показать, каким образом феноменологический подход применим в решении конкретных методологических проблем социальных наук, в частности – в исследовании феномена молодежи. Таким образом, не задаваясь здесь целью осветить методологию социально-феноменологического познания в принципе, мы ограничимся демонстрацией исследовательского потенциала социальной феноменологии применительно к молодежи как социальному явлению.

Итак, с точки зрения австрийского социолога, все науки представляют собой процесс совместной деятельности ученых. Смысловой основой каждой науки выступает реальный жизненный мир. Очень важно не заменять этот жизненный мир идеализированными образами, то есть отделять объект познания от знания о нем. «Поправляя» своего великого коллегу М. Вебера, разработавшего категорию идеального типа и заложившего основы трансценденталистского понимания социальной реальности, А. Шюц обращается к трансцендентальной феноменологии, которая, по его мнению, ничего не принимая на веру, предпринимает попытку сугубо рационального объяснения жизненного мира. Мы, в свою очередь, готовы признать эпистемологическую эффективность обеих теорий и мыслить молодежь в качестве совокупности существенных признаков, свойственных жизненному миру этой социальной группы. В рационализированном виде российская молодежь может представлять собой особый идеальный тип со свойственными ему феноменологическими признаками.

Обоснование данных предметных установок стало возможным благодаря формулировке А. Шюцем следующих познавательных принципов:

Принцип 1. Осознание как относительности знания о социальной и природной реальности, так и относительности самой реальности. Таким образом, если естественные науки (а вслед за ними и представители естественной установки в социологии) считают самоочевидным существование объективного мира, полагаясь фактически на веру, то трансцендентальная феноменология обладает правом на рациональное обоснование его существования через заключение этой данности в скобки путем феноменологического эпохэ и тем самым на прямое доказательство его существования. Налицо очевидное превосходство рефлексивной установки, избранной А. Шюцем, над естественной в деле выявления сущности общественного, в частности – феномена молодежи: рефлексия позволяет преодолеть свойственное естественной установке догматичное утверждение как существования молодежи, так и наличия в данном феномене ряда свойств, каждое из которых требует специального обоснования.

Принцип 2. Осознание коллективной природы жизненного мира, переживаемого молодым человеком в опыте. Он делит свой мир с другими субъектами, наделенными схожими существенными признаками. В

совокупности такой субъект и подобные Другие составляют «трансцендентальную интерсубъективность» – объединенный общностью Природы и Разума мир монад. Природа существует независимо от нашего разума, но культура – основа жизненного мира = обладает «ограниченным существованием» – она есть та часть интерсубъективного мира, в создании которой человек исторически принимал участие. Исходя из этого, структура жизненного мира молодежи мыслится как в совокупности ее физиологических признаков (возраст и пр.), так и в совокупности ментальных особенностей данной общности.

Принцип 3. Осознание эпистемологической ограниченности математических методов в процессе социального познания. В математике не ухватывается важнейшая составляющая жизненного мира молодежи – его качество. Попытки социальных ученых достичь с использованием математических средств той степени достоверности, которой достигают «естественники» [2; 189-192], обречены на провал или в лучшем случае на жалкое подобие естественнонаучных достоверности и точности. Сказанное вовсе не означает, что математические методы неприменимы в социологии – однако не следует вступать в крайность абсолютизации роли математики для социального познания феномена молодежи.

Принцип 4. Разделение социальной феноменологии и психологии, исследующей эмпирическим способом схожий объект – субъективность. Однако психология, в отличие от социальной феноменологии, не учитывает того, что изучаемые ей явления суть корреляты ее истинного объекта – природы интенциональности. Другими словами, феноменологическая социология молодежи, в отличие от психологии молодежи, изучает жизненный мир данной общности как совокупность интеракций между субъектами-монадами, но не психическую структуру и процессы самих монад.

Следует обратить внимание на то, что первые три принципа носят контраргументивный характер по отношению к критике феноменологии со стороны представителей естественной установки, в то время как четвертое положение мы можем с полным основанием использовать в качестве основополагающего при адаптации трансцендентально-феноменологической программы социального познания к предмету социологии молодежи.

В своей совокупности принципы, очерченные А. Щюцем, составляют основу методологической системы, позволяющей, при условии неукоснительного их соблюдения, с аподиктической достоверностью выносить общезначимые суждения как о природе феномена молодежи, так и о специфике жизненного мира (своего рода коллективной биографической ситуации) российской молодежи в определенном социальном контексте.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – 808 с.
2. Щюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. – М., 2004. – 1055 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ И СТИМУЛИРОВАНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

О.А. Рукавицина,

магистр кафедры социологии и организации работы с молодежью

Института управления НИУ «БелГУ»

Социальные и экономические преобразования последних десятилетий привели к трансформации российской высшей школы. Важным фактором, меняющим требования к выпускникам вузов, является присоединение России к Болонскому процессу. Интеграция Российской Федерации в европейскую систему образования поставила перед каждой ступенью высшей школы задачу воспроизводства интеллектуального капитала, соответствующего мировым стандартам. Данное обстоятельство требует нового осмысления научно-исследовательской работы студентов в высших учебных заведениях и более детального изучения вопросов организации и результативности научного творчества молодежи.

Научно-исследовательскую активность (далее – НИА) можно рассматривать как самостоятельную, сознательную и целенаправленную деятельность личности, направленную на получение и применение новых знаний посредством научных методов.

Согласно теории В. И. Овчинникова, в основе любой активности, в том числе НИА, лежат потребности личности, а все остальные категории, раскрывающие содержание и механизмы ее формирования (интересы, цели, установки, ориентации, стимулы, мотивы и т.д.), так или иначе, исходят из потребностей и выражают их [2].

В. В. Балашов, рассматривая мотивацию как совокупность движущих сил, побуждающих человека к определенным действиям, определяет ее в качестве важнейшего фактора НИА. В психологии науки, изучающей мотивацию научного творчества, выделяют две группы мотивов научной активности – внутренние и внешние. Внутренние мотивы формируются, исходя из потребностей личности в познании и развитии, и являются первичными по отношению к научной деятельности. Внешние же мотивы формируются под влиянием внешней среды и по отношению к научному творчеству вторичны, неспецифичны для него [1].

В. В. Балашов утверждает, что в настоящее время в исследованиях мотивации научного творчества нашло широкое распространение мнение, что у творческих личностей внутренняя мотивация преобладает над внешней. Приоритет внутренних мотивов над внешними подразумевает, что человек включен в деятельность ради нее самой, а не ради других целей, по отношению к которым она является средством их достижения. В случае НИА внутренним побуждением к ней является удовлетворение, получаемое от самого процесса работы, удовольствие, стремление к интеллектуальному успеху, желание

решать и находить проблемы, давать работу уму. Такие стимулы, как материальное вознаграждение, карьера, отходят на второй план. Основой НИА человека является его мотивационная сфера как совокупность мотивов личности и важнейшая характеристика ее пригодности к научному труду [1].

Понятие «стимул», в отличие от понятия «мотив», имеет отношение к внешним по отношению к человеку факторам, понуждающим его к деятельности. Стимулирование – это четкое, формальное, приуроченное ко времени и месту, институциональное воздействие на индивида одним из легитимных и априорно заданных способов, понуждающее его к прекращению негативной или усилению позитивной активности. От практикующихся форм и методов стимулирования во многом зависит научно-исследовательская активность студентов (далее – НИАС).

В. В. Балашов в качестве основных целей стимулирования НИАС в вузе выделяет:

- повышение уровня и качества подготовки специалистов с высшим образованием к творческой и научно-исследовательской работе, овладение ими основами научно-технического предпринимательства и инновационного бизнеса;

- увеличение опыта и повышение качества труда преподавателей, научных и административных работников вуза в области НИАС;

- направление тематики НИАС на приоритеты научно-технического развития регионов и России в целом [1].

В качестве основных видов стимулирования НИАС обычно различают материальное и нематериальное стимулирование. При этом следует понимать, что это разделение условно, поскольку оба вида взаимосвязаны. Материальное стимулирование представляет собой совокупность форм и методов обеспечения и повышения материальной заинтересованности человека в достижении определенных индивидуальных и коллективных результатов. По мнению В. В. Балашова, материальное стимулирование служит развитию и повышению результативности НИАС. Материальное стимулирование осуществляется в виде: селективных стипендий; надбавок к должностным окладам и стипендиям; грантов; денежных премий; памятных и ценных подарков [1].

Материальные стимулы далеко не всегда стоят на первом месте и не могут быть единственной формой поощрения. Не менее важным является привлекательность научно-исследовательской деятельности, интерес к ней, ее творческий характер. Помимо этого, человеку необходимы ощущение собственной значимости, признание наличия у него творческого потенциала и объективная оценка достигнутых результатов. В этом случае значение приобретает нематериальное стимулирование. Его основными видами являются: похвала; объявление благодарности; награждение; уважение коллектива; присвоение почетных званий; возможность внесения идей и предложений; публикации результатов научной деятельности [1].

Нематериальные стимулы весьма разнообразны и делятся на три группы: социальные, социально-психологические и моральные. Социальные стимулы связаны с потребностью человека в самоутверждении, с его стремлением

занимать определенное общественное положение. Социально-психологические стимулы предполагают наличие комфортного климата в коллективе, обеспечивающего нормальное общение и позволяющего человеку самореализоваться. Моральные стимулы связаны с потребностями человека в уважении со стороны коллектива, в признании его как нравственно одобряемой личности.

С целью оценки эффективности системы мотивации и стимулирования НИАС было проведено социологическое исследование, в котором приняло участие 180 респондентов – студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета (далее – НИУ «БелГУ»). Опрошенным была предложена анкета, содержащая вопросы относительно представления о НИА, их включенности в научную работу, мотивах и стимулах, побуждающих их к активности, и причинах пассивности, о жизненных ценностях и планах на будущее, а также об информированности о применяемых в университете способах поощрения НИАС и об их эффективности.

Анализ данных, полученных по итогам обработки анкет, позволил сделать вывод о том, что 93% респондентов имеют представление о НИА, понимая под ней проведение собственных исследований и публикацию статей с их результатами (46,7%), участие в научных конференциях (29,4%) и разработку и внедрение новых продуктов, технологий, методов, проектов (16,7%).

Опрос показал, что непосредственно НИА проявляют 33,9% опрошенных студентов. При этом больше половины (55,7%) активных в научной сфере студентов в качестве побуждающего мотива назвали использование результатов исследовательской работы в учебной деятельности и почти половина (45,9%) – желание проявить себя и самореализоваться. Другими мотивами также являются: интерес к получению новых знаний, любознательность (31,1%); материальная поддержка (27,9%); получение преимущества при трудоустройстве (24,6%); использование полученных знаний при открытии собственного бизнеса (14,8%) и принуждение (11,5%).

Свою научно-исследовательскую пассивность большинство опрошенных студентов объясняли занятостью в другой сфере деятельности (58%) и отсутствием интереса к исследовательской работе и научным мероприятиям (49,6%). Значительное число респондентов (19,3%) признали у себя отсутствие способностей к научно-исследовательской работе. Другими мотивами являются недостаток преподавателей, способных пробудить интерес к научно-исследовательской активности (21,8%), отсутствие необходимой информации о проводимых научных мероприятиях, исследовательских возможностях и перспективах (17,6%) и непонимание преимуществ от НИА (8,4%). Таким образом, можно сделать вывод о том, что одной из причин пассивности студентов является недостаточно эффективная работа отдела университета, ответственного за НИАС.

Для лучшего понимания особенностей мотивации студентов к НИА следует рассмотреть присущие студенческой молодежи ценности. Так, например, выбирая из предложенных вариантов, большинство респондентов остановилось на приоритетах ценностей «семья и дети» (69,4%), «здоровье» (51,1%) и «образование и саморазвитие» (38,9%). Здесь интересно отметить то, что для студентов, проявляющих НИА, характерна та же тенденция, что и в целом по массиву. Для них основными ценностями являются «семья и дети» (67,2%) и «здоровье» (41%). И только лишь вариант «образование и саморазвитие», вошедший в тройку основных ценностей респондентов, не проявляющих НИА, как это ни парадоксально, уступает место ценности «дружба» (41%).

Помимо рассмотрения ценностной основы мотивации к НИА студенческой молодежи НИУ «БелГУ», также представляет интерес анализ планов респондентов на будущее. Более половины (56,1%) опрошенных студентов сразу после окончания университета планируют устроиться на работу, 16,1% – открыть собственное дело, 10% – продолжить обучение, и по 8,3% предполагают создать семью или пополнить ряды вооруженных сил РФ. Важно отметить, что абсолютное большинство (66,4%) студентов, не проявляющих НИА, собираются устроиться на работу и лишь 9,2% – заняться созданием бизнеса. У студентов же противоположной категории налицо практически равное соотношение выборов обеих жизненных стратегий – соответственно 36,1% и 29,5%. Также количество респондентов данной категории, намеренных продолжить обучение, почти в 2,5 раза выше, чем противоположной.

Проведенный опрос показал, что информированность респондентов о различных видах поощрений НИА студентов со стороны университета неоднородна. Наиболее известными методами являются награждение дипломами, грамотами, сертификатами (94,4%), выплата именных стипендий и грантов (87,2%) и похвала на общих собраниях и праздниках (77,2%). Далее следуют возможность перевода на бюджетную основу обучения (70,6%), отправка благодарственных писем (68,9%), поселение в общежитие (59,4%) и помещение фотографии студента на «Доску почета» в университете (57,8%). Меньше всего респондентам знакомы такие виды поощрения, как прохождение стажировок в ведущих научно-образовательных центрах (33,9%), предоставление бюджетного места в магистратуре/аспирантуре (44,4%) и предоставление бесплатных путевок для отдыха на Черноморском побережье (51,1%).

Сравнительный анализ ответов позволяет сделать вывод о том, что информированность студентов, проявляющих НИА, о различных видах поощрений выше, чем противоположной категории респондентов. Данное утверждение подтверждает предположение о том, что одной из причин пассивности студентов в научной сфере является недостаточная проработанность системы информирования студенческой молодежи о научных мероприятиях и способах поощрения за участие в них.

Самым эффективным видом поощрения НИАС в НИУ «БелГУ» является выплата именных стипендий и грантов. Его выбрали 77,2% респондентов. На втором месте по популярности – предоставление бесплатных путевок для отдыха на Черноморском побережье (67,2%). Примерно одинаковое количество опрошенных студентов (56-59%) отметили варианты: предоставление бюджетного места в магистратуре и/или аспирантуре; прохождение стажировок в ведущих научно-образовательных центрах; награждение грамотами, дипломами, сертификатами и отправка благодарственных писем.

Большинство студентов, не проявляющих себя в научной сфере, способны побудить к НИА такие виды поощрений, как именные стипендии и гранты (66,4%), предоставление бесплатных путевок для отдыха на Черноморском побережье (61,3%) и прохождение стажировок в ведущих научно-образовательных центрах (57,1%). Наименее эффективными видами поощрения, как показал опрос, являются поселение в общежитие (9,2%), помещение фотографии студента на «доску почета» в университете (30,3%) и похвала на общих собраниях и праздниках (31,9%).

Лишь по мнению 10% опрошенных студентов, система поощрения НИАС, действующая в университете, совершенна. Большинство же видит в ней те или иные недостатки. Так, 35% респондентов заявили, что в университете поощряют не всех достойных награждения, а 32,2% отметили отсутствие «прозрачности» системы поощрения. Так же были выделены такие проблемы, как отсутствие оперативности (27,8%), субъективность оценки достижения (25%), дискриминация студентов, обучающихся на договорной основе (20%) и несоответствие поощрения уровню достижений (16,1%).

Сами респонденты в целях оптимизации системы мотивации и стимулирования НИАС предлагали внести такие организационные изменения, как повышение оперативности поощрений, создание «прозрачной» и справедливой системы, расширение возможностей поощрения студентов, обучающихся на договорной основе, увеличение квоты на именные стипендии, введение дополнительных поощрений для начинающих исследователей. В целях повышения информированности студентов о научно-исследовательской работе в университете, видах поощрения и способах их получения, респонденты предлагали проводить информационно-мотивационные занятия для начинающих исследователей. Помимо этого, была обозначена необходимость расширения диапазона тем научных работ, помощи в проведении исследований и работы по повышению мотивации преподавателей-наставников студентов-исследователей. В качестве методов стимулирования респонденты предложили добавить стипендии для студентов, обучающихся на договорной основе, прибавки к стипендии, отдельные выплаты за публикацию статей студентов в сборниках, помощь в трудоустройстве студентов.

В целях совершенствования системы мотивации и стимулирования НИАС в НИУ «БелГУ» можно предложить следующие рекомендации и направления совершенствования.

Во-первых, для разрешения существующих в системе мотивации и стимулирования научной активности студентов университета проблем,

выявленных в ходе социологического анализа, таких, как поощрение не всех студентов, достойных награждения, отсутствие «прозрачности» и оперативности в системе поощрения, необходимо введение рейтинговой системы контроля НИАС. Рейтинг студентов должен соответствовать следующим требованиям: содержать четкие критерии оценивания, постоянно обновляться и быть доступным для публичного просмотра.

Во-вторых, в целях увеличения интереса студентов к научно-исследовательской работе, повышения их информированности о проводимых мероприятиях, исследовательских возможностях и перспективах в данной сфере, необходима популяризация научной активности в академической среде. Для достижения данной цели предполагается использование следующих способов: создание соответствующей группы в социальных сетях или особого раздела на официальном сайте НИУ «БелГУ»; организация и проведение информационно-мотивационных встреч и собраний; разработка и создание специальной социальной рекламы; издание справочника о научной активности студентов в университете; проведение флешмобов для привлечения внимания студентов.

В-третьих, в целях стимулирования студентов к самообразованию и самовоспитанию, в университете целесообразно внедрить систему научного тьюторства, представляющую собой индивидуализированную педагогическую деятельность, направленную на развитие автономности и самостоятельности студентов в решении проблем; помощь им в реализации научно-исследовательских и проектных работ и сопровождение их личностного развития. Для осуществления научного тьюторства предлагается использовать следующие формы: адаптационный тьюториал; интеграционный тьюториал; информационный тьюториал; обучающий тьюториал; свободный тьюториал; консультационный тьюториал и т. д.

В-четвертых, важным направлением оптимизации системы мотивации и стимулирования НИАС должен стать отбор наиболее талантливых, способных студентов и активная работа с ними. Селективная система поиска одаренных абитуриентов опирается на принцип системности и последовательности перехода от одаренного школьника к перспективному студенту, а затем и к молодому ученому. Данная система предусматривает организацию научных секций и групп с участием школьников, участие профессорско-педагогического состава университета в проведении предметных олимпиад для школьников городского и областного уровней, информационную и консультационную деятельность, развитие системы выездных школ для учащихся и т.д.

Выполнение предложенных рекомендаций повысит мотивационную составляющую студенческой молодежи НИУ «БелГУ» к НИА, а значит, и ее результативность, что, в свою очередь, будет способствовать повышению конкурентоспособности студентов в мировом образовательном пространстве.

Литература

1. Балашов В. В. Организация научно-исследовательской деятельности студентов в вузах России // В. В. Балашов, Г. В. Лагунов, И. В. Малюгина, В. В. Масленников,

А. И. Момот, Б. В. Першуткин, А. Г. Поршнева, В. М. Рулев, В. С. Румянцев, М. Н. Стриханов. М. : Наука, 2012. – 516 с.

2. Овчинников В. И. Потребности личности как фактор ее социальной активности. Волгоград : Волга, 2010. – 213 с.

ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ И СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Л.В. Рожкова,

*профессор кафедры экономической теории и мировой экономики
ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»,*

г. Пенза, доктор социологических наук, доцент

О.В. Сальникова,

*старший преподаватель экономической теории и мировой экономики
ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», г. Пенза*

Условия изменяющейся социальной реальности постсоветской России повлекли за собой снижение общественной значимости труда, трудового воспитания, изменение мотивов занятости. В современных условиях отчетливо проявляется несоответствие между потребностью общества в активизации трудовых ориентаций и реальным состоянием ценностных установок населения в трудовой сфере. Трудовые ценности являются частью базовой системы ценностей индивида. В. С. Магун рассматривает их как «высказывание людей о том, что для них важно, значимо в работе» [1; 25]. Они представляют собой субъективное отношение к общественно значимым ценностям труда и трудовой деятельности людей.

Анализ трудовых ценностей и установок россиян определяется потребностью поиска резервов экономического роста страны; изучение ценностей в трудовой сфере, профессиональных стратегий молодежи позволяет глубже исследовать и объяснить направленность и содержание трудовой активности молодого поколения.

Вторичный анализ результатов социологических исследований позволил выявить позитивные тенденции трансформации трудовых ценностей студенчества, которые состоят в росте экономической рациональности, предприимчивости, ориентации на предпринимательскую деятельность. Вместе с тем присутствует и ряд негативных тенденций, основными из которых являются девальвация трудовых ценностей, связанных со служением обществу и государству, снижение общественной значимости труда.

По данным авторского исследования трудовых ценностей студенческой молодежи вузов г. Пензы (2012 г.) было установлено, что большинство представителей молодого поколения оценивает свои личностные и профессиональные качества как скорее соответствующие современной социально-экономической ситуации. Ориентация на работу при материальной обеспеченности также достаточно высока. Так, 78,3% респондентов хотели

работать и скорее работать [2; 84-85]. «Ядро» трудовых ценностей студентов составляет высокооплачиваемая, престижная, интересная работа, обеспечивающая карьерный и профессиональный рост. По результатам исследования, у большинства студентов преобладает установка много работать и хорошо зарабатывать. Молодые люди подчеркивают значимость для современной жизни нужных связей и знакомств. По результатам авторского исследования среди студентов вузов было установлено, что у большинства респондентов преобладает установка – много работать и хорошо зарабатывать.

С целью изучения динамики трудовых ценностей среди студентов среди студентов Пензенского государственного университета был проведен массовый опрос (2014 г., n=381). Исследования показали, что основными ценностями студентов являются: семья (78,7% респондентов) и здоровье (50,4%). Только для 30% опрошенных наиболее важной в жизни является интересная работа. При этом 40,2% респондентов выделили материальный достаток как важную для них ценность. Структура ценностей коррелирует со структурой жизненных целей студентов. Так, 82,7% респондентов хотели бы создать счастливую семью, 74,8% опрошенных хотят иметь высокий заработок, а треть студентов ориентированы на получение хорошего образования и создание собственного бизнеса. Только 3% респондентов не строят жизненных планов.

Важным аспектом в изучении трудовых стратегий молодежи является анализ их отношения к возможности организовать собственное дело. Вполне закономерно, что большинство молодежи хотели бы создать свой бизнес. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что молодое поколение стало чаще рассчитывать на создание собственного бизнеса. По результатам исследований 2012 г. 58,1% студентов хотели бы создать свой бизнес при наличии возможности. Эти результаты практически идентичны с результатами исследования 2014 г. Так, 52% студентов хотят иметь свой бизнес. При этом несколько отличны данные по доле студентов, которые имеют свой бизнес: 2,7% в 2012 г. и 0,8% в 2014 году. При этом увеличивается доля респондентов, которые не планируют открывать свое дело с 2,7% в 2010 г. до 14,2% в 2014 году. Основная причина заключается в отсутствии необходимых финансовых средств.

Результаты показали, что отношение к созданию собственного бизнеса взаимосвязано с уровнем материального благосостояния родителей: чем оно выше, тем меньшая доля респондентов хотели бы создать свой бизнес (66,7% студентов из малообеспеченных семей и 52,1% из высокообеспеченных семей). Ориентации на создание своего дела прямо пропорционально снижаются при увеличении типа поселения респондентов до поступления в вуз. Так, 63,6% студентов их поселков и 50,8% студентов из крупных городов хотели бы заняться предпринимательством. Вместе с тем было установлено, что по мере увеличения курса обучения снижается готовность создать свой бизнес (с 66% до 57%). Ориентации на построение бизнеса в большей мере присутствуют у студентов экономических специальностей (61,7%), чем у студентов технических специальностей (43,3%).

С целью выявления распространенности распределительных / достижительных ориентаций студенческой молодежи был задан вопрос: «Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать?». В исследовании ИС РАН тип экономических ориентаций определялся через выбор респондентами одного из четырех вариантов ответа на проективный вопрос о предпочитаемом характере оплаты труда [3, с. 166]. По данным исследования 2010 г. 44 % респондентов являются «ориентированными на распределяемый доход» и 51 % – «ориентированными на достижительность» (в 2014 году 49% и 42% соответственно).

Исследования среди студентов 2014 года показали, что для студентов с ограниченными финансовыми возможностями (уровень благосостояния родителей оценивается как очень низкий – «денег хватает только на продукты питания») в большей степени важно много работать и хорошо зарабатывать (41,7% опрошенных). Респонденты со средним достатком в семье (студенты, родители которых могут купить товары длительного пользования) хотели бы получать меньшую зарплату, но иметь уверенность в завтрашнем дне. 52,1% студентов из обеспеченных семей хотели иметь собственное дело. Вариант «иметь собственное дело, вести его на страх и риск» выбрали 35,5% юношей и 25,5% девушек. Было установлено, что склонность к созданию своего бизнеса в большей мере характерна для студентов с невысокой степенью успеваемости (50% учеба дается с трудом, 43,6% учатся средне в противовес 18,8% «отличников»). Студенты второго курса хотели бы много работать и хорошо зарабатывать (41,7%), третьего курса – получать меньшую, но стабильную зарплату и иметь уверенность в завтрашнем дне (31,5%), четвертого – создать свой бизнес (34,4%). Достижительные ориентации в большей мере присущи студентам, обучающимся на социально-экономических, чем на технических специальностях (38,3% против 25,4%).

По данным авторского опроса студенческой молодежи (2012 г.) было выявлено, что главным условием для получения хорошей работы являются нужные связи и знакомства (71,6 %). Ценность высокой квалификации и знаний является вторым по значимости условиям для получения «хорошей работы» (66,2% респондентов). 39,2% студентов выделили предприимчивость и инициативность как наилучшее условие для трудоустройства на хорошую работу, а 33,8% – исполнительность, ответственность, дисциплинированность. Материалы исследования 2014 года выявили следующую иерархию факторов, способствующих получению работы: нужные связи и знакомства – 70%; наличие высокой квалификации, знаний – 52,5%, дисциплинированность, исполнительность, ответственность – 41,7%; предприимчивость, инициативность – 36,2% опрошенных.

Исследования 2012 г. показали, что главной для студенчества является высокооплачиваемая работа (72,9 % респондентов), что характерно не только для молодежи; ориентация на высокий заработок доминирует среди большинства россиян и не зависит от возраста и других социально-демографических характеристик. Второе место у студентов занимают «статусные» мотивы (карьерный и профессиональный рост – 54,1 %). Третье –

ценностный тип мотивации: престижная работа – 35,1 %; интересная работа – 32,4 %. Таким образом, по данным авторского и других социологических исследований, среди студентов преобладает в большей мере инструментальный тип мотивации, доминируют прагматические мотивы. Материалы исследований ИС РАН в отношении основных требований, выдвигаемых молодежью к работе схожи с авторскими данными, но имеют несколько другую иерархию (в порядке убывания): высокий заработок (79,2%); интересная работа (48,2%), нормальные для работы условия труда (39,7%), присутствие социальных льгот и гарантий (30,4%), возможности для профессионального роста (27%) [4; 169].

В 2014 году ситуация несколько изменилась. Так, для студентов чрезвычайно важен не только размер оплаты труда (70,1%), но и перспективы карьерного роста (70,1%) и личностного развития (66,7%).

Таким образом, по результатам исследований все отчетливее проявляются тенденции стремления к высокому заработку, карьерному и личностному росту, что обеспечивается посредством достигательных ориентаций и полезных связей. Одновременно с этим девальвации подвержены трудовые ценности, связанные со служением обществу, государству. Так, только десятая часть респондентов считают, что труд является обязанностью человека перед обществом, а для четверти студентов совершенно не важна социальная польза труда.

Литература

1. Магун В. С. Как меняются российские трудовые ценности / В. С. Магун // Отечественные записки. – 2007. – № 3. – С. 23–39
2. Рожкова Л. В. Трудовые ценности студенческой молодежи в условиях социокультурной модернизации российского общества / Л. В. Рожкова, Г. Б. Кошарная // Поиск, 2012, № 3 (38), С. 82–93
3. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М. : Academia, 2002. – 480 с.
4. Горшков М. К. Молодежь России: социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М. : ЦСПиМ, 2010. – 252 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕВИАНТНЫХ УСТАНОВОК В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

О.В. Сорокин,

*старший научный сотрудник отдела социологии молодежи ИСПИ РАН,
начальник управления по науке ОАНО ВО «МПСУ»
кандидат социологических наук, г. Москва*

Изучению девиаций уделяется большое внимание в социально-гуманитарных науках. В рамках данной статьи рассматривается социологический подход к исследованию процесса формирования установок на девиантное поведение в молодежной среде.

Адаптация к социальной реальности молодежными группами как процесс включает в себя два основных элемента. Первый элемент – это стихийное освоение действительности. В ходе данного процесса происходит формирование примитивных форм установок в мотивационной сфере сознания. Данные установки складываются на основе неосознаваемых потребностей в физическом

существовании и безопасности. Второй элемент — это установки на сознательное усвоение свойств социальных объектов, которое предполагает включение субъекта или группы в определенные сферы деятельности, формирование predispositions к идентификации с определенной группой, формулирование целей деятельности и средств их достижения. В основе данных установок лежат потребности к труду, в признании, в построении социальной карьеры, в саморазвитии и самовыражении. Эффективность социальной регуляции оценивается по степени соответствия индивидуальных, групповых и общественных потребностей, когда социальное взаимодействие молодого человека, молодежных групп с социальными институтами, принятие им ролевых предписаний осуществляется в общественно значимой направленности. Чем выше уровень потребностей индивида, тем больше он заинтересован во включение в сферы трудовой деятельности, в самореализации в данных условиях. Соответственно, чем меньше субъект включен в сферы социальной активности, тем больше вероятность не принятия им ролевых ожиданий, норм и ценностей. Во втором случае высока вероятность формирования общей направленности интересов личности на негативные девиантные формы поведения, а именно формирование predispositions личности, группы к идентификации с асоциальной девиантной группой. Процесс формирования установок на девиантные формы поведения молодежи требует изучения глубинных основ социокультурного механизма, как процесса формирующего поведенческие predispositions к объектам социальной реальности.

Согласно концепции Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова социокультурные механизмы социальной регуляции поведения молодежи объединяют взаимодействие элементов мотивационной сферы сознания, а именно потребностей, интересов и ценностей. [1; 27] Интересы преобразуются в установки, которые направляют поведение человека к активным формам конкретной направленности. Убеждения выступают главным элементом осознаваемой установки. Таким образом, в мотивационной сфере сознания молодежи вырабатываются общие критерии и стандарты поведения по отношению к объектам социальной реальности (к семье, труду, образованию, политике и т.д.). Институциональная социальная регуляция девиаций в молодежной среде направлена на формирование общественно одобряемых потребностей, интересов и ценностей. В стабильно развивающемся обществе такую роль выполняют семья, школа, армия, политические партии, церковь и т. д.

Параллельно с процессом социальной регуляции поведения молодежи протекает процесс саморегуляции. У молодежи есть свои специфические потребности, интересы и ценности, характерные только для молодого возраста или для конкретных социальных условий. Выработка стандартов поведения в данном случае происходит под влиянием глобализационных процессов — с одной стороны и локализации — с другой. На стыке их взаимодействия формируются особые формы рационализации поведения молодежи, в которых открывается широкое пространство для девиаций. При этом оценка

девиантного поведения затруднена в силу размытости ценностно-нормативных критериев, вариативности социокультурных образцов и существенной эмансипации молодежи. Так, например, распространение ускоренных форм конструирования социальной реальности как основы формирования «инстант-культуры» или «социальной мимикрии» как формы рационализации в среде современной молодежи, маркируется как отклонение с одних социокультурных позиции и одобряется другими [2; 48].

Значимую роль в процессе выбора играют молодежные неформальные объединения, ориентирующие своих сторонников на выбор конкретных форм поведения. Примерами могут послужить участие под влиянием субкультурного сообщества в акциях радикальных националистических групп футбольных фанатов по т. н. борьбе с нелегальными мигрантами или факты насилия как способа наказания по отношению к наркоторговцам представителями молодежных движений.

Таким образом, изучение процесса формирования установок на девиантные формы поведения молодежи лежит в плоскости исследования процессов социальной регуляции и саморегуляции в поведении молодежи, в изучении мотивационной сферы группового сознания.

Литература

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. – М. : Academia, 2008. – 272 с.
2. Зубок Ю.А., Яковук Т.И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. Брест: Альтернатива, 2008. – 202 с.

СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОГО ЛИФТА: СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ, ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

П.Е. Сушко,

*младший научный сотрудник отдела социальной структуры
Института социологии РАН, г. Москва, аспирант*

Переходное состояние российского общества в 90-е годы XX в. породило множество социально-экономических проблем, которые особенно затронули сельскую местность. Снижение государственной поддержки агропромышленного комплекса, усиление экономического дисбаланса между городом и деревней привели к спаду в развитии социальной инфраструктуры села, что отрицательным образом сказалось на качестве жизни населения.

За время реформ произошла трансформация прежних социальных статусов и ролей, возникла существенная дифференциация по степени обладания властью, доходным потенциалом, уровнем образования, профессиональной подготовки. Другими словами, сформировалась новая социальная реальность, в основе которой лежат новые социальные группы и слои.

В этом смысле, для российского общества комплексной проблемой становится неравенство различных групп населения, особенно ярко проявляющееся в молодежной среде. Процессы урбанизации, индустриализации и информатизации общества усугубляют социальное неравенство между сельской и городской молодежью. Сельская молодежь в определенной степени дифференцирована, имеет различные стартовые условия для жизни; на это влияет отдаленность села от места получения образования, состояние производственной и социальной сфер, что ограничивает стартовые возможности сельских молодых людей. Молодежь села испытывает значительно больше сложностей в социализации, социальной адаптации, профессиональной ориентации и социальной мобильности, нежели городская.

Кроме того, очевидно, что социальная мобильность невозможна без предварительного решения о совершении каких-либо действий, без собственных смысло-жизненных ориентиров, отражающих ценностные ориентации и установки, без опоры на личную индивидуальную стратегию самореализации и самоутверждения. Поэтому от того, насколько выражена у молодого человека установка на изменения, уход или отказ от старых и традиционных схем самоактуализации, в какой степени делается акцент на оригинальные и нестандартные способы мышления, креативность и поиск нового, зависит мобильность этого человека. Индивид, стремящийся реализовать себя, занять более высокую позицию в обществе, должен быть уверенным, что его стратегия, направленная на реализацию этой цели, может принести реальные плоды.

Именно поэтому важно понимать масштабы и интенсивность социальных перемещений сельских молодых людей, иметь четкое представление о существующих факторах и каналах социальной мобильности, институтах, определяющих ее потоки и направленность, профессиональных установках и различных практиках молодежи, порождаемых такими передвижениями во всех измерениях социальной системы. Приходится с новых методологических позиций рассматривать социальное развитие сельской молодежи, которое, по мнению В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, характеризуется изменчивостью и подвижностью, размытостью и диффузностью, следствием чего является неопределенность и непредсказуемость не только в деятельности, но и в отсутствии ясных представлений о будущем [1, с. 14].

Сельская молодежь, оказавшись в новых, модифицированных социальных условиях, адаптирует свою мировоззренческую систему, усваивая новые ориентации и требования социальной среды, встраивая в нее иные, привнесенные ценности, чем, по сути, трансформирует свой социальный облик. Такие изменения, несомненно, ведут к образованию новых форм, факторов и каналов социальной мобильности, среди которых традиционные формы мобильности не всегда возможны или эффективны.

Однако при анализе социальной мобильности сельской молодежи важно учитывать, с одной стороны, не только степень социально-экономического развития конкретного аграрного региона, специфику и особенности рынка труда, доступность получения образования, уровень благосостояния и дохода

семьи, национальность и т. д., но также понимать, с другой стороны, как и почему молодой человек использует либо игнорирует возникающие перед ним жизненные возможности и шансы, какое содержание он вкладывает в понятие жизненный успех, по каким критериям оценивает собственное социальное положение, какие ценностные и профессиональные установки имеют для него приоритетное значение.

Первая сторона в некотором смысле подразумевает объективные факторы (условия жизнедеятельности молодежи во взаимодействии с различными социальными институтами), в той или иной степени определяющие перемещения по социальной лестнице, вторая сторона раскрывает субъективный взгляд на социальную мобильность непосредственно с точки зрения молодых сельчан, учитывая при этом личностные потребности, уровень и силу мотивации на достижение тех или иных целей.

В связи с особой актуальностью рассматриваемой проблемы автором было проведено интервьюирование представителей сельской молодежи Краснодарского края. Цель прикладного социологического исследования состояла в выявлении и анализе факторов, влияющих на социальную мобильность и трудовую самореализацию сельской молодежи. Отбор респондентов, участвующих в исследовании, проводился первоначально по технике «снежный ком», затем использовалась типологическая выборка, направленная на выявление максимально возможного числа вариаций. Исследование проводилось в марте-апреле 2013 г.

Если оценивать стартовые возможности и установки в сфере трудовой деятельности, то в рассказах многих респондентов проявляется мнение о том, что изначально большинство сельской молодежи не имеет достаточных для успешной самореализации исходных позиций, никакого социального и материального капитала, который гарантировал бы ей успех и достижительность. То есть сельская молодежь, по мнению респондентов, в большинстве своем имеет «низкий старт» или не имеет его вовсе.

Сельская молодежь в определенной степени дифференцирована, имеет различные стартовые условия для жизни; на это влияет отдаленность села от места получения образования, кризисное состояние производственной и социальной сфер, что ограничивает стартовые возможности сельских молодых людей.

Современные молодые люди, живущие на селе, надеются в жизни, прежде всего на себя и своих родителей. Выбор образования, профессии, места жительства сельская молодежь осуществляет, исходя из собственных возможностей, реальной ситуации, возможностей родителей, не столько надеясь на государство, сколько на собственные силы.

Значимым условием для успешной самореализации сельской молодежи является миграция, причем не обязательно в город, хотя этот путь является оптимальным и наилучшим с точки зрения респондентов. В качестве условия успешного трудоустройства рассматривается переезд в районный центр, в ближайший город, а в лучшем случае – в Краснодар.

И все-таки определенная часть молодых людей хотела бы остаться в селе, трудиться на земле, но отсутствие рабочих мест, низкая оплата труда, невысокий уровень социально-бытовых условий заставляют молодых людей уезжать в города. В числе причин – отсутствие перспектив, рабочих мест и, соответственно, стабильного заработка.

В условиях современной рыночной экономики существует возможность открыть свое дело на селе. Несмотря на то, что есть желающие заняться такого рода бизнесом, не все имеют стартовый капитал. Условия, при которых молодежное предпринимательство возможно, участники исследования определили следующим образом: если есть определенные знания; если поставить такую цель и получить возможность приобрести стартовый капитал; если у молодых есть состоятельные родители, которые могут помочь своим детям.

Большая часть молодежи села стремится к получению профессии, но к выбору не всегда подходит осмысленно и с учетом перспектив. Наибольшее влияние на выбор сельскими молодыми людьми профессии оказывают реальные условия жизни. И среди них – доступность поступления, близость учебного заведения от дома, возможность найти работу по этой профессии, спрос на эту профессию.

Сельская молодежь, как и городская, стремится использовать открывшиеся в условиях рынка большие возможности в образовании, в карьерном росте, в получении новых профессий, в модной одежде, в путешествиях, понимая, что реализовать эти потребности она может только в городе. В нынешней среде сельской молодежи имеются группы социально активных молодых людей, стремящихся действовать, чтобы занять определенное место в жизни.

Немногочисленная социально пассивная часть молодежи не желает и не видит возможности противостоять жизненным трудностям. Для молодежи этих групп характерны различные модели поведения (трудовое, экономическое, социальное, общественное, досуговое, репродуктивное). Большинство молодых людей хотят быть самостоятельными, желают не зависеть от родителей в материальном плане самостоятельно зарабатывать деньги, чего-то добиться в жизни. Сельская молодежь составляет значительную часть безработных на селе, либо же имеющих временную и непостоянную занятость.

Условия жизни порождают в молодежной среде социальную пассивность (из-за невозможности что-либо изменить), безответственность за происходящее рядом, безынициативность и безразличие. В результате социально пассивная часть молодежи, проживающей на селе, не стремится получить какое-либо профессиональное образование, ведет социально-пассивный образ жизни, перебиваясь временной работой или случайными заработками. Имеется на селе группа безработной молодежи, занимающейся воровством, мошенничеством, пьянством, попадающая под влияние асоциальных элементов.

Таким образом, проведение комплексного анализа стартовых возможностей сельских молодых людей в сфере трудовой деятельности, их

миграционных установок, определение основных проблем, с которыми сталкиваются молодые сельчане при выборе профессий, анализ проблем самоопределения и самореализации сельской молодежи, выявление существенных характеристик, параметров и взаимосвязей, устойчивых практик, позволяющих индивидам ориентироваться в социальном пространстве и перемещаться по социальной лестнице, выделение основных каналов и факторов социальной мобильности сельской молодежи, несомненно, расширит понимание трансформационных процессов, происходящих на селе, даст возможность на основе полученного исследовательского комплекса управлять, моделировать и прогнозировать те или иные социальные изменения, что, несомненно, будет иметь большое значение и в сфере молодежной политики.

Литература

1. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Певцова Е.А. Молодежь и кризис: диалектика неопределенности и определенности в социальном развитии. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2009.

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ – 2014

Т.В. Черкасова,

*профессор кафедры социологии и социальных коммуникаций
ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный университет
экономики и сервиса», г. Уфа, доктор социологических наук*

Социальная реальность, насыщенная динамично сменяемыми событиями 2014 года, отражается в зеркале социологических опросов российской молодежи как период противоречивый, рискованный и остроконфликтный. Резонансные украинские и ближневосточные военные эксцессы и европейско-американские постсанкционные кризисы естественно, переживаются, обсуждаются и негативно оцениваются широкими слоями «передовой и отзывчивой» части молодежи. Так, в Республике Башкортостан, в среднем, это – каждый седьмой и даже восьмой из десяти опрошенных студентов вуза.

Российская молодежь, рожденная в постсоветском рыночном пространстве, воспринимавшая социальный мир без эха «холодной войны», столкнулась в реальности с тем, что циклы исторического развития общества, возможные угрозы, кризисы и конфликты закономерно повторяются, и практический опыт предшествующих поколений в вопросах установления внешних и внутренних государственных отношений между странами, между различными народностями и этнорелигиозными общностями во многом рационален и очень актуален. Опыт предков полезен для анализа и управления современной социальной реальностью и ее возможным дальнейшим генезисом.

В свое время А. Шюц утверждал и не без оснований, что в социальном мире следует проводить границу между социальной реальностью, которая может быть пережита непосредственно (нем. *umwelt* — «окружающий мир»), и социальной реальностью за пределами непосредственной видимости, которую

ещё не испытали. [1]. Социальная реальность есть результат целенаправленного или осмысленного человеческого поведения. Это «общая сумма объектов и явлений социального мира, каким он представляется обыденному сознанию людей, живущих среди других людей и связанных с ними многообразными отношениями взаимодействия», следовательно, это – повседневный мир, переживаемый и интерпретируемый действующими в нем людьми. [2], [3]. В своей научной монографии «Формирование понятия» А. Шюц утверждал, что социальная реальность есть содержание «жизненного мира» конкретного социального субъекта, «мир культурных объектов и социальных институтов, в котором все мы родились, внутри которого мы должны найти себе точку опоры и с которым мы должны наладить взаимоотношения» [4].

Кризис украинского общества, начавшийся как срежиссированный внешними силами майдановский протест против олигархического капитализма и против снижения уровня жизни населения, доведенный до высшей фазы социального конфликта – до войны под нацистскими «реанимированными лозунгами» со своими соплеменниками, живущими в Донецко-Луганском регионе стал важным своеобразным «славянским Рубиконом начала XXI века». Это – рубеж, который расколол не только украинское общество на прозападное и пророссийское, но и факт новой социальной реальности, в которой предстоит жить существовать теперь и российскому молодому поколению. Гражданская интернациональная позиция, патриотизм, ценность человеческой жизни, историческая память о героях-освободителях от фашизма, гуманизм и солидарность в трудных ситуациях, межэтническая и межрелигиозная толерантность, традиционные семейные ориентиры-все эти и многие другие социально – культурные императивы и социальные установки оказались под угрозой «внешнеамериканской девальвации», идеологической экспансии с целью насаждения манкуртизма среди славянских народов, в частности, и среди россиян в целом.

Так, позитивистская трактовка, выраженная в свое время Э. Дюркгеймом, предлагает рассматривать социальную реальность в виде социальных фактов, исключающих сознание индивидов. Идея социального факта как всякого способа действия, способного оказывать на индивида внешнее принуждение, как некоей «закономерности». Это мир, обладающий своей собственной жизнью, внешней и принудительной к индивиду [2]

Российская молодежь стала очевидным свидетелем новых сложных, противоречивых геополитических процессов, «срывающих маски» с мнимых друзей и партнеров российского государства и ее граждан. Холодные информационные войны на виртуальном пространстве, развязанные за умы российской молодежи и потенциальные угрозы разжигания «горячих, конфликтных точек» на российских границах представляют собой результат спланированной идеологической «черной пиар-атаки» на менталитет молодежи, функционально призванной, сохранять, защищать и возрождать Россию. Российская молодежь, живущая в столичных мегаполисах (естественно в большей мере) и живущая в «глубинках», как былинный богатырь стоит

перед противоречивым выбором. С одной стороны, информационная пропаганда предлагает как возможную реальность соблазны европейско-американского рыночного потребительского общества, с пищевыми и вещевыми изысками, но и с издержками, например, сексуальный либерализм; манкуртизм, неофашизм; а с другой – русская душа, ее духовность, присущая евразийская историческая память у правнуков великих солдат-освободителей, путешественников и первооткрывателей новых земель; патриотизм к малой родине, как реальность очевидная. В ситуации столь сложного выбора своей социальной позиции, безусловно, молодому поколению нужна институциональная идеологическая помощь, разная по степени воздействия, способная – укрепить уверенность в истинности позиции у тех, кто относится к типу «патриотической, устойчивой категории молодежи», или определить правильный ориентир для тех, кто еще «в поиске гражданской позиции». В условиях «информационных войн за молодое поколение», важно точно сформулировать и донести до широких масс идеологемму – XXI века. Во-первых, о том, что молодежь обязана понимать и помнить свою значимость для российского государства через открываемые и доступные лифты социальной мобильности в стране, устраняющие социальную напряженность и минимизирующие конфликтность. Во-вторых, что российское социальное государство готово защищать права и безопасность молодых граждан в условиях любой реальности с любыми потенциальными возможностями.

Нельзя не согласиться с получившими распространение теориями, рассматривающими социальную реальность во всем многообразии субъектно-объектных отношений. Социальная реальность выступает в виде взаимосвязи субъективного и объективного, общества (государства) и личности (Р. Бхаскар). Согласно ей, люди не творят общество; оно всегда предшествует им и составляет необходимое условие для их деятельности [2], [3]. Социальная реальность представлена как бы феноменом двух типов: а) то, что создано благодаря социальным действиям и взаимодействиям, б) собственно социальная реальность – это аналитически вычленяемая из всех явлений, охватывающих жизнедеятельность людей, система действий и взаимодействий между людьми. Социальная реальность отличается от социальной действительности тем, что в ней содержится также и возможное.

Наблюдаемая противоречивость и динамичность социальной реальности, ускоренный характер социальных процессов, происходящих в социуме, ускоряет возрастание роли личности в этих процессах [5].

Конструирование современной социальной реальности молодежного социума позволяет устанавливать причинно-следственные связи между отдельными социальными явлениями, в которых роль личности в истории, в системе управления обществом (государством), в подсистеме индивидуального самоуправления становится знаковой и символичной. Оценивая события «возвращения Крыма домой», преобладающее большинство студентов (79,9%) вузов РБ выделили особую государственную роль В. Путина Президента РФ и государственных лидеров Крымской республики, как символических лиц,

положительно изменивших реальность существовавших несправедливых границ, гражданства и восстановивших историческую справедливость.

Итак, научно-объективный анализ социальной реальности, например, российского общества в условиях европейских и американских санкций и информационных войн, через призму ювенального подхода, то есть молодежного понимания сущности проблем и происходящих социально-политических внешних и внутренних процессов, возможен только как синтез теорий индивидуалистской направленности (феноменологическая, экзистенциалистская, волюнтаристская (веберовская), конвенционалистская) и позитивистской направленности (дюркгеймовская, марксова, структуралистская, функционалистская, бихевиористская и др.). Все это позволит государственным лидерам учесть уроки современной реальности и управлять ее возможными последствиями. Во-первых, национальный вопрос продолжает играть важную роль в разжигании межнациональных конфликтов на постсоветском пространстве среди молодежи. Во-вторых, информационная холодная война, война разведок стран НАТО не была «свернута» после развала СССР, а остается важным средством в борьбе против России и лояльных к ней стран. В-третьих, фашизм вновь стал привлекательной идеологией для экстремистов и националистов как в Западной Украине, в Германии, так и за океаном. В-четвертых, «вестернизированное», дезориентированное псевдовоспитательное воздействие СМИ на молодое поколение позволило занять определенное место агентам социализации из самых опасных и сомнительных структур, беспрепятственно увлекшим молодежь в девиантно-делинквентные субкультуры, такие как боевики, экстремисты, псевдофанаты, неонацисты, национал-патриоты, сектанты, пайс-поставщики и т.д. Определенная часть молодежи уже является «потерявшимся и жестоким поколением», культивирующим насилие в обществе. В-пятых, полное забвение или необъективная, предвзятая критика своей истории, системы ценностных общечеловеческих ориентиров в угоду только национально-титულным приоритетам, а также забвение межнациональных отношений и фактов солидарности народов в прошлом, все это трансформирует систему нашего историко-культурного интернационального евразийского кода, становится идеологической нишей для разжигания нежелательных конфликтов между народами постсоветского пространства. В-шестых, олигархический капитализм с его накопительскими приоритетами, коррупционными подходами к жизни, с его пренебрежением к обычным гражданам актуализирует молодежные социально – протестные тенденции в любом современном государстве. В-седьмых, модернизация стран постсоветского пространства продолжает осуществляться «сверху», то есть под воздействием внешнего американско-европейского влияния и местной «компрадорской бюрократии и буржуазии», что в новых условиях может вызывать протестные движения молодых граждан. В-восьмых, современное государство будет признаваться высокоразвитым, если оно способно максимально себя обезопасить в природно-ресурсном, информационном, товарном, продуктовом обеспечении, а также в денежно-банковской сфере, в военно-стратегическом отношении своих молодых

граждан. В-девятых, актуализируется проблема интернационального и патриотического воспитания молодого поколения на всем постсоветском пространстве.

Литература

1. <http://ru.wikipedia.org/wiki>
2. http://mirslovarei.com/content_soc/socialnaja-realnost-10732.html
3. slovari-online.ru/word
4. <http://www.philosophydic.ru/socialnaya-realnost>
5. <http://parentalnotes.com/?p=439>

ФОРМИРОВАНИЕ КАРЬЕРЫ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА: ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ В ПРОЦЕССАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

С.А. Шовгеня,
*старший преподаватель
кафедры управления персоналом, НИУ «БелГУ»*

Трансформации, происходящие в современном российском обществе, ярче всего проявились в сфере труда. Данные изменения актуализировались ввиду её особой роли в жизнедеятельности отдельных индивидов и социальной системы в целом. Построение рыночной экономики, изменения в социальных институтах, в частности, институтах рынка труда и образования, приводят к трансформациям в системе трудовых ценностей и повседневных трудовых практиках различных социальных групп, особенно это касается такой значительной группы как молодежь.

Указанные изменения затрагивают все группы занятых, но особенно значимы они для группы молодых специалистов. Общие тенденции, присущие социально-трудовой сфере, обостряются в указанной группе в виду продолжающегося процесса личностного и профессионального становления. Так, наблюдается рассогласование структур рынка труда и рынка образовательных услуг. В частности, трудовая деятельность молодых специалистов осуществляется в специфических условиях состояния рынка труда и системы высшего образования, происходит значительное увеличение числа выпускников высших учебных заведений наряду со снижением качества и уровня их подготовки. Выпуск по ряду специальностей в несколько раз превосходит прогнозные оценки востребованности специалистов, а по другим специальностям отмечается обратная тенденция.

Особенностью является и то, что возможности профессионального и личностного развития молодых специалистов существенно ограничены диспропорциями в российской экономике, когда система работы с персоналом в высокодоходных добывающих производствах направлена на максимальное развитие личностного и профессионального потенциала молодых специалистов, а работа с молодыми кадрами в ряде бюджетных организаций,

или низкодоходных секторах экономики ограничивается лишь процедурами документооборота.

Изучение поведения различных групп в изменяющихся социально-экономических условиях с точки зрения стратегического анализа стало предметом многих исследований в отечественной социальной науке. Вместе с тем большинство из них относятся к периоду трансформации российского общества 90-х годов XX века. В указанных исследованиях предметом выступали адаптационные стратегии определенных социально-профессиональных групп, трудовые практики которых подверглись значительным изменениям при переходе от советского к постсоветскому обществу. В то же время неоправданно мало уделялось внимания трудовой деятельности молодых специалистов с учетом общественных трансформаций и специфики социального положения данной группы. Отдельно отметим, что традиционно гражданское общество понимается как сложноструктурированная плюралистическая система, основанная на полноте, устойчивости и воспроизводимости своих саморазвивающихся и самоуправляемых институтов, которая имеет внутренние источники развития, относительно независимые от государства. Системообразующая динамика функционирования институтов гражданского общества проявляется в феномене гражданской инициативы как осознанной и активной деятельности по защите интересов индивида, прав и свобод человека в пределах правовых ограничений. Уровень политико-правовой конфликтности при формировании институтов гражданского общества находится в зависимости от общественных настроений, в большинстве своем оппозирующих государству. Социально-экономическое измерение гражданского общества подчеркивает лояльность протестного поведения граждан, определяемую государственным вмешательством в регулирование рыночных отношений. Институциональный дизайн гражданского общества отражает специфику его внутреннего строения, многообразие и взаимодействие элементов, обеспечивающих целостность и динамизм развития. Структуру гражданского общества составляют различные типы субъектности (общности и объединения людей), меняющие поэтапно на протяжении своего исторического развития правовые и политические формы институционализации. Современное гражданское общество структурировано в рамках пяти основных систем, отражающих соответствующие сферы его жизнедеятельности: социумная, экономическая, политическая, духовно-культурная и информационная системы. Данная научная область нуждается в новых исследованиях, расширяющих и углубляющих ранее полученные результаты, позволяющих получить не только теоретические, но и практические выводы.

В процессах трансформации гражданского общества обеспечить высокую конкурентоспособность, какой бы то ни было корпорации, без партнерства с человеческим капиталом становится все более трудным делом для руководства корпораций. Привлечь в корпорацию и удержать в ней ответственных, работоспособных, высококвалифицированных и талантливых молодых людей – задача и обязанность руководителей корпорации, применяемой ими кадровой политики и менеджеров по персоналу.

Процессы глобализации, финансово-экономические кризисы, становление постмодернистского проекта общества только усиливают изменения в сфере труда в современном российском обществе, способствуя появлению новых ценностных ориентиров и новых трудовых практик. Меняются социокультурные основания трудовой деятельности через становление идеологием общества потребления и досуга, появляются новые модели занятости, в частности, множественная занятость, растет трудовая и профессиональная мобильность.

В контексте описанных масштабных трансформаций вопросы профессионального и личностного самоопределения являются одними из самых актуальных в жизни молодых специалистов. Подобный вывод делает необходимым изучение как условий формирования и реализации определенных моделей трудовой деятельности индивидов, так и самих моделей на микроуровне, на уровне действующих субъектов через обращение к их трудовым стратегиям.

Корпоративная культура, являясь регулирующим фактором, порождает ответственность, а способности людей создают конкурентные преимущества. В современных корпорациях становится хорошей традицией связанной с оказанием помощи молодым специалистам в планировании деловой карьеры. Процесс начинается с изучения молодыми специалистами самих себя, своих потребностей и стремлений в отношении желаемых должностей, уровня доходов и т.п. На этой основе с учетом перспектив организации, отрасли, в которой корпорация существует, объективных данных личного характера молодому специалисту вполне можно помочь сформулировать основные цели в планировании его карьеры.

Отметим, что система формирования карьеры состоит в определении целей развития карьеры и путей, ведущих к их достижению. Пути реализации целей развития представляют собой последовательность должностей, на которых необходимо поработать, прежде чем занять целевую должность, а также набор средств, необходимых для приобретения требуемой квалификации – курсов по профессиональному обучению, стажировок и т.д.

Данное сопоставление потенциальных возможностей, способностей и целей молодого человека требованиями организации, стратегией и планами развития, выражающееся в сопоставлении программы профессионального и должностного роста.

В целях оптимизации системы управления каждый молодой специалист может и должен быть включен в схему карьерного продвижения. Эта схема может быть составлена на ближайшие 3-5 лет с момента назначения на должность.

Развитием карьеры называются те действия, которые предпринимает молодой специалист как сотрудник для реализации своего плана.

Планирование и управление развитием карьеры требует и от него и от самой корпорации дополнительных усилий, включающих: представления молодому специалисту возможности профессионального роста, обеспечение более высокого уровня его жизни; более четкого определение личных профессиональных перспектив в организации; возможности целенаправленной

подготовки к более полной реализации будущей профессиональной деятельности; повышение конкурентоспособности его как сотрудника в рамках корпорации, и в сравнении за ее пределами.

Для молодого специалиста входящего в корпорацию и адаптирующегося в ней, необходимо дополнительно провести консультацию по общей схеме возможного развития его карьеры в системе данной корпорации. Сделав акцент на том, что основную ответственность за планирование и развитие собственной карьеры несет сам специалист. Руководитель корпорации, также как и руководители подразделений, выступают в качестве наставников или спонсора сотрудника. Поддержка необходима для успешного развития карьеры, поскольку руководитель соответствующего звена, каждый на своем уровне распоряжается ресурсами, управляет процессом организации всей деятельности трудового коллектива. Кадровая служба корпорации, службы управления персоналом играют роль консультантов и организаторов процесса развития карьеры сотрудников. Работая в системе данные службы стремятся решить две основные задачи, в том числе и для молодых специалистов, приступающих к работе, либо имеющих некоторый стаж: 1) сформировать заинтересованность сотрудников в развитии карьеры; 2) предоставить им инструменты для начала управления собственной карьерой.

В работе с молодыми специалистами в корпорации важным этапом является помощь в разработке плана развития карьеры.

План карьеры – документ, в котором представлен вариант профессионального развития и должностного перемещения сотрудника в рамках корпорации. План обычно включает в себя этапы профессионального развития сотрудника и наименование должностей, на которых могут быть проведены стажировка и временное исполнение должности, а также назначение и необходимые для этого мероприятия по его профессиональному развитию.

Сотрудник должен определить свои профессиональные интересы и методы их реализации, то есть должность, которую он хотел бы занять. При этом необходимо сопоставить возможности специалиста и его требования к интересующим должностям и определить, является ли данный план развития карьеры реалистичным. На данном этапе молодому специалисту необходима следующая помощь: консультирование; специальное тестирование для определения сильных и слабых сторон сотрудника, их потенциальных интеллектуальных возможностей.

Реализация плана развития карьеры в условиях корпорации зависит, в первую очередь, от самого работника. Ему самому необходимо строго выполнять весь набор средств, обеспечивающих успешную реализацию плана:

- важнейшей предпосылкой служебного продвижения в корпорации является успешное выполнение должностных обязанностей; случаи повышения не справляющихся со своими обязанностями сотрудников крайне редки;

- сотрудник должен не только пользоваться всеми доступными средствами профессионального развития, но и демонстрировать вновь приобретенные навыки, знания, зрелость;

- реализация плана развития карьеры в огромной степени зависит от эффективного партнерства с руководителем, так как именно он оценивает

работу сотрудника в занимаемой должности и его потенциал, принимает решение о продвижении и располагает ресурсами, необходимыми для развития молодого специалиста корпорации;

- для успешного продвижения сотрудника корпорация должна знать о его достижениях и возможностях, с учетом этого молодому специалисту надо ориентироваться в том, что это вполне выполнимо с помощью выступлений, докладов, отчетов и т.д.

Отметим, что план карьеры может быть краткосрочным, среднесрочным и долгосрочным.

При планировании карьеры молодому специалисту важно учитывать сроки, или стадии пребывания в должности.

Составляя план своей карьеры, молодой специалист должен иметь представление о том, что план составляется с учетом того, что оптимальное время нахождения специалиста в должности может находиться в пределах 4-5 лет. За этот срок молодой человек проходит несколько стадий своего роста. При этом важно учитывать, что по истечении этого срока у него может снизиться интерес к своему профессиональному развитию, что ведет к снижению трудовой отдачи.

Еще раз подчеркнем, что немаловажную роль в управлении карьерой молодого специалиста корпорации играет самоорганизация. Для успешного развития карьеры важна не только успешная работа органов управления корпорацией, но и личная инициатива работника. Знание своего интереса, своих способностей и возможностей – исходная позиция в служебной карьере. Ее укрепление требует от молодого специалиста своевременного дополнительного анализа по организации своих ресурсов. Некое инвестирование в них, чтобы они принесли наибольшую организационную прибыль и развивали служебное продвижение, а также дополнительные знания и консультации с опытными сотрудниками и наставниками в корпорации о том какие механизмы и когда использовать, чтобы обеспечить устойчивое продвижение. Собственно в названных факторах и содержится суть карьерной ориентации молодого специалиста пришедшего в корпорацию.

К негативным явлениям вполне можно отнести те факты, когда случается, что молодые специалисты, и в ряде случаев не только они, но и специалисты с определенным опытом и стажем работы, не знают своих перспектив на служебном поприще. Это свидетельствует о неудовлетворительной постановке работы с персоналом подразделений корпорации, отсутствии надлежащим образом организованной работы по планированию и контролю за осуществлением карьеры в организации, следствием чего является слабая мотивированность к профессиональной деятельности.

Вполне можно применить к нашему анализу следующие принципы постановки карьерной цели, в частности:

– привлекательность – выбор карьерной цели часто связывается с престижностью. Это условие нужно учитывать, но это положение должно быть привлекательно и в индивидуальном плане. В этом отношении оно должно соответствовать личным интересам, ценностям, представлениям, такой выбор

цели помогает увлечься ею и, следовательно, легче преодолевать трудности «черновой работы» при продвижении к ней;

- реальность – наиболее реальны цели профессионального продвижения и развития способностей к исполнению ближайшей в организационной иерархии должности;

- последовательная близость – дальность цели рассеивает устремления. Разбивка движения по этапам концентрирует усилия. Последовательная постановка задач приближает конечную цель;

- прогрессивность и последовательность – каждая из последующих подцелей должна предполагать наращивание способностей и возможностей. Если цель достигнута рывком, без обеспечения готовности к освоению нового положения, карьерный процесс теряет устойчивость;

- возможность корректировки цели – в процессе продвижения могут изменяться его мотивы. Двигаться к цели, жестко ориентируясь на исходные материалы, – торможение карьерного процесса;

- возможность оценки результативности – цель должна быть формализована и предполагать критерии оценки ее достижения. Соотнесение полученных результатов с поставленной ранее целью – основа оценки эффективности и дальнейшего планирования карьерного движения.

В условиях работы в корпорации, в связи с наличием и выбором жизненной стратегии стремление личности молодого специалиста выразить, осуществить, реализовать себя через профессиональные достижения (формальным закреплением которых выступает карьерное продвижение) является источником активности в профессиональной деятельности.

В выбранной профессии деятельность человека выступает как часть жизненной стратегии, т.е. индивидуальной организации, постоянной регуляции хода жизни по мере ее осуществления в соответствии с ценностями личности и ее индивидуальности направлений.

Развивая свою профессиональную деятельность, молодой специалист в корпорации, в соответствии со своей жизненной стратегией, достигая признания в ней в виде осуществления карьеры, испытывает чувство удовлетворения, которое поднимает его профессиональную деятельность на новый уровень, развивает ее мотивационную сферу, а также влияет на другие сферы индивидуальной жизни личности.

В теории труда, в трактовке сущности и функций труда «классики» рассматривают труд как рациональный, преимущественно материальный производительный, как единственную основу социальной структуры и имманентную характеристику человеческой жизни. Только труду присущи функции поддержания биологического существования индивида и нравственное оправдание человеческой жизни. В работах современных теоретиков труд не является однозначно рациональным, его суть состоит в производстве не только материальных, но и символических продуктов, он выступает одним из структурообразующих элементов общества. Функция нравственного совершенствования человека не является прерогативой труда, а может быть реализована и в культуре, или потреблении. Труд рассматривается

также через категорию занятости и указывается на множественность трудовых практик и норм.

Социологическое осмысление концепта «стратегия» ведется в русле дискуссии о природе стратегий, их осознанном или нерефлексируемом характере, наличии или отсутствии планирования, влиянии на стратегии определенных условий и ресурсов действующих агентов. Трудовая стратегия молодых специалистов является совокупностью и последовательностью действий, связанных с осуществлением трудовой деятельности. Её отличительными характеристиками выступают: относительно устойчивая совокупность действий в отношении работы и профессии, мотивация данных действий, ресурсы акторов и институты рынка труда как условия формирования и реализации данных стратегий. Данные характеристики дополнены указанием не только на совокупность, но и последовательность действий, и возможность в стратегии разных типов рациональности и планирования.

Трудовые стратегии молодых специалистов различаются по типу рациональности и типу планирования этапа обучения в вузе и трудовой деятельности, мотивации выбора вуза/специальности и мест работы, трудовым и личным ценностям, трудовым практикам, каналам трудоустройства и формируются в условиях институциональных правил разного типа организаций (компании с иностранным капиталом и бюджетные организации). Но типобразующими, ключевыми признаками, которые характеризуют массовые, распространенные трудовые стратегии выступают профессиональная мобильность, трудовая и профессиональная активность, вид каналов трудоустройства. Можно выделить три типа трудовых стратегий молодых специалистов: тип «просто работы», тип «смены профессии» и тип «социальных сетей». Чаще всего встречается тип трудовых стратегий молодых специалистов – стратегия «просто работы». Её представителей отличает работа по полученной в вузе специальности, использование как формальных, так и неформальных каналов трудоустройства, отсутствие активности в получении дополнительного образования, повышении квалификации или расширении должностных полномочий. Одним из внешних условий активности личности в профессии может выступать социальная оценка профессиональной деятельности в виде реальной возможности и практического воплощения карьерного продвижения, при этом важно, что удовлетворяются потребности личности специалиста в самоуважении и самореализации.

Таким образом, отметим активность молодого специалиста в профессии в условиях трансформации, происходящей в российском обществе, зависит как от внутренних предпосылок, так и от внешних условий. Различные комбинации внутренних и внешних условий (социально-психологических предпосылок) показывают, что последние превращаются в социально-психологические установки, ожидания и т.д.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ УСЛОВИЯМИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: МЕТОДИКА ОЦЕНКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

С.А. Боженков,
мэр г. Белгорода,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и управления,
БГТУ им. В.Г. Шухова

Необходимым условием успешного управления городом, как, впрочем, и любым другим муниципальным образованием, являются обратная связь с населением, учет состояния и динамики его социального самочувствия. Одной из технологий установления и поддержания такой связи, получившей широкое распространение в управленческой практике, является социальный мониторинг.

В данной статье освещаются методика и результаты мониторинга удовлетворенности населения условиями городской среды, который проводился в г. Белгороде в течение 2012 г. Институтом муниципального развития и социальных технологий (ИМРСТ).

Мониторинг проводился в четыре этапа (ежеквартально) в рамках реализации Стратегии развития города. В процессе эмпирической интерпретации «условий городской среды» было выделено десять «составляющих» (содержательных компонентов) этих условий, включая:

1. Предоставление муниципальной помощи.
2. Транспортное обслуживание.
3. Обеспечение условий для занятий физической культурой.
4. Получение общего образования.
5. Предоставление услуг ЖКХ.
6. Борьба с преступностью.
7. Обеспечение безопасности граждан.
8. Благоустройство города.
9. Развитие экономики города.
10. Создание архитектурного облика города.

Для оценки уровня удовлетворенности этими «составляющими» условий городской среды была предложена шкала: да – скорее да, чем нет – скорее нет, чем да – нет – затруднились ответить.

Результаты оценки по итогам мониторинга представлены в таблице 1.

Судя по полученным данным, наиболее высок уровень удовлетворенности населения «благоустройством города» и «созданием архитектурного облика города». Сравнительно высок уровень удовлетворенности «обеспечением условий для занятий физической культурой», «получением высшего образования» и «развитием экономики города». Невысок показатель удовлетворенности населения остальными

условиями городской среды и особенно «предоставлением услуг ЖКХ» и «транспортным обслуживанием».

Таблица 1

**Удовлетворенность населения условиями проживания в городе,
в % к числу респондентов**

№ № пп	«Составляющие» городской среды	Оценочная шкала					Не ответили
		Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудни лись ответить	
1	Развитие экономики города	34,3	29,2	26,8	5,2	5,2	4,5
2	Благоустройство города	63,4	28,6	5,6	2,2	-	0,2
3	Создание архитектурного облика города	66,1	24,6	2,8	2,4	-	4,1
4	Транспортное обслуживание	23,4	31,0	19,1	22,1	-	4,4
5	Предоставление услуг ЖКХ	27,3	24,0	21,7	17,9	8,2	0,9
6	Предоставление муниципальной помощи	25,2	29,6	16,7	18,1	-	10,4
7	Получение общего образования	35,4	33,4	10,3	2,2	15,0	5,7
8	Обеспечение условий для занятий физической культурой	38,0	29,8	5,6	2,4	22,0	2,0
9	Борьба с преступностью	23,2	26,9	14,9	13,3	20,6	0,1
10	Обеспечение безопасности граждан	26,4	26,9	15,4	12,9	17,5	7,1

В исследовании при оценке удовлетворенности для более полного анализа мнений респондентов использована шкала Лайкерта, предусматривающая не только полярные, но и промежуточные варианты ответов. Применение данной шкалы позволило вывести средневзвешенные коэффициенты удовлетворенности по каждой из обозначенных позиций. Максимально возможное значение коэффициента – «+1» (полная удовлетворенность), минимально возможное – «-1» (полная неудовлетворенность).

Определялся также индекс чувствительности респондентов к условиям городской среды по формуле $I_{\text{чвб}} = \frac{N_{\text{от}}}{N_{\text{оп}}}$, где $I_{\text{чвб}}$ – индекс чувствительности; $N_{\text{от}}$ – число респондентов, давших определенный ответ; $N_{\text{оп}}$ – число опрошенных респондентов, включая затруднившихся с ответом и не захотевших ответить.

В таблице 2 приведены средневзвешенные коэффициенты удовлетворенности населения условиями проживания в городе и индексы его чувствительности к этим условиям.

Таблица 2

Средневзвешенные коэффициенты удовлетворенности и индексы чувствительности населения к условиям проживания в городе

№№ п/п	Условия городской среды	Коэффициент удовлетворенности	Индекс чувствительности
1	Развитие экономики города	0,42	0,90
2	Благоустройство города	0,72	1,0
3	Создание архитектурного облика города	0,76	0,96
4	Транспортное обслуживание	0,07	0,96
5	Предоставление услуг ЖКХ	0,11	0,91
6	Предоставление муниципальной помощи	0,14	0,90
7	Получение общего образования	0,42	0,79
8	Обеспечение условий для занятий физической культурой	0,47	0,76
9	Борьба с преступностью	0,16	0,73
10	Обеспечение безопасности граждан	0,19	0,75

Наиболее высокую чувствительность проявляют респонденты к «благоустройству города», «созданию архитектурного облика города» и «транспортному обслуживанию». Заметно ниже индекс чувствительности к таким условиям городской среды, как «борьба с преступностью» и «обеспечение безопасности граждан».

Полученные данные обнаруживают тенденцию положительного восприятия белгородцами условий так называемого дальнего окружения (пространства) их обитания (благоустройство: архитектура, облик города, экономика). В то же время условия «ближнего окружения» (т.е. той среды, в которой непосредственно осуществляются социальные взаимодействия) удовлетворяют белгородцев сравнительно меньше.

Такое обстоятельство позволяет говорить о понятии «визуальной» *удовлетворенности*, связанном с положительным восприятием общего образа города. Высокий уровень «визуальной» удовлетворенности, на наш взгляд, является значимой предпосылкой для формирования бренда города и идеологии въездного туризма. При этом концептуальное обоснование бренда целесообразно основывать на следующих идеологемах:

- 1) Белгород – благоустроенный город, город комфорта;
- 2) Архитектура Белгорода имеет неповторимый стиль;
- 3) Белгород – самый чистый город России.

Анализ корреляционных зависимостей ответов от пола респондентов значимых различий не выявил. Корреляции по возрасту показывают, что наименее удовлетворенная условиями проживания в городе категория людей – респонденты в возрасте от 60 лет. По всем позициям уровень их удовлетворенности ниже, чем в остальных группах. Общий индекс удовлетворенности данной возрастной группы условиями проживания в городе

равен 0,19 (при среднем индексе 0,24). Отметим, что меньшая удовлетворенность старшего поколения городскими условиями по сравнению с более молодыми белгородцами не может способствовать преемственности традиций патриотического отношения к городу.

Вследствие данного обстоятельства, представляется важным акцентировать информационные усилия по трансляции достижений администрации города на пожилой целевой группе. Для этого *показательна, в частности, программа работы с пенсионерами, ориентированная на формирование городского патриотизма в данной социальной группе.*

Представляет интерес поэтапное сравнение показателей удовлетворенности населения условиями городской среды (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Динамика удовлетворенности населения условиями проживания в городе
(в средневзвешенных коэффициентах)**

№№ п/п	Условия городской среды	Март	Июнь	Сентябрь	Декабрь
1	Развитие экономики города	0,36	0,26	0,35	0,42
2	Благоустройство города	0,66	0,64	0,67	0,72
3	Создание архитектурного облика города	0,63	0,62	0,67	0,76
4	Транспортное обслуживание	0,24	0,42	-	0,07
5	Предоставление услуг ЖКХ	-0,14	-0,13	-0,05	0,11
6	Предоставление муниципальной помощи	-0,04	0,01	0,04	0,14
7	Получение общего образования	0,19	0,31	0,31	0,42
8	Обеспечение условий для занятий физической культурой	0,29	0,44	0,40	0,47
9	Борьба с преступностью	0,07	-0,02	0,07	0,16
10	Обеспечение безопасности граждан	0,13	0,01	0,11	0,19
Индекс удовлетворенности населения условиями проживания в городе		0,24	0,26	0,28	0,34

Положительная динамика показателей удовлетворенности прослеживается почти по всем позициям (условиям), за исключением «транспортного обслуживания». Рассмотрим эту динамику применительно к каждому из осуществляемых условий.

1. *Повышение удовлетворенности развитием экономики города*, по нашему мнению, связано, прежде всего, с ростом материального благосостояния населения. В течение 2012 года валовой муниципальный продукт возрос на 10,7%, средняя зарплата повысилась на 13,7% и составила 24 тыс.руб. В городе было создано более 6 тысяч новых рабочих мест. Уровень безработицы сократился с 1,25 до 0,89 процента от численности экономически активного населения, что почти в 2 раза ниже, чем в среднем по России.

Следует отметить также, что по итогам 2012 года сумма инвестиций по крупным и средним предприятиям увеличилась на 109,1%.

2. *Рост удовлетворенности предоставлением услуг жилищно-коммунального хозяйства* связан с решением оперативных и стратегических задач по реализации муниципальной политики в сфере ЖКХ:

- оперативные: организация работ по проведению систематической уборки территорий муниципального образования и их поддержка в надлежащем состоянии;

- стратегические: инфраструктурная готовность системы ЖКХ (успешная подготовка к отопительному сезону и своевременная подача тепла в жилые дома).

За 2012 год заменено около 11 километров систем теплоснабжения, реконструирован 101 километр ветхих электросетей, построено 7,5 километров магистрального водовода. В итоге индекс надежности систем жизнеобеспечения города достиг значения 0,988, в то время как в предыдущем году он составлял 0,982.

3. *Рост удовлетворенности реализацией условий для занятий физкультурой и спортом* связан, прежде всего, с положительными тенденциями, относящимися к строительству и модернизации спортивных сооружений. Расширяются возможности для занятий массовым спортом белгородцев всех возрастных групп. В жилых микрорайонах города обустроены спортивные площадки для самостоятельных занятий физической культурой и спортом. Также развивается спортивная инфраструктура парков и зон отдыха. В настоящее время действуют 46 открытых катков с пунктами проката. По данным социологических опросов, почти половина белгородцев в возрасте до 50 лет регулярно занимается физкультурой и спортом, 70% дошкольников и 53% учащихся школ систематически посещают спортивные кружки и секции.

4. Переходя к рассмотрению тенденции роста *удовлетворенности населения организацией медицинской помощи*, отметим, что услуги как медицины, так и сферы ЖКХ, являются по большей части платными, при этом цены (тарифы) растут, что само по себе снижает общую удовлетворенность от их предоставления. Далее, удовлетворенность медицинскими услугами является не «визуальной», а скорее «тактильной» – их непосредственно получает большинство горожан, а следовательно, уровень претензий к предоставлению намного выше. Так, именно поэтому наиболее низкий уровень удовлетворенности медицинской помощью среди постоянных потребителей услуг – людей старше 60 лет (29,3% опрошенных этой категории не удовлетворены оказанием медицинской помощи, в то время как среди людей до 30 лет неудовлетворенных 17,4%). И еще одно важное обстоятельство. Качество предоставления услуг медицинской помощи и ЖКХ в подавляющем большинстве случаев оценивается на собственном примере, а не с точки зрения города в целом (как, например, в отношении удовлетворенности развитием экономики или архитектурным обликом).

Что касается самого роста удовлетворенности горожан медицинским обслуживанием, то данная тенденция связана:

- с вводом в действие новых медицинских учреждений;
- с улучшением оснащенности имеющихся учреждений;
- с повышением компетентности специалистов;
- с налаживанием системы профилактики заболеваемости;
- с содействием формированию здорового образа жизни и, в частности, реализацией проекта «Некурящий город».

Благодаря предпринятым мерам, в 2012 г. удалось добиться снижения заболеваемости среди взрослого населения на 4%, а среди детей – на 10, 3%.

5. Довольно устойчив тренд *роста удовлетворенности населения качеством общего образования*, что связано, на мой взгляд, со следующими изменениями:

- совершенствование материально-технического обеспечения школы;
- индивидуализация обучения;
- повышение заработной платы и урегулирование механизма материального стимулирования;
- увеличение количества часов для работы с одаренными детьми;
- внедрение положительного опыта работы педагогов других школ и городов.

6. Обращаясь к динамике показателей *удовлетворенности населения обеспечением безопасности и борьбой с преступностью*, отметим, что на первом этапе мониторинга (март) были получены довольно низкие значения этих показателей (соответственно 0,13 и 0,07), что свидетельствовало об угрозах, во-первых, восприятия города как небезопасного, а во-вторых, потери доверия правоохранительным органам.

Таким образом, перед Комитетом обеспечения безопасности жизнедеятельности населения города совместно с силовыми структурами стояла задача решать данную проблему с двух сторон: имиджевой (удовлетворенности обеспечением безопасности) и практической (удовлетворенности борьбой с преступностью).

Можно предположить, что динамика вышеуказанных показателей связана с процессами осознания и принятия. Поясняем, что российское общество по своему менталитету является преимущественно традиционалистским. Это, в свою очередь, накладывает определенный отпечаток на все социальные преобразования. На начальном этапе проводимых в стране реформ населением они зачастую воспринимаются отрицательно, поскольку нарушают устоявшийся образ жизни, вторгаясь в привычную социальную реальность. Однако спустя некоторое время общество начинает осознавать целесообразность их реализации за счет рефлексивной оценки уже полученных результатов. В отношении реформы МВД это подтверждается результатами проведенных в течение года социологических замеров. Если на предыдущих этапах удовлетворенность населения обеспечением безопасности и борьбой с преступностью была невысокой (что как раз-таки свидетельствовало о неприятии гражданами нововведений в этой сфере, обусловленное консервативным мышлением), то уже в декабре степень

удовлетворенных безопасностью и борьбой с преступностью белгородцев выросла (53,3% и 50,1% соответственно).

Таким образом, результаты исследования позволяют утверждать, что в настоящее время созданы предпосылки, благоприятно влияющие на ход реформы МВД, и позволяющие достигнуть основную цель реформы – примирение общества и правоохранительных органов, их консенсус и взаимное сотрудничество ради устойчивого демократического развития России.

Помимо диагностированной положительной динамики социальных показателей, мониторинг зафиксировал также снижение удовлетворенности населения организацией транспортного обслуживания. Это снижение могло быть обусловлено, в первую очередь, сезонными погодными условиями.

Первый снегопад 13 декабря 2012 года показал, что коммунальные службы оказались недостаточно готовы к тому, чтобы предпринять оперативные меры по уборке снега с улиц города. Белгородцы, по их собственному признанию, вынуждены были проводить большое количество времени в пробках на дорогах, что приводило к массовым опозданиям на рабочие места. Также в эти дни было тяжело найти место для парковки автотранспорта. Это вызвало волну возмущений и негодований со стороны жителей города. Так, контент-анализ «черного списка» информационного агентства «БелРу» с 13 по 18 декабря 2012 года зафиксировал более 30 жалоб белгородцев, касающихся неудовлетворительной работы «Белгорблагоустройство» и УК/ТСЖ. Ни одна другая тема не собрала столько негативных высказываний.

Подводя итог анализу представленных в статье данных, можно заключить, что общая удовлетворенность белгородцев условиями городской среды в настоящее время находится на достаточно высоком уровне и имеет положительную динамику. Вместе с тем, изменение некоторых показателей связано с фактором сезонности, в частности, организация транспортного обслуживания.

ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННАЯ ОСНОВА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Ю.В. Березутский,

*начальник отдела организации и координации научных исследований
Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская
академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
РФ», г. Хабаровск, кандидат социологических наук, доцент*

Ценностно-мотивационная основа жизнедеятельности молодой семьи определяет не только вектор направленности этой жизнедеятельности, но и формирует социализационные механизмы их воспроизводства на новые поколения. С социологической точки зрения, в основе преемственности как базового элемента воспроизводства лежит идентификация молодежи с такими

общеэзначимыми социокультурными образцами, как нормы, ценности, исторически сложившиеся традиции [1].

Поскольку молодая семья является главным индикатором того, что вообще происходит с семьей в обществе как социальным институтом, то одним из основных методов оценки ее состояния выступает социологическая оценка ее ценностно-мотивационных характеристик. Социологическая оценка духовно-нравственных и ценностно-мотивационных характеристик молодой семьи позволяет сформировать общее представление и понимание специфики функционирования и потенциала развития современного института молодой семьи, понять векторы и направленность этого развития, определить перспективы ее участия в социальном воспроизводстве и многое другое. Поскольку именно ценности являются устойчивой мотивационной основой поведения личности в обществе [2].

Анализ ценностно-мотивационных характеристик молодых семей позволяет уловить значимые для их развития социальные характеристики, оценить их изменения, сконцентрировать внимание на наиболее значимых проблемах и путях их решения в региональном измерении. Определенное представление о динамике изменений этих характеристик молодых семей дают результаты социологических исследований, проведенных в Хабаровском крае [3].

По данным социологического исследования основополагающие характеристики семейных отношений в оценках молодых семей не претерпели существенных трансформаций во времени. Они воспроизводятся в новых поколениях российских семей, где, по мнению одной трети опрошенных, важные семейные проблемы решаются сообща (35,4%) и еще трети (37,1%) – в семье преобладает доверие и взаимопомощь. В то же время для каждой четвертой молодой семьи (25,1%) характерны элементы деструктивного влияния, как на межличностные взаимоотношения, так и на процесс воспитания детей (каждый живет сам по себе, жесткий контроль родителей за детьми, родители не заботятся о детях и др.). Наряду с этим потенциал преемственности семейных отношений в молодых семьях по отношению к семьям родителей невысок: лишь 50,3% молодых семей хотели бы, чтобы их семья была похожа на семью их родителей.

Духовно-нравственный потенциал молодой семьи формирует социальную атмосферу, в которой протекают процессы социализации детей. Семейные конфликты, споры, грубость и прочее формируют у детей деформированное представление о семье, воспитании детей, семейных ценностях. Безусловно, семейные проблемы порождают семейные конфликты, которые влекут за собой искажение социальных и гендерных стереотипов поведения в семье, которые ребенок «перенесет» во взрослую жизнь [4].

Сравнивая результаты исследования (1996 г. и 2013 г.), следует отметить, что духовно-нравственный потенциал молодых семей (с позиций взаимного уважения и понимания супругами друг друга) хотя и не является доминирующим, но все же значительно вырос (с 27,6% до 45,4% от числа опрошенных) (табл. 1).

**Характеристика взаимоотношений между молодыми супругами
(в процентах от числа опрошенных)**

Характеристика	1996 г.	2007 г.	2013 г.
Мы имеем много общих интересов, понимаем друг друга, стараемся помогать и не огорчать друг друга	27,6	33,5	45,4
Не всегда понимаем друг друга, иногда бывают конфликты, но мы стремимся сохранять в семье мир и хорошие отношения	45,7	57,0	46,4
Мы очень часто не понимаем друг друга, нередко общаемся в силу необходимости	3,7	4,6	4,0
Полностью отсутствует взаимопонимание, нет общих интересов, часто ссоримся	1,6	2,1	2,0
Затрудняюсь ответить	4,5	2,8	2,2

В то же время конфликтность молодых семей достаточно высокая. Только 37% опрошенных отметили, что конфликты в их семьях практически не возникают. В значительной части молодых семей (43%) дети становятся свидетелями ссор родителей, причинами которых в большинстве своем выступают бытовые проблемы (63,0%), финансовые проблемы (40,9%), отсутствие взаимопонимания (22,6%), алкоголь (19,5%), жилищные проблемы (18,3%), разногласия по поводу воспитания детей (16,3%), взаимоотношения с родителями, родственниками, друзьями (10,2%).

Все эти проблемы оказывают свое влияние и на демографический потенциал молодых семей, выраженный в показателях разводов. При этом в каждой третьей молодой семье (31,8%) часто или же иногда возникают мысли о разводе.

Безусловно, в современном российском обществе сложное экономическое и материальное положение молодых семей, как следствие – бытовые проблемы, которые выступают условиями внутрисемейных конфликтов, наносят ущерб воспитанию детей. Не случайно молодые супруги чаще всего обсуждают вопросы текущих расходов и бытовых проблем (72,0%), вопросы о работе (50,4%). Вопросы же воспитания детей обсуждает менее половины (46,2%) молодых семей.

Результаты исследования выявили некую симптоматичную особенность, произошедшую за исследовательский период (1996-2013 гг.), проявившуюся в смещении воспитательной и рекреационной функций молодой семьи. Если в 1996 г. вопросы воспитания детей занимали 2 место (35,8%) в обсуждении супругов после бытовых проблем (51,7%), то уже в 2013 г. обсуждение вопросов воспитания детей ушло на 4 позицию (46,2%) после обсуждения бытовых проблем (72,0%), вопросов отдыха и досуга (51,4%) и вопросов о работе (50,4%) (табл. 2).

**Наиболее часто обсуждаемые вопросы в молодых семьях
(в процентах от числа опрошенных)**

Вопросы	1996 г.	2007 г.	2013 г.
1. Воспитание детей	35,8	53,8	46,2
2. Текущие расходы, хозяйственно-бытовые проблемы	51,7	73,9	72,0
3. Взаимоотношения с друзьями, соседями	30,7	30,4	35,9
4. Вопросы о работе	9,7	49,8	50,4
5. Отношения с родителями, родственниками	35,8	35,4	37,6
6. Проведение семейного досуга	27,4	42,3	51,4
7. Проблемы политики, общественной жизни	6,0	10,2	15,2
8. Другое	-	2,8	4,7

Рождение ребенка при незапланированной беременности или аборт – это серьезная духовно-нравственная и этико-правовая проблема современного российского общества. До сих пор общество не может прийти к единому видению и решению данной актуальной проблемы. В то же время, рассматривая проблему абортов с социальных позиций, важно отметить, что в молодых семьях они серьезно влияют на репродуктивное здоровье женщины, ее способности к деторождению здорового поколения.

Морально-этические проблемы аборта не менее остро стоят в нашей стране. Отчетливо прослеживаются противостояние религиозной и либеральной концепций на допустимость аборта и четкость позиций медицинской этики. Общественная мораль, безусловно, отражает в себе противостояние по проблеме аборта различных религиозных конфессий. В то же время она все больше опирается на так называемые реальные, демократические ценности, в основе которых лежат автономия и самоопределение личности, право и свобода выбора на согласие и отказ от медицинского вмешательства [5]. С этих позиций с 2007 г. по 2013 г. сохраняется тенденция отрицательного отношения молодых семей к абортам: лишь порядка 10% опрошенных женщин согласны на аборт, 60% – будут рожать, каждая третья – затрудняется с ответом (потенциально это семьи, готовые сделать аборт).

Взрослые своей нравственностью играют главную роль в формировании социально направленной личности детей, как носители моральных и идейных ценностей и ценностных ориентаций общества. Исследователями установлено определяющее влияние идеалов на нравственное становление личности. Суть такого влияния заключается в том, что формируемый в результате целенаправленного педагогического воздействия обобщенный образ человека, становясь привлекательным для личности, побуждает ее к самовоспитанию и самосовершенствованию [6].

В то же время результаты опроса молодых семей свидетельствуют об ограниченности такого воздействия на детей, поскольку по самооценкам менее половины супругов (42,5%) согласны, что их поведение и поступки могли бы

стать образцом для подражания. Лишь две трети опрошенных (69,3%) отметили, что их поступки и действия не нарушают принятых в обществе норм и правил. Каждый третий молодой семьянин (27,0%) ради достижения своей цели готов поступиться принятыми нормами этики и морали. Все это свидетельствует о существенной деформации духовно-нравственного потенциала молодых семей, правовой культуры, норм этики и морали в целом у молодежи, в том числе семейной. Именно этот духовно-нравственный потенциал молодых семей будет ими транслироваться в процессе социализации подрастающего поколения.

Различные социологические исследования свидетельствуют о преобладании молодежи в отношении ненормативности ее сознания и поведения. Наследуя образцы ненормативного сознания и поведения от старших поколений, молодежь также считает допустимым для себя употребление нецензурных выражений, алкогольных напитков, воровства, получение взятки, уклонение от уплаты налогов и др. Так, у молодежи средний показатель ненормативности ее сознания, рассчитанный на основе оценок допустимости различных асоциальных явлений составляет 51,1%, у представителей среднего возраста – 49,0% и старшего – 36,7 % [7].

Ценности и ценностные ориентации – сложные психологические феномены, характеризующие направленность и содержание активности личности, являющиеся составной частью системы отношений личности, а также определяющей общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам. Исследование ценностно-мотивационного потенциала молодых семей крайне актуально с позиций их трансляции будущим поколениям.

Ранжирование ценностей, присущих молодым семьям, по целям и средствам (согласно методике изучения ценностных ориентаций М. Рокича) вновь подтвердило, что молодые люди сегодня ориентируются, в основном, на общечеловеческие ценности личного счастья. Рейтинг и значимость ценностей молодежи за период с 2007 по 2013 гг. полностью идентичен, что свидетельствует об устойчивости ценностных представлений молодежи. Пять самых важных ценностей-целей для молодых семей Хабаровского края – это здоровье (79,5% в 2007 г. и 72,0% в 2013 г.), счастливая семейная жизнь (72,9% в 2007 г. и 69,3% в 2013 г.), материально-обеспеченная жизнь (61,4% в 2007 г. и 58,5% в 2013 г.), любовь (58,0% в 2007 г. и 52,0% в 2013 г.) и интересная работа (43,3% в 2007 г. и 39,3% в 2013 г.).

Наименее значимыми ценностями по-прежнему являются социально-значимые ценности: «счастье других» (6,9%), «общественное признание» (8,4%), «творчество» (5,2%), «красота природы и искусства» (5,4%). Они для современной молодежи не имеют особого значения. Таким образом, результаты нашего социологического исследования свидетельствуют о доминировании в ценностных оценках молодых семей личностных и материальных факторов.

В то же время, следует отметить серьезные противоречия в ценностно-мотивационном потенциале молодых семей. Они проявляются в рассогласованности декларации ценностных ориентиров и реального поведения

молодежи. Как отмечает Вал. А. Луков «институциональные изменения по мере установления новых обстоятельств жизни человека и общества не могут не вести к изменениям в важнейших характеристиках молодежи как социальной группы» [8].

Одно из главных противоречий выявлено между декларированием здоровья как главной ценности, декларированием ведения здорового образа жизни в самооценках представителей молодых семей и реальными действиями по ведению здорового образа жизни, поддержке своего здоровья. Кроме распространенности вредных привычек, о которых отмечалось выше, среди молодежи, выбирающей ценность «здоровье» курят 53,3% опрошенных, употребляют алкоголь с разной периодичностью 89,2%, лишь 28,0% делают ежедневную зарядку, лишь каждый пятый (18,4%) в целях профилактики заболеваний проходит профосмотр, лишь каждый четвертый (23,9 %) придерживается здорового питания. Все это ничто иное, как ярко выраженные характеристики отсутствия осознанного выбора здорового образа жизни, как важнейшего условия комфортной жизни, активного долголетия и полноценного выполнения социальных функций: участия в трудовой, социальной, семейно-бытовой, досуговой и других формах жизнедеятельности.

Как при формировании любой социальной потребности, каковой является здоровый образ жизни, особую роль оказывают сформированные в обществе культурные стереотипы («в здоровом теле – здоровый дух», «здоровая нация» и др.). Именно их необходимо тиражировать, используя информационные инструменты, прежде всего, социальную рекламу, Интернет и социальные сети, телевидение. Необходимо на уровне сознания и поведения у молодых людей формировать культуру и ценность ведения здорового образа жизни.

Ценность «счастливая семейная жизнь» занимает вторую по значимости позицию после «здоровья» и значима для двух третьих молодых семей. Однако корреляционный анализ позволяет оценить противоречивость ценностных установок молодежи Хабаровского края и реальных результатов их воплощения. Так, 17-летним респондентам было предложено ответить на проективные вопросы: «Каким бы Вы хотели видеть себя через 10-15 лет?», а 24-летним: «Каким бы Вы хотели себя видеть через 5 лет? ». В ответах 29-летней молодежи на вопрос: «Какой Вы сейчас?» отражается реализация ценностных ориентаций. Если респонденты двух возрастных групп (17 и 24 лет) в 70% случаев видят себя в будущем «человеком, у которого крепкая семья и хорошие дети», то лишь около трети 29-летних эту ценность реализуют [9].

Третьей по степени значимости для молодых семей отмечена ценность «материально-обеспеченная жизнь». Основное социальное противоречие выявлено между желанием молодых семей быть материально независимыми и возможностями достижения этого в существующих социально-экономических условиях развития территории. Следует констатировать, что в современных российских условиях наличие детей в молодых семьях является фактором, снижающим уровень их жизни. Как отмечает Л.С. Ржаницына «общим является то, что материальное положение молодых семей с детьми хуже, в связи с чем в них повышенная доля бедных, чем в остальных молодых семьях» [10].

Общие оценки молодых семей отражают невысокий уровень их материальной обеспеченности. Каждый пятый опрошенный (20,5%) относит свою молодую семью к категории «обеспеченных», менее половины опрошенных (40,5%) «усреднили» уровень своей материальной обеспеченности, еще треть (29,7%) отнесли себя к категории «малообеспеченных». В целом, по результатам нашего исследования можно сделать вывод о том, что к среднему классу условно можно отнести одну из четырех опрошенных молодых семей, среднедушевой среднемесячный доход в которых выше 30 тыс. руб. Сложившиеся несовпадения в ожиданиях молодежи от жизни (стремлении к материально обеспеченной жизни) и их реальном воплощении свидетельствуют о том, что социально-экономические условия Хабаровского края не позволяют в полной мере их реализовать. Одним из путей выходов молодежь видит в поиске лучших условий за пределами региона, что зачастую обманчиво. Как отмечает Т.А. Гурко «формирование и воспроизводство семей среднего класса пока еще весьма проблематично» [11].

Не случайно, что главным предметом обсуждения в трех из четырех молодых семьях сегодня являются не вопросы взаимоотношений, не вопросы воспитания детей, а вопросы текущих расходов и хозяйственно-бытовых проблем (табл. 3).

Таблица 3

**Наиболее частые вопросы, обсуждаемые в молодых семьях
(в процентах от числа опрошенных)**

Обсуждаемые вопросы	1996 г.	2007 г.	2013 г.
Воспитание детей	35,8	53,8	46,2
Текущие расходы, хозяйственно-бытовые проблемы	51,7	73,9	72,0
Взаимоотношения с друзьями, соседями	30,7	30,4	35,9
Вопросы о работе	9,7	49,8	50,4
Отношения с родителями, родственниками	35,8	35,4	37,6
Проведение семейного досуга	27,4	42,3	51,4
Проблемы политики, общественной жизни	6,0	10,2	15,2

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о проблемах состояния ценностно-мотивационных основ жизнедеятельности молодых семей как фактора развития Хабаровского края. Ценностные представления семейной молодежи находятся в противоречии с их поведением, а также с возможностями их достижения (реализации) в современных региональных условиях. В то же время, такие региональные особенности молодежного сознания во многом идентичны с сознанием в целом и российской молодежи (согласно данным общероссийских исследований). Это лишний раз подтверждает определяющую роль общесистемных факторов социализации молодого поколения, необходимость создания регулирующих условий повышения уровня и качества жизни молодых семей.

Литература

1. Зубок Ю.А. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе / Ю.А. Зубок, Т.И. Яковук. – Брест: Альтернатива, 2008. – С. 33.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – С. 122.
3. Исследование «Потенциал молодых семей как фактор социально-экономического развития региона (на примере Хабаровского края)». Социологический мониторинг проведен специалистами Дальневосточного института – филиала РАНХиГС в 1996 г. (n=600), в 2007 г. (n=640) и в 2013 г. (n=612). В исследовании использовалась квотная выборка, данные репрезентируют структуру молодых семей по трем признакам: по территории проживания в разрезе муниципальных образований Хабаровского края, по полу и возрасту опрашиваемых. Научный руководитель – д-р социол. наук, профессор Н. М. Байков.
4. Кучмаева О.В., Марыганова Е.А., Петрякова О.Л., Синельников А.Б. О современной семье и ее воспитательном потенциале // Социологические исследования. – 2010. – №7. – С. 54.
5. Аборт как этико-правовая и медико-социальная проблема. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=1337 (дата обращения: 25.10.2013).
6. Воспитание у детей отношения к взрослому как образцу для подражания. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.animatsuri.org/vospitanie-u-detey-otnosheniya-k-vzrosloму-kak-obraztsu-dlya-podrazhaniya.html> (дата обращения: 25.10.2013).
7. Березутский Ю. В. Динамика состояния нормативности сознания молодежи в региональном измерении // Социология власти: журнал Социологического центра РАГС. – 2010. – № 4. – С. 94-100.
8. Луков В.А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. – 2012. – №2. – С. 25.
9. Березутский Ю. В. Социальный облик молодежи: динамика ценностных ориентаций // Власть и управление на Востоке России. – 2013. – № 3. – С. 139.
10. Ржаницына Л.С. Молодые семьи с детьми: кто такие, как живут, чего хотят // Социологические исследования. – 2011. – №3. – С. 87.
11. Гурко Т.А. Россия: социальная политика в отношении молодых родителей // Власть. – 2008. – №6. – С. 14.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Т.В. Белых,
*доцент кафедры социологии
и организации работы с молодежью
Института управления НИУ «БелГУ»*

Демографическая ситуация, в которой находится наша страна сейчас, сложилась не в один момент. Это результат довольно длительной трансформации института семьи, изменения семейных ценностей. Рождаемость в России начала снижаться не сегодня, и даже не в 90-х годах XX в., этому процессу уже около 100 лет, и начался он в конце XIX в. Соответственно меняется структура семьи, снижается ценность семьи и семейного образа жизни.

Происходящие с семьёй изменения различные учёные трактуют двояко:

– либо как кризис семьи (крайне негативное явление, с которым, однако, можно бороться),

– либо как трансформацию института семьи (необратимый всеобъемлющий процесс, имеющий в том числе и положительные стороны).

Институт семьи включает в себя не только семейную структуру населения, но и направленность образа жизни людей. Под воздействием исторических изменений в отношениях между социальными институтами в обществе происходит трансформация роли социального института семьи в преобразовании основ общественной жизни. Современное российское общество переживает динамичные преобразования социальных отношений, в ходе которых изменяются образцы тендерных взаимодействий, брачно-семейных отношений, роли и статусы мужчин и женщин в обществе и в семье, системы ценностей. Развитие института семьи в России на современном этапе частично повторяет путь развитых в экономическом отношении стран: увеличение количества разводов, внебрачных рождений, развитие альтернативных форм семьи (монородительские семьи, незарегистрированный брак), уменьшение количества детей в семьях, эмансипация женщин и детей. Эти процессы на сегодняшний день характеризуют развитие института семьи в большинстве стран мира.

Кризис семьи во многом объясняется утратой или недостаточным выполнением семьёй её традиционных функций: репродуктивной, экономической, воспитательной, досуговой и психологической (коммуникативной).

Ценностный конфликт личности и общества относительно рождения и социализации детей, выливающийся в невыполнение репродуктивной и социализационной функций семьи, сопровождающийся ослаблением семьи как союза родственников (процесс нуклеаризации), союза родителей и детей (процесс конъюгализации и девальвации семьи, детей, родительства), союза супругов (процесс индивидуализации, автономизации Я), ослаблением триединства родства – родительства – супружества из-за исчезновения семейного производства, совместной деятельности родителей и детей (процесс замены семьецентризма эгоцентризмом), и может быть определён как кризис семьи.

Для любого общества институт семьи и умение поддержать его имеет первостепенное значение, поскольку страны, в которых были крепки моральные и семейные устои процветали также и в экономическом плане.

Трансформацию семьи иллюстрирует такой показатель, как изменение структуры семьи:

– массовая нуклеаризация семьи, уменьшение доли семей, состоящих из трёх поколений, увеличение доли престарелых одиночек, получающих уход вне семей их взрослых детей.

– снижение брачности и увеличение доли регистрируемых сожительств и удельного веса детей, рождённых вне брака, увеличение доли неполных семей, распространение повторных браков мужчин и в меньшей степени женщин и соответственно семей, где один из родителей не является кровным и воспитывает «чужого» ребёнка, увеличение доли семей смешанного типа, где имеются дети от повторного брака и от первых браков каждого из супругов.

Согласно данным переписи 2010 года среднестатистической российской семьей является семья с двумя родителями, состоящими в браке и одним ребенком (67%). В последние годы растет число бездетных семей. Каждая третья семья является бездетной. Общее число семей с несовершеннолетними детьми по данным переписи по сравнению с 2002 г. сократилось на 17,7%. На 2,4% снизилось и общее количество семей. В сравнении с 1996г. доля неполных семей выросла в 2,5 раза. Распадается практически каждый второй брак [1]. Статистика 2011 года свидетельствует, что на 1000 браков приходится 509 разводов, в 2012 году – 529. Видимо не найдя должной поддержки на этапе формирования, в том числе и со стороны государства, 60% семей распадается в первые 5 лет совместной жизни [2]. Преодоление кризиса невозможно без помощи государства, то есть без мер семейной и демографической политики.

Принципиальная особенность семейной политики заключается в воздействии на функционирование института семьи не прямо, а опосредованно, через формирование системы норм и ценностей, поведение, через принятие решений в сфере брака, семьи, рождения детей, выбора профессии, сферы занятости, места жительства. Меры семейной политики воздействуют как на формирование потребностей в семейном образе жизни, значимости семейных ценностей, обуславливающих специфику жизнедеятельности семьи, так и на создание условий для их реализации.

Мероприятия, направленные на укрепление института семьи, должны носить комплексный характер, включать не только меры экономической поддержки. Полагаем, что для достижения эффективного результата семейная политика должна реализовываться в организационно-идеологической сфере, в области информационной политики и СМИ; в области жилищной и градостроительной политики; в области здравоохранения; в области образования; в области улучшения социально-экономических условий и повышения уровня жизни. Ключевым стержнем реализуемых мер должна быть направленность на повышение престижа семьи и семейного образа жизни.

Важнейшим инструментом эффективной семейной политики является технология формирования позитивного имиджа российской семьи – эмоционально-окрашенного образа-представления, которое содержит стереотипное ядро, объединяющее в себе наиболее значимые характеристики семьи, раскрывающие ее воспитательный потенциал, личностные особенности и эмоциональное восприятие членов семьи, особенности семейной ситуации, потенциал жизнеспособности и социальный статус. Структуру имиджа института семьи можно представить в виде системы компонентов: центральным элементом выступают семейные нормы и ценности, под воздействием которых формируются следующие элементы: состав и структура семьи, уровень жизни семьи, образ жизни семьи, психологический микроклимат.

Конечная цель формирования имиджа института семьи – это закрепление в сознании граждан положительного образа института семьи. Под позитивным имиджем института семьи можно понимать образ семьи, которая функционирует как жизнеспособная система, состоящая из супружеской пары

биологических родителей и имеющая не менее двух собственных детей, которым обеспечены адекватные социально-психологические условия развития. Основой функционирования такой системы выступают «традиционные» семейные нормы и ценности: материальная и духовная ответственность мужчины за свою семью, его труд и руководство жизнью семьи; материнство и забота о семейном быте для женщины; приоритет сохранения брака; взаимная любовь и верность супругов; рождение и воспитание детей как первостепенная жизненная задача, стремление к многодетности; уважение детей к своим родителям и к старшим, их ощущение себя продолжателями истории, традиций семьи и народа в целом. Наличие либо отсутствие в сознании граждан такого образа института семьи позволяет сформировать общее представление о том, каков имидж института семьи в настоящее время и какие корректировки необходимо внести в реализуемую семейную политику.

Белгородская область является одним из благополучных регионов по показателям рождаемости, брачности, однако, в настоящее время можно констатировать, что проводимая семейная политика сводится в первую очередь к решению проблем демографии, в то же время потребностям социально благополучных семей, популяризации семейного образа жизни уделяется недостаточно внимания. Имидж института белгородской семьи формируется, в том числе, в результате реализации региональной семейной политики. В период серьезных общественных трансформаций (в конце XX века) государственная семейная политика в Белгородской области была ориентирована, скорее, на социальную защиту, включающую минимальный набор «усредненных» социальных услуг, адресованных исключительно подверженным социальным рискам категориям семей. В центре внимания государственных структур находились социально уязвимые и остро нуждающиеся категории семей (прежде всего, неполные, многодетные, с детьми-инвалидами, родителями-инвалидами, родителями-безработными, семьи мигрантов и вынужденных переселенцев и т.п.). Остальные семьи «выпадали» из поля зрения органов власти. В сложившихся условиях, целенаправленная работа над формированием имиджа института семьи практически не велась, представление о семье складывалось стихийным образом. А, следовательно, формировался, так называемый, естественный имидж семьи.

В начале нового тысячелетия в Белгородской области было выработано новое стратегическое направление государственной социальной политики, в соответствии с которым понятия «благополучие семьи», «здоровье детей», «социальная стабильность» и «уверенность в будущем» выходят на первый план. В целях укрепления института семьи и создания благоприятных условий для его устойчивого развития в области создана единая межотраслевая нормативная правовая база, насчитывающая более 100 законодательных и нормативных актов, регулирующих решение комплекса задач поддержки семьи, материнства и детства, охраны здоровья и увеличения продолжительности жизни. основополагающим документом является Концепция демографического развития Белгородской области на период до

2025 года [3], определяющая цели и задачи региональной демографической и семейной политики. Помимо Концепции, стратегическими документами, определяющими приоритеты развития области в этой сфере, являются «Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области», «Стратегия социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года», Концепция программы «Формирование регионального солидарного общества», а также «Стратегия действий в интересах детей в Белгородской области на 2013-2017 годы [4].

Для поддержки этого эталонного образа в Белгородской области реализуется модель социального партнерства. Его смысл заключается во взаимовыгодном взаимодействии в рамках «общественного многогранника», включающего государственные и предпринимательские структуры, православную церковь, общественные организации и гражданское общество.

В целом, разрозненные мероприятия по формированию имиджа, реализуемые в рамках действующих программ и концепций, можно объединить в несколько направлений:

- трансляция информации о наличии в области семей, которые являются эталонами – носителями позитивного имиджа, знакомство с их историей;

- презентация результатов деятельности по государственной поддержке семей Белгородчины, в целях обеспечения возможностей приблизиться к эталону;

- воспитание семейных ценностей у молодежи, пропаганда их среди белгородцев среднего возраста;

- организация непосредственных контактов с семьями – носителями позитивного имиджа, как между собой, так и с другими членами общества, в качестве примера для подражания.

Все это приводит к необходимости разработки системы управленческих воздействий на молодое поколение с целью укрепления ценностей семейного образа жизни.

- 1) развитие фамилистической культуры поколению молодых людей, готовящихся к заключению брака и созданию семьи;

- 2) формирование фамилистической компетенции молодого поколения, включающей изучение истории своей семьи, семейные праздники в ДОУ и СОШ, возвращение в школы забытого курса «Этика и психология семейной жизни» (школа обучает нас знанию валентности, мы можем вычислять логарифмы и интегралы, наверное, вспомним дату Куликовского сражения, но быть супругами, родителями школа не учит...);

- 3) ценностные ориентации формируются многими социальными институтами, в том числе СМИ. Особая ответственность СМИ базируется на том факте, что СМИ формирует целый спектр поведенческих стереотипов, в частности, моду на многодетность или бездетность. Как говорил Липпман, основная функция СМИ – формирование «повестки дня», что только усиливает ответственность и повышает роль СМИ в формировании ценностных ориентаций молодого поколения. Именно это актуализирует всемерную пропаганду семейного образа жизни с помощью СМИ и современных

информационных технологий, поскольку снижение контроля государства за СМИ в рамках демократизации общества создало благоприятные условия для распространения порнографии и пограничной с ней изобразительной и печатной продукции;

1) проведение семейной и демографической экспертизы изобразительной, печатной и рекламной продукции;

2) социализация детей отличается от этого процесса их родителей в связи с ускорением общественного развития и использование педагогических, психологических, социальных технологий прошлого не всегда оправдано, что актуализирует вопросы разработки новых приемов и способов передачи опыта, норм, ценностей молодому поколению,

3) поддержка семьи «со стажем», то есть родительских семей по их сохранению и укреплению, ибо они являются колыбелью формирования ценностных ориентаций... Как гласит английская пословица: «Не воспитывайте детей, все равно они будут похожи на Вас. Воспитывайте себя»;

4) утрата доверия внутри семьи приводит к ее дестабилизации и неизбежным деструктивным последствиям, что актуализирует укрепления доверительных отношений в обществе в целом путем развития солидарного общества;

5) всемерная поддержка и укрепление благополучных семей во избежание появления большого числа неблагополучных, поскольку стоит вкладывать ресурсы не только в лечение болезни (работа с неблагополучными), но в профилактические и превентивные мероприятия, снижающие риск появления маргинальных, социально дезадаптированных семей;

б) распад матримониальных традиций приводит к появлению большего, по сравнению с прошлыми поколениями, незарегистрированных браков, то есть так называемого «гражданского брака». Пора внести терминологическую ясность. Гражданский брак, в соответствии с законодательством – это зарегистрированный в органах Записи актов гражданского состояния брак, а незарегистрированные отношения – сожителство. Стоит называть социальные явления своими именами, и говоря о сожителях, а не гражданских супругах, мы преодолели привлекательность незарегистрированных отношений;

7) усиление как моральной, так и правовой ответственности за родительство... Перефразируя классическую фразу Антуана де Сент-Экзюпери, хочется сказать, что мы в ответе за тех кого родили, за кого вышли замуж...

Литература

1. Всероссийская перепись населения: Итоги переписи. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.ht (дата обращения: 25.09.2014)
2. Федеральная служба государственной статистики: Население: Демография. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo31.xls (дата обращения: 25.09.2014)
3. О концепции демографического развития Белгородской области на период до 2025 года : Постановление Правительства Белгородской области от 15 октября 2007 №242-пп // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство»
4. Основные социально-экономические характеристики Белгородской области. 2012. URL: <http://www.belduma.ru/infoobl/4/> (дата обращения: 25.09.2014).

ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ИННОВАЦИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

Н.С. Данакин,

*доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии и управления,
БГТУ им. В.Г. Шухова*

А.И. Шутенко,

*кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник НИИ синергетики
при БГТУ им. В.Г. Шухова*

Успешное управление образовательными инновациями в современном вузе возможно при соблюдении соответствующих организационно-технологических принципов. Данные принципы выступают как исходные и основные требования к управлению [1], т.е. к постановке управленческих целей и задач, ресурсному обеспечению их достижения, выбору технологий управления, определению критериев эффективности и т.п. Эти требования задаются, с одной стороны, необходимостью в успешном проведении образовательных инноваций, с другой стороны, накопленным опытом позитивного решения инновационных задач в сфере профессионального образования.

Управление образовательными инновациями выступает как системная составляющая динамичного развития современного вуза. В качестве исходного требования такого рода управлению принимается **принцип проблемности**. Его смысл можно выразить в следующих пунктах.

Во-первых, любая инновация в сфере профессионального образования связана с разрешением определенной проблемы [2]. Поэтому инновационная деятельность начинается с уяснения и правильной постановки проблемы, которую нужно разрешить.

Во-вторых, характер и динамика инновационной деятельности определяются последовательным и поступательным движением к разрешению поставленной проблемы.

В-третьих, эффективность инновационной деятельности измеряется успешностью разрешения поставленной проблемы.

Для более полного уяснения сути принципа проблемности важное методологическое значение имеет концепция социокультурологической трактовки образования, развиваемая О.В. Долженко [3]. В качестве ведущего понятия он предлагает «проблемность».

Жизнедеятельность человека, по мнению автора, определяется последовательным прохождением проблемных ситуаций, а траектория их разрешения формирует личное знание человека. То же самое происходит и в процессе образования: человек приобретает опыт разрешения определенных жизненных проблем и осознает его как свое личное знание. Задача системы образования, направленного на развитие творческого потенциала личности –

организация образовательного процесса как последовательного решения личностно-значимых проблем.

В концепции О.В. Долженко раскрыт личностный аспект проблемности как принцип социального управления образовательными инновациями. Но имеется еще технологический аспект, выражающий множество взаимосвязанных действий по разрешению проблемы, их последовательность и методы выполнения [4].

Проблемность как принцип социального управления образовательными инновациями связана непосредственно с *принципом оптимизации*.

В процессе управления, да и не только управления, мы стремимся сделать лучший выбор. Лучший выбор является оптимальным. Остальные варианты в той или иной степени хуже оптимального. Есть, возможно, и самый плохой вариант. Все варианты решения некоторым образом упорядочены с помощью определенной шкалы предпочтений, играющей в данном случае роль критерия оптимальности. Обеспечение условий для выбора оптимального варианта можно назвать оптимизацией [5].

Применительно к управлению образовательными инновациями оптимизацией будем называть обеспечение условий для выбора оптимального варианта их осуществления [6]. Причем могут быть также: неоптимальные, но удовлетворительные варианты; неоптимальные и неудовлетворительные варианты. Таким образом, всего возможны три варианта выбора: 1) оптимальный вариант, 2) удовлетворительный вариант, 3) неудовлетворительный вариант. Оптимизация предусматривает обеспечение выбора самих инновационных проектов, возможных путей и методов их осуществления.

С оптимизацией управления связан также *принцип альтернативности*, смысл которого заключается в обеспечении альтернативных путей разрешения «инновационных» проблем. Особо важное значение имеет данный принцип для оптимизации вступительных экзаменов в вузы и набора студентов-первокурсников. Монополизация какого-то одного варианта, в данном случае единого государственного экзамена (ЕГЭ) – может обернуться настоящим крахом. Известно, что опыт западноевропейской и американской школы показывает отрицательные результаты такой экзаменации учащихся [7]. Например, Франция ввела эту форму аттестации школьников еще в 1968 году с целью обеспечения доступности высшего образования для всех. Однако через семь лет отказалась от этой системы итоговых экзаменов. Причина оказывается в том, что ЕГЭ привел высшую школу к настоящей деградации. Большая часть бюджетных мест в вузах была занята полуграмотными недоучками, каким-то образом хорошо сдавшим тесты. Одновременно с Францией ЕГЭ был распространен в средней школе Америки. И совсем недавно известный всему миру Билл Гейтс, глава фирмы Microsoft заявил, что американская система образования фактически умерла, потому что она утратила свой функциональный характер. Одна из причин – неадекватная система оценки знаний учащегося по тестам и значительные упущения в содержании образования [8].

Продолжая рассмотрение принципов управления образовательными инновациями, обратим внимание на то, что в инновационной практике может появиться, да и нередко появляется такое нежелательное отклонение, как *смещение средств деятельности на ее цель*. Такое смещение происходит в частности, с введением ЕГЭ, когда учебно-воспитательный процесс в школе превращается в сплошное «натаскивание» на решение КИМов (контрольно-измерительных материалов), чем вынуждены заниматься учителя в урочное и внеурочное время. Как показывает практика по городу Белгороду и Белгородской области, учебного времени для подготовки к ЕГЭ явно не хватает. Поэтому в школах наряду с уроками для старшеклассников организуются дополнительные групповые и индивидуальные занятия по подготовке к госэкзаменам, в том числе и на платной основе. Проводятся пробные тестирования в форме ЕГЭ [9]. Экзамен превращается в самоцель: ЕГЭ ради единого государственного экзамена.

Чтобы сознательно и целенаправленно противодействовать тенденции смещения средств на цель, необходимо придерживаться *принципа целевой ориентации*. Данный принцип утверждает первичность цели и вторичность средств ее достижения, подчиненность средств деятельности ее цели.

В этой связи напрашивается вопрос о том, почему происходит целевое смещение, вытеснение цели средствами ее достижения. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно провести различие между двумя возможными ориентациями участников совместной деятельности – целевой ориентацией и инструментальной ориентацией. Первая – это ориентация на достижение цели деятельности, вторая – на использование тех или иных средств деятельности. Если деятельность осуществляется одним и тем же лицом или группой лиц как «командой», то целевая ориентация всегда преобладает над инструментальной, и смещения средств на цель не происходит. Если же деятельность в силу ее разделения и кооперации осуществляется группой лиц, не являющейся и не ставшей «командой», то появляется возможность расхождения целевых и инструментальных ориентаций, во всяком случае, у тех, кто оказывается «ближе» к средствам деятельности, их выбору и разработке. Если же «ближе» к средствам оказываются организаторы совместной деятельности, ее руководители, то уже велика вероятность превращения указанной возможности в действительность, т.е. не только расхождения целевых и инструментальных ориентаций, но и вытеснения первых вторыми. Достижение цели отходит на второй план, а на первый план выходит использование средств как самоцель.

Таким образом, главная причина целевого смещения при проведении образовательных инноваций – нынешняя административная система управления профессиональным образованием, в которой преобладает не целевая, а инструментальная ориентация.

Для успешной реализации целевой ориентации в управлении образовательными инновациями важное значение имеет также следование *селективному принципу*. Любая социальная система, включая и образовательную, начинает постепенно деградировать, если в ней нет механизма устранения негативных признаков, элементов [10].

Представим себе, что получилось бы, если бы мы ввели закон о всеобщем высшем образовании, отменили вступительные экзамены, зачислили студентами всех желающих. Без социальной селекции невозможно *оптимальное функционирование любой социальной системы*, включая общество в целом и даже отдельную личность [11].

Для успешного противодействия тенденциям антиселекции и деградации в образовательных системах важное значение имеет соблюдение принципа *дифференцированного подхода* к потребителям инновационных услуг. Следование этому принципу можно показать, в частности, на примере дифференцированного подхода к организации самостоятельной работы студентов [12].

Возможность оказания дифференцированной помощи студентам с различными трудностями – важнейшее условие эффективности обучения. Оно может быть выполнено при соответствующей организации процесса взаимодействия. Однако реальность обучения сегодня такова, что на одном курсе учатся студенты с различными проблемами развития. Оказать им необходимую помощь в обучении можно, только дифференцировав учащихся по характеру этих проблем. Причем основания такой дифференциации могут быть различны в зависимости от цели развивающихся воздействий.

Условная дифференциация студентов по типам профессиональной обучаемости нужна для того, чтобы оказать им необходимую помощь и выбрать оптимальные формы и методы взаимодействия в ходе учебной деятельности [13].

При проектировании и проведении инноваций в сфере профессионального образования важное значение имеет *принцип баланса интересов общества и личности*.

Сегодня российское общество стоит перед проблемой выработки новой парадигмы взаимоотношений в схеме «личность – общество – образование – государство». Традиционно, особенно в условиях плановой экономики, профессиональное образование четко было нацелено на обеспечение запросов производства, которые, следует отметить, были достаточно стабильны и предсказуемы.

В настоящее время, к сожалению, также звучат опасения о «чрезмерном» уровне образования нашего населения [14]. Даются предложения по сокращению числа вузов, а следовательно, возможности получения гражданами высшего профессионального образования. Такие предложения в первую очередь мотивируются необходимостью экономного и рационального использования бюджетных средств. Действительно, если государство оплатило образование гражданина, то общество, очевидно, вправе рассчитывать на его эффективную трудовую деятельность по избранной профессии.

Но какую позицию государство должно занять по отношению к гражданам, которые сами оплатили свое обучение? Ведь сегодня, несмотря на то, что количество бесплатных мест в вузах не сокращается, значительная доля студентов обучается на платной основе, в том числе и в государственных вузах.

Полагаем, что в современном мире политика в области образования в первую очередь должна быть направлена на удовлетворение запросов личности. Только гармоничное сочетание интересов личности, общества и государства позволит России выйти на путь устойчивого развития, где первостепенную роль должна играть система отечественного образования.

Одним из важных факторов обеспечения баланса интересов в инновационном процессе выступает партнерство заинтересованных участников.

Принцип партнерства. Данный принцип выражает сотрудничество учебных заведений с работодателями или, как еще сейчас говорят, с бизнес-сообществом [15]. Это сотрудничество проявляется, прежде всего, в целевой подготовке специалистов.

Управление учебным процессом целевой подготовки специалистов в корне отличается от ранее принятых принципов, ориентированных на «поточную» массовую систему обучения, поскольку подразумевает разработку и осуществление индивидуальных образовательных траекторий. Переход на принципы целевой подготовки требует существенных изменений в организации учебного процесса и управления в вузе, серьезных финансовых, временных затрат, «перенастройки» всего процесса обучения и взаимодействия с внешней средой, усиления общественного контроля за качеством подготовки.

Заметим, что в целом бизнес-сообщество осознает необходимость участия в разработке и корректировке программ подготовки кадров, однако пока оно не готово брать на себя определение стандартов образования. Более того, нередко компании предпочитают развивать собственные образовательные программы, а не кооперироваться с вузами. Отчасти это объясняется тем, что уровень самих преподавателей в вузах очень разнородный, и все чаще представители бизнеса высказывают идею о том, что наряду со студентами следует также переаттестовывать по новым стандартам и преподавателей.

Немаловажное значение для успешного проведения инноваций имеют также принципы непрерывности инновационной деятельности и обратной связи.

Принцип непрерывности инновационной деятельности предписывает организовывать нововведение таким образом, чтобы этот процесс не прекращался, был не разовой компанией, а каждодневной работой. Практически это означает, что начало внедрения законченной разработки создает предпосылки для новой новации, результаты которой либо усилят возможность первой, либо придут им на смену. В таких условиях будет складываться и поддерживаться благоприятный для инноваций психологический климат [16].

В соответствии с *принципом обратной связи* в ходе управления образовательными инновациями должна быть обеспечена системная и достоверная информация об управляемом объекте, которая позволяет вовремя корректировать управленческие решения при обнаружении недостатков и «белых пятен», устранять допущенные неточности в оценке сложившейся обстановки, принятии решений, организации практической деятельности

людей. Н. Винер, который ввел понятие «обратная связь» в научный оборот, писал: «общественная система не только является организованным целым, подобно индивидууму, но и скрепляется в целое системой связи, обладая динамикой, в которой круговые процессы обратной связи играют важную роль» [17].

Завершая анализ принципов социального управления образовательными инновациями, обратимся еще к одному из них – к *принципу комплексности*. Этот принцип требует всестороннего подхода к проектированию и проведению образовательных инноваций, что проявляется, прежде всего, в комплексном подходе к их ресурсному обеспечению.

Таким образом, обеспечение системного управления образовательными инновациями в современном вузе требует применения следующих принципов: 1) проблемности, 2) оптимизации, 3) альтернативности, 4) целевой ориентации, 5) селективный принцип, 6) дифференцированного подхода, 7) баланса интересов общества и личности, 8) социального партнерства, 9) непрерывности инновационной деятельности, 10) обратной связи, 11) комплексности.

Литература

1. Haustein H. Innovation Atossary / Н. Haustein, Н. Maier. – Oxford, N.-Y., Toronto, Sydney, Frankfurt, 1986.
2. Акофф Р. Искусство решения проблем / Р. Акофф. – М.: Мир, 1982; Данакин, Н.С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления / Н.С. Данакин. – Белгород: Центр социальных технологий, 2006.
3. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М.: Сов. радио, 1968. – С. 74.
4. Данакин Н.С. Селекция как социальный процесс / Н.С. Данакин, М.Ю. Нархов // Сб. науч. статей: Социальные структуры и процессы. Вып. 1. – Белгород: Изд-во «Планета-Полиграф», 2007. – С. 53.
5. Данакин Н.С. Социальное управление инновациями в сфере профессионального образования: монография / Н.С. Данакин, Т.С. Гусева. – Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2008. – 123 с.
6. Долженко О.В. Очерки по философии образования / О.В. Долженко. – М., 1995. См. об этом также: Ларионов В. Проблемно-ориентированное обучение: «управление» и «технология» / В. Ларионов // Высшее образование в России. – 2005. – № 7. – С. 156-159.
7. Дорошенко Ю.А. Сущность и механизм формирования инновационной инфраструктуры высшего учебного заведения / Ю.А. Дорошенко, И.О. Малыгина // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. – 2014. – № 1. – С. 86-91.
8. Еремкин А.И. Российская система образования: проблема и решения / А.И. Еремкин. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С. 98-99.
9. Журко Н. Оптимизация управления высшим образованием / Н. Журко // Высшее образование в России. – 2006. – № 12. – С. 155-156.
10. Как подготовиться к ЕГЭ // «Наш Белгород», 9 декабря 2005 года.
11. Каменский Е.Г. Конфигурация современного образовательного пространства в контексте инновационного развития: актуализация трансдисциплинарного подхода / Е.Г. Каменский, Е.И. Боев, П.Ф. Кравчук // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. – 2013. – № 4. – С. 211-214.
12. Конев И.В. Социальное управление организационными инновациями в развивающейся корпорации / И.В. Конев. – Белгород: Белгородское областное издательство, 2004. – С. 198.

13. Малыхина И.О. Методология оценки эффективности инновационной инфраструктуры высшего учебного заведения / И.О. Малыхина // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. – 2014. – № 1. – С. 125-127.

14. Методологические проблемы оптимизации в науке. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 114.

15. Набойченко С. К характеристике стратегии партнерства высшей школы и бизнеса / С. Набойченко, А. Соболев, Т. Богатова // Высшее образование в России. – 2007. – № 1. – С. 3-10; Олейникова, О. Социальное партнерство в сфере профессионального образования в странах Европейского союза / О. Олейникова А. Муравьева // Высшее образование в России. – 2006. – № 6. – С. 111-120; Титов В. Направления взаимодействия вузов и бизнес-сообществ / В. Титов, Д. Ендовицкий // Высшее образование в России. – 2007. – № 7. – С. 10-18.

16. Розина Н. Организация СРС в контексте инновационного обучения / Н. Розина // Высшее образование в России. – 2006. – № 7.

17. Ряпухина В.Н. Инновационный потенциал региона: методика и инструменты оценки / В.Н. Ряпухина // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. – 2012. – № 1. – С. 94-98.

18. Смолин О.М. Законодательство о дистанционных образовательных технологиях: перспективы и новые проблемы / О.М. Смолин // Экономика образования. – 2004. – № 1. – С. 23.

19. Теория управления: социально-технологический подход. Энцикл. словарь. – М.: Муниципальный мир, 2004. – С. 332, 334.

20. Элитное образование: проблемы организации // Высшее образование в России. – 2005. – № 3. – С. 78-84.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗОВ В ЗЕРКАЛЕ ПРОФСОЮЗНЫХ ГАЗЕТ «СОЛИДАРНОСТЬ» И «ЕДИНСТВО»

А.Ю. Денищик,
*аспирант кафедры социальных технологий
Института управления
НИУ «БелГУ»*

События августа 1991 года привели к распаду СССР. Они положили начало и новому этапу в развитии страны, рождению российской государственности. Социально-политическая обстановка потребовала проведения глубоких изменений в различных общественных институтах, в том числе и в профсоюзном движении. Одним из исторических актов этих изменений стало воссоздание центральных органов российских профессиональных союзов на базе общесоюзных отраслевых профсоюзов, внутри них. Началось образование общероссийских отраслевых профсоюзов со своими самостоятельными руководящими центрами – центральными и республиканскими комитетами – и собственными уставами.

В период перестройки, 23 марта 1990 года состоялся первый учредительный съезд республиканских профсоюзов РСФСР, который провозгласил независимость от Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) и отказ от идей марксизма-ленинизма, с

созданием «Федерации независимых профсоюзов России» (ФНПР)[1] – российской общественной организации, объединяющей большинство крупных российских профессиональных союзов [2].

Профсоюзы – единственная общественная структура, оставшаяся практически неизменной с советских времен. Изменения рынка труда в результате проведенной приватизации, стремительного роста частного сектора, распространение вторичной занятости, самозанятости, индивидуальных краткосрочных контрактов и найма на основе устной договоренности никак не отразились на структуре профсоюзов и мало – на функциях. Изменился набор функций, но это изменение произошло в связи с отмиранием ряда прежних функций, как правило, переведенных в ведение государства, при этом новых функций так и не появилось[3].

Деятельность современных отечественных профсоюзов регулируется федеральным законом от 12 января 1996 года №10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». В соответствии со статьей 2 данного закона профессиональный союз – это добровольное объединение граждан, связанных с общими производственными, профессиональными интересами по роду деятельности, создаваемые в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов[4].

Согласно данному закону профсоюзы защищают права и интересы членов профсоюзов по вопросам индивидуальных трудовых и связанных с трудом отношений, в области коллективных прав и интересов. Профсоюзы защищают право своих членов свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (МРОТ). По согласованию с соответствующими профсоюзными органами работодателями устанавливаются системы оплаты труда, формы материального поощрения, размеры тарифных ставок (окладов), а также нормы труда и закрепляются в коллективных договорах, соглашениях.

Уставом общероссийской организации Федерации Независимых профсоюзов России так же предусмотрена защита социально-трудовых и гражданских прав трудящихся. Федерации Независимых профсоюзов призвана отстаивать производственные, профессиональные, экономические и социальные интересы членов профсоюзов, коллективных прав и интересов работников, а также представительства и защиты общих интересов и достижения общих целей членских организаций, обеспечения правовых гарантий их деятельности на федеральном и региональном уровнях[5].

Федерации Независимых профсоюзов России на правах социального партнера активно принимает участие в деятельности Российской трехсторонней комиссии (РТК) по регулированию социально-трудовых отношений. Согласно Генерального соглашения РТК между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2014 – 2016 годы, позиционирует защиту следующих прав трудящихся: профессионального развития работников,

профессионального образования, защиты от безработицы, право на социальное страхование и пенсионное страхование.

Так же Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений выделяет в отдельную категорию мероприятия способствующие расширению возможностей трудоустройства для молодежи:

- развитие практики стажировки учащихся и выпускников профессиональных образовательных организаций в целях их последующего трудоустройства на постоянные рабочие места;

- проведение консультаций по вопросу совершенствования нормативной правовой базы в части предоставления первого рабочего места молодежи, впервые вышедшей на рынок труда[6].

В региональных профсоюзах также решаются задачи защиты социально-экономических интересов молодёжи. Так, в Белгородской области трехсторонне соглашение между областным объединением организаций профсоюзов, объединениями работодателей и правительством Белгородской области на 2014-2016 годы предполагает защиту социально-экономических интересов трудящихся в области оплаты труда, развития кадрового потенциала, рынка труда, гарантии занятости, социального страхования, охраны труда, промышленной и экологической безопасности, молодежной политики и т.д. [7].

Для изучения мероприятий, реализованных профсоюзными организациями в России и Белгородской области, на предмет их соответствия целям, закрепленным в основных нормативно правовых документах, мы прибегнем к контент-анализу печатных периодических изданий таких как: Центральная профсоюзная газета «Солидарность» и Белгородской областной профсоюзной газеты «Единство» в период с января 2010 по август 2014 годы.

В рамках статьи нами будет решаться две задачи: на основе контент – анализа – выявление соответствия деятельности профсоюзов уставным документам и определение «удельного веса» мероприятий, посвященных молодежи, в общей массе профсоюзных мероприятий.

Для изучения мероприятий, реализованных профсоюзными организациями в России и Белгородской области, на предмет их соответствия целям, закрепленным в основных нормативно правовых документах, мы прибегнем к контент-анализу печатных периодических изданий таких как: Центральная профсоюзная газета «Солидарность» и Белгородской областной профсоюзной газеты «Единство» в период с января 2010 по август 2014 годы.

Материалы Центральной профсоюзной газеты «Солидарность» в 2010 году в большинстве случаев были посвящены протестным действиям (забастовкам, пикетам, голодовкам) коллективов различных профсоюзных организаций – 41% публикаций; 28% – статей освещают мероприятия, связанные с действиями профсоюзных организаций в рамках социального партнерства, 14,7 – законотворческой деятельности профсоюзных организации (ратификация 135 конвенции МОТ, и т.д.), 3% – коллективным массовым действиям (демонстрациям, митингам), 7% – детскому оздоровительному отдыху, 4,2% – сотрудничеству отечественных профсоюзов с иностранными профсоюзными организациями, 2,1% – работе с профсоюзной молодежью.

В 2011 году 37% публикаций посвящены трудовым конфликтам в различных регионах России и организованным в связи с этими конфликтами коллективным профсоюзным акциям протеста, 21,3% – деятельность РТК и позицию профсоюзных организаций; 18,1% посвящены социальному партнёрству, 14,2% – охране труда, 10% – спортивно-оздоровительным мероприятиям различных профсоюзных организаций, 5,4% – всероссийской акции протеста «Нет росту цен на топливо!», 3,5% – работе с молодежью.

Материалы Центральной профсоюзной газеты «Солидарность» в 2012 году в 35% – случаев посвящены мероприятиям, направленным на поддержку кандидатуры В.В. Путина на должность президента РФ, 25,5% – законотворческой инициативе профсоюза (запрет земного труд, дополнения в программу пенсионной реформы и т.д.), 23,2% – протестным действиям коллективов различных профсоюзных организаций направленных на улучшении условий труда и сокращения задолженности по заработной плате (голодовкам, забастовкам, акциям протеста), 10% – деятельности по заключению коллективных договоров, 3% – работе с молодежью, 2% – деятельности Всероссийской политической партии «Союз Труда»¹, 1,3% – международному сотрудничеству.

В 2013 году появились 40% публикаций, посвященных коллективным профсоюзным акциям протеста, 25% деятельности профсоюзов в РТК (аттестации рабочих мест, генсоглашению, квотированию рабочих мест) и деятельности в Общественном совете при Министерстве труда, 2,5% – деятельности Всероссийской политической партии «Союз Труда», 5% работе с молодежью и молодежным школам актива, 2,7% -работе профсоюзных организаций направленной на запрет заемного труда, 1,3% – работе приемных профсоюзных депутатов, 3,5% – деятельности профсоюзных организаций в работе Общероссийского народного фронта, 8,8% коллективным договорам первичных профсоюзных организаций, 5% жилищным кооперативам, 3,2% детскому оздоровлению, 3% – публикаций освещают коллективные массовые акции (Первомайские демонстрации в различных регионах, Всероссийская акция в рамках Всемирного дня «За достойный труд!» и т.д.).

В первой половине 2014 год большинство материалов Центральной профсоюзной газеты «Солидарность» были посвящены акциям протеста различных профсоюзных организаций – 42%; социальному партнерству и деятельности РТК посвящено – 17,3% публикаций, 15% – коллективным профсоюзным акциям, связанным с событиями на Украине и Республике Крым, 8,9% – охране труда, 4% международному сотрудничеству (конференции, ратификации МОТ и т.д.), 6,2% – работе с молодежью, 3,3% – деятельности профсоюзных организаций связанной с аттестацией рабочих мест, 1,3% – Законопроекту ратификации 144-й конвенции МОТ «О трехсторонних

¹ Всероссийская политическая партия «Союз Труда» является общественным объединением, созданным в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления.

консультациях для содействия применению международных трудовых норм», 2% – деятельности профсоюзных организаций, направленных на мотивацию профсоюзного членства.

В целом, исходя из проведенного анализа, мероприятия, проводимые профсоюзными организациями в различных регионах, соответствуют целям и задачам, указанным в уставных нормативно-правовых документах ФНПР.

Наибольшая часть материалов профсоюзной газеты «Солидарность» просвещена противостоянию трудовых коллективов и работодателей различных предприятий, а так же законотворческой деятельности профсоюзов и работе РТК. Актуальными являются также вопросы, связанные с охраной труда оздоровлением членов профсоюза.

В свою очередь работе с молодежью посвящено не более 6 % материалов в год, однако интерес к профсоюзной молодежи постепенно возрастает, как и возрастает количество публикаций о ней примерно на 2% в год.

Теперь проанализируем публикации Белгородской областной профсоюзной газеты «Единство». В 2010 году таковых было опубликовано 84 (публикации, посвященные культурно-массовым мероприятиям, событиям в стране, и встречам с интересными людьми, в рейтинге не учитываются). Публикации, посвященные деятельности по социально-экономической защите интересов членов профсоюзов, из них 45% публикаций связаны с проблемами заработной платы, в том, числе с компенсациями за вредные и опасные условия труда, уровнем МРОТ, индексацией заработной платы и т.д. 20% публикаций посвящено социальному партнерству и коллективным договорам на предприятиях, отраслевым и тарифным соглашениям, 15 % – охране труда, 8% – работе с молодежью и пенсионному обеспечению молодежи, по 6% – льготам на проезд учащихся в РЖД, судебным разбирательствам по вопросам решения трудовых конфликтов, 3% – вопросам, связанным с изменением трудового законодательства, в частности порядку применения к профсоюзным активистам дисциплин взысканий и увольнений, закону о профсоюзах и т.д., в 1 % статей говорится о результатах профсоюзного мониторинга.

В 2011 году возросло количество публикаций, посвященных вопросам работы с молодежью до 14%. Вопросы, связанные с заработной платой, по-прежнему занимают первое место в по количеству публикаций (60%), 25% статей посвящены охране труда, социальному партнерству и подписанию отраслевых соглашений, 1% – незаконным увольнениям работников, работе юридической приемной, судебным процессам, связанным с разрешением трудовых споров и конфликтов.

2012 год впервые появляются публикации связанные с международным сотрудничеством (с профсоюзными организациями Харьковской области). Публикации, посвященные проблемам заработной платы, составляют всего 40% от общего числа публикаций. 28% статей посвящено работе профсоюзной юридической приемной и трудовым конфликтам, рассмотренным в суде. Значительное внимание уделяется информации о митингах за гражданский мир и стабильность, а также поддержке действующей власти и солидаризации общества. 10% публикаций связано с обучением профсоюзной молодежи и

проведением профсоюзных молодежных конкурсов, 8% – с вопросами деятельности Трехсторонней областной комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

В 2013 году большое внимание уделяется обучению профсоюзной молодежи 40% публикаций. 10% – публикаций посвящено постарению солидарного общества и социальному партнерству. Ко Дню юриста был подготовлен специальный выпуск посвященный работникам профсоюзных юридических приемных, что составляет почти 22% от общего числа публикаций посвященных защите социально-экономических интересов трудящихся, 2 % – публикаций посвящено профсоюзной массовой коллективной акции «За достойный труд!», около 3% – процентов статей описывают ход судебного заседания связанных с разрешением трудовых конфликтов (конфликт работников культуры и администрации Грайворонского района и т.д.), 3% – реформам ЖКХ, 21% -публикаций посвящен выборам Совета депутатов города Белгород.

С января по август 2014 года было опубликовано 18% публикаций, посвященных трехсторонним соглашениям и коллективным договорам, 36% – специальной оценке условий труда и охране труда в целом, 3% – деятельности Общественной палаты Белгородской области. 4 % публикаций посвящено митингам в связи с ситуацией в Республике Крым, 10% – профсоюзной информационной работе, 14% – обучению молодежи, 3% – доплатам за вредность, 10% – детскому летнему оздоровительному отдыху, 1% – международному сотрудничеству, 5% трудовым конфликтам, окончившимся успешно, благодаря вмешательству профсоюзной инспекции труда.

Анализируя публикации областной профсоюзной газеты «Единство» с января 2010 по август 2014 годы, мы приходим к следующим выводам.

В целом, мероприятия, проводимые профсоюзными организациями, соответствуют уставным целям и задачам, указанным в нормативно-правовых актах регулирующих деятельность профсоюзных организаций Белгородской области. Наиболее актуальными для современного профсоюзного движения Белгородской области на протяжении последних лет остаются темы, связанные с увеличением МРОТ и ростом заработной платы работников. Охране труда и юридической защите профсоюзных членов так же уделяется значительное внимание в деятельности Белгородского областного объединения организации профсоюзов.

Между тем проблема защиты социально-экономических интересов молодежи отражена в профсоюзной газете недостаточно. В основном профсоюзной молодежи посвящены материалы, связанные с культурно-спортивными и досуговыми мероприятиями, а так же профсоюзными школами актива. О защите социально-экономических интересов речи не идет. А ведь это ключевая функция профсоюзов.

Проводя сравнительный анализ публикаций в газетах «Единство» и «Солидарность», можно сделать следующие выводы:

Во-первых в Белгородской области практически не распространены протестные действия (голодовки, забастовки, пикеты) трудовых коллективов, что, возможно связано с высоким уровнем социального партнерства, развитого в регионе, способствующего не допущению обострения трудовых споров и конфликтов между работодателем и первичной профсоюзной организацией.

Во-вторых материалы профсоюзной прессы меняются в зависимости от социально-политической обстановки в стране и по регион. Профсоюзы принимают участие в общественно-политической жизни страны вне зависимости от того, подпадают ли те или иные события в сферу их деятельности (предвыборные компании, присоединение Республики Крым и т.д.). Несмотря на это, одними из магистральных тем профсоюзной прессы остаются охрана труда и рост МРОТ.

В третьих и в Белгородской области и в России в целом с каждым годом все более возрастает интерес к профсоюзной молодежи, все больше внимания уделяется ее обучению и мотивации. Наибольшее количество материалов о профсоюзной молодежи было опубликовано в Белгородской областной профсоюзной газете «Единство» в 2013-ом-2014-ом годах, что свидетельствует о развитии профсоюзной молодежной политики региона. В тоже время, социально-экономические проблемы молодежи как отдельный сектор проблем, решаемых профсоюзными организациями, в профсоюзной прессе не фигурируют. По большей части публикации о профсоюзной молодежи посвящены молодежи как будущему кадровому резерву профсоюзной организации (школы актива, конкурсы профсоюзного мастерства и т.д.).

Литература

1. Профсоюзы России: современный этап. 1990-2005 годы [Текст] / рук. авт. кол. заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., проф. Н.Н. Гриценко. – М.: АТиСО, 2005. – 515 с.
2. Смоленский, М.Б. Трудовое право Российской Федерации. Ростов н/Д. : Феникс, 2011. – 491 с.
3. Профсоюзное пространство современной России [Текст] / Под ред. В.Борисова, С.Кларка. – М.: ИСИТО, 2001. – 331 с.
4. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: федеральный закон РФ № 10-ФЗ от 12.01.96 // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 148.
5. Устав общероссийской организации Федерации Независимых профсоюзов России. [Электронный ресурс] // Режим доступа к изд.: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=158295>. – Систем. требования: IBM PC, Mozilla Firefox.
6. Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2014 – 2016 годы // Российская газета. – № 295. – 2013. – 30 декабря.
7. Трехсторонне соглашение между областным объединением организаций профсоюзов, объединениями работодателей и правительством Белгородской области на 2014-2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа к изд.: http://www.booor.ru/soglash14_16. – Систем. требования: IBM PC, Mozilla Firefox.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЁЖИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

И.И. Гуляев,

*доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью
Института управления НИУ «БелГУ», кандидат философских наук*

Ю.И. Огнёва,

магистрант факультета журналистики НИУ «БелГУ»

Вопросами повышения электоральной активности молодёжи на данном этапе политического и исторического развития российской государственности уделяется значительное внимание. Во многом это обусловлено тем, что в процентном соотношении доля молодёжи, обладающей активным избирательным правом, составляет 23% от числа всех избирателей Российской Федерации. То есть около 32 млн. молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет обладают избирательным правом.

Необходимо понимать, что электоральное поведение напрямую зависит от того, насколько молодёжь включена в политическую жизнь. Интерес к политике определяет и уровень политических знаний человека, его представление о существующем положении вещей в политической жизни общества, степень доверия к тем или иным политическим структурам.

Таким образом, было проведено исследование, в ходе которого опросили 200 респондентов – из них 110 женщин и 90 мужчин. В нашем исследовании существует возрастная градация, а именно женщины и мужчины – 18-23, 24-27, 28-31.

В первую очередь в исследовании важно увидеть настрой молодёжи в отношении действующей политики, насколько молодое поколение поддерживает действующие органы власти, насколько комфортно оценивают свою жизнь в регионе, а значит и политическую ситуацию. На вопрос: «В какой мере Вы удовлетворены политической ситуацией в Белгородской области?» – большинство респондентов (84,5%) ответили, что вполне удовлетворены, 9% опрошенных вполне удовлетворены, 4% не удовлетворены, 0,5% совершенно не удовлетворены, 2% дали ответ, что вовсе политическая ситуация в Белгородской области им не интересна (см. таблица 1).

Данный опрос показал, достаточно высокий показатель наметившейся позитивной тенденции. Полученная информация в опросе свидетельствует о кардинальных изменениях в настроении молодёжи, т.к. в проведённом нами исследовании 2 года назад выяснилось, что только 28% молодёжи удовлетворены политической ситуацией в регионе, 64% были не удовлетворены или совершенно не удовлетворены и 8% затруднились с ответом.

Таблица 1

Показатели удовлетворённости политической ситуацией в регионе

В какой мере Вы удовлетворены политической ситуацией в Белгородской области?			
1.	Вполне удовлетворён	9%	18 чел.
2.	В основном удовлетворён	84,5%	169 чел.
3.	Не удовлетворён	4%	8 чел.
4.	Совершенно не удовлетворён	0,5%	1 чел.
5.	Свой вариант	2%	4 чел.

Логично выяснить, какие политические настроения преобладают среди молодёжи. На вопрос: «В какой мере Вы удовлетворены политической ситуацией в России?» – большинство опрошенных респондентов, также ответили, что в основном удовлетворены (81%), один человек (0,5%) вполне удовлетворён, достаточно значительное меньшинство ответили, что не удовлетворены (17,5%), 1% граждан ответили, что совершенно не удовлетворены политической ситуацией в России (см. таблица 2).

Таблица 2

Показатели удовлетворённости политической ситуацией в России

В какой мере Вы удовлетворены политической ситуацией в России?			
1.	Вполне удовлетворён	0,5%	1 чел.
2.	В основном удовлетворён	81%	162 чел.
3.	Не удовлетворён	17,5%	35 чел.
4.	Совершенно не удовлетворён	1%	2 чел.
5.	Свой вариант	0%	0 чел.

Что касается молодёжной политики в регионе, то на вопрос: «В какой мере Вы удовлетворены реализацией молодёжной политики в Белгородской области?» – 8% респондентов ответили, что вполне удовлетворены, 49% в основном удовлетворены, 9% не удовлетворены и 34% высказались, что не проинформированы о деятельности молодёжной политики в регионе (см. таблица 3).

Выяснилось, что большая часть молодёжи удовлетворена, а значит, поддерживает проводимую молодёжную политику в области. В данном опросе следует обратить внимание на то, что 34% молодых людей говорят об отсутствии какой-либо информации по молодёжной деятельности региона. Если провести более сложное по своей программе и инструментарию исследование, то может выясниться, что значительное меньшинство не обладает знаниями в области молодёжной политики, а это действительно та сфера, в которой молодёжь может проявить себя со студенческих лет.

Таблица 3

Показатели удовлетворённости молодёжной политикой в регионе

В какой мере Вы удовлетворены реализацией молодёжной политики в Белгородской области?			
1.	Вполне удовлетворён	8%	16 чел.
2.	В основном удовлетворён	49%	98 чел.
3.	Не удовлетворён	9%	18 чел.
4.	Совершенно не удовлетворён	0%	0 чел.
5.	Свой вариант	34%	68 чел.

На вопрос: «Как часто Вы ходите на выборы различного уровня?» – 87% ответили, что всегда ходят на выборы, 9% иногда, 4% никогда (см. диаграмма 1).

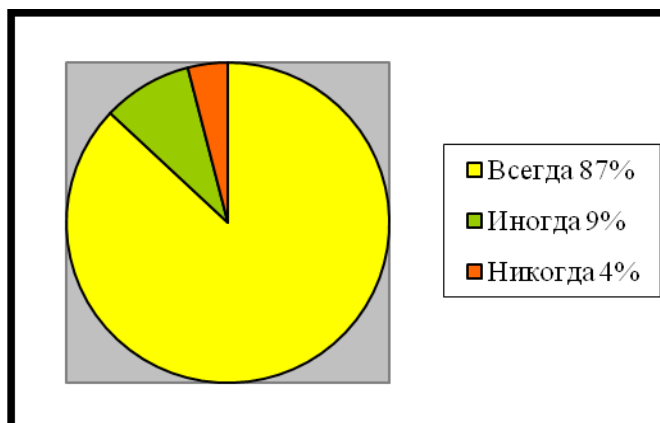

Диаграмма 1. Электоральная активность молодёжи на выборах

Эти показатели близки к данным, полученным в разовых и периодических опросах Левада-центра и Всероссийского центра изучения общественного мнения. Данные показывают, что около 75%-80% молодых людей всегда, либо иногда голосуют, 20%-25% не участвуют вообще. Наши показатели – 87% респондентов всегда участвует. Важно учесть тот факт, что молодёжь в Белгородской области активнее голосует, чем молодёжь по стране в целом. На последних выборах Губернатора Белгородской области и депутатов Белгородской областной Думы V созыва, явка молодёжи составила примерно от 81% до 96%. Наиболее активно голосовала молодёжь Красненского района – 96,55%, наименьшие показатели в Ракитянском районе – 81,52%. В целом это высокая явка молодёжи, что подтверждается данными полученными в нашем исследовании и данными опубликованными в Приложении к Постановлению Избирательной комиссии Белгородской области от 8 ноября 2012 г. № 75/547.

Частично высокая явка молодёжи объясняется в следующем опросе. На вопрос: «Заставляют или заставляли ли Вас в организации, в которой Вы работаете или учитесь, либо учились ходить на выборы?» – 64% опрошенных респондентов ответили да, 36% ответили нет (см диаграмма 3).

Проведённое нами исследование носит пилотажный характер и не может с точной достоверностью утверждать, что высокую явку молодёжи на выборах обеспечивают ВУЗы и бюджетные организации, но следует учесть тот факт, что политическое участие молодёжи в выборах – это самый высокий показатель активности в электоральной культуре в целом. Причём, 94% респондентов в возрасте от 18-23 лет всегда участвуют в выборах и по профессиональному статусу в большинстве являются студентами.

Важным критерием электорального участия молодёжи в политическом процессе является непосредственно само желание и готовность молодого поколения. На вопрос: «Принимали ли Вы участие в выборах различного уровня в качестве члена участковой избирательной комиссии или наблюдателя?» – 12% респондентов ответили, что принимали и выборы прошли честно, 41% не принимали и не имеют такого желания, важно

отметить, что 47% не принимали, но хотели бы поучаствовать в выборах в качестве члена участковой избирательной комиссии, либо наблюдателя (см. таблица 4).

Данный опрос характеризует электоральное поведение молодёжи, как активное. Немаловажно, что принять участие в выборах в качестве члена уик или наблюдателя желает практически половина опрошенных, из которых: 19% относятся к первой возрастной группе – 18-23 года; 18% ко второй – 24-27; 10% респондентов из третьей возрастной группы хотели бы активно поучаствовать.

Таблица 4

Политическая активность молодёжи на выборах

Принимали ли Вы участие в выборах различного уровня в качестве члена участковой избирательной комиссии или наблюдателя?			
1.	Да и выборы прошли честно	12%	24 чел.
2.	Да и выборы прошли не честно	0%	0 чел.
3.	Нет, но хотел бы принять участие в лице члена УИК или наблюдателя.	47%	94 чел.
4.	Нет, не принимал и мне это не интересно	41%	82 чел.

Следующий критерий электоральной культуры молодёжи – это политическая информированность молодого поколения. На вопрос: «Как часто Вы смотрите новостные передачи и программы?» – большинство респондентов (78,5%) ответили, что смотрят каждый день, 11% смотрят несколько раз в день, 3,5% смотрят 3-4 раза в неделю, 7% никогда не смотрят, но указали, что получают подобную информацию в интернете в виде сухих фактов, лишённых чьей-либо аналитики (см. таблица 5).

Таблица 5

Как часто молодёжь получает политическую информацию

Как часто Вы смотрите новостные передачи и программы?			
1.	Несколько раз в день	11%	22 чел.
2.	Каждый день	78,5%	157 чел.
3.	3-4 раза в неделю	3,5%	7 чел.
4.	Один раз в неделю	0%	0 чел.
5.	Несколько раз в месяц или реже	0%	0 чел.
6.	Никогда не смотрю (укажите причину)	7%	14 чел.

Нужно принять во внимание, что в целом 100% респондентов принявших участие в данном опросе постоянно получают информацию о всех происходящих событиях в нашей стране и за рубежом. Конечно, такая активность связана с актуальными событиями: проведённая на высоком уровне и выигранная олимпиада в Сочи, выигранная паралимпиада в Сочи, переворот, митинги и нападения на людей в Украине, присоединение Крыма в состав Российской Федерации. Всё это очень значимо для молодёжи и всего населения страны. Радует тот факт, что молодёжь в этом случае политически активна и об аполитичности не приходится говорить.

О том, что молодёжи не безразличны события, происходящие в стране и она не безучастна свидетельствуют следующие проведённые опросы.

На вопрос: «Удовлетворены ли Вы проведённой олимпиадой и паралимпиадой в Сочи?» – 83% респондентов ответили, что удовлетворены в полной мере, 17% ответили, что удовлетворены.

Значительным показателем в электоральной культуре молодёжи является многоаспектный критерий оценки патриотизма. На вопрос: «Возникает ли у Вас чувство патриотизма и гордости за свою страну?» – 41% респондентов ответили, что всегда гордятся своей страной, 46,5% в основном всегда, 12,5 иногда гордятся (см. диаграмма 4).

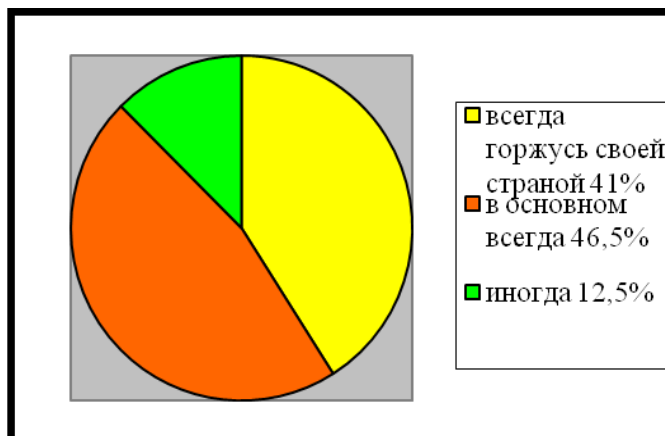
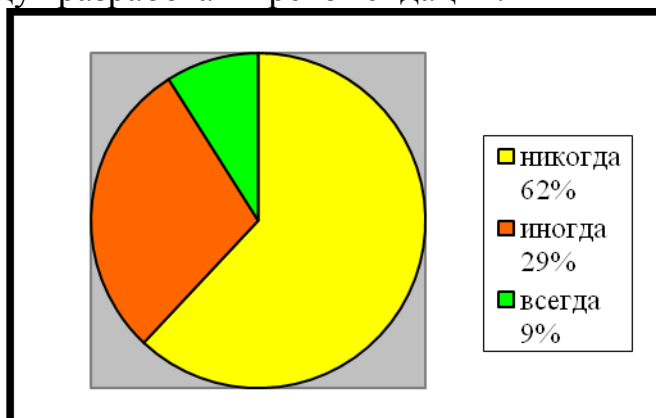

Диаграмма 4. Чувство патриотизма

В данном опросе видно, что политическая активность молодёжи не так ярко выражена. Но главным является то, что опросы, проводимые в 2012 и 2013 гг. ВЦИОМ и ФОМ, показывают нигилистическое отношение молодёжи к патриотизму. Порядка 38%-49% совершенно не гордятся тем, что они граждане России и при первой возможности готовы к переезду за рубеж. Проведённый нами опрос доказывает, что ситуация меняется в сторону улучшения электоральной культуры молодёжи.

На вопрос: «Как часто Вы принимаете участие в конференциях, олимпиадах, конкурсах, молодёжных форумах, посвящённых избирательной тематике?» – 9% респондентов ответили, что всегда принимают участие, 29% иногда принимают участие и 62% никогда не принимают (см. диаграмма 5).

Как правило, данный критерий электоральной культуры молодёжи является самым низким и аполитичным. По изменению этой ситуации в третьем разделе будут разработаны рекомендации.

Диаграмм 5. Участие в мероприятиях, посвящённых избирательной тематике

Ещё один показатель свидетельствует о негативных тенденциях в электоральном поведении молодёжи и в культуре в целом. На вопрос: «Читаете ли Вы политическую литературу?» – 7,5% ответили, часто читают, 38% иногда читают, 54,5% никогда не читают.

На вопрос: «Преподают (преподавали) ли Вам избирательные дисциплины в учебных заведениях?» – 79,5% респондентов ответили да, 20,5% ответили, что не преподают и не преподавали избирательные дисциплины.

На вопрос: «Состоите ли Вы в политическом молодёжном движении, организации, клубе молодого избирателя или политической партии?» – 18,5% респондентов ответили, что состоят, 12% планируют вступить, 69,5% не состоят и не планируют вступать в подобные организации.

На вопрос: «Как Вы считаете, что может способствовать привлечению, приобщению молодёжи к электоральной (политической) культуре?» – большинство респондентов (24%) считают, что эффективна мотивация, 19,5% полагают – создание рабочих мест для молодёжи в органах власти, 17% за открытую работу органов власти, 16% высказались за создание рабочих мест для молодёжи по профессии в целом, 16% респондентов считают, создание интернет-платформы для общения с органами власти будет способствовать привлечению молодого поколения и 4,5% за культивирование патриотизма среди молодёжи (см. диаграмма 6). Важным моментом является то, что ни один респондент не ответил – за смену действующей власти, т.е. этот вариант ответа составляет 0%. На данном этапе можно с полной уверенностью говорить, что молодёжь не считает коренные изменения продуктивными. Это положительный показатель в улучшении электорального поведения и электоральной культуры в целом, т.к. опросы прошлых лет показывали совершенно другую картину, ещё год назад молодёжь не доверяла действующей власти, 2-3 года назад мы постоянно наблюдали митинги против органов власти, в частности Президента РФ. Таким образом, мы видим, что политические настроения среди молодёжи меняются в лучшую сторону и что важно, молодое поколение настроено не на смену органов власти, а на открытый диалог с решением актуальных для общества проблем.

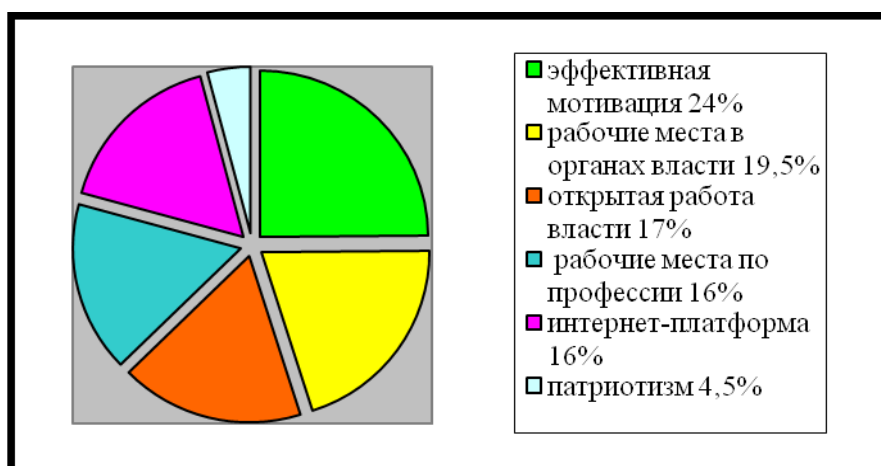

Диаграмма 6. Привлечение молодёжи к электоральной культуре

На вопрос: «Как Вы считаете, нужна ли в нашем регионе интернет-платформа для общения с любыми органами власти в форме: вопрос-ответ?» – 95% опрошенных респондентов уверены, что интернет-платформа в нашем регионе необходима, 5% затруднились ответить. Вариант ответа – нет, не нужна подобная платформа получил 0%. Данный опрос ещё раз показывает, что молодое поколение готово к диалогу с органами власти, имеется ряд трудно-решаемых без поддержки государства проблем, молодёжь заинтересована в настоящее время отстаивать свои права и свободу общества, важно не упустить этот момент и дать возможности молодёжи проявлять себя, заинтересовать в различными социальными проектами и программами, работать вместе с молодым поколением и дать возможность реализовать себя, как гражданина своей страны в полной мере. Это вполне возможно при решении актуальных проблем, которые мы смогли выявить в следующем опросе.

На открытый вопрос: «Если бы в нашем регионе была подобная интернет-платформа, то какие вопросы или проблемы Вы бы хотели задать, уточнить, решить в первую очередь?». По популярности, варианты ответов, данные респондентами, получили следующее распределение (см. таблица 8).

Таблица 8

Актуальные проблемы молодёжи

Если бы в нашем регионе была подобная интернет-платформа, то какие вопросы Вы бы хотели задать, уточнить, решить в первую очередь?			
1.	Трудоустройство молодёжи	18,5%	37чел.
2.	Жилищный вопрос	17%	34 чел.
3.	Благоустройство города	12%	24 чел.
4.	Гос. поддержка малому и среднему бизнесу	11,5%	23 чел.
5.	Инфраструктура региона	11%	22 чел.
6.	Образование и медицина	9%	18 чел.
7.	Строительство детских садов	7,5%	15 чел.
8.	Пограничные вопросы с г. Харьков	7%	14 чел.
9.	Устранение коррупции	4%	8 чел.
10.	Проблемы ЖКХ	2,5%	5 чел.

Молодое поколение Белгородской области желает активно участвовать в избирательном и политическом процессах и видит конкретные решения со стороны общества и государства для улучшения этой ситуации. На открытый вопрос: «Что именно для Вас послужило бы реальным мотиватором, фактором для активного участия в избирательном и политическом процессах?» – большинство мнений респондентов сошлись на открытости данного процесса (43%), наиболее популярные ответы представлены следующим образом:

1. Открытость избирательного и политического процесса – 27%.
2. Определение перспектив для молодёжи в этих процессах – 18,5%
3. Реальные продуктивные действия депутатов, министров, государственных служащих как на местном уровне, так и на федеральном – 14%.

4. Увеличение социальных программ, проектов, т.е. проявление заинтересованности в политических процессах со стороны государства – 14%.

5. Реализация планов кандидатов, предвыборных программ – 8,5%

6. Совместная реализация молодёжи и органов власти различных программ и проектов (к примеру: благоустройство города, помощь ветеранам, инвалидам, строительство питомников для бездомных животных и др.) – 8%.

7. Увеличение числа кандидатов – 4%.

8. Материальное стимулирование – 3,5%.

9. Различные поощрения – 2,5%.

На вопрос: «Связываете ли своё будущее с нашей страной?» – 100% опрошенных респондентов ответили, что связывают.

На вопрос: «Как Вы считаете, что ждёт Россию через 10 лет?» – 28% респондентов считают, что Россия станет одной из ведущих стран мира, большинство (35%), полагают, существенно усилится как экономически, так и политически, 23% уверены, ничего не изменится и 14% опасаются, что экономическое и политическое положение ухудшится.

Призывы молодёжи принимать активное участие в политическом процессе, не подкреплённые заинтересованностью органов власти и реальными условиями для дальнейшего карьерного роста – не улучшат электоральную культуру молодого поколения и не принесут желаемых результатов. Необходимо, чтобы молодёжь систематически получала знания по избирательному законодательству, повышать активность молодого поколения и заинтересованность в результатах выборов, а также вовлекать в общественно-политическую деятельность. Такая деятельность даст результаты по снижению недоверия молодёжи к органам власти. И следующим аспектом является то, что такая непрерывная и планомерная работа призвана решить не кратковременные, а долгосрочные задачи. К числу таковых относятся выработка у молодёжи установок на сознательное и добровольное участие в избирательном процессе, формирование активной гражданской позиции, формирование электорального поведения.

Литература

1. Веденеев Ю. А. Развитие избирательной системы Российской Федерации: проблемы правовой институционализации // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 48.

2. Молодёжь России. URL: <http://www.levada.ru/o-tsentre.html> (дата обращения: 6.05.2014).

3. Молодёжь в политике. URL: <http://wciom.ru/politics/>.html (дата обращения: 6.10.2013).

4. Приложение к постановлению Избирательной комиссии Белгородской области от 08 ноября 2012 года №75/547. URL: <http://belgorod.izbirkom.ru/way/963036.html> (дата обращения: 6.05.2014).

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ю.И. Евдокименко,

*магистр кафедры социологии и организации работы с молодежью
Института управления НИУ «БелГУ»*

Современная семья переживает кризис. Одни исследователи называют его переходом к новым формам – более разнообразным и более подходящим для современных мужчин и женщин. Другие обращают внимание на то, что в глобальном обществе потребления семейные ценности сдают свои позиции, поскольку на первый план выдвигается индивидуальный успех и идет жестокая конкуренция за его достижение. В этой гонке вместе с мужчинами все активнее и эффективнее участвуют женщины.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном мире гендерным проблемам уделяют очень мало внимания. Гендерные отношения составляют один из важнейших аспектов культурной и социальной жизни общества, семья в наше время стала терять свое главное предназначение и не выполнять свои функции. Теряется смысл семейных отношений. Можно сказать, что институт семьи находится в состоянии кризиса, а гендерные отношения переживают процесс трансформации, из-за чего возникают проблемы между мужчинами и женщинами. Если раньше из поколения в поколение передавался образ женщины, как матери, а мужчины – как главного кормильца семьи, то сейчас все иначе. Уменьшается уровень мужской доминанты, женщина становится менее зависима от мужа в экономическом плане, а распределение обязанностей и ответственности решается по договоренности.

Однако появление новых ценностных приоритетов не приводит автоматически к изменению традиционных взглядов на распределение ролей и утверждению гендерного равноправия в семье. Чем больше женщины включаются в профессиональную жизнь и публичную деятельность, тем больше семья привлекает внимание исследователей.

Понятия «семья» и «гендер» нельзя рассматривать отдельно, так как именно они являются ключевыми. Семья – это уникальный институт взаимодействия людей. Каждый человек имеет свое жизненное пространство, то есть отношения с другими людьми. Это могут быть родственники, друзья, соседи. Отношения именно с ближайшими из них превращаются в семью. Взаимоотношения мужчин и женщин – важный фактор социального развития. Гендерные отношения существовали в обществе всегда, тем не менее, этот тип отношений долгое время не рассматривался отдельно, общественная активность женщин длительное время была ограничена внутренне семейным пространством.

Семья, как общечеловеческая ценность является транслятором культурного наследия, этнических норм и традиций, значение которых в современных условиях возрастает не только для каждого человека в отдельности, но и для общества в целом. Семья сама действует на общество, на

формирование личности, ее ценностных ориентаций, идеалов, на его отношение к культурному наследию, влияет на особенности передачи трудовых навыков, усвоения гендерных ролей и воспроизводства населения того или иного общества.

Значение, которое в эпоху цивилизации семья приобрела в общественной и личной жизни людей, обусловило устойчивый интерес к ее изучению. В течении длительного времени, примерно до середины XIX в., семья рассматривалась как изначальная по своей природе моногамная ячейка общества, исходный пункт его развития, его «миниатюрный прообраз». Поэтому философы античности, средневековья и отчасти Нового времени интересовались не столько семьей как специфическим институтом общества, сколько ее отношением к социальным порядкам и прежде всего к государству. Рассматривая общество в качестве разросшейся семьи, философы и историки, вплоть до Ж.Ж. Руссо, И. Гердера и в какой – то мере Канта и Гегеля были склонны выводить социальные отношения из семейных отношений.

Чтобы более подробно рассмотреть понятие «семья», следует рассмотреть несколько теорий. Первая из которых это теория "социальных групп" американского социолога Ч. Кули. Согласно этой теории семья стала рассматриваться как "первичная группа". Ее основные признаки: влияние на человека первично как по времени, так и по содержанию, семья формирует личность в целом, тогда как вторичные группы воздействуют на личность только в определенных аспектах, в связи с конкретными целями; семья представляет собой «интимную ассоциации и кооперации», которая сама себя воспроизводит. В работе другого американского социолога Д.П. Мердока «Социальная структура» отмечается, что семья, состоящая из мужчины, женщины и их социально признанных несовершеннолетних детей, представляет собой повсеместно встречается элемент человеческого сообщества.

Особый интерес представляет определение семьи сквозь призму теории систем. То есть семья, как система обладает следующими признаками:

1. Члены семьи находятся в постоянной взаимозависимости, так что любое изменение поведения одного из них влечет за собой изменение в поведении остальных.
2. Семья представляет собой относительно тесную, ограничивающую себя определенными пределами единицу.
3. Семья приспособливающаяся организация, стремящаяся к поддержанию равновесия со своей социальной средой.
4. Семья является единицей, выполняющей те ли иные задачи, связанные как с внешними факторами, так и с удовлетворением потребностей ее членов.

В целом, можно выделить ряд теоретических подходов к изучению семьи.

Модель семьи в современном российском обществе вариативна. Она может объединять супругов с детьми, находящихся в зарегистрированном или незарегистрированном браке; пару "мать и ребенок"; бездетных партнеров, не вступающих в брак и ведущих совместное хозяйство; полигамный союз,

основанный на религиозных обычаях или новых нравственных нормах, а также однополый фактический брак. С одной стороны, сохраняется традиционный (патриархальный) вариант при наличии социального контроля и сохранении формальных признаков. С другой стороны, остается популярным вариант эгалитарной семьи, демонстрирующей отход от социоцентрического начала в семье в сторону индивидуально-личностного. По мере увеличения разрыва между формальным и неформальным началами возрождаются модели, известные с древних времен, – варианты полигамной семьи, внебрачной кровно – родственной неполной (материнской), внебрачной неформальной полной (конкубинат) либо семьи в открытом браке. Кроме того, растет число семей в повторном браке с детьми от предыдущих браков или бездетных. Наиболее же экстремальным можно назвать такое явление, как гомосексуальные семьи.

В традиционном понимании семьи каждому члену семьи присваивается своя роль. Отец – кормилец семьи, мать – домохозяйка, они имеют несколько детей и в браке состоят с самой юности до старости. Современная семья не предоставляет такой возможности, а наоборот дает человеку право выбора, он сам должен выбрать какую роль ему играть в семье. По мнению Энтони Гидденса, причиной этому является изменение «идеала любви». Ценности взаимного удовлетворения, открытости и доверия друг к другу выходят на первый план. Брак становится не обязательным, а совместная жизнь теперь может продолжаться до тех пор, пока оба партнера получают удовольствие от этого. Для современной семьи характерна неопределенность гендерных отношений. Главным противоречием является то, что каждого члена семьи больше заботят индивидуальные стремления, собственная свобода и автономия, нежели забота о близких. Вместо того чтобы ориентироваться на идеал патриархальной семьи, современные молодые пары делают акцент на своих индивидуальных и эмоциональных потребностях, что в свою очередь приводит к конфликтам и разрушению семьи как таковой.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что сегодня нет единственной, нормативной модели семьи. За последние несколько десятилетий в России наблюдается увеличение возраста вступления в первый брак, «откладывание» брака и рост незарегистрированных сожительства. Люди, особенно молодые, больше готовы к экспериментированию в личной жизни. Появились и даже приобретают популярность гостевые и экстерриториальные союзы. Супруги проживают в разных квартирах (иногда по соседству), видятся раз-два в неделю. Считается, что такие союзы заключают занятые работой, материально обеспеченные люди, которые особенно ценят личную независимость, автономию и боятся рутины повседневности. Подобные союзы могут длиться несколько лет и даже десятилетий, а могут либо быстро закончиться разрывом, либо превратиться в обычный брак. Еще более редкие и экзотические формы отношений – «открытые» браки, когда каждый из супругов пользуется полной сексуальной свободой, а также групповые браки – принадлежность молодежной культуры. В них объединяются несколько пар (две-три), которые живут «коммуной» в течение двух-трех лет. В такие союзы чаще вступают люди, временно живущие и работающие в больших городах. [5]

Что же происходит с людьми, когда они вступают в брак? Происходит двухсторонний процесс. С одной стороны супруги удовлетворяют свои потребности в общении, симпатии, уважении, взаимопомощи, эмоциональной поддержке, а также сексуальные потребности. Но с другой стороны это приводит к потере независимости, разделению собственного финансового дохода между членами семьи, а также несамостоятельность принятия решений. В связи с этим возникает проблема выбора главы семьи, определения обязанностей между супругами, распределение семейного бюджета. На эти составляющие влияет образование, ценности и установки супругов, то есть гендер, некий феномен, который личность создает на протяжении своей жизни своими поступками и поведением.

В основе гендерных отношений в семье, т.е. определенных социальных связей между мужем и женой, лежат их понимание своей сексуальной идентичности, интерпретация ими той роли, которую они играют в семье, а также своего социокультурного статуса. Рассмотреть данные роли можно через два понятия – «маскулинность» и «фемининность» (феминность). Маскулинность (мужественность) представляет собой комплекс характеристик поведения, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику мужской группы, объединенной по признаку пола. Фемининность (феминность, женственность) – характеристики, связанные с женским полом, или характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе, или же «социально определенное выражение того, что рассматривается как позиции, внутренне присущие женщине» [4].

Термины «феминный» и «маскулинный» сегодня используются и для обозначения культурно-символического смысла «женского» и «мужского», и тогда специфическую, гендерную окраску приобретают многие явления и понятия. Говоря словами А. Большаковой, гендер как культурный символ имеет не только социальную, но и культурно-символическую интерпретацию. Иными словами, биологическая половая дифференциация представлена и закреплена в культуре через архетипическую символику мужского или женского начала. Это выражается в том, что многие не связанные с полом понятия и явления (природа, культура, стихии, цвета, божественный или потусторонний мир, добро, зло и мн. др.) ассоциируются с мужским/маскулинным или женским/фемининным началом. Таким образом, возникает символический смысл «женского» и «мужского», причем «мужское» отождествляется с Богом, творчеством, светом, силой, активностью, рациональностью и т.д. (и, соответственно, Бог, творчество, сила и прочее символизируют маскулинность, мужское начало). «Женское» ассоциируется с противоположными понятиями и явлениями – природой, тьмой, пустотой, подчинением, слабостью, беспомощностью, хаосом, пассивностью и т. д., которые, в свою очередь, символизируют фемининность, женское начало. Классификация мира по признаку «мужское/женское» и половой символизм культуры отражают и поддерживают существующую гендерную иерархию общества в широком смысле слова [1].

Таким образом с этими культурными образцами часто связаны так называемые гендерные стереотипы. Гендерные стереотипы – это устойчивые, повторяющиеся, общепринятые представления (мысли) о месте и выполняемых ролях того или иного гендера в обществе, а также о личности людей той или иной гендерной идентичности. Как и любые другие социальные стереотипы, они определяют процесс восприятия окружающих людей и влияют на активное конструирование социальной реальности с использованием заложенной в них информации.

Гендерные стереотипы можно объединить в три группы:

1. Стереотипы маскулинности / фемининности, предписывающие людям определенные мысли о соматических, психических и поведенческих качествах, характерных для мужчин и женщин.

2. Стереотипы семейных и профессиональных ролей, связанных с гендером.

3. Стереотипы, связанные с содержанием деятельности мужчин и женщин.

Гендерные стереотипы выступают в качестве социальных норм – основных правил, определяющих допустимые гендерные репрезентации. Зачастую то, что мы называем гендерными ролями, есть не что иное как стереотипы – обобщенная информация о качествах, присущих тому или иному гендеру. Подчиняться этим стереотипам нас заставляют социально-психологические механизмы нормативного и информационного давления. Нормативное давление заключается в том, что мы стараемся соответствовать гендерным стереотипам, чтобы получить социальное одобрение и избежать социального неодобрения. Информационное давление заключается в том, что расширение наших знаний о себе и о мире часто связано не с собственным опытом, а с информацией, предоставляемой окружающими. Правильным мы часто считаем то, что считают правильным другие, и свое поведение мы склонны считать правильным, пока наблюдаем его у других членов референтной для нас группы. [3]

Таким образом можно прийти к выводу что большинство конфликтов в современных семьях возникают по причине смены гендерных ролей. Глобализация, информатизация, а также развитие в российском обществе черт массового потребления привело к возникновению нового вида современной семьи. Гендерные проблемы в сфере семейных отношений касаются гендерного неравенства в семьях общества, а также стереотипов и обстоятельств, которые поддерживают ее.

К актуальным гендерным проблемам, которые присутствуют в современных семьях относятся следующие:

- Ослабление ответственности мужа за жену и детей, в результате того, что брак перестал быть пожизненным социальным институтом.
- Высокий уровень разводов и конфликтности в современных семьях.
- Двойная, а в сельских районах тройная нагрузка на женщин.
- Не исполнения домашних обязанностей и обязанностей по воспитанию детей мужем.

- Физическое и психическое насилие по отношению к представителям обоих полов, а также сексуальные преступные действия в отношении девушек и женщин в семье [2].

Практически все гендерные проблемы связаны с неправильным распределением ролей мужчины и женщины в семье. Мужчины перестали проявлять инициативу в семейных делах и скинули всю ответственность на хрупкие женские плечи. Мужчины имеют установки на традиционный тип семейных отношений в быту (жена выполняет больший объем домашних работ, а если муж ей и помогает, то только выполнением традиционных видов «мужской работы»). Женщины чаще склоняются к эгалитарному типу распределения ролей в семье, при котором семейные обязанности делятся поровну между мужем и женой, либо распределяются в зависимости от сложившейся ситуации: основную часть домашних дел берет на себя тот член семьи, у кого больше свободного времени. С одной стороны, женщина обязана делать всю работу по дому так как она хранительница очага. Но с другой стороны она не может делать это одна без помощи мужчины. Проходя этапы вторичной социализации, а в некоторых случаях и первичной, людям присваиваются определенные гендерные стереотипы, сформированные в данном обществе. Поэтому следует изменить отношение к семье в обществе осуществляя государственную политику по реализации принципа гендерного равенства. Для этого необходимо создать новый образ мужчины в семье. Необходимо активизировать роль отца и защитника семейства посредством рекламы, фильмов и прочих средств массовой информации. Если взять во внимание тот факт, что общество и семья каузально влияют друг на друга, то со временем семья может возобновить свою ценность в обществе.

Подводя итог, можно сказать, что современная российская семья находится на стадии трансформации гендерных ролей, что в конечном итоге может привести к «маскулинизации» женщин и «феминизации» мужчин. Образы субтильных мужчин-мальчиков сегодня активно используются средствами массовой информации в продвижении тех или иных услуг или продуктов, киноиндустрия и шоу-бизнес часто выбирают в «герои нашего времени» именно таких персонажей. Подобные тенденции ведут к культурологическому дисбалансу и появлению «супервумен», пропагандирующих агрессивную женскую природу, лишённую женственности, отказавшуюся от роли матери и хранительницы очага. Необходимо увеличить количество государственных программ, направленных на поддержку семьи и материнства, которые смогут помочь российской женщине остаться женственной, а мужчине – мужественным. А также проводить ряд социологических исследований для определения этой проблемы, а также выявления схожих проблем.

Литература

1. Большакова А. Западное литературоведение XX в. Энциклопедия / ИНИОН РАН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отдел литературоведения; гл. науч. ред. Е.А. Цурганова. М. Intrada, 2004.

2. Гендерные роли и проблема феминизации российского общества. [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990201_West_soc_2004_1\(3\)/17.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990201_West_soc_2004_1(3)/17.pdf)
3. Семья из прошлого в будущего [Электронный ежим] Режим доступа: http://gender-route.org/articles/men_and_women/sem_ya_iz_proshlogo_v_buduwee/
4. Словарь гендерных терминов [Электронный ежим] режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/>
5. Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». №2(7). Июнь 2010 n www.grani.vspu.ru

ЭЛЕМЕНТЫ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ РЕЛИГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

А.Г. Истомирин,

*заместитель директора Центра
профессиональной карьеры НИУ «БелГУ»*

С.Д. Лебедев,

*кандидат социологических наук, профессор кафедры
социологии и организации работы с молодежью
Института государственного
и муниципального управления
НИУ «БелГУ»*

Гражданское общество на сегодняшний день – самая эффективная форма общественного устройства. Современная Россия стремится к этой цели, однако институции гражданского общества в ней не развиты; оно находится в стадии формирования, в реальной социальной жизни присутствуют только его отдельные элементы. В настоящее время в России и существуют многочисленные организации и движения, организованные по инициативе самих граждан, что является хорошей предпосылкой развития гражданского общества. Однако для того, чтобы оно утвердилось как системное явление, необходимо развитие института гражданской религии. При её отсутствии значительным представляется риск перерастания гражданских инициатив в националистические [6], что несёт угрозу осуществлению основополагающих принципов гражданского общества.

Гражданская религия (ее называют также общественной или политической) предполагает массовое принятие людьми комплекса политических взглядов и представлений, связанных с историей нации и ее предназначением. Собственно, термин «религия» употребляется здесь сугубо в функциональном контексте, в соответствии с замечанием Г. Беккера о том, что «весьма значительная часть священного поведения почти не была или очень мало была связана с ориентировкой на сверхъестественное, то есть религиозное» [1, с. 170]. Гражданская религия осуществляет связь общества со сферой безусловного смысла, способствует самоинтерпретации этого общества и функционирует в качестве символической структуры, интегрирующей данное

общество. Это «оперативная религия» общества, система ритуалов, символов, ценностей, норм и форм верности, которая функционирует в жизни общества и обеспечивает его всеохватывающим чувством единства, выходящего за пределы всех внутренних конфликтов и различий. Отличительная черта гражданской религии состоит в том, что она связана определенными отношениями с государственной властью, но все же выходит за пределы этой власти, сосредоточиваясь на абсолютных условиях. Теоретически она и оправдывает власть, и в то же время создает основу для критики тех, кто ею обладает. Если редуцировать содержательную сторону гражданской религии и представить ее в виде элементарных составляющих, то можно сказать следующее: значение гражданской религии проявляется в том, что государство использует консенсус религиозных чувств, понятий и символов прямо или косвенно, сознательно или бессознательно для своих политических целей [3].

Пожалуй, самым главным критерием устойчивости и жизнеспособности гражданской религии в масштабах социетального сообщества выступает её способность интегрировать общее и частное, общенациональные, региональные и локальные «коллективные представления» и ценности. В соответствии с известным принципом Г. Зиммеля, согласно которому «во взаимодействиях между людьми возникают фрагменты религиозной сущности – так сказать, религии прежде религии» [5, с. 620], её основания следует искать на локальном уровне. Поэтому базой для подготовки и реализации крупных социоинженерных проектов, и прежде всего, таких, которые связаны с укреплением гражданской солидарности на уровне региона и выше, выступает именно локальный уровень, связанный с непосредственными повседневными действиями и смыслами. Описать его позволяет концепция коллективных идентичностей (далее КИ).

В работе П.Л. Крупкина [8] предложена общая концепция структуры КИ. Согласно этой концепции практически каждая КИ содержит четыре базовых элемента: (1) «центральное место», географическое или сугубо символическое; (2) ценности / святыни («боги» локального сообщества); (3) ритуалы поддержания и укрепления идентичности / солидарности участников; (4) вклад участников в сообщество – материальный или символический. Помимо этого, группа с КИ обычно включает (5) ядро и периферию, зачастую структурированную по статусным уровням. Предложенное структурирование описания коллективных идентичностей позволяет репрезентировать их разнотипный тезаурус достаточно единообразно.

Мы предполагаем, что особо важную роль при формировании КИ играют ценности и святыни идентичностей – те символы и артефакты, устойчиво наделяемые группой определенными чувствами и эмоциями, которые можно назвать сакральными. Именно чувственно-эмоциональная составляющая рассматривается при этом как определяющая сакральный статус явлений. П.А. Сорокин усматривал сущность религии «не в верованиях, не в тех или иных комплексах идей, а в чувственно-эмоциональных переживаниях веры человека» [15, с. 431]. То же относится и к различным проявлениям «светской сакральности».

Выражением сакральных переживаний в рассматриваемом случае оказывается та самая любовь к городу (месту), которая обычно характеризует определяющую часть его населения. Сакральность переживается как чувство гордости за почитание окружающими людьми признанных святынь, стереотипов повседневности и как чувство негодования за их «поругание». Ею «пропитаны» и образ города в презентационных его частях, и избранные жителями городские символы, и пантеон героев, и жизненный уклад (ритуалы повседневности) и, как следствие, стереотип характера среднего обывателя.

В число таких сакральных переживаний обязательно входят: 1) негодование от профанации считаемого святым / священным; 2) чувство благодности (благодати) вследствие удачно совершенного сакрального ритуала; 3) аффекты от того, что обозначается словами «осквернение» / «скверна», переживание которых приводит к «очищению». В качестве типичных примеров нерелигиозного сакрального символа можно привести: образ Матери, который священен в очень многих человеческих культурах; имя национального, этнического, религиозного, политического, культурного сообщества, с которым соотносит себя человек; воинскую и государственную символику для «служивых людей», etc.

Такие «священные» эмоции и всё, непосредственно связанное с ними в сознании, может быть названо сакральной сферой человека. Предположительно, каждый человек имеет в своем мозгу некий «центр сакральности», который отвечает за эмоциональное обеспечение переживаний человека при его взаимодействии со всем тем, что входит в его сакральную сферу. Сакральность какого-то образа для индивида обеспечивается связью данного образа с указанным центром, а сама эта связь формируется при социализации личности, обеспечивая смысловой контент сакральной сферы каждого человека. Здесь можно обнаружить связь с философией Ч. Тейлора [18], который считал содержимое сакральной сферы очень важным для индивида в плане обеспечения чувства полноты его жизни. При этом для ощущения полноты жизни совершенно не важен тип содержания сакральной сферы: это может быть и религия, и наука, и мастерство (профессионализм).

Здесь особенно значим ранний этап первичной социализации личности, когда эмоциональная открытость восприятия («работа» зеркальных нейронов) максимальна, а его критичность минимальна. Усвоенные в это время смыслообразы становятся в дальнейшем универсальными паттернами социального знания. Как отмечали П. Бергер и Т. Лукман, «уже интернализированная реальность имеет тенденцию продолжать свое существование. Любое новое содержание, которое теперь нужно интернализировать каким-то образом, должно накладываться на уже существующую реальность» [3, с. 228]. Среди прочего в сакральную сферу входят, прежде всего, такие важные и тесно взаимосвязанные элементы обеспечения социальности, как ценности (святыни) сообщества, его институты (и связанные с ними «табу»). Под институтами в данном контексте понимается «вся совокупность правил и норм, которые определяют поведение человека, как формальных (конституции, законы, стандарты, нормы), так и неформальных

(обычаи, привычки, «понятия», традиции, внутренние системы мотивации людей)» [7, с. 71].

Собственно, социализация и может быть определена как более или менее успешное усвоение индивидом (группой, общностью) некоторой суммы консенсусных представлений о двух «китах» – святынях и регулирующих нормах – референтного сообщества. Человек впитывает их в себя, причем часто неосознанно. Повседневное знание при этом устанавливает четкие «пороговые значения», соответствие поведения человека которым позволяет признать его потенциально «своим» – то есть в необходимой мере носителем тех качеств, которые требуются от члена сообщества. Еще более высокая «планка» ставится перед тем, кто претендует в сообществе на лидерские позиции. При этом происходит «заострение» коллективного сознания на символах сообщества, субъективное отождествление его представителями коллективного «мы» как автохтонной группы и той святыни, которая наиболее актуальна для нее в конкретном ситуационном контексте. Интернализация через ассоциативно-символический механизм психики, лежащая в основе тотемической формы архаической религиозности, сохраняет свою актуальность и на последующих стадиях культурного и общественного развития, позволяя включить в персональную идентичность индивида несколько разных КИ – каждую со своим специфическими «богами» («тотемами») [11].

В этой связи все те действия людей, которые связываются с понятием «социальный контроль», имеют своим побуждающим началом чувство негодования от профанации какого-то института реальным или предполагаемым нарушением социального порядка. Это возможно только при «вплетении» образа (символа) данного института в сакральную сферу человека, размещения его среди индивидуальных или групповых святынь («богов»). А само формирование (обобществление) институтов, в свою очередь, становится возможным при согласовании сакральных сфер членов группы, что происходит обычно путем коммуникации при формировании их КИ. Иными словами, социальный контроль в рамках какого-либо института неотделим от КИ сообщества, обеспечивающего актуальность данного института [11].

Здесь следует также отметить, что в данном контексте сакральная сфера структурно аналогична явлению, которое определяется как архетипы – социальные феномены на основе врожденных форм [6; 7]. В данной связи у каждого индивида есть некая врожденная форма (способность), которая «заливается» конкретным содержанием при его социализации, зачастую еще в детском возрасте. При этом, по утверждению С.В. Рязановой, «содержательное заполнение формальных рамок того или иного архетипического образа необходимо подчиняется логике повсеместного присутствия социального начала» [14, с. 68]. В дальнейшем данное содержание эволюционирует в течение всей жизни индивида, согласуясь с таковым у других носителей. Наряду с сакральной сферой [10], наличие таких врожденных форм обнаруживается для родного языка, чувства справедливости и других социальных феноменов [9].

Итак, можно утверждать следующее. Гражданская религия – это комплекс переживаний, символов и ритуалов, целенаправленно ориентированный на поддержание и укрепление солидарности (интеграции) гражданского сообщества. Её идея вытекает из того факта, что социальность в её фило- и онтогенезе коренится в сакральных основаниях человеческой жизни. Эти сакральные основания синкретически интегрируют чувственно-эмоциональные переживания священного на уровне индивидуальной психики, коллективные символы и ценностные представления об идентичности на уровне культуры и институты как социальные нормы с санкциями за их несоблюдение – на уровне общества. Любые сложные социальные структуры конструируются на этой основе и питаются энергией соответствующих мотиваций. Игнорирование последних, напротив, неизбежно ведет к распаду социальных групп и общностей. Отсюда любое конструирование гражданских религий, направленное на повышение солидарности крупного сообщества – в нашем случае, на основе региональной идентичности – призвано опираться на этот внутренний ресурс самосознания его членов в том виде, как он сложился и реально функционирует. Из этого вытекает необходимость обстоятельного систематического изучения состояния и динамики локальных идентичностей, образующих «подпочву» самосознания регионального сообщества.

Литература

1. Беккер Г.П. Современная теория священного и светского и ее развитие // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. Д.И. Чеснокова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. С. 158-217.
2. Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Либеральная миссия, 2010.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания: Пер. с англ. М.: Изд-во «Медиум», 1995.
4. Егоров В.А. «Гражданская религия в Америке» Роберта Беллы. С. 60-62.
5. Зиммель Г. К социологии религии: [Пер. с нем.] // Избранное. В 2 т. Т.1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. – С. 618-635.
6. Ирхин Ю.В. Гражданское общество и власть // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С. 3-12.
7. Крупкин П.Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения: опыт рационального осмысления. М.: Флинта: Наука, 2010.
8. Крупкин П.Л. Эволюционная теория архетипов Юнга: архетипические моменты в структуре коллективной идентичности // ПУ (Публичное управление: теория и практика: Сборник научных работ Ассоциации докторов наук государственного управления). № 3-4. Харьков: Изд-во «ДокНаукДержУпр», 2010. С. 303-311 [электронная версия: <<http://modernity-centre.org/2010/07/27/kroopkin-115/>>.]
9. Крупкин П.Л. Архетипы социальности // Публичное управление: теория и практика: Сборник научных трудов Ассоциации докторов государственного управления: Специальный выпуск. Харьков: Изд-во “ДокНаукДержУпр”, 2012. С. 272-275. [электронная версия: <<http://modernity-centre.org/2012/06/23/kroopkin-131/>>.]
10. Крупкин П.Л. Архетип сакральности // Публичное управление: теория и практика: Сборник научных трудов Ассоциации докторов наук государственного управления: Специальный выпуск. Харьков: Изд-во “ДокНаукДержУпр”, 2013. С. 222-226. [электронная версия: <<http://modernity-centre.org/2013/05/17/kroopkin-137/>>].

11. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в сегодняшней России: опыт структурного анализа. // Социологический журнал. 2013. №4. С. 35-48.
12. Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 46-65.
13. Рязанова С.В. Светские формы современной религиозности: эволюция социального мифа // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. Вып. 11. С. 64-79.
14. Сорокин П.А. Система социологии: В 2-х т. Т. 2. Пг.: Колос, 1921.
15. Tajfel, H., Turner, J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago: Chicago University Press, 1986. P. 7-24.
16. Taylor Ch. Secular age. Cambridge: Harvard University Press, 2007.

ДОБРОСОСЕДСТВО КАК НИЗОВАЯ ФОРМА САМООРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Л.В. Колпина,

*доцент кафедры социальных технологий Института управления
НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук, доцент*

В последнее время, когда флуктуации системы мирового порядка обнаруживают непрочность административной надстройки, все больше приходит понимание того, что в обеспечении устойчивости местных сообществ важную роль должны играть низовые структуры гражданского общества, к которым относится и территориальное общественное самоуправление (ТОС).

Роль добрососедства на уровне функционирования ТОС, как низовой формы самоорганизации, определяющая. Во-первых, соседские сети отношений (социальные сети) – это чаще всего локальные сообщества, характеризующиеся общностью территории, а потому имеющие объективные основания для развития самоорганизации и самоуправления в ее рамках. Соседские социальные сети могут стать реальной базой самоорганизации, как минимум, в силу необходимости у людей, проживающих на локальной территории, решения насущных проблем ее благоустройства, адаптации для нужд населения, согласования правил «общезития» в ее рамках и т.п. Это особенно значимо для России, где проблема низовой самоорганизации затруднена слабой структурированностью социального пространства, его аморфностью.

Кроме того, потенциал добрососедства в развитии процессов самоорганизации обусловлен, по нашему мнению, еще и тем, что современная российская действительность отличается подавляющим превалированием социального капитала закрытого типа. Основанный на кровнородственных и дружеских связях и отношениях, испытывающий острый дефицит открытого социального капитала(3), базирующегося на социальном доверии, мезо – и макросоциальной интеграции, он способствует развитию клановости,

обуславливает низкую проницаемость межгрупповых перегородок, социальную сегментацию, что выступает барьером для самоорганизации населения.

В такой ситуации развитие соседских социальных сетей невольно содействует размыканию узких кругов общения, росту социального доверия, формированию практик солидаризации для решения общих проблем и, как следующий этап, участию в местном самоуправлении, политической жизни, макро групповой интеграции.

В тоже время, практики добрососедства нельзя назвать развитыми, в частности, в Белгородской области, о чем свидетельствуют, например, данные социологического опроса, проведенного под руководством доц. Е.В. Реутова, «Функционирование социальных сетей в региональном сообществе» (2010 год, региональная выборка). Судя по ответам на закрытый вопрос «Если Вы оказались в трудной ситуации, на чью помощь Вы, в первую очередь, рассчитываете?» (можно было дать не более трех вариантов ответа), на помощь соседей полагаются 11,8% опрошенных. Для сравнения: на помощь родственников, членов семьи – 74,7%, друзей, знакомых – 51,2%, коллег по работе – 12,3%, государственных (муниципальных) органов, учреждений – 4,5%, общественных организаций – 1,5%, религиозной общины, землячества – 1,2%.

Более других рассчитывают на помощь соседей жители сельских поселений (15,1% из их числа против 10,1% и 11,2% – представителей городов с населением свыше и менее 100 тыс. человек/поселков городского типа соответственно), в возрасте от 60 лет и старше (24,3% из их числа против 6-10% респондентов в группах от 18 до 59 лет); со средним, незаконченным средним (19,7%) и средним специальным образованием (15,7%) против 6,2 и 10,7% респондентов с незаконченным высшим и высшим образованием соответственно. Наибольшая зависимость установки на обращение к помощи соседей регистрируется от уровня материального достатка. Чаще всего о такой ориентации говорят среднеобеспеченные респонденты (кому денег хватает на продукты и одежду, иногда – на покупку бытовой техники) – 29,2%; затем – малообеспеченные и бедные (денег хватает на продукты, иногда – на покупку одежды и приходится экономить абсолютно на всем) – 18,4% и 13,8% соответственно; минимально – наиболее обеспеченные, которые ни в чем себе не отказывают (6,89%), или не могут купить квартиру, машину, но в остальном нужды не испытывает (4,85). Гендерная разница незначительна: рассчитывают на помощь соседей 10,0% мужчин и 13,5% женщин.

Следует отметить, что готовность обратиться за помощью – это всего лишь установка, потенция, которая может и не слишком коррелировать с реальной ситуацией. Однако она отражает подход к данному типу социальных отношений, экспектации относительно этого типа социальных сетей.

Что же касается жизненной практики, то пользуются помощью соседей 57,1%, прибегают к ней несколько раз в течение года 28,9%, раз в месяц -12,7%, о еженедельном обращении за помощью к соседям и чаще сообщили 4,3 и 3% опрошенных соответственно. Еще более часто респонденты указывают на то, что сами оказывают такую помощь (65%). В целом эти данные сопоставимы с

результатами исследования других авторов. По данным опроса общественного мнения, проведенного И.В. Мерсияновой, 67% граждан за последние несколько лет ни разу не приходилось для решения общих проблем обращаться к соседям. А из менее трети опрошенных, сообщивших о наличии практики таких совместных действий, у половины – опыт был неудачным. При этом, сравнивая ответы, характеризующие иерархии проблем, которые, по мнению опрошенных, есть у соседей и у них самих, автор приходит к выводу об их общности, что предполагает, как минимум, если не наличие основы для совместного решения проблем, то хотя бы для совместной коммуникации [2, 160].

Конечно, обращение за помощью – не единственный фактор, обуславливающий взаимодействие между соседями, но, тем не менее, эти данные показывают наличие объективной необходимости в добрососедстве. Одновременно, низкая установка на обращение за помощью к соседям заставляет предполагать нежелательность этого взаимодействия, стремление и его избежать по мере возможностей.

Региональное исследование, проведенное под руководством автора в 2012-2013 гг., подтвердило этот вывод. Об искренних, доброжелательных отношениях с соседями сообщили 38,5% опрошенных (для сравнения: с родственниками – 84,8%, друзьями – 70,0%, коллегами по работе, бизнесу – 40,5, с единомышленниками – 42,1%). Ощущение востребованности, нужности в отношениях с соседями – в числе самых низких. Индекс востребованности в соседских отношениях составил 40,4, с родственниками – 87,7, друзьями – 75,4, коллегами по работе, бизнесу – 57,5, единомышленниками по хобби, интересам, целям – 48,5, членами религиозных (этнических) организаций, общин – 16,0. Респонденты дали одну из самых низких оценок подконтрольности, управляемости для них ситуации в этом типе отношений, индикатором чего послужил вопрос о том, в какой мере зависят от них хорошие отношения с соседями (индекс управляемости в соседских социальных сетях равен 47,2, в кровнородственных – 79,2, дружеских – 67,5, с коллегами – 56,1, с единомышленниками – 44,9, с членами религиозных общин – 30,5); уровня доверия (индекс доверия соседям – 45,1; родственникам – 88,2, друзьям – 77,1, коллегам по работе – 51,9, единомышленникам – 46,1, членам религиозных организаций, общин – 37,2). Инициаторами отношений с соседями считают себя только 14,7% опрошенных, 12,1% назвали инициаторами соседей, а 61,1% (!) сообщили, что они с ними не общаются. О том, что хотели бы наладить, активизировать отношения с соседями, сообщили лишь 7,2%.

Более всего, по мнению респондентов, развитию отношений добрососедства мешает отсутствие свободного времени (49,7%), безынициативность людей (44,6%). Значимыми являются также следующие причины: неуверенность людей в том, что их «правильно поймут», негативные личностные характеристики соседей (так ответили по 23,4% опрошенных). Групповое обсуждение барьеров добрососедства также показало, что возможность расширения сети своих отношений за счет соседей в большинстве случаев имеет в глазах опрошенных негативную или индифферентную окраску.

Если же звучит позитив, то в основном не в отношении «обобщенного» образа соседей, а применительно к конкретным людям.

«Хотели бы вы расширить свой круг общения за счет соседей?... Почему?... Что этому препятствует?– Соседи – есть соседи... Нет причин общаться, нет потребности»; «...Рядом бабушка и дедушка – божьи одуванчики – слушать про подагру тоже не интересно. Так, на уровне – здравствуйте, здравствуйте, как дела, сегодня воду отключили ... и можно разойтись, потому как таковых интересов нет...»; «Принципиально нет причин общаться с соседями»; «Соседи мешают, соседи раздражают...»; «Разные мы люди... »; «А я бы хотела. Но когда мой сосед каждый день бьет свою жену, ребенок орет – я не хочу с ним вообще общаться; мне он абсолютно не интересен ни как человек, ни как личность. Я его и видеть не хочу. Второй сосед снизу – я тоже не хочу с ним общаться. Я на улице нашла телефон его ребенка, позвонила ему, говорю – возьмите телефон, так они пришли с таким видом, будто я вытащила телефон из его кармана. Я не хочу общаться с этими людьми».

Естественно, к соседскому коллективу нельзя подходить с теми же мерками, по которым строятся отношения с друзьями и близкими людьми. Тем не менее, в высказываниях часто звучит упоминание о дружбе как непереносимом условии развития отношений добрососедства: *«А мне кажется, если человек интересен, можно подружиться и с соседом. Моя соседка с верхнего этажа залила меня, прибежала, извинялась. С тех пор мы хорошие подруги на протяжении многих лет».*

Напротив, невозможность включения в соседские сети обосновывается объективными различиями, препятствующими дружбе: *«Мне кажется, что одинаковый бы возраст – плюс, минус 5 лет, тогда бы складывалось все по другому... а так получаются разные сословия людей»; «Нет, не хотел бы. С тем, с кем я общаюсь, уже общаюсь, с остальным не хочется». – Почему? – «Определенный менталитет, определенные возрастные рамки есть. Есть несколько семей, с которыми мы хорошо общаемся, мы сошлись по принципу примерно одного возраста, все остальные – бабушки пенсионерки, с которыми нет общих интересов и нет смысла расширять за счет их круг общения».*

Таким образом, можно утверждать, что в общественных установках отсутствует понимание принципиально иной сущности отношений добрососедства, нежели дружбы, в связи с чем перенос опыта формирования дружеских сетей на соседские, по-видимому, является ограничителем развития этих практик.

Так, в одном из высказываний подчеркивается возможность решения возникающих проблем с соседями только при условии дружбы с ними, которая, в свою очередь, зависит от общности интересов: *«...Если друг – он поймет, что тебя залил, и деньги тебе отдаст. Но все зависит от интересов. Разные интересы. У меня соседей живет – целая общага моего возраста. У меня сосед по комнате бухает каждый день, я прихожу – он пьяный постоянно. Я не могу с ним общаться, мне неинтересно. Я не собираюсь так время проводить. Есть сосед через 4 комнаты – мы с ним дружим, собрались, куда-то пошли, поехали. Но с этим-то я не буду дружить, с алкашом. Все зависит от интересов, полная общага людей, все знакомые, а друзей нет».*

На наш взгляд, специфика отношений добрососедства заключается в первую очередь в осознании общности территории, необходимости совместного решения проблем и формирования, поддержания отношений, обеспечивающих комфортное проживание. С точки зрения построения новых отношений, локализация на одной территории является, скорее, разъединяющим фактором, нежели объединяющим, ориентирующим на взаимодействие. *«Каковы причины Вашего нежелания расширять свой круг общения за счет соседей?» – Неприятные моменты, связанные с соседями: затопили, хулиганят, шумят, кричат»; «Соседство накладывает специфические обязательства, например, если мы дружим с нашими соседями, если вдруг они нас зальют, мы уже не пойдем с разборкой, как то уже неудобно...»* (1, с. 195-198).

Таким образом, результаты исследований показывают, что тема построения отношений добрососедства не актуальна для большинства населения. Хотя и в небольшой степени, такая ориентация существует среди пожилой его части. Развитие сетей добрососедства видится для большинства населения возможным лишь при наличии межличностной аттракции. Знаменателем проблем развития соседских сетей общения следует обозначить отсутствие культуры добрососедства, основанной на осознании необходимости этих отношений не столько с целью удовлетворения аффилиативных потребностей, сколько для совместного решения общих задач, вызванных единством пространственной локализации, обеспечения в ее рамках эффективной и комфортной жизнедеятельности.

Складывается впечатление, что если институт добрососедства и получит дальнейшее самостоятельное развитие, то процесс этот будет очень длительным. И еще менее оптимистичными выглядят перспективы перерастания практик добрососедства в практики самоорганизации по решению общих проблем. Тем не менее, в силу высокой важности этого института, видится необходимым стимулирование данного процесса в идеале – через поддержку общественных инициатив и обеспечения «безбарьерной» и богатой возможностями среды для их реализации. Но поскольку низовые инициативы в настоящее время минимальны, то названная задача, как это бывает обычно в России, должна решаться «сверху» – путем не только создания соответствующих условий, а и обучения общественных лидеров, специальной работы в СМИ, в образовательных учреждениях.

Литература

1. Колпина Л.В., Вангородская С.А., Реутов Е.В. Барьеры формирования и функционирования социальных сетей: региональный аспект. – Белгород: «ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 283 с.
2. Мерсиянова, И.В. Территориальное общественное самоуправление как форма общественного участия [Текст] / И.В. Мерсиянова // Вопросы государственного и муниципального управления. –2010. – № 3. – С. 149-168.
3. Полищук Л., Меняшев Р. Миф о социальном капитале // URL: <http://www.forbes.ru/-column/54307-mif-o-sotsialnom-kapitale-rossii> (дата обращения 27.08.2014)

СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

И.В. Конев,

*доктор социологических наук,
профессор кафедры социальных технологий,
НИУ «БелГУ»*

При проектировании и осуществлении государственной поддержки малого предпринимательства, как и во многих других случаях, важно определить стратегию поступательного движения, которая выражается в соответствующих принципах как в исходных и основных требованиях к организации деятельности.

Принципы, с одной стороны, ориентируют на будущее, на изменение и совершенствование деятельности, с другой стороны, подытоживают прошлый опыт, аккумулируют его достижения и эффективные решения. Обе стороны при этом неразрывно связаны: вторая выступает основанием для первой, а первая – продолжением второй.

Исходя из такого понимания «принципа», ставится задача выделить и определить принципы государственной поддержки малого предпринимательства, показать особенности их применения на практике, с опорой преимущественно на региональный опыт Белгородской области.

Принцип системности. Важность соблюдения данного принципа системности связана, прежде всего, с тем, что для российской государственной политики характерна слабая согласованность интересов федеральных, региональных и муниципальных уровней, что проявляется, в частности, в несогласованности видов (направлений, форм) регулирования малого предпринимательства.

Взаимодействие между федеральными и региональными уровнями регулирования целесообразно наладить, прежде всего, в следующих областях:

- а) в законодательной сфере;
- б) в определении приоритетов и разработке прогнозов развития малого предпринимательства и форм его государственной поддержки;
- в) в институциональной политике;
- г) в предоставлении целевых финансовых средств депрессивным регионам;
- д) в использовании зарубежной помощи.

При этом важно создание единой вертикали в сфере государственной политики и поддержки малого предпринимательства.

Принцип системности государственной поддержки малого предпринимательства также выражается:

- в инструментальном разнообразии видов поддержки;
- в мультинаправленности поддержки;
- в разнообразии форм поддержки;
- в использовании диверсифицированных источников поддержки.

Инструментальное разнообразие поддержки выражает многообразие видов поддержки в зависимости от ее содержания (средств) этой поддержки.

Система государственной поддержки малого предпринимательства включает несколько ее видов:

- экономическая поддержка;
- финансовая поддержка;
- имущественная поддержка;
- административная поддержка;
- консультационно-методическая поддержка;
- информационная поддержка;
- образовательная поддержка;
- социально-психологическая поддержка.

Принцип равных возможностей. Необходимо обеспечить равный доступ всех предпринимателей к государственной поддержке. В этом требовании суть принципа равных возможностей. В соответствии с данным принципом, распределение субсидий федерального бюджета планируется по регионам пропорционально доле малых компаний, действующих на территории региона.

В Белгородской области успешно реализуется долгосрочная целевая программа поддержки и развития малого и среднего предпринимательства, что отмечено Министерством экономического развития РФ. Одним из инструментов поддержки предпринимательства является Белгородский гарантийный фонд содействия кредитованию. Фонд предоставляет гарантии (поручительства) по коммерческим кредитам. Предприниматель обращается в банк. В случае, если заемщику не хватает залога, чтобы получить требуемую сумму кредита, на помощь приходит Программа государственной поддержки «Гарантийный фонд». Он предоставляет недостающую сумму залога. Конечная цель деятельности Гарантийного фонда – обеспечить равный доступ к кредитным ресурсам для всех предпринимателей. На экономическом пространстве, в условиях конкуренции встречаются и начинающие предприниматели, и активно развивающиеся, и достаточно давно осуществляющие свою деятельность. Гарантийный фонд стремится создать равные условия для всех групп предпринимателей перед кредитными организациями, дать возможность получить те заёмные средства, которые позволят им удержать свой бизнес и развить его.

На сегодняшний день «Гарантийный фонд» заключил соглашения с 14 коммерческими банками. Предприниматели имеют возможность обратиться в любой из них и выбрать наиболее подходящие условия для финансирования своего проекта.

Соблюдение принципа равных условий предполагает обеспечение доступности государственной поддержки для всех муниципальных образований в регионе, а также социальных групп.

Важность соблюдения первого из этих требований связана с тем, что происходит сверхконцентрация малых предприятий в нескольких крупных центрах. Почти 75 % от общего числа предприятий Белгородской области сосредоточены в 3-х наиболее крупных городах – Белгороде, Старом Осколе и

Губкине, из них 60% – в Белгороде. На оставшиеся сельские районы области приходится всего 25% всех малых предприятий, т.е. на территории одного сельского района функционирует всего от 1 до 3-х процентов предприятий от их общей численности. Причем, позитивной динамики в данном аспекте не наблюдается. По-прежнему развитие предпринимательства в сельских районах происходит крайне медленно.

В связи с этим, в рамках стратегического развития региона разработан и реализуется проект поддержки сельских предпринимателей, который направлен на содействие всем видам предпринимательства на селе. Одним из его направлений является поддержка производителей молока и сена. В рамках данного направления созданы рабочие группы из представителей региональной администрации, Белгородского областного фонда поддержки малого и среднего предпринимательства и банков. При этом, ограничений по выдаче кредитов не предусмотрено, а деятельность глав сельских администраций стало оцениваться по уровню предпринимательской активности населения. Кроме того, в рамках реализации данного проекта решается задача привлечения не менее тысячи селян, желающих заняться товарным производством молока.

Следует отметить также, что бывшие безработные поддерживаются в форме предоставления льготных займов за счет средств областного и федерального бюджетов на открытии ими собственного дела. Кроме того, благодаря координации мероприятий областной программы поддержки предпринимательства с программами содействия занятости, в 2009-2011 годах была обеспечена самозанятость более 9 тыс. безработных граждан, получивших субсидии в размере 58,8 тыс. рублей в объеме около 530 млн. рублей на организацию своего дела в основном в сельской местности.

Оказывается также приоритетная поддержка малым и средним предприятиям, размещающим свои производства на территории учреждений уголовно-исполнительной системы.

Продолжая анализ принципов государственной поддержки малого предпринимательства, выделим также принцип баланса целевых ориентаций.

Принцип баланса целевых ориентаций. Имеются три основные цели государственной поддержки малого предпринимательства:

- удовлетворение потребностей общества;
- получение прибыли;
- удовлетворение интересов работников.

Первая цель – удовлетворение потребностей общества – достигается посредством соблюдения трудового законодательства, получения дохода для перераспределения, обеспечения условий занятости населения; формирования социальной ответственности перед обществом.

Вторая цель – получение прибыли – достигается:

– посредством роста производительности труда и расширения масштабов производства, а именно: а) оптимизации рабочих мест и трудовых процессов; б) приема на работу новых сотрудников, соответствующих требованиям малого предприятия; в) создания благоприятных условий труда и удобного режима работы; г) совершенствования нормирования трудозатрат; д)

повышения квалификации и обучение новым видам работ; е) усиления мотивации персонала;

– посредством высвобождения численности, экономии на оплате труда и организации процесса труда, что предусматривает а) формирование оптимальной структуры персонала; б) планирование потребности в персонале; в) качественную и количественную оценку видов работ; г) оптимальное разделение и кооперацию труда, создание информационных потоков; д) совершенствование системы оплаты труда; е) установление рационального режима труда и отдыха; ж) рациональную организацию рабочих мест; з) оценку затрат на персонал;

– посредством совершенствования параметров производственных и трудовых процессов, повышения квалификации работников. Это предполагает: а) стимулирование качества продукции за счет изобретательства и рационализаторства; б) обеспечение соответствия характеристик персонала требованиям рабочих мест.

Третья цель – удовлетворение интересов работника – предполагает:

- организацию справедливой оплаты труда;
- обеспечение уверенности в будущем;
- обеспечение удовлетворенности трудом;
- создание условий для самореализации личности.

Для нормальной деятельности бизнеса необходимо обеспечить оптимальное сочетание интересов государства, потребителей и субъектов предпринимательства. А для этого следует создать упорядоченную и эффективную нормативно-правовую базу малого предпринимательства, которая стимулирует развитие бизнеса и обеспечивает благоприятные условия для тех, кто готов начать и продолжить свое дело. Важно, чтобы государственная политика поставила надежный заслон непрекращающемуся разрастанию административных барьеров на пути деловой активности малого бизнеса. Нужно смягчить регулирование экономики, но не в том смысле, что нужно меньше уделять ему внимания, а ликвидировать «постоянную готовность чиновников отрегулировать любой бизнес в режиме ручной настройки».

Принцип адресности. Еще один важный принцип – адресность государственной поддержки малого предпринимательства. Данный принцип предусматривает учет особенностей малых предприятий, решаемых ими задач. В этом отношении показательна позиция Российского банка развития. Так, для осуществления финансовой поддержки малого предпринимательства этим банком разработаны такие кредитные продукты, как «Стартовый капитал» (данный продукт направлен на кредитование вновь создаваемых субъектов малого предпринимательства в целях формирования и укрепления его материально-технической базы), «Капитал для роста» (направлен на рост материально-технической базы уже действующего субъекта малого бизнеса, расширение производства, создание новых технологий), «Оборотный капитал» (ориентирован на пополнение материальных запасов, приобретение товарно – материальных ценностей) и «Регион» (кредитование приоритетных для

регионов проектов). Решение о том, в рамках какого из указанных продуктов кредитовать субъект малого предпринимательства, принимается банком – партнером самостоятельно.

В соответствии с принципом адресности оказывается дифференцированная поддержка различным социальным категориям населения, занимающимся малым бизнесом – сельским жителям, молодежи, женщинам и др.

Вместе с тем, многие планы по поддержке малого бизнеса пока ориентированы абстрактно на весь данный сектор. Слабо учитываются социально-организационные различия среди малых предприятий. Например, помощь предприятиям, созданным представителями социально-уязвимых групп населения (инвалидами, женщинами, молодежью), малым фирмам, экспортирующим свою продукцию, инновационному бизнесу в условиях кризиса должна быть более конкретной, точно целенаправленной. Таким предприятиям должны предоставляться специфические налоговые льготы, а, возможно, и льготные кредиты на инвестиции в основные фонды, на модернизацию оборудования, устанавливаться ускоренные амортизационные отчисления и т.п.

Справедливости ради надо отметить следующую «эволюцию» – программы многих банков раньше были ориентированы на массовое финансирование бизнеса, помогали выжить в кризисе, а теперь становятся адресной поддержкой приоритетных отраслей экономики. Во главу угла ставятся инновации, модернизация и энергоэффективность.

Важное значение имеет грантовая поддержка. Гранты предоставляются начинающим предпринимателям на создание собственного дела. Гранты – это субсидии индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам-производителям товаров, работ, услуг, предоставляемые на безвозмездной и безвозвратной основе на условиях долевого финансирования целевых расходов по регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя; расходов, связанных с началом предпринимательской деятельности; выплат по передаче прав на франшизу.

Принцип состязательности. Все более широкое распространение в практике государственной поддержки малого предпринимательства получает принцип состязательности. С целью создания условий для добросовестной конкуренции практикуется привлечение субъектов малого предпринимательства к участию в конкурсах на поставку продукции, товаров и услуг для областных и муниципальных нужд.

За последние годы в Белгородской области сложилась система организации различных форм состязательности в сфере малого предпринимательства. Так, ежегодно проводится областной конкурс «Предприниматель года» среди субъектов малого и среднего предпринимательства, зарегистрированных и осуществляющих свою деятельность на территории Белгородской области. Конкурс проводится по нескольким направлениям: «Эффективность и развитие», «Социальная ответственность бизнеса и благотворительность», «Создание новых рабочих

мест и улучшение условий труда», «Молодой предприниматель года», «Деловая активность бизнеса», «Семейный бизнес», «Деловая женщина – предприниматель года», «Лучший объект сельского туризма Белогорья», «Лучшая семейная ферма Белогорья», «Старт», «Лучшее малое предприятие в сфере инновационной деятельности», «Услуги для бизнеса», «Белгородская марка», «Ремесленничество и народные промыслы».

Причем, по многим из этих направлений предусмотрено несколько внутренних номинаций. Так, по направлению *«Эффективность и развитие»* оцениваются показатели эффективности деятельности, выход на новые рынки, расширение ассортимента и улучшение качества продукции. В этой номинации дипломы победителей присуждаются:

- за эффективную предпринимательскую деятельность в сфере торговли и общественного питания;

- за эффективную предпринимательскую деятельность в сфере производства;

- за эффективную предпринимательскую деятельность в сфере услуг;

- за эффективную предпринимательскую деятельность в сфере сельского хозяйства;

- за эффективную предпринимательскую деятельность в сфере охраны здоровья населения;

- за эффективную предпринимательскую деятельность в сфере строительства;

- за эффективную предпринимательскую деятельность в сфере туризма.

Конкурсной комиссией учреждаются также специальные поощрения для учреждений инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, органов местного самоуправления в следующих номинациях:

- «Организация работы по поддержке предпринимательства»;

- «За развитие малого предпринимательства в сфере сельского туризма»;

- «За активное участие в реализации программы «Семейные фермы Белогорья».

Специальный приз получают также средства массовой информации *«За лучший материал о малом и среднем предпринимательстве»*. Областная общественно-информационная газета «Белгородское бизнес-обозрение» учреждает специальный приз *«Самая успешная, самая красивая»* для женщин-предпринимателей.

Принцип обмена опытом. Состязательность тесно связана с обменом опытом. Многие организации в Белгородской области накопили инновационный опыт, который успешно можно использовать в других организациях (районах, регионах). В этой связи было предложено государственным и муниципальным организациям (структурам) ответить на вопрос о том, имеется ли подобный опыт в организациях, расположенных в представляемых ими городах (районах). Каждый пятый из опрошенных считает, что такой опыт, безусловно, имеется. Каждый третий полагает, что,

наверное, имеется. Есть и такие респонденты – их 8,2% – которые отрицают наличие инновационного опыта у местных предприятий. Значительная часть респондентов (40,2%) затруднилась с ответом относительно наличия инновационного опыта.

Если инновационный опыт у местных организаций имеется, то хорошо ли известно о нем заинтересованным сторонам, потенциальным пользователям? Почти половина респондентов оказалась в затруднении с ответом на вопрос относительно осведомленности потенциальных потребителей об инновационном опыте местных организаций. Судя по ответам остальных респондентов, потенциальные потребители недостаточно или совсем не информированы об инновационном опыте.

подавляющее большинство респондентов (82,3%), представляющих органы государственного и муниципального управления Белгородской области, считает, что есть необходимость в более широком и конкретном освещении инновационного опыта, наработанного в регионе, а также его распространения на другие организации.

Поучительна в этом отношении практика организации межрегиональных форумов по обмену опытом. Так, в 2012 году уже в восьмой раз прошел Белгородский форум. В Белэкспоцентре на протяжении четырех дней собирались неравнодушные люди, которые понимают: от малого и среднего бизнеса зависит обновление экономики нашей страны, повышение уровня и качества жизни населения. Организаторами выступили департамент экономического развития области, Белгородский областной фонд поддержки малого и среднего предпринимательства, Белгородская торгово-промышленная палата.

Принцип социальной ответственности Государственная поддержка малого предпринимательства связана неразрывно с повышением его социальной ответственности. Способность к социальному взаимодействию власти, бизнеса и общества, более того, потребность в их социальном взаимодействии, не предопределяется изначально. В числе первых, кто поставил вопрос о социальной ответственности бизнеса, был знаменитый Э. Карнеги. Он сформулировал два основных положения, на которых основывается понятие социальной ответственности. Первое – принцип благотворительности, второе – принцип служения.

Сопоставляя эти различные концептуальные позиции, можно сделать вывод о том, что все они правомерны и отражают разные аспекты сложного процесса взаимосвязи общества, государства, политики и бизнеса.

Социальная ответственность в широком понимании выступает как система определенных ожиданий общества по отношению к собственникам и менеджменту, производственным структурам, с одной стороны, и осознание ими своего долга перед обществом, коллективом, индивидом за свои действия и их социальные последствия – с другой. Концепция социально ответственного бизнеса рассматривает взаимодействие бизнеса, общества и государства в

общем и целом, тогда как понятие корпоративной социальной ответственности можно трактовать как конкретизацию общей концепции. В материалах Европейской комиссии дается следующее определение: «Корпоративная социальная ответственность, по своей сути, является концепцией, которая отражает добровольное решение компаний участвовать в улучшении общества и защите окружающей среды». Ассоциация менеджеров России дает следующее определение социально ответственной компании: это компания, действующая по принципам социальной ответственности и осуществляющая комплекс социальных программ в приоритетных для нее направлениях. Крупнейшие ассоциации российского бизнеса – Российский союз промышленников и предпринимателей (работодателей) (РСПП), Торгово-промышленная палата Российской Федерации и Объединение предпринимательских организаций России (ОПОРА) в своих программах ввели как обязательное понятие «социальная ответственность бизнеса». Для координации усилий в этой области в РСПП был создан пост вице-президента «по социальной ответственности бизнеса».

Повышению социальной ответственности малого бизнеса способствует проведение Всероссийского конкурса «Российская организация высокой социальной эффективности. Его цель – представить общественности опыт российских организаций, добивающихся высокой социальной эффективности в решении социальных задач, и содействовать развитию форм социального партнерства в организациях. Участниками конкурса могут быть российские юридические лица независимо от организационно-правовой формы, формы собственности и осуществляемых видов экономической деятельности, а также их филиалы по согласованию с создавшими их юридическими лицами. Представители реального сектора экономики и сферы услуг соревнуются в *12-ти номинациях*:

- создание и развитие рабочих мест в организациях производственной сферы;
- создание и развитие рабочих мест в организациях непроизводственной сферы;
- сокращение производственного травматизма в организациях производственной сферы;
- сокращение производственного травматизма и профессиональной заболеваемости в организациях непроизводственной сферы;
- развитие кадрового потенциала в организациях производственной сферы;
- развитие кадрового потенциала в организациях непроизводственной сферы;
- развитие социального партнерства в организациях производственной сферы;
- развитие социального партнерства в организациях непроизводственной сферы;

- формирование здорового образа жизни в организациях производственной сферы;
- формирование здорового образа жизни в организациях непроизводственной сферы;
- за участие в решении социальных проблем территорий и развитие корпоративной благотворительности;
- малая организация высокой социальной эффективности.

Таким образом, с целью оптимизации государственной поддержки малого предпринимательства важно соблюдение принципов:

- *системности*, что требует согласованности федерального, регионального и муниципального уровней поддержки, инструментального многообразия видов поддержки, ее мультинаправленности, разнообразия форм, использования диверсифицированных источников поддержки;
- *равных возможностей*, что требует обеспечения равного доступа всех предпринимателей к государственной поддержке, в том числе муниципальных образований, отдельных категорий населения;
- *баланса целевых ориентаций*, в том числе баланса ориентаций на а) удовлетворение потребностей общества, б) получение прибыли, в) удовлетворение интересов работников;
- *адресности*, что предусматривает учет особенностей каждого из малых предприятий, решаемых ими задач;
- *состязательности*, что предусматривает создание условий для добросовестной конкуренции хозяйствующих субъектов;
- *обмена опытом*, что предусматривает формирование своего рода банка инновационного опыта, организацию выставок, проведение форумов и т.п.;
- *социальной ответственности*, что выражается в системе определенных ожиданий общества по отношению к бизнесу и осознанию им своего долга перед обществом.

Литература

1. Казаков М.Ю. Особенности взаимодействия бизнеса и власти на современном этапе // Российское предпринимательство. 2008. № 2 Вып. 1 (105). С. 34-39.
2. Намысов С.В., Муняев О.С., Чупрова Т.В. Государственная политика развития малых предприятий промышленности на мезоуровне // Российское предпринимательство. 2008. № 5 Вып. 2 (111). С. 50-54.
3. Виды поддержки подробно рассмотрены: И.В. Конев, Т.Л. Шарова. Государственная поддержка малого предпринимательства: региональный аспект. – Белгород: ИП Остащенко А.А., 2013, гл. 7.
4. Галиев А. Тест на адекватность // Эксперт. 2001. № 1-2.
5. В социологическом опросе учитывали 200 служащих органов государственного и муниципального управления Белгородской области. См.: Конев И.В., Матвеев Д.Ю. Управление социальными решениями регионов. Белгород: Изд-во БГТУ, 2008.
6. Веревкин Л.П. Социальная ответственность бизнеса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. №1(95).

ЭКСТРЕМПАРАНТНОСТЬ КАК СКЛОННОСТЬ К СОВЕРШЕНИЮ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Е.О. Кубякин,

*начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,*

г. Краснодар, доктор социологических наук

Динамика социальных процессов сейчас представляет серьезную внутригосударственную проблему, поскольку конкретное государство оказывается в ситуации настолько масштабных социальных трансформаций, что даже их политический резонанс – только вершина айсберга действительных катаклизмов.

Рост экстремистки настроенных личностей и групп в России – очевидный признак того, что наше государство является участником не только естественных социальных общемировых трансформаций, но и объектом политического интереса других государств, пытающихся регулировать ход социальных изменений возникающих как естественное социальное следствие процесса глобализации. В рамках современных внутри и внешне политических процессов нашей государственной действительности нет возможности наблюдать, когда глобализационные процессы естественно пройдут и Россия займет свое достойное место в общемировой системе на правах равных со всеми иными государствами. Политическая реальность такова, как показывает ситуация на Украине, что место в мировом сообществе может быть получено и ценой потери политической, экономической и культурной самостоятельности, не говоря уже о социальной трагедии самого народа...

Именно подобное развитие ситуации, с социологической точки зрения, успешно было преодолено в нашей стране и в положении, к примеру, на Болотной, и с ситуацией Пуси Райт... Употребляя совместно, столь, на первый взгляд, различные правовые и социальные ситуации, мы имеем в виду их единое социологическое значение в отношении проблемы экстремизма. Социальная агрессия граждан, выраженная в силовых трансакциях в отношении демократической власти – должна быть классифицирована единообразно в рамках экстремистской деятельности.

Сложность усмотрения экстремистских тенденций в обществе заключается в первую очередь в не единообразии их социального проявления, что крайне усложняет оперативную работу в отношении предупреждения и контроля не только самих действий, но и их формирования. Правовое пространство оказывается бессильным в отношении новых социальных проявлений экстремизма, особенно тех, что только опосредован связаны с понятием преступление и имеют пролонгированные политические следствия, как уже упомянутые Пуси Райт.

В рамках и средствами социологии возможно в значительной степени более эффективное выявление перспективы экстремистских действий, их

контроль на стадии, когда еще не предполагается ее субъектами сам экстремистский акт.

Социологически феномен экстремизма является частным следствием такого социального явления как экстремпарантность – склонность к совершению экстремальных социальных действий. Экстремпарантность как социальный феномен описывает процесс интеграции социальных единиц в ситуации глобализации, переход их на новый уровень социальных отношений. Не будем вдаваться в теоретические описания экстремпарантности с точки зрения системы общественных связей. В данном случае необходимо указать прагматическую ценность феномена экстремпарантности, которая для нас, в условиях правового демократического государства позволяет понять почему имея правовые и политические возможности реализовывать свои социальные интенции наши граждане избирают путь социального конфликта и агрессии.

Социологически очевидно два существенных момента в феномене экстремпарантности: во-первых граждане государства участвуя в процессе глобализации, перестают ощущать свою гражданскую ответственность, социально позиционируя себя как вне государственную социальную группу, во вторых, находясь в этом процессе они действуют не осознавая своего социального значения. Иными словами, обеспечиваясь государством, они содержательно его игнорируют как свое социальное кредо и становятся уязвимы для влияния иных социальных, в первую очередь политических агентов. Носители экстремпарантности – экстремпаранты – социальная база для проявления политического влияния других государств на нашу политическую реальность. Экстремпаранты, полагая что преследуют правильные, и что самое главное – собственные цели, становятся политическими марионетками инородных политических агентов, предлагающим возможности и средства для реализации их желаний. Совпадая по форме, реальность этих двух социальных сил принципиально различается по содержанию. Частные социальные интересы граждан принципиально не интересны им, так сказать, помощника, преследуя свои политические цели, имея стратегию, они выгребают чужими руками каштаны из огня, при этом даже не важно получится ли что-то в данном конкретном случае или нет, социально значение имеет разноплановость, масштабность и критичность социального действия – общий политический эффект. Как говорил еще Макиавелли, хотите эффективно управлять страной – займите народ, в ситуации экстремпарантности это выглядит гораздо сложнее: хотите подчинить государство – заставьте народ этого государства его дезорганизовать его изнутри и пока власть будет решать множество возникающих социальных неурядиц – решать свои интересы и ждать критической массы социального дисбаланса.

В условиях глобализации экстремпарантность стала возможной через изменение средств коммуникации и содержательность массовой культуры, когда влияние на реципиента возможно без фильтра государственной системы. Поскольку данный процесс не может быть подконтролен теперь, необходимы современные средства эффективного противостояния деструктуризации народа. Универсальным средством, правда очень сложным, но имеющим

продолженный эффект, является гуманизация образования, сообщения социализирующимся личностям универсального социального набора этических и эстетических ценностей, который сам позволит в их социальной жизни, регулировать уровень социальной агрессии как возможного следствия экстремпантности...

Однако на столь сложное социальное действие сейчас рассчитывать нельзя, социальные процессы динамичны и необходимы ряд конкретных разноплановых политических, правовых и экономических актов могущих сдержать накопление социального дисбаланса в стране. Средствами социологии сейчас возможно предложить ряд конкретных социально эффективных форм направленного влияния, которые могут быть крайне эффективно использованы в криминологии, имеющей для этого достаточно возможностей. Социальной прагматикой феномена экстремпантности, как склонности к совершению экстремальных, а в первую очередь – экстремистских действий и занимается наше отделение.

СЕМЬЯ С ОДНИМ РОДИТЕЛЕМ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Н.Н. Никулина,
*заведующий кафедрой профессионального обучения
и социально педагогических дисциплин БелГСХА им. В.Я. Горина,
кандидат педагогических наук, доцент*

Семья с одним родителем – это один из основных социально-демографических типов современной семьи. Ситуация, при которой один из родителей самостоятельно воспитывает ребенка (детей) в соответствии с российским законодательством классифицируется как «трудная жизненная», так как монородительство создает значительные трудности в реализации основных функций семьи.

Принимаемые в последнее десятилетие меры в области семейной политики не привели к формированию конкретной социальной и семейной политики в отношении данной категории семей. Не нашла отражение данная проблема и в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы. Только начиная с 2013 года, в соответствии с поручением Заместителя Председателя Правительства РФ О.Ю. Голодец от 26 апреля 2013 года № ОГ-П 12-2868 региональным органам власти поручено принять решения, направленные на усиление социальной поддержки неполных семей, имеющих несовершеннолетних детей в соответствии с планом разработанным Минтрудом России.

На территории Белгородской области проживает около 185 тысяч семей, из них 58,5 тысяч (31,6 % с одним родителем). С конца 2013 года Белгородской общественной организацией «Совет женщин» при участии Национального

Благотворительного Фонда в рамках указа Президента РФ Путина В.В. о поддержке некоммерческих общественных организаций реализуется социально значимый проект «Повышение социальной адаптации семей с одним родителем, оказавшихся в трудной жизненной ситуации». Целью данного проекта является оказание конкретных видов поддержки монородительским семьям, а также разработка «Региональной модели повышения социальной адаптации семей с одним родителем, оказавшимся в трудной жизненной ситуации».

В практическом решении проблем профилактики образования монородительских семей, социальной защиты семей с одним родителем, повышении эффективности деятельности по их социальной адаптации и выхода из трудной жизненной ситуации значительную роль играет выявление причин образования неполных семей, а так же выявление наиболее актуальных проблем характерных для монородительских семей в конкретном регионе.

На первом этапе реализации социально значимого проекта организовано проведение исследования «Мониторинг положения семей с одним родителем, оказавшихся в трудной жизненной ситуации». Цель исследования – дать развернутый социологический портрет семей с одним родителем, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, изучить социально-экономическое положение и социальное самочувствие.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть факторы, повлиявшие на попадание семей с одним родителем в трудную жизненную ситуацию.

2. Проанализировать следующие аспекты положения семей с одним родителем:

- использование различных формам социальной поддержки семьи и ее оценка;

-материальное положение семей с одним родителем и ее оценка;

-занятость родителей, досуг и совместное времяпрепровождение детей и родителей;

-участие второго родителя, родственников в воспитании детей;

-доступность спортивно-оздоровительной, досуговой и другой инфраструктуры.

3. Определить степень важности различных проблем для семей с одним родителем.

4. Изучить потенциал внутрисемейного воспитания для работающих родителей.

5. Оценить степень удовлетворенности существующими формами социальной поддержки, и качеством медицинских услуг, оказываемых детям.

6.Измерить социальное самочувствие семей с одним родителем и факторы на него влияющие.

Выборочная совокупность опроса составила 560 человека. Отбор респондентов осуществлялся по методике квотной выборки, в качестве параметров которой выделялись пол, возраст, наличие детей, количество

ответственных родителей в семье. Метод проведения социологического исследования опрос в форме анкетирования. Данные полученные в ходе опроса респондентов обрабатывались с использованием программного комплекса «ДА-система».

Результаты проведенного социологического исследования позволили сделать следующие выводы в соответствии с поставленными задачами.

В 97 % семьи с одним родителем, принявшие участие в исследовании – это монородительские материнские семьи, 3% пришлось на монородительские отцовские семьи.

Монородительские семьи являются преимущественно (64%) однодетными. Средний возраст родителей от 18 до 39 лет, возрастные группы 18-29 и 29-39 представлены примерно одинаково, имеет место незначительная тенденция преобладания «возрастных» родителей.

Уровень образования родителей в монородительских семьях проживающих на территории Белгородской области достаточно высокий, каждый второй родитель имеет начальное либо среднее профессиональное образование, каждый третий – высшее образование, примерно каждый десятый родитель не имеет профессионального образования (только аттестат о среднем либо неполном среднем образовании).

Большая часть (около 90 %) родителей являются коренными жителями либо проживают на территории Белгородской области более 10 лет. Следовательно, процессы миграции значительного влияния на формирование монородительских семей влияния не оказывают.

Исследование зафиксировало, что преимущественной причиной формирования неполных семей на территории Белгородской области является рождение ребенка вне брака. В 53% причиной попадания семьи в трудную жизненную ситуацию является рождение ребенка вне брака. Около четверти неполных семей образовалось в следствие развода супругов. Основная часть отцовских монородительских семей образовалась в следствие вдовства.

Среди проблем неполных семей в большинстве случаев особенно остро стоит проблема экономического характера (материальные трудности, испытываемые семьей).

Анализ ответов респондентов показал, что низкие доходы являются крайне острой для 45 % семей с одним родителем, и значительно превосходят по актуальности проблемы нехватки времени для занятий с детьми, для отдыха, что связано со стремлением родителей финансово обеспечить семью.

Полную неудовлетворенность своим материальным положением высказало около трети семей с одним родителем. Высокий уровень удовлетворенности материальным положением семьи высказало лишь 5 % родителей.

Исходя из данных, полученных в результате ответов респондентов можно сделать вывод, что процент бедности в монородительских семьях в три раза выше, чем процент бедности среди Россиян по официальным данным Росстата (37,2 % и 12-13%).

1/5 часть от всех семей с одним родителем, проживающих на территории области крайне уязвима с точки зрения рода занятий ответственных родителей (наиболее ответственные родители являются неквалифицированными рабочими, либо временно неработающими, пенсионерами, студентами, домохозяйками, иждивенцами и т.д.).

Преимущественный доход семей с одним родителем составляет трудовой заработок. 85 % родителей работают. Результаты исследования показали, что сфера деятельности родителей (преимущественно женщин) серьезного потенциала увеличения материального дохода семьи не содержит.

Результаты исследования показали, что у работодателей в отношении к родителям из неполных семей прослеживаются тенденции дискриминации. Более 40 % родителей данной категории испытывали трудности при трудоустройстве в связи с наличием в семье детей.

Уязвимость более 20 % категории семей с одним родителем с точки зрения рода занятий ответственных родителей коррелируется с возможностью либо невозможностью обеспечить своим детям полноценное питание, удовлетворить потребности детей в одежде и обеспечении полноценного досуга.

Анализ ответов респондентов по данным трем позициям свидетельствуют, что приоритетными в удовлетворении потребностей детей для родителей является полноценное питание – могут обеспечить его детям 73% респондентов. На втором месте потребности в одежде – могут удовлетворить запросы детей в полном объеме около 60 % родителей. И только 47 % родителей считают, что могут в основном удовлетворить потребности своих детей в досуге.

Низкие доходы, малообеспеченность – это не только возникающие проблемы в удовлетворении основных потребностей семьи, но и постоянное ощущение неполноценности, неудовлетворенности, заниженная личностная самооценка членов семьи, в том числе и детей. Со временем люди привыкают думать преимущественно об удовлетворении простейших потребностей, ограничивая, минимизируя направление средства на развитие детей, качественный отдых, медицинское лечение и т.п.

Существенное влияние на социальное самочувствие семьи оказывают условия проживания. Каждая четвертая монородительская семья, принявшая участие в исследовании, собственного жилья не имеет – живут у родственников либо снимают жилье. Полную удовлетворенность обеспеченностью жильем высказал только каждый пятый родитель.

Учитывая крайнюю «неоднородность» семей с одним родителем (по таким векторам как материальная обеспеченность – малообеспеченная – не малообеспеченная, наличие – отсутствие статуса мать-одиночка, наличие – отсутствие в семье инвалидов, многодетность, наличие детей-сирот, военнослужащие и т.д.) на семьи с одним родителем распространяются как общие меры государственной поддержки семьи, так и меры государственной поддержки «семей, находящихся в трудной жизненной ситуации».

Формы специальной государственной поддержки семьи зависят от содержания и специфики «трудной жизненной ситуации»: малообеспеченность, потеря кормильца, сиротство, инвалидность и т.д.

По результатам исследования доля семей, где пользуются общими и специальными видами социальной поддержки, составила 89 % от общего количества респондентов.

Участники исследования высказали высокий уровень неудовлетворенности получаемыми мерами социальной поддержки. В первую очередь это обусловлено незначительным объемом данных мер.

Преимущественными мерами социальной поддержки, которыми пользуются семьи с одним родителем относятся к так называемым «общим» мерам поддержки семьи, такими как «единовременная компенсация при рождении ребенка», «ежемесячное пособие на ребенка в возрасте от рождения до 1,5 лет», материнский капитал, компенсация за оплату детского.

Наиболее распространенной «специальной» мерой является ежемесячное пособие на ребенка. Право на получение данного пособия имеет семья со среднедушевым доходом, размер которого не превышает величину прожиточного минимума по Белгородской области. Воспользовались данным правом около 34 % семей, участвующих в опросе. Правом получения единовременного пособия в связи с трудной жизненной ситуацией воспользовалась десятая часть респондентов.

Не высокий уровень данных пособий от 240 рублей до 480 рублей (на детей одиноких матерей) повлиять в значительной мере на материальное положение семьи не может. Отказ от права воспользоваться данным видом пособия и единовременным пособием объясняется респондентами, в том числе и сложностями в сборе документов.

В связи с тем, что наиболее высокий уровень ежемесячного пособия выплачивается семьям с детьми-инвалидами и семьям, где единственный родитель является инвалидом, данный вид пособия оформлен практически у всех респондентов, имеющих на него право.

Качество и доступность медицинских услуг является еще одним из индикаторов, оказывающих существенное влияние на самочувствие монородительских семей, проживающих на территории Белгородской области.

По итогам исследования можно сделать вывод, что данная категория семей с детьми активно пользуются услугами медицинских учреждений области. В течение года более 93 % респондентов обращалось за медицинской помощью в медицинские учреждения. В ходе исследования отмечается оптимистическая оценка здоровья детей родителями. Так, состояние здоровья детей как хорошее оценило более половины родителей.

По мнению 58,5 % родителей их дети однозначно или скорее могут при необходимости получить качественные медицинские. Треть родителей высказались скептически по поводу возможности получения их детьми качественных медицинских услуг.

Анализ ответов респондентов о качестве медицинских услуг показал средний уровень удовлетворенности государственным, страховым медицинским обслуживанием.

Анализ данных исследования позволяет констатировать, что удовлетворенность медицинским обслуживанием детей в семьях с одним родителем на территории области значительно выше удовлетворенности мерами социальной поддержки семей: 31,5 % («4» и «5») против 15,4%.

Среди проблем неполных семей актуальной является проблема ее функционирования как института воспитания и социализации детей. Приоритеты, направленные на финансовое обеспечение семьи ограничивают время, отводимое на общение родителя с ребенком, на совместные занятия. Занятость и нервные перегрузки, фрустрация потребностей более высокого (нежели базового) уровня могут привести к снижению качества семейного воспитания.

На общие проблемы нехватки времени для занятий с детьми указали около 53 % семей, из них 16,7 % родителей считают эту проблему крайне важной для своей семьи.

Наличие в семье родственников, в том числе совместно проживающих (неполные расширенные семьи) снижают проблемы нехватки времени для отдыха и занятия с детьми.

Не характерными для семей с одним родителем оказались проблемы плохих взаимоотношений, конфликтов, злоупотребление алкоголем, насилие в семье и т.д.

Как показало исследование второй родитель (в основном отец) непосредственного участия в воспитании детей в неполных семьях не принимают причем не зависимо от того был зарегистрирован брак, либо ребенок рожден вне брака.

Преимущественно свободное время дети проводят с воспитывающим родителем либо с кем-либо из взрослых родственников.

Регулярные занятия в культурно-досуговых учреждениях (кружках) или учреждениях дополнительного эстетического образования детей (музыкальные, художественные школы и т.п.) входят в структуру досуга 36,5% семей. Значительная доля (75%) детей из неполных семей посещают учреждения культуры области (театры, кино, музеи и т.д.) вне рамок мероприятий, организуемых дошкольными и общеобразовательными учреждениями.

Сравнительный анализ респондентов показал, что посещение учреждения культуры в качестве совместного досуга является более популярной мерой досуга, чем занятия в учреждениях дополнительного образования.

Материальная не состоятельность семьи является преимущественной причиной не посещения учреждения культуры детьми, и в тоже время данная проблема не является доминирующей в семьях, где дети занимаются в культурно-досуговых учреждениях (кружках, секциях) или учреждениях дополнительного эстетического образования.

В структуре семейного досуга существенное место занимают семейные праздники, наиболее популярными являются Новый год, дни рождения, национальные и религиозные праздники.

Одним из факторов, влияющих на качество и интенсивность семейного досуга, является уровень организации и обеспеченность социальной досуговой инфраструктуры: детские площадки, центры семейного досуга, спортивные площадки, стадионы и т.п.

Оценивая качество окружающей досуговой инфраструктуры более трети родителей указали на отсутствие или плохое оборудование детских площадок, более половины родителей в качестве проблемы отмечают отсутствие бесплатных игровых центров досуга, в том числе семейного, где можно провести время с ребенком. На отсутствие проблем в области досуговой инфраструктуры указало менее 2 % родителей.

Таким образом, среди семей с одним родителем существует не удовлетворенность возможностью и качеством организации малозатратных форм семейного отдыха.

В ходе анализа данных социологического исследования установлена непосредственная зависимость уровня удовлетворенности жизнью от уровня удовлетворенности доходами. Прослеживается частичная зависимость от уровня удовлетворенности жилищными условиями семьи.

Оценивая перспективы семьи на ближайший год четверть респондентов высказались оптимистически. По их прогнозам, в течение ближайшего года жизнь семьи улучшится. Основная часть участников исследования улучшений не прогнозирует.

Исследование ценностно-мотивационной сферы семей с одним родителем показали, что, не смотря на испытываемые трудности, среди ценностей являющихся приоритетными для монородительских семей доминируют здоровье и семья, на втором месте – родители, на третьем – работа.

Результаты проведенного исследования будут учтены при разработке «Региональной модели повышения социальной адаптации семей с одним родителем». В частности это выводы, касающиеся:

- необходимости организации работы по формированию позиции ответственного родительства среди подростков и молодежи (на ранних этапах – школьники, студенты), с целью профилактики внебрачных рождений;

- ведение на постоянной основе независимого регионального мониторинга положения семей различных категорий, в том числе семей с одним родителем;

- улучшение качества и спектра социальных услуг, оказываемых семьям, внедрение современных технологий сопровождения (органами образования, здравоохранения, социальной защиты населения, органами по делам молодежи и т.п.) семей с одним родителем;

- необходимости проработки вопросов, касающихся увеличения размеров пособий для семей с одним родителем, активизация работы по

установлению семьям с одним родителем государственной поддержки на основе социального контракта;

- развитие на уровне региона системы оказания психологической поддержки родителям, самостоятельно воспитывающим детей по повышению уровня стрессоустойчивости, позитивной мотивации и улучшению детско-родительских отношений;

- оказание содействия родителям в поиске подходящей работы в приоритетном порядке с учетом специфики конкретной семьи (возраст ребенка, наличие – отсутствие детского сада и т.д.);

- введение льготной оплаты для детей из семей с одним родителем дополнительных образовательных услуг, не зависимо от формы учреждения (бюджетная, автономная);

- развитие малозатратных форм семейного отдыха и досуга в регионе и т.д.

Литература

1. Никулина Н.Н. Ежегодный доклад о положении детей и защите их прав в Белгородской области / Н.Н. Никулина, Ю.В. Коврижных. – Белгород, 2012. – 116 с.

2. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 года «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы»

3. Правительственная телеграмма Минтруда РФ №НР 12-1/10/1-2078 от 14 мая 2013 года «Руководителям высших органов исполнительной власти субъектов РФ».

СТЕРЕОТИПЫ ОТНОШЕНИЯ К БЕЗДОМНЫМ ЖИВОТНЫМ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ Г. БЕЛГОРОДА

И.Н. Новикова,

*магистр кафедры социологии и организации работы с молодежью
Института управления НИУ «БелГУ»*

Чем цивилизованнее общество, чем выше уровень его развития, тем лучше оно относится к животным. Бездомных животных мы видим каждый день, они живут рядом с нами во дворах и подъездах домов, в подвальных помещениях, на предприятиях. И то, что они есть, являясь изгоями бытия, это, прежде всего упрек нам – людям.

Ценностный идеал «животное – друг человека» изменяется и трансформируется в современной жизни. Процессы урбанизации дают о себе знать. Происходит подмена ценности любви к животным на безразличие к братьям нашим меньшим. В сознании подрастающего технологизированного, компьютеризированного поколения происходит замещение объектов реальной жизни на виртуальные аналоги, что приводит к разрушению ценностных ориентиров в жизни.

Необдуманная покупка, нежелание или отсутствие возможности содержания животных приводит их на улицы городов. Родители стараются потакать многим прихотям своего чада и довольно часто дарят животных

маленьким детям. В силу своего возраста, дети не понимают всей ответственности перед живым существом и наигравшись, потеряв эффект новизны, родители принимают решения избавиться от животного, приносящего множество хлопот. Самый простой и дешевый способ – это выгнать животное на улицу.

Во второй половине 90-х годов XX столетия проблема бездомных животных в России усугубилась из-за неконтролируемого разведения и плохого содержания собак и кошек. В настоящее время большое количество животных скитающихся по улицам мегаполисов, – это выброшенные домашние питомцы или их потомки.—Современный российский город просто невозможно представить без уличных животных, в первую очередь без собак и кошек, которые сейчас являются неотъемлемой частью любого города.

Решение проблемы появления бездомных животных на улицах городов России рассматривается под углом регионального опыта, протекает в условиях столкновения точек зрения властей всех уровней и активистов-зоозащитников. Так же барьером для выхода из создавшейся проблемной ситуации является недостаточная разработанность законодательной базы.

О собаках, проживающих на городских улицах, известно с XIXв., упоминание о них встречается у А. Брема, и, что важно, для их обозначения был употреблен термин – собаки-парии [1].

Начиная с 1960-х гг. появляются труды, в которых понятие собаки-парии трансформируется, превращаясь в так называемых бродячих, беспризорных, безнадзорных собаках. При этом в работах советских исследователей основной упор делался на фактах наносимого уличными животными ущерба окружающей среде и проникновение их в естественные биоценозы, в зарубежных изданиях, кроме этого, ставился вопрос «перепроизводства» домашних животных, раскрывались причины представленного явления, способы его регулирования, исследовались основные показатели социальной организации одичавших собак [2].

В ходе проведенного исследования направленного на выявление стереотипов отношения к бездомным животным в Белгородской области, было опрошено 180 человек, из которых 107 женщины и 73 мужчины. Среди них опрошенные в возрасте 18-25 лет – 69 женщин и 52 мужчины; в возрасте 26-35 лет – 12 женщин и 12 мужчин; в возрасте 36-45 – 13 женщин и 2 мужчины; в возрасте 46-60 – 8 женщин и 5 мужчин; старше 60 – 5 женщин и 2 мужчин. Респондентам было предложено ответить на 20 вопросов анкеты, из которых 2 вопроса паспорттики. Полученные результаты представлены ниже.

Респондентам было предложено ответить на вопрос: «Как вы считаете, существует ли проблема бездомных животных в Белгородской области?». 88,9% респондентов считают, что такая проблема существует, 6,7% опрошенных считают, что такой проблемы нет в Белгородской области, 4,4% затруднились ответить на данный вопрос.

Следующий вопрос анкеты звучал так: «Вы согласны с тем, что бездомные животные представляют опасность для человека в вашем населенном пункте?» Согласились с этим утверждением 38,3% опрошенных,

47,2% уверены, что бездомные животные не представляют никакой опасности для населения, 12,2% затруднились ответить, а 2,2% написали свой ответ. Среди своих ответов респондентов были: «не поднялась рука поставить галочку на «Да»! бездомные они по нашей вине!»; «только бездомные собаки»; «они представляют опасность только сами для себя»; «я считаю если их не трогать, то они вовсе безобидные!».

Следующий вопрос был открытым, и на него отвечали только те респонденты, которые ответили, что бездомные животные представляют опасность для человека. На вопрос «Какую, по вашему мнению, представляют опасность бездомные животные?» большинство респондентов, в качестве основных опасностей представляемых для человека, выделили заболевание, которое на сегодняшний день не имеет эффективных методов лечения – бешенство. Так же опрошенные выделили опасность получения травм как физического, так и психологического характера у детей и взрослых.

На вопрос «Видя бездомное животное на улице, какие эмоции вы испытываете?» ответы распределились следующим образом: «Мне все равно / не обращаю внимания» выбрали 6,1%; вариант «Жалко, но что поделаешь?» выбрали 68,7%; вариант «Стараюсь не проходить мимо, подкармливаю» отметили 21,7%; и вариант «Я давно не вижу бездомных животных на улицах» отметили 3,3% респондентов. Получается, что на когнитивном уровне наши граждане сочувствуют бездомным животным, но при этом, на вопрос «Готовы ли вы лично помогать бездомным животным?» 61,1% респондентов ответили, что готовы помогать, но нет такой возможности; 14,4% ответили, что они часто помогают животным; 15,6% ответили, что нет, это того не стоит. 8,9% респондентов написали свой собственный вариант. В этом и проявляется диссонанс человеческой природы. С одной стороны, вроде жалко, а с другой – что же я могу изменить?

На вопрос «Знаете / слышали ли вы о деятельности людей, которые по своей инициативе уничтожают бездомных собак с помощью оружия или отравленной еды – догхантеров?» были даны следующие ответы респондентов: «да, слышал, но мало информирован о них» ответили 56,7%; «да, я знаком с их деятельностью» – 12,8%; 30,6% опрошенных ничего не знают о догхантерах.

На вопрос анкеты «Одобряете ли вы деятельность догхантеров?» 0,8% опрошенных отметили, что полностью поддерживают; 21,6% одобряют результат, но считают, что это можно и нужно делать другими методами. Подавляющее число респондентов (75,2%) не одобряют деятельность догхантеров; 2,4% респондентов написали свой вариант.

Следующий вопрос был открытым и на него отвечали только те респонденты, которые ответили в предыдущем вопросе, что они одобряют деятельность догхантеров. Самыми популярными ответами на данный вопрос были: «таким образом можно контролировать количество бездомных собак на улице»; «везде ест плюсы и минусы. Есть районы, где эта деятельность необходима»; «потому что в городе стало слишком много бездомных животных»; «одобряю только в том случае, когда эти меры предпринимаются с целью обезопасить людей. Например, стая собак во время течки могут

представлять опасность»; «потому что органы местного самоуправления не справляются с ситуацией или же совсем ничего не делают»; «с бездомными животными надо что-то делать. Недопустимо, чтобы они так существовали: угроза людям, разносчики болезней, антисанитария»; «обезопасить жизнь людей»; «хочу спокойно ходить по улицам, не бояться, что меня укусит бродячая собака»; «при быстрой смерти животное ничего не испытывает. В остальное время оно подвержено жестокости, голоду. И вынуждено постоянно находиться в поиске. Так же нет опасности того, что в периоды, когда животные «гуляют» прохожий будет подвержен нападению»; «это хоть какое-то подобие порядка и равновесия»; «чтобы было меньше опасности для детей».

Можно обобщить все сказанное выше и отметить, что респонденты одобряют деятельность догхантеров, потому что они снижают численность бездомных собак, что, в свою очередь, снижает опасность нападения на человека.

Следующий вопрос был так же открытым, и на него отвечала та часть респондентов, которые ответили, что не одобряют деятельность догхантеров. Они указали причины, того, почему не одобряют эту инициативу. Так, в качестве аргументов, выступили: «в Тольятти стоит памятник собаке, которая на остановке 4 года ждала хозяина, там и умерла. На памятнике надпись «За верность». Поэтому догхантера я не могу назвать собакой или животным! Он просто человек, который если вымрет «Земля» только вздохнет с облегчением»; «это проявление слабости человеческой расы, ведь по своей природе большинство людей не обращает внимания на все и на всех, что слабее или меньше их!»; «эта деятельность очень жестока и далека от принципов гуманизма»; «негуманно, не приемлю человеческого вмешательства»; «потому что это не справедливо, кто они такие, какое право они имеют?!».

Так же были указаны следующие причины: «любое насилие против живого существа – это аморально»; «нельзя убивать тех, кто лишен крова, еды, заботы и ласки»; «кто они такие? Взять на себя право отнимать жизнь не имеет никто. Это живые существа, просто им повезло меньше, чем домашним питомцам. Должны быть применены более гуманные меры, чем отстрел и травля. Это уже политика местных органов власти. Лично увижу расправу над животным – накажу обидчика»; «догхантеры могут сделать свои методы более мягкими, так как при отравлении животное долгое время испытывает боль»; «убивать – это плохо! Нужно создавать приюты для бездомных животных»; «потому что животные не виноваты в том, что они бездомные, нельзя их за это лишать жизни»; «догхантеры – садисты!»; «деятельность догхантеров бесчеловечна и равносильна тому, что будут убивать людей». «Нельзя убивать уличных животных, так как они не виноваты, что живут на улице, а виноваты люди, которые так избавились от них»; «на мой взгляд, это бесчеловечно, право есть на жизнь у всех живых существ и человек должен наоборот помогать бездомным животным, а не уничтожать их».

Среди опрошенных респондентов были и те, которые стали свидетелями действий догхантера. «Нельзя демонстрировать ужас убийства. Была свидетелем страшной расправы. Среди бела дня, – говорит свидетельница, – на

глазах многих людей один мужчина выстрелил в бежавшую мимо нас маленькую собачку, убил и потом швырнул в багажник своей машины».

Обобщая все варианты ответов на поставленный вопрос можно сказать, что основными высказываниями стали:

1. Убийство животных – это жестоко и негуманно и им не решишь проблему бездомных животных на улицах.

2. Животные не виноваты, что оказались на улице.

3. Жизнь животных тоже ценна, как и любая другая.

4. Можно использовать и другие методы борьбы с бездомными животными, например строительство и финансирование приютов.

На следующий вопрос «Как вы считаете, нужно ли что-то делать для снижения числа бездомных животных, и если нужно, то, что именно?» самыми популярными вариантами ответа для снижения численности бездомных животных стало помещение животных и содержание в приютах для последующей передачи новым владельцам и законодательное закрепление ответственности за брошенное животное.

Анализ ответов на вопрос о том, правильно ли подкармливать животных на улицах или нет, дал следующие результаты: 71,7% опрошенных считают, что это правильно; 7,2% наших сограждан полагают, что это неправильно; 21,1% затруднились дать какой-либо ответ.

Следующий вопрос был о том, важно ли проводить разъяснительную работу в обществе начиная с детского возраста для формирования ценностных стереотипов ответственного отношения к животным. Анализ ответов на данный вопрос дал следующие результаты: 98,9% респондентов убеждены, что такую работу необходимо проводить. 1,1% ответили, что эта работа – бессмысленная трата времени. Сведения по этому вопросу лишний раз доказывают, что для повышения культуры владения животными нашему обществу требуется широкое информационное распространение.

Вопрос о том, насколько СМИ активно освещают эту проблему, и важно ли их участие в решении вопроса о бездомных животных был открытым.

Ответами респондентов на данный вопрос стали: «на мой взгляд, СМИ вообще не освещают эту проблему, хотя она очень важна и участие СМИ очень сильно могло бы помочь»; «СМИ неактивно освещают эту проблему. Участие важно, так как бездомные животные могли бы обрести хозяев»; «СМИ должны активнее освещать эту проблему привлекая органы власти и общественные организации»; «плохо освещают, соучастие просто необходимо; больше гласности – больше возможности найти решения проблемы»; «не очень активно недостаточно освещают, в основном, когда кто-то кого-то покалечит (или человек – животное, или животное – человека). Очень важно участие СМИ для выработки правильной гражданской позиции в этом вопросе». «На мой взгляд, СМИ вообще не освещают данную проблему. Если бы люди больше знали о бездомных животных, возможно, оказывали бы спонсорскую помощь или бы забирали их себе в семью»; «СМИ обсуждают то, что собаки кого-то покусали, остальное людям не интересно. Только проявление агрессии всех волнует.

Важно решать не только проблему бездомных животных, но и почему это происходит».

Среди опрошенных 1,1% считают, что «участие СМИ важно в решении данной проблемы, но чаще всего об этом узнаю не из СМИ, а из социальных сетей, особенно из ВК, Одноклассников».

Анализируя ответы респондентов, можно сказать, что теоретически важность участия средств массовой информации огромна, но, в противовес этому, на практике, отсутствуют какие-либо рекламные ролики, объявления по телевидению. При этом активно ведется деятельность групп создаваемых в социальных сетях по организации помощи бездомным животным.

Говоря о том, правильно ли подкармливать животных на улицах скажу, что нет, это неправильно. Но, что делать, если не организованы приюты в нашей области. Дать умереть от голода в морозы – это совсем не то, что мы называем гуманным отношением к животным.

Возможно, кто-то скажет: «У нас и так столько проблем: в медицине, экономике, образовании». Сердце останавливается, когда видишь детей со страшными заболеваниями. И, тем не менее, если мы люди, значит, мы должны быть милосердными во всем! И быть хоть чуточку похожи на собаку, умирающую, но хранящую верность хозяину.

В завершении статьи, хотелось бы сказать, что слова Сент-Экзюпери «Мы в ответе за тех, кого мы приручили» должны иметь действительное подкрепление, но, к сожалению, ответственности по отношению к животным у нас так и не прибавилось.

Литература

1. Брем, А.Э. Жизнь животных. Млекопитающие / А.Э. Брем. – СПб. : Просвещение, – 1896. – 853 с.
2. Дениелс, Т.Д. Социальная организация бездомных городских собак / Т.Д. Дениелс // Прикладная животная этология. – 1983. – №10. – С. 341-363.
3. Кригер, Т.Д. Влияния хищничества собак на белохвостого оленя в Миннесоте / Т.Д. Кригер // Академия наук Миннесоты. – 1977. С. 8-13.
4. Шнайдер, Р. Наблюдения за перенаселенностью собак и кошек / Р. Шнайдер // Американская ветеринарная медицинская ассоциация. – 1975. – № 4. – 167 с.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧУВСТВА ЛОКАЛЬНОГО ПАТРИОТИЗМА

В.В. Орлова,

*профессор кафедры философии и социологии
Томского государственного университета, г. Томск,
кандидат социологических наук*

Наличие доверия между людьми в различных сообществах отвечает сразу нескольким уровням человеческих потребностей: потребности в безопасности и комфорте, потребности в общении и самоактуализации (согласно пирамиде потребностей А. Маслоу). Это обуславливается самой природой доверия,

институт которого берёт начало в бессознательном, на уровне психофизиологических образований – инстинктов¹. По мнению Дж. Коулмана, если в группе существует высокий уровень доверия между её членами, она демонстрирует намного более высокий результат, чем группа, где доверия и сплочённости нет². Это связано с тем, что наличие доверия в группе даёт возможность индивидам не только институционализировать окружающее пространство, но и уменьшает уровень неопределённости³.

Несмотря на огромное практическое значение, на протяжении веков доверие как объект философского и научного исследования не привлекало внимания мыслителей и учёных⁴. В современной науке доверие, как правило, изучается с позиции экономики (как необходимое условие успешной кооперации) и с позиции политологии (как важная составляющая гражданского общества, институциональное доверие).

Доверие в современном обществе функционирует на нескольких уровнях:

1. Доверие к абстрактной системе (государство), которая создаёт условия взаимодействия на абстрактном уровне.

2. Межличностное доверие (сетевые структуры взаимодействия).

3. Наличие в обществе общепринятых ценностей, норм, правил, которые обеспечивают реализацию доверия на всех уровнях системы⁵.

Иногда, используя по сути тот же критерий, выделяют вертикальное доверие (доверие к социальным организациям: правительству, органам правопорядка, профсоюзам) и горизонтальное (доверие к людям)⁶.

В работах Ф. Фукуямы в качестве социального капитала трактуются лишь те отношения, которые реализуются в целях всего общества, а не только в корпоративных. Однако более эффективными оказываются организации и сообщества, в которых взаимодействие индивидов не регламентируется в контрактно-правовой форме. Такие взаимосвязи невозможны без существования некоторой моральной общности, норм и ценностей, разделяемых всеми представителями общества, которые и являются основой их доверия. Это не является отдачей от какого-либо рационального вложения (например, в систему образования), это результат адаптации индивида в определённой общности, усвоение существующих в нём норм. Социальный

¹ Тарасевич В.Н. Современное доверие: содержание и кризис [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-doverie-soderzhanie-i-krizis> (дата обращения: 05.05.2014).

² Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. №3. С. 121 – 139.

³ Гуджавина Т.А. Социальное доверие в гражданском обществе [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-doverie-v-grazhdanskom-obschestve> (дата обращения: 05.05.2014).

⁴ Шихарёв П.Н. Современная социальная психология // М. 1999. С. 374.

⁵ Гуджавина Т.А. Социальное доверие в гражданском обществе [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-doverie-v-grazhdanskom-obschestve> (дата обращения: 05.05.2014).

⁶ Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С., Латова Н.В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-paradoksy-analiza-institutsionalnogo-doveriya-kak-elementa-sotsialnogo-kapitala-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 05.05.2014).

капитал – не достижение отдельного человека, это приоритет общественных добродетелей над индивидуальными¹

Развитие чувства патриотизма и социального капитала в обществе тесно связаны, т.к. основой их формирования является рост доверия в обществе и налаживание социальных связей. Основой для вызревания чувства патриотизма является обретение устойчивой идентичности, которая поддерживается существующим в обществе социальным капиталом: связями, основанными на доверии между индивидами и группами. Сложность изучения данных процессов в российском обществе, по мнению Н.Н. Федотовой и Л.Н. Федотова, заключается в том, что «разрушенная идентичность не способствует формированию социального капитала, а отсутствующий социальный капитал не позволяет утвердиться идентичности».²

Особенности адаптации молодёжи зависят во многом от специфики той среды, с которой субъект вынужден взаимодействовать, т.к. любой вид социальной адаптации – это процесс взаимодействия личности со средой адаптации, в ходе которого происходит достижения соответствия личностных характеристик требованиям среды.³ Регион в этом случае рассматривается, прежде всего, как результат социальной самоорганизации, процесса, относительно автономного от процесса государственного регулирования. Именно в этом качестве, качестве продукта самоорганизации, на первый план выходит единство географической и символической (ментально освоенной) территории.⁴

Процесс самоорганизации сообщества и генерирования социального капитала неразрывно связаны. Однако социальный капитал в обществе распределен неравномерно: прослойки глубоко социализированных, самоорганизующихся индивидов могут сосуществовать с очагами крайней атомизации и социальной патологии⁵ Существует две основные причины такого распределения социального капитала:

1. Различие позиций групп в социальной иерархии (неравный доступ к ценным общественным ресурсам: деньгам, власти, информации).

2. Особенности установления связей с людьми, похожими на индивида по таким характеристикам, как пол, образование, социально-экономический статус, ценностям, установкам.⁶

¹ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 53 – 54.

² Федотова Н.Н., Федотов Л.Н. Мультикультурализм, политика идентичности и социальный капитал [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalizm-politika-identichnosti-i-sotsialnyy-kapital> (дата обращения: 24.03.2014).

³ Грибов В.И. Особенности адаптации молодёжи малого сибирского города к обучению в ВУЗе // Актуальные проблемы науки и образования на рубеже веков: Сборник статей учёных, аспирантов и соискателей учёной степени кандидата и доктора наук. Выпуск 2. Тюмень, 2001. С. 50.

⁴ Ерохина Е.А. Взаимодействие традиций и новаций в межэтнических региональных сообществах. [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Новые исследования Тувы». – URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2134-erokhina.html (дата обращения: 08.05.2013).

⁵ Фукуяма Ф. Великий разрыв. [Электронный ресурс] // Книжный архив Klex.ru. – URL: <http://urlid.ru/bfss> (дата обращения: 15.10.2013).

⁶ Ищенко И.Г. Теоретические подходы к формированию понятия социальный капитал. [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-formirovaniyu-ponyatiya-sotsialnyy-kapital> (дата обращения: 15.11.2013).

Успех же социальной адаптации зависит от двух наиболее важных факторов – индивидуальных особенностей личности и особенностей той среды, в которой осуществляется реальный процесс адаптации¹. Поскольку социальная среда является для адаптанта внешним объектом, воздействующим на него, то этот объект представляет собой сложную многофункциональную, динамическую систему.² Адаптант на новом месте вынужден заново выстраивать социальные связи, наращивая индивидуальный социальный капитал. При определенных условиях развитый социальный капитал может обеспечивать более высокую степень групповой и индивидуальной адаптации³.

Один из наиболее важных источников социального капитала и агентов адаптации в современных обществах – образовательная система. Школы и ВУЗы не только дают учащимся знания и умения, но и стараются способствовать их социализации в определенных культурных традициях. Образование генерирует социальный капитал различными способами, поскольку студенты приобщаются к социальным нормам своей профессии или специальности, поэтому взрослая часть популяции оказывается лучше социализирована.⁴

Всякая идентификация как бы «добавляет» к универсальным, общезначимым критериям истинности, рациональности, полезности, нравственности, эстетичности и пр. иное по своей природе, измерение «свойскости». Человек нигде в мире не может держаться каких бы то ни было универсалий, не накладывая на них эмоциональных, личностных, традиционных и прочих рамок идентификации, отождествления с неким «своим» в отличие от «не-своего»⁵. В таком контексте принадлежность к региону как способ самоидентификации открывает перед индивидом возможность рассматривать то место, где он живет, как центр жизненного мира в оппозиции аморфному и безличному пространству. В такой трактовке регион перестает быть просто географическим пространством. В сознании его жителей он приобретает черты символически освоенного, маркированного в определенных границах «своего» места, «родины», «родной земли», объекта патриотических чувств⁶. Насколько человеческой личности присущ эгоизм, настолько ей присуща и потребность быть частью того или иного общественного целого. В отсутствие норм и правил, связывающих человека с себе подобными, он испытывает острое беспокойство – состояние, названное

¹ Розум С.И. Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб., 2007. С. 296.

² Грибов В.И. Особенности адаптации молодежи малого сибирского города к обучению в ВУЗе // Актуальные проблемы науки и образования на рубеже веков: Сборник статей учёных, аспирантов и соискателей учёной степени кандидата и доктора наук. Выпуск 2. Тюмень, 2001. С. 51.

³ Фукуяма Ф. Великий разрыв. [Электронный ресурс] // Книжный архив Klex.ru. – URL: <http://urlid.ru/bfss> (дата обращения: 15.10.2013).

⁴ Фукуяма Ф. Великий разрыв. [Электронный ресурс] // Книжный архив Klex.ru. – URL: <http://urlid.ru/bfss> (дата обращения: 15.10.2013).

⁵ Левада Ю.А. Координаты человека [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения. Январь–февраль 2001 №1. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/815/989/1219/02levada-7-15.pdf> (дата обращения: 06.06.2013).

⁶ Ерохина Е.А. Взаимодействие традиций и новаций в межэтнических региональных сообществах. [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Новые исследования Тувы». – URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2134-erokhina.html (дата обращения: 08.05.2013).

Эмилем Дюркгеймом *anomie*, – и «работа» в нынешнем понимании слова есть то место, где человек, частично или полностью, способен от этого беспокойства избавиться¹.

Эту проблему, заимствуя термин социолога Джеймса Коулмэна, можно назвать проблемой дефицита «социального (общественного) капитала» – способности людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе².

Предметом исследования является взаимосвязь социального капитала и возникновения чувства локального патриотизма у студентов ТУСУР. Анализ полученных результатов исследования необходимо начать с общих характеристик, а именно с показателей уровня доверия внутри изучаемой группы.

Доверие является базой для развития локального патриотизма и социального капитала. По результатам исследования в среде студентов ТУСУР уровень доверия находится на устойчивом среднем уровне. Расчёт проводился для таких коэффициентов, как уровень конфиденциально-охранительного доверия (КОД), уровень информационно-инфлюативного доверия (ИИД) и уровень деятельностно-совладающего доверия (ДСД). Соотношение коэффициентов КОД, ИИД и ДСД по группе в целом и среди тех, с кем поддерживаются тесные отношения, колеблется незначительно, довольно близко к 1. Это говорит о том, что уровень доверия в отношениях в целом по группе не слишком отличается от тех, с кем поддерживаются тесные отношения (чем сильнее показатель приближается к 1, тем меньше различие)³. Иными словами, студенты доверяют людям из своего круга общения в целом так же, как и тем, с кем поддерживают близкие отношения, т.е. данный показатель приближается к общему знаменателю.

Показатели скорректированных групповых коэффициентов КОД и ДСД попадают в интервал средних значений, это говорит о том, что студенты в целом нейтрально оценивают морально-нравственный облик других, их порядочность, способность эффективно вносить вклад в общую работу, возможность сотрудничества при её выполнении. Кроме того, отсутствует личная закрытость, но и особого стремления открываться другим так же нет – сохраняется средний уровень, пусть и устойчивый.

Выше среднего в студенческой среде показатель информационно-инфлюативного доверия (скорректированный коэффициент): тенденция к высокому существует как в близком кругу общения, так и в общем. Это значит, что студенты склонны к позитивной оценке чужого мнения, убеждённости в их правоте, имеют хороший показатель информационной открытости, т.е.

¹ Дюркгейм Э. Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. Вып. 2, СПб. 1914.

³ Сидоренков А.В., Сидоренкова И.И. Методики изучения доверия в малой группе [Электронный ресурс] // Самая большая электронная читалка рунета. Поиск книг и журналов «BookReader». – URL: <http://bookre.org/reader?file=801004> (дата обращения: 15.04.2014).

способны воспринимать от других не только информацию, но и влияние¹. Однако это может быть обусловлено не столько наличием высокого уровня толерантности в студенческой среде, сколько психологическими особенностями возрастной группы: сознание молодого человека обладает особой восприимчивостью, способностью перерабатывать и усваивать большой поток информации. В этот период развиваются критичность мышления, стремление дать собственную оценку разным явлениям, поиск аргументации, оригинального решения, но вместе с тем сохраняется влияние установок и стереотипов предыдущих поколений².

В целом данные первой части сопоставимы с данными, полученными в ходе второй части исследования: большинству из своего круга общения доверяет 23%, примерно половине – 31%, небольшой группе – 22% и самым близким – 23%. К большинству могут обратиться за помощью 21%, примерно к половине представителей своего круга общения – 27%, к небольшой группе – 28%, к самым близким – 25%

По результатам второй части исследования обсуждают свои планы со многими из своего круга общения 6%, примерно с половиной – 36%, с небольшой группой – 30%, только с близкими – 29%

Таким образом, высокий и выше среднего уровень доверия и ниже среднего и низкий уровень представлены в среде студентов в соотношении примерно 50 на 50. Такое нейтральное положение с одной стороны может характеризоваться потенциальной устойчивостью. Но молодёжь в сравнении с другими социальными группами обладает наибольшей динамикой³, из-за чего вследствие изменения условий окружающей реальности акцент за достаточно короткий срок может сместиться в любую из сторон. Поэтому необходимо попытаться направить данный процесс в позитивное русло.

О включённости студентов в различные социальные группы можно сказать следующее: около половины студентов оценивают свой круг общения шире среднего: 22% как «широкий», 20% как «скорее широкий», 35 как «средний».

Необходимо уточнить, что широта круга общения в целом не зависит от того, является ли студент жителем г. Томска или приезжим.

В первую очередь студенты включают в свой круг общения семью, друзей и одноклассников, далее следуют коллеги по работе и в последнюю очередь – какие-либо ассоциации и объединения. Подобное распределение приоритетов в общении характерно для молодых людей, на которых в данный период жизни наибольшее влияние оказывает семья и сверстники⁴. Кроме того, выборку составили студенты очной формы обучения, для которых

¹ Орлова В.В. Социализация молодежи в условиях трансформации современного российского общества: региональный аспект (на материалах Томской и Кемеровской областей). -Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. -268 с.

² Бестужев – Лада И.В. Какая ты, молодежь? М., Моск. рабочий, 1999. С. 98.

³ Чередниченко Г.А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути. СПб.: изд-во «РХГИ», 2004. С. 74.

⁴ Фукуяма Ф. Великий разрыв; пер. с англ. А.В.Александровой. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 46

трудоустройство сопряжено с трудностями, связанными с совмещением работы и учебных занятий. Однако основным показателем развитого социального капитала называют именно включённость в различные сообщества [24]. С этой точки зрения можно сделать вывод, что в студенческой среде социальный капитал не достаточно развит. Об этом свидетельствует и крайне низкий показатель доверия объединениям, сетям, ассоциациям – им доверяет всего 4% опрошенных. Абсолютное большинство в первую очередь доверяет таким группам, как семья и друзья (74 и 77% соответственно). Большинству и примерно половине при этом склонны доверять студенты с «широким» кругом общения. Самым близким доверяют, как правило, студенты, обладающие узким кругом общения.

Не смотря на малую активность в отношении расширения своего круга общения, интенсивность связей внутри него, по мнению самих студентов, довольно высока: 66% студентов часто встречаются с людьми из своего круга общения, и довольно часто сами выступают инициаторами таких встреч (62% опрошенных).

При этом, по мнению самих же студентов, пространственное распределение их круга общения выглядит следующим образом:

Из всей совокупности опрошенных только 24% являются томичами, остальные проживали до поступления в ТУСУР в Томской области (12%), других регионах Российской Федерации (37%) или в другой стране (27%), в основном, в Казахстане. Тем не менее, у 76% значимая часть круга общения находится в непосредственном окружении, у 20% – в родном городе или регионе. Следует обратить внимание на небольшой процент социальных сетей в круге общения студентов – всего 4%. При этом подавляющее большинство испытывает интерес к событиям, происходящим в г. Томске: 52% – умеренный и 28% – безусловный.

На вопрос «Испытываете ли Вы симпатию к г. Томску? Считаете ли Вы его значимым для себя?» однозначно отрицательно ответили всего 2% опрошенных. С той или иной степенью уверенности г. Томск считает значимым для себя подавляющее большинство опрошенных студентов: «да, конечно», – ответили 42%, «скорее да», – 45%. На этом основании можно сделать вывод, что на симпатию г. Томску не оказывает большого влияния тот факт, жил ли студент до поступления в ВУЗ в г. Томске или является приезжим¹. Это подтверждает психологическую пластичность молодёжи, её способность встраиваться в новые системы отношений, а так же говорит о важности непосредственного окружения и вовлечённости в социальные связи на новом месте.

Однако всего 16% однозначно связывают свою дальнейшую жизнь с этим городом, 23% не исключают такой возможности, маловероятным такое решение считают 43% опрошенных студентов, и 18% ответили категорическим отказом.

¹ Орлова В.В., Шестакова Д.К. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НА ЧУВСТВО ЛОКАЛЬНОГО ПАТРИОТИЗМА У ПРИЕЗЖИХ СТУДЕНТОВ (ОБУЧАЮЩИХСЯ В ТОМСКЕ) // Социология города. 2013. № 3. С. 18-26.

Из этого следует, что хотя основания для возникновения и существуют, собственно чувство локального патриотизма к г. Томску отсутствует.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что значимым для себя г. Томск считают студенты с преимущественно «широким» и «скорее широким» кругом общения.

Так же симпатию к г. Томску склонны испытывать студенты с более высоким уровнем доверия: из тех, кто безусловно считают г. Томск значимым для себя, большинству и примерно половине своего круга общения доверяют по 29%. Кроме того, абсолютное большинство тех, кто не испытывает к г. Томску никакой симпатии, 29% склонны доверять лишь небольшой группе и 75% – только самым близким, а так же могут обратиться за помощью только к небольшой группе – 25% и лишь к самым близким – 50%.

Особое внимание следует обратить на следующие показатели: из тех, кто обладает широким кругом общения, собираются связать свою дальнейшую жизнь с г. Томском 38% и не исключают такой возможности 54%. Из тех студентов, что оценивают свой круг общения как узкий, 35% считают такое развитие событий маловероятным, 42% – не рассматривают такой вариант.

Таким образом, прослеживается явная зависимость между социальным капиталом студентов и чувством патриотизма к г. Томску. Из полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Основные показатели уровня доверия в среде студентов г. Томска укладываются в интервал средних значений. Показатель ИИД имеет более высокое значение, однако это объясняется особенностями данной возрастной группы.

2. Социальный капитал студентов г. Томска не носит характер развитого, о чём свидетельствует собственная оценка студентов, а так же низкий показатель включённости в круг общения различных объединений, ассоциаций и невысокий уровень доверия к ним.

3. Интенсивность социальных связей внутри круга общения студентов можно охарактеризовать как относительно высокую, но вместе с тем позиция студентов г. Томска относительно работы над расширением своего круга знакомств не является достаточно активной.

4. Симпатии к г. Томску, а так же интерес к событиям, происходящим в нём, в целом не зависят от региона проживания студента до поступления в томский ВУЗ.

5. Чувство локального патриотизма к г. Томску имеет зависимость от личного уровня доверия студентов и уровня развития социального капитала.

Литература

1. Тарасевич В.Н. Современное доверие: содержание и кризис [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-doverie-soderzhanie-i-krizis> (дата обращения: 05.05.2014).

2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 121 – 139.

3. Гуджавина Т.А. Социальное доверие в гражданском обществе [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-doverie-v-grazhdanskom-obschestve> (дата обращения: 05.05.2014).
4. Шихарёв П.Н. Современная социальная психология // М. 1999. С. 374.
5. Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С., Латова Н.В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-paradoksy-analiza-institutsionalnogo-doveriya-kak-elementa-sotsialnogo-kapitala-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 05.05.2014).
6. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 53 – 54.
7. Федотова Н.Н., Федотов Л.Н. Мультикультурализм, политика идентичности и социальный капитал [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalizm-politika-identichnosti-i-sotsialnyu-kapital> (дата обращения: 24.03.2014).
8. Грибов В.И. Особенности адаптации молодёжи малого сибирского города к обучению в ВУЗе // Актуальные проблемы науки и образования на рубеже веков: Сборник статей учёных, аспирантов и соискателей учёной степени кандидата и доктора наук. Выпуск 2. Тюмень, 2001. С. 50, 51.
9. Ищенко И.Г. Теоретические подходы к формированию понятия социальный капитал. [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-formirovaniyu-ponyatiya-sotsialnyu-kapital> (дата обращения: 15.11.2013).
10. Розум С.И. Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб., 2007. С. 296.
11. Фукуяма Ф. Великий разрыв. [Электронный ресурс] // Книжный архив Klex.ru. – URL: <http://urlid.ru/bfss> (дата обращения: 15.10.2013). Левада Ю.А. Координаты человека [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения. Январь–февраль 2001 №1. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/815/989/1219/02levada-7-15.pdf> (дата обращения: 06.06.2013).
12. Ерохина Е.А. Взаимодействие традиций и новаций в межэтнических региональных сообществах. [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Новые исследования Тувы». – URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2134-erokhina.html (дата обращения: 08.05.2013). Дюркгейм Э. Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. Вып. 2, СПб. 1914. Сидоренков А.В., Сидоренкова И.И. Методики изучения доверия в малой группе [Электронный ресурс] // Самая большая электронная читалка рунета. Поиск книг и журналов «BookReader». – URL: <http://bookre.org/reader?file=801004> (дата обращения: 15.04.2014).
13. Орлова В.В. Социализация молодежи в условиях трансформации современного российского общества: региональный аспект (на материалах Томской и Кемеровской областей). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. – 268 с.
14. Бестужев – Лада И.В. Какая ты, молодежь? М., Моск. рабочий, 1999. С. 98.
15. Чередниченко Г.А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути. СПб.: Изд-во «РХГИ», 2004. С. 74. Фукуяма Ф. Великий разрыв; пер. с англ. А.В.Александровой. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 46
16. Орлова В.В., Шестакова Д.К. Влияние социальной адаптации на чувство локального патриотизма у приезжих студентов, обучающихся в Томске // Социология города. 2013. № 3. С. 18-26.

РЕЙТИНГ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В СВЕТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

С.Н. Питка,

*доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью
Институт управления НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук, доцент*

Происходящие в современной российской действительности социальные, культурные, политические и экономические процессы актуализируют роль имиджа региона, являющийся одним из основных ресурсов, предопределяющих его развитие. Имидж региона – это его стереотипизированный образ в массовом сознании, в котором соединены представления людей по поводу социокультурных, исторических, социально-экономических, политических и других особенностей данной территории [3]. Представление о регионе может складываться как на основе личных впечатлений, из материалов масс-медиа, литературных и кинематографических источников, на основе рассказов очевидцев, слухов. Следует отметить, что образ одного и того же региона в сознании разных людей может различаться. Наиболее адекватную оценку региону дает рейтинг, проводимый посредством мониторинга независимыми экспертами. Рейтинг российских регионов представляет собой список, в котором регионы упорядочены по уровню развития: наиболее развитый регион занимает первое место, наименее развитый – последнее [3].

Рейтинг уровня жизни регионов России ежегодно проводят разнообразные исследовательские и статистические компании с целью определения региона, предлагающего людям наиболее комфортные условия для проживания, качественную инфраструктуру, условия ведения бизнеса, работы, развлечений.

Одной из исследовательских компаний, занимающихся мониторинговой деятельностью качества жизни российских регионов является Центр социально-консервативной политики в Центральном федеральном округе. Под «качеством жизни» понимается результат целенаправленной деятельности органов государственного и муниципального управления, бизнеса, институтов гражданского общества и самого человека по созданию оптимальных условий для удовлетворения базовых потребностей человека [1].

Основываясь на данных мониторинга, проанализируем рейтинг регионов Центрально-Черноземного района, уделив особое внимание Белгородской области.

Данные мониторинга свидетельствуют о достаточно высоком рейтинге Белгородского региона по таким показателям «качества жизни» как сфера культуры и духовного развития, сферы дорожного хозяйства, транспортного обслуживания, жилищного строительства, среды обитания и экологии.

Высокая рейтинговая оценка сферы культуры и духовного развития связана с восстановлением памятников культуры и архитектуры, развитием сети кинотеатров и культурных центров, расширением спектра культурно-познавательных услуг, повышением доступности учреждений культуры для населения и молодежи (таблица 1).

Таблица 1

Оценка культуры и духовного развития в регионах ЦЧР за 2013 г.

Белгородская	4,2
Тамбовская	4,0
Курская	3,7
Воронежская	3,7
Липецкая	2,0

Высокие показатели сферы дорожного хозяйства Белгородского региона определяются улучшением содержания и своевременным ремонтом основных дорог в областных центрах, появлением новых парковок для автомобилей, улучшением качества дорожной разметки, внедрением и установкой новых светофоров и дорожных знаков (таблица 2).

Таблица 2

Оценка сферы дорожного хозяйства в регионах ЦЧР за 2013 г.

Белгородская	3,8
Курская	3,0
Тамбовская	3,0
Воронежская	2,3
Липецкая	2,0

Сфера транспортного обслуживания Белгородского региона также имеет высокие рейтинговые показатели, что обусловлено осуществлением модернизации железнодорожной инфраструктуры, расширением общественного транспорта (таблица 3).

Таблица 3

Оценка сферы транспортного обслуживания в регионах ЦЧР за 2013 г.

Белгородская	3,6
Курская	3,0
Тамбовская	3,0
Воронежская	2,7
Липецкая	2,0

Сфера жилищного строительства Белгородского региона также имеет высокие рейтинговые показатели, что обусловлено активным строительством дешевого жилья, увеличение ввода бюджетного и социального жилья, ростом занятости населения на объектах гражданского и промышленного строительства (таблица 4).

Таблица 4

Оценка сферы жилищного строительства в регионах ЦЧР за 2013 г.

Белгородская	4,4
Тамбовская	4,0
Курская	3,6
Воронежская	3,0
Липецкая	3,0

Относительно среды обитания и экологии Белгородского региона, также можно заметить достаточно высокие рейтинговые значения. Это связано с активным развитием и наведением порядка в парковых зонах, благоустройством, озеленением территорий, городских ландшафтов, совершенствованием пунктов сбора ТБО, активным развитием экологического движения (таблица 5).

Таблица 5

Оценка сферы среды обитания и экологии в регионах ЦЧР за 2013 г.

Белгородская	4,0
Липецкая	4,0
Тамбовская	3,8
Курская	3,6
Воронежская	3,0

Стабильную позицию имеет «сфера здравоохранения» Белгородского региона, несколько уступая в ней Тамбовской области (таблица 6):

Таблица 6

Оценка качества жизни в сфере здравоохранения в регионах ЦЧР

Тамбовская	3,6
Белгородская	3,2
Курская	3,0
Липецкая	3,0
Воронежская	2,3

Позитивные изменения в сфере здравоохранения Белгородского региона связаны с активным строительством новых корпусов поликлиник и городских больниц, установкой современного медицинского оборудования в учреждениях здравоохранения, расширением спектра медицинских услуг. Наряду с позитивными изменениями следует отметить такие нерешенные проблемы, как закрытие ряда учреждений здравоохранения в районах, сокращение количества социальных мест в межмуниципальных больницах и поликлиниках, нехватка врачей узкопрофильных специалистов в районных учреждениях здравоохранения.

В сфере физической культуры Белгородский регион уступает Липецкому региону, сохраняя при этом достаточно высокие показатели (таблица 7).

Таблица 7

Оценка сферы физической культуры и спорта в регионах ЦЧР за 2013 г.

Липецкая	5,0
Белгородская	4,2
Тамбовская	4,0
Курская	3,7
Воронежская	2,7

Среди положительных изменений данной сферы в Белгородском регионе следует отметить появление новых спортивных объектов, увеличение числа

спортивно-массовых мероприятий, развитие сети дворовых спортивных площадок, пропаганду здорового образа жизни.

Социальная активность населения по обеспечению собственного качества несколько выше в Тамбовской и Курской областях (таблица 8).

Таблица 8

Оценка социальной активности населения по обеспечению собственного качества жизни в регионах ЦЧР за 2013 г.

Тамбовская	3,0
Курская	2,7
Белгородская	2,4
Липецкая	2,0
Воронежская	2,0

В качестве положительных изменений можно указать изменение отношения жителей к тщательному выбору и качеству продуктов питания, внимание к состоянию окружающей среды и экологии. Среди нерешенных проблем в данном секторе отмечается сокращение средств на социальные проекты, сохранение недоверия большей части жителей к исходящим от власти инновациям, неверие в добрые намерения руководителей.

Оценивая качество уровня материального благосостояния населения в регионах можно заметить, что Белгородский регион имеет равные рейтинговые оценки с Липецким, уступая Воронежской и Тамбовской областям (таблица 9).

Таблица 9

Оценка качества уровня материального благосостояния населения в регионах ЦЧР за 2013 г.

Тамбовская	3,5
Воронежская	3,3
Липецкая	3,0
Белгородская	3,0
Курская	2,7

Среди позитивных изменений отмечается некоторый рост средних зарплат и уровня жизни отдельных категорий населения, а в качестве нерешенных проблем – усиление социальной дифференциации населения.

В сфере ЖКХ рейтинговые показатели Белгородского региона немного уступают показателям Воронежского региона и в значительной степени – Тамбовскому региону (таблица 10).

Таблица 10

Оценка сферы ЖКХ в регионах ЦЧР за 2013 г.

Тамбовская	3,5
Воронежская	2,7
Белгородская	2,6
Курская	2,4
Липецкая	2,0

Позитивными достижениями в данной сфере можно считать обновление инфраструктуры водопроводных и канализационных сетей, расширение доступности и спектра услуг – электронных, платежных терминалов для оплаты жилищно-коммунальных услуг, благоустройство детских площадок, приведение в порядок внутривидовых территорий.

Анализируя данные мониторинга, следует обратить внимание на результаты, свидетельствующие о проблемных сферах, к которым можно отнести сферу образования, сферу социального обслуживания населения, а также сферу обеспечения безопасности личности.

Показатели сферы образования в Белгородском регионе достаточно стабильны, в то же время наблюдается их снижение в сравнении с Тамбовской, Курской и Воронежской областями и значительное преимущество в отношении Липецкой области (таблица 11).

Таблица 11

Оценка качества жизни в сфере образования в регионах ЦЧР за 2013 г.

Тамбовская	4,0
Курская	3,7
Воронежская	3,7
Белгородская	3,4
Липецкая	2,0

Среди позитивных изменений наблюдается строительство и ввод новых детских досуговых центров, детских садов, повышение заработной платы в дошкольных учреждениях, рост удовлетворенности населения качеством предоставления образовательных услуг. В то же время наблюдается значительное число нерешенных проблем, к которым можно отнести неудовлетворение ЕГЭ как системы контроля, увеличение очереди в детские сады, навязыванием платных услуг, злоупотребление служебным положением.

Анализируя показатель сферы социального обслуживания населения, следует отметить, что несмотря на небольшое рейтинговое преимущество перед Воронежской областью, Белгородская область уступает Липецкой, Тамбовской и Курской областям (таблица 12).

Таблица 12

Оценка качества жизни в сфере социального обслуживания населения в регионах ЦЧР за 2013 г.

Липецкая	4,0
Тамбовская	3,8
Курская	3,4
Белгородская	3,2
Воронежская	3,0

Проблематичными вопросами остаются низкое качество социального обслуживания некоторых категорий граждан, сокращение видов и низкий уровень социальных выплат на фоне роста цен и снижения уровня жизни, недостаток квалифицированных специалистов в сфере социального обслуживания. Среди позитивных изменений отмечены расширение

доступности услуг, преимущественно электронных, успешное функционирование программы помощи многодетным семьям, улучшение оснащенности и укомплектованности учреждений социальной защиты.

В сфере обеспечения безопасности личности Тамбовская, Воронежская и Курская области имеют более высокие показатели, чем Белгородская область, которая, в свою очередь, имеет небольшое рейтинговое преимущество по отношению к Липецкой области (таблица 13).

Таблица 13

Оценка сферы обеспечения безопасности личности в регионах ЦЧР за 2013 г.

Тамбовская	3,7
Воронежская	3,7
Курская	3,5
Белгородская	3,4
Липецкая	3,0

Нерешенными проблемами в данной сфере являются увеличение числа мигрантов в ряде регионов и появление в связи с этим криминогенной обстановки. Среди положительных изменений отмечается оснащение современным оборудованием правоохранительных органов.

Резюмируя данные мониторинга заметим, что рейтинговые показатели Белгородского региона являются достаточно высокими в отношении многих сфер, в частности культуры и духовного развития, сферы дорожного хозяйства, транспортного обслуживания, жилищного строительства, среды обитания и экологии, а также сферы физической культуры и спорта, социальной активности населения по обеспечению собственного качества жизни, здравоохранения, качества уровня материального благосостояния населения в регионе, сферы ЖКХ. Достаточное количество нерешенных проблем наблюдается в сфере образования, обеспечения безопасности личности, а также в сфере социального обслуживания населения.

Следует также указать на то, что ни в одной из исследуемых позиций Белгородская область не оказывалась на последнем месте, что указывает на стабильность, перспективность, способствующие повышению показателей основных сфер, обуславливая привлекательный имидж Белгородского региона как среди регионов Центрально-Черноземного района, так и Центрального Федерального Округа.

Литература

1. Мониторинг регионального управления в субъектах Центрального федерального округа: оценка качества и жизни и социальная эффективность [Текст]. – М.: Изд-во «Проспект», 2014. – 48 с.
2. Василенко И.А. Современный имидж российских регионов: проблем формирования [Текст] // Мир и политика. – 2012. – №12.
3. Методика составления рейтинга развития регионов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://5-tv.ru/rating/method.html>

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ¹

Н.В. Проказина,

*декан факультета социальных технологий
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Орел, доктор социологических наук*

Современные общества активно используют возможность сознательного управления конструированием социальной реальности. Вектор конструирования направлен не только в настоящее и будущее, но и, что особенно соответствует характеру современной цивилизации, в прошлое. Одним из ярких примеров конструирования является историческая память о Великой Отечественной войне.

Историческая память обладает большой потенциальной силой, способностью сохранять в массовом сознании оценки событий прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия людей.

Проведенный под руководством Т.С. Гузенковой в 2010 году анализ учебников истории о событиях Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, позволил выделить три типа исторических версий: традиционную (позднесоветскую версию), трансформированную, радикально пересмотренную. Авторы исследования отмечают, что наименьшим изменениям подверглись учебники таких стран как: Белоруссия, Казахстан, Армения, отчасти Узбекистан, а также непризнанной республики ПМР. В наибольшей — страны Балтии, Украины, Польши и Грузии. Анализ событий, разворачивающихся в этих странах в последние годы, отчетливо демонстрирует влияние радикально пересмотренных подходов на состояние общества, на его социально-политическую стабильность и отношение к общей истории. Это подчеркивает важность постмодернистского тезиса конструирования «позитивных традиций» в официальной памяти общества.

Основаниями для формирования представлений о Великой Отечественной войне, по мнению опрошенных россиян, являются знания, полученные в школе (31,3%); в семье (30,1%); из разных источников (15,9%); в процессе общения с ветеранами/посещения музеев (9,8%). Половина опрошенного населения считает, что объем знаний по событиям Великой Отечественной войны находится на уровне школьного/вузовского курса; треть опрошенных отмечает, что он чуть выше среднестатистического. Следовательно, по мнению россиян, их социальные представления о Великой Отечественной войне находятся на школьном уровне. Однако на вопрос о предпочитаемых темах в школьных учебниках, респонденты высказались за то, чтобы все темы в школьных учебниках истории рассматривались в равной

¹ Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта № 14-23-23500 «Воспроизводство исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России: сравнительный анализ».

степени (58%), и только 10% останавливают свой выбор на событиях Великой Отечественной войны [1].

В целом Великая Отечественная война является наиболее общей темой, вызывающей интерес у представителей различных социальных групп. Так, по результатам опроса ВЦИОМ в июне 2014 года у 69% россиян война является предметом обсуждения в семье. Однако следует констатировать, что за последние десять лет значительно сократилась доля тех, кто говорит в семье довольно часто: с 25% в 2005 году до 15% в 2014 году.

О том, что их родственники были участниками Великой Отечественной войны, знают 88% россиян. При этом 42% россиян хорошо осведомлены о жизни своих родственников в военные годы, а 31% – треть опрошенных – не знает подробностей их биографии [2].

С историей войны россияне, прежде всего, соприкасаются, благодаря просмотру фильмов: так, в течение последнего года 86% респондентов смотрели кино, посвященное событиям 1941-1945 гг. К военной литературе россияне обращаются значительно реже: о том, что читали в этот период книги о войне, сообщили только 30% опрошенных. Чаще всего читают военную литературу пожилые люди (36% старше 60 лет), нежели представители среднего возраста (21%).

Для представителей молодого поколения одним из основных источников формирования представлений о войне служат популярные игры технократического содержания – «World of Tanks» и др. Именно они способствуют формированию представлений о войне. Таким образом, современная социальная реальность во многом зависит от новых каналов и технологий, используемых для формирования представлений о событиях прошлого.

В СМИ складывается ситуация, когда трансформируются и радикально пересматриваются события и итоги Великой Отечественной войны. Однако и сегодня существует ряд устойчивых стереотипов и установок относительно целостной картины восприятия военной истории и героев войны.

В целом, в современном обществе идет принципиально новый этап сохранения и воспроизводства исторической памяти о Великой Отечественной войне. Ситуация осложняется и тем, что непосредственные носители памяти о войне уходят, и от воплощения памяти в тех, кто выступает ее носителями и находит для нее новые употребления, во многом зависит ее содержание.

В условиях возрастания значения конструирования социальной реальности актуализируется необходимость просветительской и информационной деятельности, направленной на различные социальные группы для формирования представлений, образов и установок о событиях и значении Великой Отечественной войны.

Литература

Пресс-выпуск № 2368. «О чем писать в учебниках истории Отечества». 09.08.2013. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114343> (дата обращения: 23.07.2014).

Пресс выпуск № 2697. «Великая отечественная война в рассказах и фильмах» 18.006.2014. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114864> (дата обращения: 23.07. 2014).

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

О.Ю. Посухова,

*доцент кафедры прикладной и теоретической регионалистики
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону,
кандидат социологических наук*

В условиях наблюдающейся политической нестабильности и столкновения интересов влияния Российской Федерации и других крупных государств на мировой политической арене актуализируется вопрос обеспечения национальной безопасности в российском обществе. Обеспечение национальной безопасности возможно посредством реализации национальных интересов России и минимизации угроз. Так, как «...Реализация национальных интересов России возможна только на основе устойчивого развития экономики. Поэтому национальные интересы России в этой сфере являются ключевыми» [1]. Среди угроз национальной безопасности выделяются терроризм, экстремизм, криминализация общественных отношений, расслоение общества на бедных и богатых, увеличение числа населения, живущих за чертой бедности и рост безработицы. Обеспечить реализацию национального интереса в экономической сфере, а также предотвратить различного рода угрозы возможно посредством усиления мотивации на реализацию эффективной профессиональной деятельности, через конструирование позитивного образа идентичности «профессионала» и внедрение его в массовое сознание россиян.

Трактовки идентичности в современной науке разнообразны, и отражают ее многоаспектность. В современной психологии идентичность рассматривается как интегративный психологический феномен, отражающий ценностно-смысловую систему личности; идентичность связана с наличием у человека самоопределения, включающего выбор целей, ценностей и убеждений – «элементов идентичности» [2], которым человек следует в жизни. В социологии под социальной идентичностью понимается переживание и осознание своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям. Конструктивистская теория в определении идентичности берет начало в работа П. Бергера и Н. Лукмана. Согласно данному подходу, идентичность подвижна, множественна, ситуативна и контекстуальна. Целью социального конструктивизма является выявление путей, с помощью которых индивидуумы и группы людей принимают участие в создании воспринимаемой ими реальности [3].

Профессиональная идентичность – это чувство общности с определенной профессиональной группой, которая формируется в результате профессионального развития. По результатам всероссийских социологических исследований профессиональная идентичность входит в тройку лидеров мы-

идентичности. Но если сделать региональный срез и ограничить по возрасту, то по результатам региональных исследований молодежи Ростовской области профессиональная идентичность занимает шестое из восьми имеющихся мест, после национальной, гендерной, семейной и территориальной идентификации. Данное обстоятельство может быть объяснено тем, что молодежь находится в начале своего профессионального пути, и их профессиональная идентичность была обусловлена одним из четырех статусов, в которых находился обучающийся во время получения профессионального образования: неопределенная профессиональная идентичность (выбор дальнейшего профессионального пути еще не сделан, четкие стратегии отсутствуют, и над этой проблемой не задумывался); навязанная профессиональная идентичность (имеется сформированное представление о своем профессиональном будущем, но они навязаны извне и не являются результатом самостоятельного выбора); мораторий (кризис выбора) профессиональной идентичности (осознание проблемы выбора профессионального пути и поиск адекватного решения, альтернативы определены, но наиболее подходящий вариант еще не определен).

В каждой профессиональной группе профессиональная идентичность обладает как общими, так и свойственными только данной профессиональной группе компонентами. Общим для всех профессиональных групп является компонент «профессионал», обусловленный профессиональной Я-концепцией и профессиональной востребованностью личности.

Конструирование идентичности профессионала начинается с осознанного выбора профессии, ставшего результатом самостоятельного решения. Немаловажную роль при этом играют семейные ресурсы, особенно на этапе выбора образовательного учреждения и его уровня. Если наблюдается профессиональная семейная преемственность, то ориентация на идентичность «профессионал» более высокая, благодаря погружению с детства в профессиональную среду и «нужно соответствовать, ведь мою семью все знают на заводе». Успешность конструирования и идентификации зависит также от такого обстоятельства как разочарования от выбранной профессии еще на этапе профессионального обучения. Для этого проводятся специализированные конкурсы по профессии, профессиональные олимпиады и подбираются престижные места практик. Немаловажным условием для конструирования идентичности профессионала имеет успеваемость и вторичная занятость [4; 69]. Плохо успевающие студенты относятся к получению профессионального образования формально, что в последствие накладывает отпечаток на развитие уровня их профессионализма.

Проведенное в 2013 г. исследование выявило интересный факт. Такие организационные структуры как студенческие научные объединения, инновационные центры и бизнес-инкубаторы, центры развития карьеры, профориентации и трудоустройства с возложенной функцией адаптации выпускников вузов и формирования идентичности профессионала практически не справляются. Функционирование этих центров, по мнению студентов, также

не оказывает никакого влияния на отношение к профессии, на карьеру и профессиональные планы.

Следующим условием конструирования и самоидентификации является успешное вхождение в профессиональную среду – трудоустройство по специальности. С учетом несоответствия спроса и предложения на рынке труда, данное трудоустройство становится проблематичным в российском обществе. Поэтому многим приходится трудоустроиваться не по полученной специальности, либо получать второе образование. Что на первых порах это сказывается деструктивно на формировании и самопрезентации себя как профессионала. После же определенного периода работы, наличие знаний из других профессий может наоборот усилить самовосприятие себя и презентацию как профессионала, что повышает конкурентоспособность, улучшает положение в статусной иерархии и траектории в карьерном пространстве.

Идентичность профессионала включает в себя отношение к себе как профессионалу, который может реализовать свой потенциал. Согласно результатам нашего исследования восприятие работы как важной стороны жизни и возможности самореализации характерно для 36,9% респондентов, что позволяет говорить о тенденции к актуализации и востребованности идентичности профессионала в российском обществе. Карьерные ориентации также обуславливают идентичность профессионала: для более половины респондентов (53,7%) карьера – это одна из важных ценностей среди других; 15,4% хотят сделать карьеру в первую очередь и готовы ради нее многим пожертвовать. При этом, 38,4% молодых жителей Ростовской области не смогли дать однозначного ответа и точно сказать, что можно отнести к главным факторам успешной карьеры: но доминируют ответы о профессионализме и неприемлемости аморального поведения [5].

Профессионал это человек, занимающийся профессиональной деятельностью, обладающий высоким уровнем компетенций для решения профессиональных задач, постоянно расширяя круг своих знаний, адекватно оценивающий свои профессиональные возможности. Идентификационное якорирование с «профессионалом», особенно для молодежи, позволит усилить экономическую сферу российского общества, а соответственно в условиях геополитической конкуренции обеспечить национальную безопасность Российской Федерации. Этому может способствовать налаживание эффективной работы в образовательных учреждениях специализированных центров, а также включение ее в российскую повседневность посредством как корпоративных мероприятий, так и через формирование положительного образа «профессионала» в российских СМИ.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html>
2. Цит. по: Бохан Т.Г., Алексеева Л.Ф., Шабаловская М.В., Морева С.А. Идентичность как показатель профессионально-личностного становления студентов специальности «Лечебное дело» // http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2013_3_20/nomer/nomer13.php

3. Жаде З.А. Конструирование идентичности в политологическом дискурсе // Всероссийская заочная научно-практическая конференция «Современные медиапроцессы и социальная идентичность» // <http://rsovsgutu.ru>

4. Нор-Аревян О.А. Проблемы вторичной занятости студентов и стратегии профессионального поведения после окончания вуза // *Философия права*, 2013, № 1(56), С. 67-73.

5. Барков Ф.А., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Страдзе А.Э. Трудовое поведение молодежи: социологическая диагностика в контексте повышения эффективности региональной молодежной политики (на примере Ростовской области) // *Вестник РАЕН*, 2013, № 3, Т. 13, С. 106 – 112.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФОН ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Е.В. Реутов,

*доцент кафедры социальных технологий Института управления
НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук, доцент*

Доминирование в течение длительного исторического времени государственных (в противовес общественным) институтов в российском обществе вполне закономерно привели к нейтрализации автономной гражданской активности. Ее восстановление в постсоветский период протекало, с одной стороны, в условиях самоустранения государства из ряда сфер социальной регуляции, с другой – при довлеющем значении советского опыта во взаимодействии государства и общественных организаций. В результате к 2000-м гг. российское гражданское общество приобрело «гибридный» характер, для которого стало характерно сочетание установки некоторых общественных институтов на абсолютную свободу от вмешательства государства и полностью зависимый и провластный порядок деятельности других.

В том числе и по этой причине был столь полярно воспринята редакция Федерального закона «О некоммерческих организациях» в 2012 г., введившая в законодательное поле понятие иностранного агента применительно к общественным организациям. Общественные организации, получающие финансирование из-за рубежа, восприняли принятие данного закона как неправомерное посягательство государства на гражданское общество; представители же провластных структур явно обрадовались давлению на конкурентов. Характерным примером последнего является доклад Российского института стратегических исследований (март 2014 г.), в котором ряду российских исследовательских центров, научных организаций и вузов (в том числе, Институту социологии РАН) инкриминировался «сбор социологической, политологической, военной и иной информации, имеющей разведывательную ценность, проведение мониторингов и аналитических исследований в интересах зарубежных заказчиков» [1].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области. Грант «Потенциал общественных организаций в формировании регионального солидарного общества» № 14-13-31008 (рук. – Е.В. Реутов).

Таким образом, общественные организации в российском обществе функционируют в достаточно сложной институциональной среде, а их деятельность связана не только с реализацией уставных функций, но и постоянным преодолением административных, правовых и финансово-экономических барьеров.

При этом едва ли не большим препятствием для общественных инициатив является достаточно неблагоприятный социокультурный фон – убежденность значительного числа граждан в том, что общественные организации – это бесполезный или даже вредный институт, созданный для реализации интересов каких-либо узких групп. По данным опроса Левада-Центра 2010 года, лишь незначительная часть респондентов (13%) считала, что большинство общественных движений и инициатив создано по частному почину самих граждан, снизу, минуя власть или иные политические силы. Остальные были убеждены в том, что это инициатива либо власти (30%), либо оппозиции (22%), либо внешних сил, заинтересованных в определенном развитии России (13%) [2].

Соответственно, далеко не всегда очевидной выглядит и общественная польза от их деятельности. Так, в ходе опроса Левада-Центра (июль 2013 г.) лишь 50% респондентов оценили положительно деятельность некоммерческих организаций (при этом целиком положительно – только 9%) [3]. Разница между двумя этими показателями характеризует, во-первых, низкий уровень включенности граждан в проблематику общественных инициатив и, во-вторых, небольшой общественный резонанс от деятельности некоммерческих организаций. С одной стороны, люди склонны давать не вполне определенные ответы в тех случаях, когда рассуждают о достаточно отвлеченных предметах, с другой – эти мнения отражают невысокую инклюзивность гражданского активизма, его, по большому счету, периферийный характер.

Треть респондентов (34%), опрошенных ВЦИОМ в августе 2014 г., согласны с тем, что общественные организации не нужны, в принципе, а их задачи должно решать государство. Противоположное мнение высказали 41% опрошенных. С тем, что общественные организации создаются для решения отдельных задач, соответствующих интересам их руководителей, согласны 40% респондентов, а не согласны – только 36% [4]. Данное распределение ответов наглядно иллюстрирует амбивалентность, присущую общественному мнению россиян относительно общественных организаций и гражданского активизма. Характерно, что большинство респондентов (59%) не смогло назвать ни одной общественной организации или политической партии [4].

В 2011 г. в рамках исследования эффективности социальных сетей и практик взаимопомощи населения нами была проведена серия интервью (N=51). Ряд вопросов касался и отношения к общественной активности.

В целом, население позитивно относится к общественным инициативам и к общественным активистам, хотя встречаются и резко отрицательные мнения. При этом многие респонденты старались обосновать свой ответ, хотя и не всегда удачно: «Скажите, как Вы относитесь к тем людям, которых называют «общественниками»? – «хорошо отношусь, с пониманием, потому

что, ну, дело такое» (мужчина, 25 лет, областной центр); «очень положительно...» (женщина, 23 года, областной центр); «ну, на улице не очень встретить, но отношение хорошее, с пониманием. Когда вот кто-то приезжает, я всегда придаю этому значение, мне это нравится» (женщина, пенсионер, 71 год, село); «если их старание, работа направлены на благо общественности, то я уважаю таких людей. Они, можно сказать, даже являются примером целеустремленности – люди, которые стремятся к цели» (мужчина, 23 года, студент, райцентр); «положительно. Я сам такой сейчас» (мужчина, 48 лет, учитель, село); «не знаю, по-моему, с их позиции, это очень даже хорошо, пусть организуют хотя бы они общество» (женщина, 19 лет, студентка, райцентр); «очень положительно, без таких людей очень сложно, такие люди очень во многом помогают. Я всегда «за», хоть такой сама и не являюсь» (женщина, 25 лет, менеджер, райцентр); «я считаю, что если эти люди делают что-то для пользы людей, почему бы их не поддержать, пожалуйста, я с ними всегда» (женщина, 72 года, пенсионер, областной центр); «если это делается на помощь народу, то тогда поддерживаю. Ну, я отношусь к ним положительно» (женщина, 18 лет, студентка, областной центр); «мне очень, жаль, что я не на их месте, очень хорошо [отношусь]» (женщина, 70 лет, пенсионер областной центр.); «с уважением отношусь... К сожалению, нет таких людей. Я бы с удовольствием познакомилась с такими товарищами, которые имеют свою твердую гражданскую позицию, заинтересованные в решении каких-то проблем, не только своих; которые могут организовать людей для решения какой-то проблемы» (женщина, 34 года, преподаватель вуза, областной центр); «Ну что сказать? Они, конечно, может быть, у них есть вот эта жилка, огонь что-то сделать для общества, как-то растолкать. Это мало таких людей, у которых есть желание помимо своей семьи, работы, еще они горят общественной жизнью. Им можно позавидовать, побольше бы таких!» (женщина, 38 лет, воспитатель, райцентр).

Встречаются и отрицательные или амбивалентные мнения, отражающие внутренний конфликт между социально одобряемым поведением, «должными» оценками, ценностями и реальным опытом участника опроса. «Скажите, как Вы относитесь к тем людям, которых называют «общественниками», которые пытаются как-то организовать других людей, решить какие-то общие проблемы, собирают подписи, собрания? – Вообще с опаской. Излишняя инициатива у меня вызывает немножко страх, замешательство» (женщина, 48 лет, учитель, село); «насколько я знаю, даже по своему дому, в котором я живу, эти общественники все куплены» (мужчина, 48 лет, военнослужащий, областной центр); «с уважением, и очень большим уважением. Но отрицательно, потому что у этих людей цели и меры, принимаемые ими, не приносят результата, или приносят отрицательный результат» (мужчина, 59 лет, инженер-строитель, райцентр); «все это, на самом деле, я считаю голословно и неправда. А, во-первых, опять же, если все это будет против власти, то власть это сразу же прикроет, еще никто такого существенного ничего не организовывал, что может повлиять на ход, скажем так, истории. И даже не истории, а, например, чтобы поменялась власть у нас в стране. Я

уверен и считаю, что это вообще бессмысленный труд» (мужчина, 18 лет, студент, областной центр).

Наличие в повседневном окружении общественных активистов – уже более редкое явление; соответствующие ответы респондентов встречаются реже. «Есть ли в Вашем окружении такие люди? Они вам нравятся? – Конечно, есть, в нашем коллективе половина таких людей, которые являются общественниками...» (женщина, 43 года, ст. бухгалтер, село); «ну да, есть, нравятся и являются в моих глазах людьми, у которых есть чему поучиться» (мужчина, 23 года, студент, райцентр); «да, довольно много, нравятся» (мужчина, 20 лет, областной центр); «безусловно, есть...» (женщина, 18 лет, студентка, село); «ну, пару человек найдется...» (мужчина, 23 года, операционист, село); «да, много таких людей» (женщина, 22 года, студентка, областной центр); «да есть, я и сам этим занимался, поэтому с пониманием и терпимостью отношусь к ним» (мужчина, 25 лет, областной центр); «да, есть. Нравятся. Мы всегда с ними обсуждаем наши проблемы. Именно проблемы нашего поселка, то есть, я всегда могу узнать, что не хватает в нашем поселке, что будет дорабатываться, и какая нужна помощь» (женщина, студентка, 18 лет, село).

Личная установка на включение в гражданскую активность достаточно часто демонстрируется респондентами: «Да, я бы могла организовывать других людей, я не знаю в какой ситуации» (женщина, 18 лет, студентка, областной центр),); «уже могла бы, да. Раньше, когда я была помоложе, я стеснялась, а сейчас мне это даже нравится» (женщина, бухгалтер, 43 года, областной центр); «...я была б не против» (женщина, 23 года, секретарь, райцентр); «могла бы. Сбросить немного лет, тогда, конечно, могла бы» (женщина, 70 лет, пенсионер, село); «да, я думаю, я этим займусь, когда у меня появится больше свободного времени» (мужчина, 20 лет, областной центр).

Большинство респондентов, сообщивших о таком желании, даже достаточно четко представляют сферу приложения своих сил. «Могли бы Вы сами стать таким общественником? – Да. В сфере ЖКХ, на выборах» (мужчина, 23 года, операционист, село); «возможно, да. Организовать других людей на помощь окружающим в горе, соседям я бы могла» (женщина, 62 года, пенсионер, райцентр); «да, я бы могла бы стать общественником с удовольствием. В предвыборной агитации я могла бы поучаствовать» (женщина, 22 года, студентка, областной центр); «ну да. Если бы нужно было бы, чтоб все занимались спортом» (мужчина, 44 года, экономист, райцентр); «ну, наверное, если по работе, по необходимости я бы стала таким человеком» (женщина, 25 лет, менеджер, райцентр); «я бы постаралась. Ну, какое-то мероприятие я могла бы организовать» (женщина, 24 года, областной центр).

Некоторые опрошенные оговаривали специфический контекст такой общественной активности. «Могли бы Вы сами стать таким общественником? – Думаю, что да. В ситуации, когда все молчат» (мужчина, студент, 22 года, областной центр); «Мог бы, если захотел бы. Скорее всего, в ситуации, если бы мои права нарушались, или вопросы, которые задевали бы меня, моих близких людей – можно было бы стать общественником» (мужчина, 23 года, студент,

райцентр); «Наверное, могла бы. Наверное, если друзья будут общественниками, то и я буду общественницей» (женщина, 19 лет, студентка, райцентр). «Только по инициативе энного количества людей, которые бы делегировали меня в качестве такого вот неформального лидера, в дальнейшем бы помогли мне, вселяли уверенность в то, что я смогу, сумею. – Какие проблемы вы хотели бы решать? – В том числе социальные. Например, проблемы детей, бездомных, защита прав – как их определить? – бюджетники. Защита, если брать конкретно нашу сферу деятельности, интересов преподавателей. Может быть, что-то связанное с активизацией деятельности профсоюзов, которые сейчас совершенно бездействуют» (женщина, 34 года, преподаватель вуза, областной центр)

Но реальная включенность в активистские практики демонстрируется довольно редко: «Могли бы Вы сами стать таким общественником? – Я и так общественник» (мужчина, 48 лет, учитель, село); «я таковой и являюсь, я общественник. Всегда перед выборами я иду по своей улице, собираю людей, объясняю им, как надо голосовать, как вести себя в какой ситуации» (женщина, 43 года, ст. бухгалтер, село); «иногда возникают такие ситуации, что приходится проявить инициативу и взять на себя ответственность за организацию какого-то дела. Это бывает, но редко» (женщина, 48 лет, учитель, село); «в студенческой жизни, иногда и в общественной, то есть, пошире, ну там выборы, например, вот недавно были – занималась общественной деятельностью. Пыталась даже в партии состоять» (женщина, 19 лет, студентка, райцентр).

Результаты опроса ВЦИОМ 2014 г. показывают, что за последние десять лет общественное мнение по отношению к общественным организациям стало более определенным. Существенно уменьшилась доля респондентов, затрудняющихся с ответами по тому или иному вопросу, связанному с общественными организациями. Увеличилась доля тех, кто считает, что общественные организации защищают права граждан, способствуют проявлению общественной инициативы (с 39% до 56%); содействуют решению острых проблем, развитию социальной сферы (с 43% до 55%), осуществляют независимый общественный контроль над деятельностью государственных органов (с 24% до 40%). Но при этом не уменьшилась, а даже несколько выросла доля респондентов, уверенных в том, что общественные организации не приносят ни пользы, ни вреда, а их деятельность незаметна и не важна для большинства граждан (с 35% до 40%). Увеличилась доля считающих, что общественные организации оказывают услуги и помощь только своим членам (с 27% до 39%) [4].

Таким образом, в социокультурном фоне гражданского активизма в современном российском обществе продолжают доминировать нейтрально-безразличные оттенки. Принятие общественных инициатив сочетается с определенной подозрительностью в отношении их носителей, которым зачастую приписывают лоббирование собственных интересов, своекорыстие, а иногда – и подрывную деятельность.

Литература

1. Российские исследовательские центры и ВУЗы: зарубежное финансирование и влияние на политику. URL: http://www.riss.ru/analitika/2797#.VARPhsV_t8I (дата обращения: 31.08.2014).
2. Как Вы считаете, большинство общественных движений, инициатив в современном российском обществе возникает... URL: <http://www.levada.ru/archive/partii-i-obshchestvennye-organizatsii/kak-vy-schitaete-bolshinstvo-obshchestvennykh-dvizheni> (дата обращения: 31.08.2014).
3. Отношение к НКО. URL: <http://www.levada.ru/11-07-2013/otnoshenie-k-nko> (дата обращения: 31.08.2014).
4. Нужны ли нашему обществу общественные организации? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=114932> (дата обращения: 31.08.2014).

АНАЛИЗ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОРГАНИЗАЦИИ

И.В. Санина,

*магистр кафедры социологии и организации работы с молодежью
Института управления НИУ «БелГУ»*

Корпоративная культура рассматривается как сильнейший фактор, который объединяет сотрудников организации вокруг общей цели, ценностных ориентаций обеспечивающих преданность общему делу, делающих коллектив сплоченным. Корпоративная культура формирует внешний образ компании, создает ее имидж, играет заметную роль в решении задач, связанных с социальным управлением, основанном на сотрудничестве, определяет динамизм производственных и социальных процессов и адаптивность к нововведениям, стимулирует процессы позитивной самоорганизации общности [2].

Для выявления уровня корпоративной культуры мы провели социологическое исследование. Объектом исследования выступает корпоративная культура. Предметом исследования является формирование и функционирование корпоративной культуры в ОАО «РЖД». Целью исследования является разработка практических рекомендаций по повышению уровня корпоративной культуры в эксплуатационном локомотивном депо Белгород-Курский Юго-Восточной железной дороги-филиала ОАО «РЖД».

Советом директоров ОАО «РЖД» утвержден Кодекс деловой этики, являющийся сводом правил и норм поведения, которых придерживается компания во взаимоотношениях с акционером, инвесторами, потребителями, поставщиками, дочерними и зависимыми обществами и которым должны следовать все работники и должностные лица ОАО «РЖД».

В Кодексе содержится перечень мероприятий, направленных на укрепление корпоративного духа, урегулирование корпоративных конфликтов. Кодекс транслирует ценности компании всем сотрудникам, ориентирует сотрудников на единые корпоративные цели и тем самым повышает их корпоративную идентичность.

Однако, как показывают результаты опроса, проведенного в ноябре 2013 года, в эксплуатационном локомотивном депо Белгород-Курский Юго-

Восточной железной дороги-филиала ОАО «РЖД», с основными положениями этого кодекса ознакомлено всего 15% респондентов. Но даже те, кто знает про данный кодекс и ознакомлен с ним, не всегда (частично) следуют нормам и принципам, принятым в Кодексе деловой этики, таких оказалось почти половина опрошенных (45%), 20% респондентов дали отрицательный ответ, а вот добросовестных сотрудников, которые придерживаются правил, прописанных в Кодексе, насчиталось только 35%.

Следует отметить, что морально-психологический климат в коллективе нестабилен. В связи с этим необходимо разработать комплекс мер по устранению данной проблемы.

В целях улучшения имиджа ОАО «РЖД» введена корпоративная форма для работников ОАО «РЖД». На основании правил ношения форменной одежды установлено, что сотрудники в организации всегда должны находиться в специальной форме, смешивание форменной одежды с другой одеждой не допускается [2]. Данные опроса относительно формы железнодорожника приведены в диаграмме.

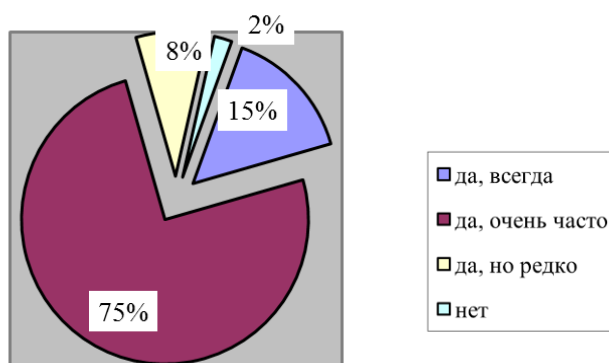

Диаграмма. Распределение ответов на вопрос «Всегда ли Вы носите форменную одежду?»

Как видно из диаграммы, только 10% опрошенных нарушают правил ношения форменной одежды, остальные соблюдают правила и требования. Это говорит о том, что почти все сотрудники организации приобщают себя к корпоративным ценностям.

В ходе исследования выяснилось, что в компании существует проблема стимулирования работников. Так, например, говоря о самом распространенном материальном стимулировании (премии, надбавки), следует отметить, что почти половина опрошенных (45%) указывают лишение материального стимула. Но 1/5 опрошенных (20%) отмечают и положительное использование материального стимулирования, то есть дополнительные выплаты, премии, поощрения.

Что касается нематериального стимулирования (благодарственные письма, выговоры, увольнение) к выполнению работы сотрудников, то следует отметить, что «негативного» использования нематериального стимула больше, чем «положительного». Так 28% респондентов отметили, что стимулируя своих работников к выполнению работ, начальство грозит увольнением, выговорами. А вот сотрудников, которые получили благодарственные письма, памятные

статусы, значки, таких нашлось чуть меньше 10%. Данные опроса приведены в диаграмме 2.

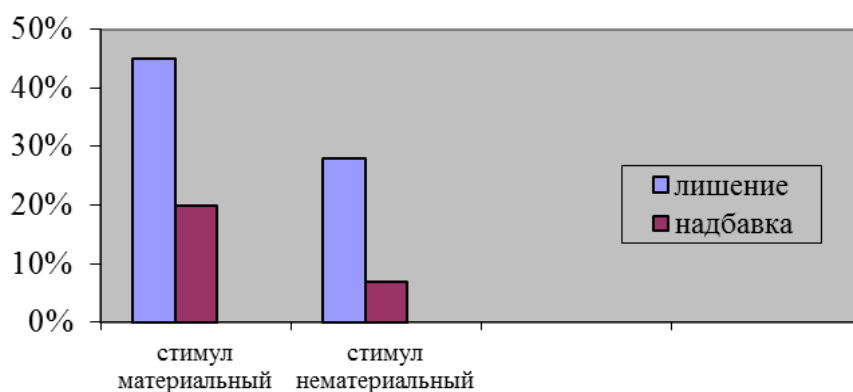

Диаграмма 2. Стимулирование работников ОАО «РЖД»

Как видно из диаграммы 2, руководители предприятия склонны использовать метод «кнута», стимулируя сотрудников на качественную работу, то есть, пугая лишением премии, увольнением. Даже такое поощрение как «13-ая зарплата», в данном случае «безаварийность на производстве» выплачивается не всем заслуживающих этого, а «любимчикам» начальников. Отсюда вытекают межличностные конфликты. В связи с этим необходимо разработать рекомендации по устранению данной проблемы.

Корпоративная социальная ответственность играет важнейшую роль на всех этапах подготовки и принятия управленческих решений и является важным фактором динамичного развития Компании. Так, например, компанией принят Кодекс корпоративной социальной ответственности ОАО «РЖД». Принятие Кодекса подтверждает стремление компании к такому осуществлению хозяйственной деятельности, которое учитывает интересы и способствует сбалансированному устойчивому развитию всех заинтересованных сторон [1].

В компании введена практика по составлению регулярной социальной отчетности и представлению ее результатов широкой общественности. Из результатов исследования известно, что все респонденты знают о системе социальной поддержки работников, льготах, поощрениях в рамках социальной ответственности. Однако данные, приведенные в табл. 1, говорят о том, что не все работники пользуются готовыми пользоваться предоставленными возможностями (см. табл.).

Таблица

Использование социальной поддержки работников, %

Льготы	Знакомы
Бесплатные поездки железнодорожным транспортом	100
Корпоративная поддержка работников (субсидии, займы, кредиты, ипотека) на строительство и приобретение жилья в собственность.	10
Посещение бассейна за счет компании	62
Отдых в санаториях ОАО «РЖД»	36
Бесплатная медицинская помощь в поликлинике ОАО «РЖД»	100
Получение денежной выплаты – «преданность компании»	85
Корпоративная поддержка (субсидии) работников, получивших высшее образование с помощью корпоративного образовательного кредита	–

Из таблицы видно, что для работников эксплуатационного локомотивного депо Белгород-Курский Юго-Восточной железной дороги филиала ОАО «РЖД» наиболее значимым является удовлетворение «базовых потребностей» – медицинская помощь и бесплатный переезд, а так же получение денежных вознаграждений «за преданность компании», стимулирующая к качественному, грамотному выполнению своих обязанностей. Неактуальной услугой является предоставление кредита. Этому есть рациональное объяснение – люди будут брать кредит только в экстренных случаях, иметь дело с кредиторами никто не хочет.

Таким образом, исходя из результатов социологического исследования, нами были предложены следующие **рекомендации**:

В результате социологического опроса нами было установлено, что в компании фактически отсутствует механизм предотвращения трудовых споров и социальных конфликтов. В связи с чем мы пришли к выводу, что необходимо разработать соответствующий механизм корпоративной культуры, способный стабилизировать обстановку в трудовом коллективе. Для этого предстоит провести предварительное социологическое исследование методом включенного наблюдения, нацеленное на выявление возможных источников, причин и типов конфликтов. Более того, в штат компании следует включить социального психолога, который наряду с юристом смог бы на постоянной основе проводить профилактическую и оперативную работу по предотвращению и разрешению конфликтов.

Дело в том, что зачастую на предприятиях со смешанным разновозрастным коллективом, включающим людей разного поля, национальности, образования возникают спорные моменты, проблемы, приводящие к конфликтной ситуации. Одним из них служит так называемый конфликт «отцов и детей». Для разрешения таких проблемных ситуаций предлагаем применять стратегию компромисса. То есть надо решить этот вопрос путем переговорного процесса между участниками конфликта в присутствии зам.начальника депо или хотя бы машиниста инструктора. Здесь свою роль может сыграть и социальный психолог.

Следующее, на что нужно обратить внимание, это расширение использования символов, ритуалов, традиций компании. Достичь этого можно следующим образом:

- путем создания магазина сувенирной продукции с символом РЖД, которую сможет приобрести каждый желающий, будь то штатный сотрудник или человек, не имеющий отношения к железной дороге;
- путем введения традиции, согласно которой на персональные праздники (день рождения сотрудника, день его свадьбы, день рождения ребенка и т.д.) руководитель публично чествует виновника радостного события и дарит подарок;

- путем награждения в профессиональный праздник лучших сотрудников почетными грамотами, похвальными листами по итогам проделанной работы.

Для установления на взаимовыгодных условиях диалога с общественностью необходимо, на наш взгляд, выполнение следующих рекомендаций:

- Разработать специальную социальную рекламу (видеоролики, плакаты, брошюры и т.д.) для привлечения внимания общественности к важным проблемам и возможностям их решения. Как показал опыт многих стран, социальная реклама в умелых руках может стать эффективным инструментом социальной политики и давать зримые и важные для общества практические результаты.

- Внедрить технику краудсорсинга (от англ. crowdsourcing, практика получения необходимых услуг, идей или контента путем просьб о содействии, обращенных к большим группам людей, особенно к онлайн-сообществу в отличие от обычных сотрудников или поставщиков). Для этого необходимо на официальном сайте ОАО «РЖД» создать рубрику «Ваши отзывы, рекомендации, пожелания», где каждый желающий мог выразить свое мнение, высказать пожелание о том, что следовало бы изменить в предоставлении услуг.

Таким образом, обнаруженные недостатки в корпоративной культуре компании позволили сформулировать ряд рекомендаций, способных, на наш взгляд, повысить ее уровень. Среди них меры по предотвращению и разрешению возможных конфликтов, по улучшению имиджа компании, созданию и поддержанию здорового морально-психологического климата в коллективе и др. Среди предлагаемых методов: технология предотвращения и разрешения конфликтов, технология переговоров, методы материального и морального поощрения, метод социальной рекламы, техника краудсорсинга и другие. Выполнение предложенных рекомендаций повысит уровень культуры управления, что поможет установить взаимный диалог с общественностью, сделать коллектив более сплоченным, создать в нем благоприятную психологическую атмосферу, развить у сотрудников лояльное отношение к организации.

Литература

1. Кодекс корпоративной социальной ответственности открытого акционерного общества «Российские железные дороги» [Электронный ресурс]. URL: http://doc.rzd.ru/doc/public/ru?STRUCTURE_ID=704&layer_id=5104&refererLayerId=5103&id=3827#3974

2. Корпоративное управление в ОАО «РЖД» [Электронный ресурс]. URL : http://rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5108&

3. Официальный сайт ОАО «РЖД» [Электронный ресурс]. URL : http://rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=628

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МОЛОДОГО ЧИТАТЕЛЯ

Н.А. Селиверстова,
профессор кафедры социологии
Московского гуманитарного университета, г. Москва
доктор социологических наук, профессор

Прежде всего, оговорим то, что речь пойдет о портрете читателя-студента. Аргументацией такого сужения группы молодых читателей служит тот факт, что именно студенты в основном пополняют общность российских читателей. Эмпирическую базу тезисов составили социологические исследования чтения в студенческой среде, проведенные автором или под руководством автора, в период с 2006 г. по 2013 г.

Читатель-студент практикует деловое (учебное) и досуговое чтение. В первом случае чтение носит вынужденный характер. Однако субъектность читателя все же проявляется в выборе учебников, учебных пособий на разных носителях и /или контента Интернета по заданной теме, других источников подготовки. Во втором случае добровольный характер чтения в полной мере дает проявиться читательской субъектности в читательских предпочтениях. По данным наших исследований досуговое чтение характерно для 55 % студентов московских вузов [Селиверстова, Юмашева, 2009].

Если говорить о досуговом чтении, то лицо у читателя-студента женское. Преобладание женского пола среди читателей – тенденция устоявшаяся с 19 в. Еще А.П. Чехов о ситуации в российской провинции писал: « ... в здешней библиотеке так и говорили, что если бы не девушки и молодые евреи, то хоть закрывай библиотеку» [Чехов, 2007: 373]. По результатам наших исследований среди студентов соотношение читателей-девушек и читателей-юношей следующее: 70 % и 45 %.

Гендерный подход в анализе читательских предпочтений выявляет вполне традиционную картину для последних 10-15 лет. Читательские интересы девушек концентрируются на произведениях о любви (романы о любви), классической литературе, современной прозе, как отечественной, так и зарубежной, исторических романах, поэзии. Произведения в жанре фантастики и фэнтези представляют интерес для юношей.

Что касается любимых книг, то первую позицию устойчиво занимает роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Однако констатация факта чтения студенческой молодежью классической литературы не должна вводить в заблуждение. Опыт исследования досугового студенческого чтения качественными методами (анализ дневников читателей) свидетельствует не только о том, какие эмоции, впечатления получили читатели, к каким размышлениям, выводам о конкретных жизненных ситуациях они пришли, но и об отсутствии какой-либо подготовки к прочтению столь сложного произведения у большинства участников исследования, в частности незнании исторического контекста романа (в исследовании приняли участие 23 студента Московского гуманитарного университета) [Селиверстова, 2009].

Практики досугового чтения студентов коррелируют с престижностью вузов и с престижностью направления / специальности. Очевидно, что престижность вуза и конкретного направления / специальности определяет контингент студентов, их уровень подготовки и коррелирует, в свою очередь, с ценностью образования в семье, и в целом с культурным капиталом семьи. В Московском государственном техническом университете им. Н. Баумана и Московском государственном университете печати им. И. Федорова (кстати, этот вуз признан неэффективным в 2014 году), которые можно отнести к престижным, у большинства студентов сформирован габитус читателя, и интерес у них вызывает сам процесс чтения. Читатель формируется преимущественно в семье с высоким образовательным капиталом, в читающей семье. Уместно провести параллель с идеей Ю. Лотмана, изложенной в его письме Б. Успенскому: «...текст может существовать (т.е. быть социально осознан как текст) если ему предшествовал другой текст, и что любой развитой культуре должна была предшествовать развитая культура» [Лотман, 2000: 684]. Но и в семьях с высоким образовательным капиталом нет даже простого воспроизводства группы читателей. Среди «детей» читателей меньше, чем среди «отцов» (более 90 % матерей и около 80 % отцов).

Немногим менее половины опрошенных студентов принадлежат к группе читателей, обращающихся к книге эпизодически, в конкретных ситуациях. Цели досугового чтения определяются в основном читательскими интересами студентов. В порядке убывания цели ранжируются следующим образом: «познание», «интересен сам процесс чтения», «релаксация, отдых», «чтобы быть эрудированным человеком», «необходимость заставляет (читаю книги, связанные с профессией)». Сколь-нибудь значимые гендерные различия в целях чтения связаны с релаксацией, отдыхом. Среди девушек выше доля, использующих чтение для релаксации, чем среди юношей.

Читатель-студент, как и молодой читатель в целом, формируется под влиянием новых информационных технологий. Как правило, он уверенный пользователь персонального компьютера, имеет несколько гаджетов (электронную книгу, планшет, смартфон), позволяющих ему не только читать тексты в электронном формате, но и скачивать книги, другие тексты из Интернета, пользоваться электронными библиотечными системами. По данным ВЦИОМ в 2009 г. 11 % читателей скачивали книги из Интернета, читали в Интернете [Пресс-выпуск № 1780 <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111694>]. Результаты нашего исследования свидетельствуют, что еще в 2008 г. 33% студентов пользовались Интернетом как источником книг, статей и других текстов.

Зарубежный опыт показывает, что различные государственные программы, проекты по поддержке чтения имеют позитивный результат.

Деловое чтение студентов, чтение учебной литературы представляет собой сложный вид образовательной деятельности, предполагающий понимание прочитанного текста и, как минимум, его воспроизведение без особых затруднений. Безусловно, чтение учебной литературы связано с поиском необходимых знаний, их освоением и последующим применением на

практике. Опыт преподавателя высшей школы свидетельствует о необходимости сочетания чтения учебной и научной литературы с конспектированием текстов, их анализом. Реферирование текстов, по глубокому убеждению автора, может использоваться только по каким-то конкретным книгам, статьям. Более 40% студентов пользуются Интернетом для скачивания готовых рефератов.

Абсолютное большинство студентов (65 %) обычно готовятся к занятиям по конспектам лекций. 57,7% опрошенных студентов используют печатные учебники, причем среди девушек выше доля использующих традиционные учебники, чем среди юношей. Немногим более половины студентов (52,3%) обращаются к Интернету, выполняя домашние задания. Электронные учебники использует почти пятая часть (17%) опрошенных студентов.

На примере подготовки к занятиям по социологии студентов факультета психологии и социальной работы Московского гуманитарного университета (это был своего рода эксперимент, когда преподаватель рекомендовал учебно-методическую литературу, но не настаивал на ее использовании) можно видеть, что основным источником для них является контент Интернета, более 90 сайтов посетили студенты в течение семестра, из них только 4 – это электронные библиотеки. К электронным учебникам обращались отдельные студенты, остальные пользовались сокращенными текстами, подготовленными неизвестными авторами. По сути, имитация учебного чтения и шире образовательной деятельности. Данную тенденцию фиксирует и Е.Г. Зборовский [Зборовский, 2012]. Косвенно учебное чтение свидетельствует об отношении студентов к высшему образованию. Мотивированные студенты используют контент Интернета как дополнительный материал для подготовки к занятиям.

Данное положение дел отчасти исправимо. Отчасти потому что образование – процесс двусторонний и мотивация студента также важна, как профессионализм и требовательность преподавателя. И этот процесс должен управляться преподавателем. Задания, данные по конкретному учебнику, пособию, конкретной монографии трудно выполнить, не обращаясь к ним.

Литература

1. Зборовский Г.Е. Образовательное знание как проблема социологии // Социологические исследования. 2012. № 2. С.12-20.
2. Книги, которые мы читаем ... и не читаем // Пресс-выпуск № 1780 [Электронный ресурс] <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111694> [Дата обращения 30.09.2014 г.]
3. Лотман Ю. Из письма Ю.М. Лотмана Б.А. Успенскому // Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство СПб», 2000. 704 с.
4. Селиверстова Н.А. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в прочтении студентов (анализ дневников читателей) // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 194- 204.
5. Селиверстова Н.А., Юмашева Н.Д. Чтение в студенческой среде: опыт социологического исследования. М.: Российская книжная палата, 2009. 108 с.
6. Чехов А.П. Ионыч // Дама с собачкой: Рассказы. Повести. Пьесы. Воспоминания писателей о Чехове. М.: ЭКСМО, 2007. 640 с.

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Л. Смакотина,

*зав. кафедрой социальных глобальных процессов
и работы с молодежью МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва,
доктор социологических наук, профессор*

Проблема насилия в отношении детей является многогранной по своей роли в жизни каждого ребенка, семьи, города, российского общества в целом. В первую очередь она соотносится с правом ребенка на жизнь, выживание и здоровое развитие, поддержание его психического, эмоционального, умственного, социального и культурного уровня, что зафиксировано в Конвенции о правах ребенка. Насилие представляет собой нарушение прав ребенка, препятствуя полноценному развитию его личности. Тем самым насилие разрушает будущее ребенка, семьи, нашего общества. Насилие разрушает и настоящее нашего общества, ибо проявление насилия по отношению к ребенку со стороны родителей, сверстников и взрослых формирует социально-опасную среду жизни людей. В этой связи комплексное исследование проблемы насилия в отношении детей является весьма актуальным и необходимым.

Получить такого рода комплексное знание позволит социологическое исследование насилия в отношении детей, основанное на данных, полученных, в том числе, от самих детей, их родителей и экспертов.

Предотвращение насилия в отношении детей является важнейшей социальной задачей органов государственной власти, общественных организаций, школ, общества в целом и отдельных граждан. Для решения этой сложной проблемы необходимо иметь представление о видах и целях насилия в отношении детей, субъектах и причинах его осуществления, поведении детей в таких ситуациях, эффективности мер профилактики.

Одним из первых шагов является определение понятия «насилие». В литературе можно встретить различные определения насилия, что позволяет объединить их разные групп. Например, группа определений насилия трактуется как разрушительное поведение, причинение ущерба, не имеющее особой цели [1, 2]. Другая группа определений выявляет признак цели. Насилие рассматривается как применение силы, либо разного рода угроз по отношению к определенным социальным субъектам или их собственности с целью запугивания и принуждения к определенным действиям [3].

Важным моментом в исследовании является разграничение понятий «насилие» и «агрессия», тесно связанные между собой, существует множество примеров, когда одно понятие определяется через другое.

Концептуальная схема количественного исследования насилия в отношении детей может быть представлена в следующем виде:

Виды насилия и их содержание

Виды	Степень	Содержание
Физическое	Тяжелое	Нанесение физического ущерба (побои, избиение, истязание, пытки, изнасилование), принудительный труд Мучение физическое Лишение пищи, крова, одежды Принуждение, вовлечение к отклоняющимся, преступным действиям (принятию алкоголя, наркотиков, проституции, попрошайничеству, воровству и т.п.)
	Среднее	Отдельные удара руками, ногами, пощечины, толчки, пинки
Психическое	Тяжелое	Угроза физического ущерба Угроза ограничения свободы передвижения Угроза изнасилования
	Среднее	Ругань, крики и оскорбление, в т.ч. с использованием ненормативной лексики Унижение чести, достоинства личности путем словесного издевательства, одергивания
Духовное	Тяжелое	- Запрет видеться с отцом (матерью) - Навязывание антиобщественных взглядов, оценок
	Среднее	- Полный запрет телевидения - Изоляция, полный запрет общения с друзьями, подругами - Полный запрет посещения концертов, кино, клубов, кружков, курсов, поездок - Полный запрет Интернета
Экономическое	Тяжелое	Полное материальное ограничение во всем (скудные одежда, питание, отдых)
	Среднее	Принуждение к определенному поведению, действиям посредством денег
Сексуальное	Тяжелое	Принуждение, поощрение к проституции
	Среднее	Сексуальное развращение посредством: привлечения к просмотру эротических фильмов, фотографий; намеренных сексуальных разговоров, обсуждений

Субъекты насилия

В семье: Отец, мать, бабушка, дедушка, брат, сестра

В школе: Учителя, другие школьники

На улице: взрослые, другие подростки

Частота насилия

Регулярное – происходит постоянно и часто по какому-либо поводу или без

Периодическое – происходит постоянно и изредка по какому-либо поводу или без

Случайное – происходит редко и не постоянно, внезапно по какому-либо поводу или без

Цель насилия

Виды целей	Направленность цели	Содержание цели
Воспитание	Хорошая учеба	Хорошие отметки
	Хорошее поведение	- С родителями, сестрой (братом) - По дому - В школе – с учителями, со школьниками - На улице
Подавление	Заставить подчиняться родителям, учителям, другим подросткам	- в действиях - в поступках
Перенос внутрличностного конфликта	Снятие душевного напряжения	Эмоциональная разрядка
	Реализация агрессии, враждебности, озлобленности	Проявление отношения
Разрешение конфликта	Заставить делать по-своему	Проявление превосходства

Отношение к насилию

Степень приемлемости	В зависимости от цели насилия	В зависимости от видов насилия
Недопустимо ни при каких условиях		
Допустимо в исключительных случаях		
Допустимо в случае целесообразности		
Допустимо регулярное		

Отношение к насилию в будущей семье ребенка

Поведение детей в случае насилия в семье

- сообщает в милицию
- звонит по телефону доверия
- обращается к социальному педагогу
- обращается к психологу
- обращается в центр психологической помощи
- обращается в центр правовой помощи
- обращается к соседям
- обращается к родственникам
- обращается к учителям
- обращается в детские организации в школе
- обращается в детские организации в районе
- обращается к друзьям
- обращается к взрослым во дворе
- дает отпор

- мстит родителям
- озлобляется
- вымещает на других людях
- замыкается в себе
- выпивает
- принимает наркотики
- пытается покончить с собой
- убегает из семьи

Что делается в школе и в полиции для профилактики насилия над детьми в семье

- работает педагог-психолог
- проводятся беседы, открытые уроки со школьниками
- проводятся беседы с пострадавшими
- проводятся беседы с родителями
- вывешиваются информационные стенды, плакаты
- проводятся анкетные опросы
- работает уполномоченный по правам ребенка

Социальный портрет семьи

■ **Возраст**

■ **Материальное положение** – нищие, бедные, мало обеспеченные, средне обеспеченные, хорошо обеспеченные, богатые

■ **Состав семьи** – полная, неполная; не замужем, в разводе

■ **Уровень образования** – начальное, неполное среднее, полное среднее, среднее специальное, высшее

■ **Сфера деятельности :**

- Рабочий
- Служащий, ИТР на государственном предприятии
- Служащий, ИТР на коммерческом предприятии
- Руководитель среднего и высшего звена
- Предприниматель
- Работник сферы образования, здравоохранения, науки, культуры, юридических служб
- Военнослужащий, работник правоохранительных органов, органов юстиции
- Домохозяйка
- Безработный

■ **Характер отклоняющегося поведения**

■ **Склонность к правонарушениям** – административным, уголовным

■ **Социальный портрет ребенка**

Пол

Возраст

Успеваемость в школе

Характер отклоняющегося поведения

Самочувствие ребенка

Тип школы

Средние образовательные школы с высоким, средним и низким рейтингом

Элитные школы
Школы для малолетних преступников
Инклюзивные школы
Школы-интернаты
СРЦ и социальные приюты

■ **Масштаб проблемы насилия** – общественный, региональный, групповой, внутрисемейный.

Причины существования насилия

Причины насилия	
Социальные	Укоренившиеся нормы семейного поведения
	Издержки воспитания
	Нормы, принятые в ближайшем окружении
	Общественные нормы (макросреда)
	Недостаток знаний
	Безработица
	Незарегистрированные браки, сожительство
Правовые	Пробелы в законодательстве
	Проблемы правоприменения (безнаказанность, мягкое наказание)
Личностные	Характер родителей
	Отклоняющееся поведение родителей
	Характер детей
	Отклоняющееся поведение детей

Представленная схема позволяет определить состояние проблемы насилия в отношении детей, установление основных причин насилия в отношении детей, выявление факторов риска, влияющих на увеличение числа случаев насилия в отношении детей, выявление наиболее распространенных видов насилия в отношении детей и категорий лиц, их совершивших, определение уровня информированности детей и взрослых об имеющихся мерах защиты детей от насилия и механизмах обращения за помощью в случае жестокого обращения. Социологическое исследование предполагает использование как количественных методов так и качественных

Литература

1. Кувакин В.А. Твой рай и ад: человечность и бесчеловечность человека. – М.; СПб.: Алетейя, 1998. – С.353.
2. Каренин А. А. Философия политического насилия. – М.: Политиздат, 1971. – С.304.
3. Мацкевич И.М., Эминов В.Е. Преступное насилие среди военнослужащих. – М.: Юрист, 1994. – С.95.

УМЕНИЕ МОДЕЛИРОВАТЬ СОЦИАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ КАК АКТУАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА

А.Ю. Солнышков,
*доцент кафедры социологии АНО ВПО
«Московский гуманитарный университет», г. Москва,
кандидат социологических наук*

Понятие «социальная реальность» в тезаурусе социолога занимает примерно такое же место, как «материальная реальность» в тезаурусе специалиста естественных наук или философа. Это универсальное понятие, которых очень немного и которым невозможно дать определение дедуктивным методом, совместно отражая в нём как общие существенные признаки ближайшего к определяемому предмету рода предметов, так и существенные признаки, отличающие этот предмет от других предметов ближайшего к нему рода.

Можно возразить: социальная реальность – видовое понятие относительно родового – объективной реальности, и её содержание – действия людей по отношению друг к другу. Это так, но (первая) проблема в том, что родовое понятие «объективная реальность», строго говоря, не вполне соответствует своему денотату, и вот почему. Та часть объективной реальности, которая нами познана, существует в виде знаний о ней, то есть, в виде её информационных моделей, созданных и воссоздаваемых в умах. У человечества нет иного «конечного» инструмента познания объективной реальности, кроме интеллекта, осуществляющего "движение" компонентов в умственной информационной модели субъекта, поэтому содержанием понятия «объективная реальность» оказывается та совокупность компонентов этой модели, референты которых существуют вне сознаний людей. Но эти компоненты организованы в модель по тем субъективным «правилам», которые применяются конкретным интеллектом конкретного исследователя. Исследователь здесь – любой человек, осмысливающий реальность и действующий в ней. А «правила» – умения субъекта формировать свою умственную модель и осуществлять манипуляции с её компонентами, верифицировать её.

Тогда социальная реальность как вид объективной реальности – это та часть умственной информационной модели субъекта, которая причинно связывается им с действиями других людей и обуславливает его действия по отношению к другим людям. Информационная по сущности, субъективная реальность актора оказывается единственным «полем», в котором он верифицирует свои умственные модели, периодически обогащая это «поле» новыми знаниями, умениями и смыслами, почерпнутыми из личной практики. При этом актер совсем не обязательно представляет социальную реальность как результирующее понятие, сформированное в процедурах обобщения массы однородных частных событий и абстрагирования от их несущественных признаков. Также совсем не обязательно, что он станет обнаруживать и удалять

из своей модели компоненты, искаженные из-за действия субъективных факторов.

В нашем сознании «отражается не внешний мир, а соотношения конкретного организма с внешним миром» [5, 103]. При этом, «чисто отпрепарировать... слепки» внешней реальности от «слепков» внутрииндивидуальной реальности, сформированной психическими и биологическими факторами человека, невозможно [5, 31–32]. Это означает, что компоненты социальной реальности актора будут сформированы и внешними факторами (субъективистски понятыми), и (очень часто не рефлекслируемыми) субъективными факторами: эмоциональными переживаниями, шаблонами восприятия и понимания (внешних и внутриспсихических) событий, желаниями, ценностями, целями, ожиданиями, освоенными способами действий. Кроме того, актер может интерпретировать субъективные причины своих социальных действий как объективные, "переворачивая" в своей умственной модели социальной реальности представления о причинно-следственных связях. Это нередко приводит к тому, что актер, в момент принятия решения на действие, полагает, что адекватно отражает социальную реальность, тогда как это отражение загрязнено (иногда слишком значительно) субъективными влияниями, не осознаваемыми актором.

Из-за чего произошла Троянская война? Из-за чего произошла война в Донецкой и Луганской областях Украины? Предположу, что из-за крайней некорректности способов моделирования социальной реальности в сознаниях акторов, инициировавших и поддержавших эти войны.

Высокая культура умственной деятельности означает корректность освоенных субъектом и применяемых им правил моделирования и экстерииоризации моделей в деятельности. Лучший, из доступных человеческому разуму, способ верификации умственных моделей – проверка меры соответствия результатов деятельности, исполненной по этой модели, параметрам цели, сформулированным в решении на действие [1, 35-42]. Но для этого актору нужно эту модель осознать, оптимизировать и, завершив деятельность, осуществить процедуру сравнения. И если результат не удовлетворяет, подвигнуть себя на то, чтобы понять и решить заново и по-другому, доделать и переделать только что сделанное. Для этого актору надо хотеть и уметь постоянно осуществлять верификационные процедуры в сфере социальных взаимодействий. Но актер обычно методологией верификации не владеет, а вопрос обучения населения, особенно российской молодежи, владением ею не ставится.

Более того, полагаю, что социально активное поколение россиян практикует девиантные методы социальной верификации умственных моделей, а дети, не имея альтернативных образцов деятельности и методов их верификации, интериоризируют то, что наблюдают. В основе этих методов принцип: «если я смог добиться того, что ты подчинился и исполнил мое решение (обычно при применении мер принуждения), значит, я всё делаю правильно, если – нет, то я социально несостоятелен». Эта девиантная модель вырабатывается тогда, когда в обедненном социально-экономическом

пространстве субъект не может нормальным способом осуществлять деятельность (то есть, получать в ней результаты, являющиеся добром одновременно и для других, и для себя), а также проверять её эффективность. Но у него остается возможность понимать себя как эффективного актора, если он умеет сломать волю другого и принудить его исполнять навязываемое решение. Такая девиация массово и закономерно происходит при практиковании государством тоталитарной модели управления.

Это обусловлено тем, что социальная система при тоталитарном режиме редуцируется к простой структуре: оценивающий ситуацию и принимающий решение интеллект субъективизирован в вожде, а все остальные люди – лишь его «приводные ремни» – агенты и исполнительные придатки, орудия. Такая социальная структура разрывает единичный акт деятельности на две части и лишает обе стороны этих отношений возможности целостно его осуществлять. Подвластные не могут принимать решения на действие, а их главной добродетелью становится послушание субъекту власти. Но и субъект власти лишен возможности верифицировать свои умственные модели по результатам своей деятельности.

А так как функциональное и субъектное единство этого акта – основа организации не только человеческой, но и всей жизни на Земле, поддержание субъектом власти отношений, противоречащих законам природы, требует непрерывного применения к подвластным мер принуждения, приобретающих форму государственного террора. По этим причинам тоталитарная модель управления существует недолго, но за время своего существования она успеваеет у участников этих отношений подавить желание и разрушить умение самоорганизовываться в единичном акте деятельности [2; 4].

Субъект, социализировавшийся в тоталитарной модели отношений и разучившийся автономно принимать решения и оценивать результаты своей деятельности, приобретает слабость мотивационных побуждений, испытывает существенный дефицит позитивных эмоций. Это, в соответствии с законами психической природы, обуславливает низкий потенциал полезных умений, низкую деятельностную состоятельность субъекта, мрачно-злой эмоциональный тон его настроения, нежелание формировать новые умения. Для компенсации этих дефицитов он вынужден постоянно суррогатно стимулировать эмоции, применять паллиативные и девиантные способы поправления ущербного образа «Я». Типичными среди них оказываются: агрессивное и аддиктивное поведение, принуждение зависимых ради материальной и психологической (в основном – издевательства и унижения) их эксплуатации. Причем агрессия может быть как реальной, так и символической – появление этим летом среди российских телезрителей массовой «диванной партии войны» – частный тому индикатор.

Условием, при котором такие люди могут девиантно осуществлять компенсационную деятельность, не вступая в открытую конфронтацию с другими людьми, становится занятие ими социальных позиций субъектов власти (любого, но обычно – минимального уровня). Но имея дефицит полезных умений, они могут выполнить это условие, лишь оказывая

неформальные личные «эксклюзивные» услуги лицам, принимающим решения, либо осуществляя социально-вредную деятельность в качестве агента субъекта тоталитарной власти [3, 50-54]. Социальная среда, зараженная подобными отношениями, весьма быстро деградирует. Признаки этого процесса явственно проступают сквозь мишуру недавних триумфов.

Этому процессу можно успешно противодействовать, обучая молодых людей понимать и формировать себя как полезных деятелей, умеющих строить корректные умственные модели социальной реальности, действующих в соответствии с законами социальной и психической природы, одновременно созидаящих и счастье для себя, и добро для других. Автор в 2011-12 гг. осуществлял презентацию такой жизненной модели большим группам молодых людей, призванных на службу в воинское соединение, разъясняя значимые аспекты этой модели. Одним из результатов этого стала самоорганизация части из прошедших обучение военнослужащих для подавления существовавшей практики дедовщины и установление ими благоприятных социальных отношений. Эффективно противодействовать деградационным социальным тенденциям можно.

Литература

1. Анохин П. К., Очерки по физиологии функциональных систем. – М.: Медицина, 1975. – 448 с.
2. Максимов М. На грани и за ней. Поведение человека в экстремальных условиях // «Знание – сила», 1988. – № 3. – С.73-79.
3. Солнышков А.Ю., Тип отношения к «значимому другому» как ключ к пониманию внутриличностных причин дедовщины // Социологические исследования. – 2004. – № 6,. – С. 46-54.
4. Тарасов С.В. Срочная служба: вопросы адаптации // Социологические исследования. – 1999. – № 2. – С. 75-78.
5. Швырков В. Б., Ведение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. – М.: ИП РАН, 1995. – 162 с.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНЕ

В.К. Тимофеев,

*заместитель директора Института управления,
старший преподаватель кафедры социальных технологий
Института управления НИУ «БелГУ»*

Являясь неотъемлемой частью Гражданского общества не только в Российской Федерации но во всем мире религиозные организации играют большую роль в его становлении или его отсутствии.

Не смотря на снижение религиозной активности а именно прироста или появления новых религиозных организации в 2000 годах в сравнении с началом 90-х или после развала СССР. Для руководства страны и особенно регионов тенденция анализа деятельности и влияния на население различных вероисповеданий, культов не стала менее востребованным явлением для

изучения. Получение объективной информации о состоянии религиозности общества, количестве и направленности деятельности религиозных организаций на наш взгляд остается актуальным вопросом регуляции их деятельности и определения вектора развития Гражданского общества.

Вопрос применения правовых регулятивов можно рассматривать как вопрос социальных инноваций, который распространяется на взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления с религиозными организациями исходя из следующих принципов:

- социального предпочтения, сотрудничества и поддержки через отношения социального партнерства, означающего признание важности социальной деятельности религиозных объединений, подтвердивших свое существенное позитивное значение для человека, семьи, общества, государства;
- совместной социальной ответственности органов государственной власти и местного самоуправления и религиозных организаций за выполнение и последствия взятых на себя обязательств;
- учета международного опыта применения норм, в том числе и международного права, приемлемого для Российских условий;
- равноправия религиозных организаций;
- гласности и законности;
- невмешательства органов государственной власти и местного самоуправления в деятельность религиозных организаций, если они не противоречат законодательству Российской Федерации[3].

Правовые регулятивы направленные на обеспечение взаимоотношений органов государственной власти, местного самоуправления с религиозными объединениями как субъектами права формируется преимущественно по следующим векторам взаимодействия.

Вместе с тем, на сегодня большинство регионов Российской Федерации строят свою работу с традиционными конфессиями, которые несомненно имеют большую роль и влияние на практически все сферы развития общества, но забытыми остаются не верующие граждане, граждане которые исповедуют протестантский и старообрядческие религиозные убеждения, взгляды. И на наш взгляд, не используя данные по изучению широкого спектра различных религиозных направлений в регионе, мы со временем можем попасть в страну иллюзий и искаженных религиозных и мировоззренческих взглядов, когда нам вроде все ясно, но на самом деле все обстоит совершенно не так.

Органы местного самоуправления устанавливают правовые отношения и взаимодействуют с традиционными религиозными организациями и конфессиями в сферах; формирования моральных, нравственных, семейных, гражданских и патриотических ценностей; предотвращения и разрешения межрелигиозных конфликтов; благотворительности, социального обслуживания, военно-патриотической деятельности; обеспечения национальной безопасности; представительства в органах государственной власти и органах местного самоуправления; воспитания и просвещения; образования и науки; использования и сохранения памятников истории и

культуры религиозного назначения; финансово-хозяйственной деятельности; имущественных отношений.

В тоже время мы не знаем отношения к этим вопросам других конфессиональных групп, действующих в Белгородской области. Так например, мусульманская община действующая на территории Белгородской области долго высказывала замечание органам власти и управления о необходимости установления на территории музейного комплекса "Курская дуга» символа подтверждающего причастность мусульман к битве под Прохоровкой в 1943 году. И только после детального изучения этого вопроса правительством Белгородской области на канонической территории РПЦ появился мусульманский памятник погибшим в этом сражении в годы Великой Отечественной войны.

Немаловажным направлением такого взаимодействия (в ситуации возникшего на территории соседней Украины вооруженного конфликта с регионами Юго-востока этой страны) является и патриотическое воспитание, которое могут оказывать религиозные организации на население приграничных регионов. Но такое воспитание и влияние религиозных организаций на население должно быть обеспечено элементами большой степени выдержки и терпимости к другой точке зрения, к возникшей сложной ситуации. Особое влияние такое патриотическое воспитание и влияние религиозные организации совместно с органами власти и управления регионов должны оказывать на население приграничных областей, которой является и Белгородская область.

Необходимо отметить, что в силу ряда объективных и субъективных причин, во всех вопросах, касающихся совместных проектов муниципальных властей и религиозных организаций, особенно если речь идет о масштабных социальных инициативах, требуется тщательная проработка понятий и определений, механизмов их принятия и внедрения. Это совокупность крайне важных этапов, содержание или смысл которых требует особого подхода в понимании тех или иных терминов, бывает различным в зависимости от системы, в которой они имеют хождение. Иногда формулировки одного и того же понятия диаметрально противоположны, или находятся в разных плоскостях. Это может внести путаницу или искажение при формулировании целей и намерений, и как результат вызвать негативное отношение со стороны общества к возможным инициативам.

Как было отмечено выше, взаимодействию органов государственной власти, местного самоуправления и религиозных организаций и объединений должно строиться на правовых началах, конституционных нормах и нормах международного права. Для осуществления этого взаимодействия накоплен богатый опыт в виде свода законодательных актов и иных правовых норм как международных, так и федеральных, большую роль в этом процессе играют и органы местного самоуправления на территории ряда субъектов Российской Федерации и в том числе в Белгородской области.

На протяжении многовековой истории нашей страны формы и принципы взаимоотношений властных структур и Церкви принимали разнообразные формы. Мы можем проследить, как менялось представление о них в различные

эпохи истории государства Российского. Сегодня религиозным организациям и государству в не простой обстановке вооруженного конфликта в соседней Украине, необходимо разработать и выстроить взаимоотношения так, чтобы поступательно двигаться в сторону прогресса этих отношений. В сложившийся не простой обстановке которая складывается на приграничных территориях нашего государства и влияет на умы и религиозные взгляды и предпочтения как религиозно настроенных людей так и тех, кого религия не интересует. Все действия власти и религиозных организаций на наш взгляд должны быть выверены, максимально согласованы и понятны.

Рассмотрим подробнее правовые основы сотрудничества государственных органов и религиозных организаций и объединений в современной России и на примере Белгородской области.

На территории РФ в данной области действуют ратифицированные РФ международные нормы наряду с федеральным законодательством, законодательством субъектов и муниципальными нормативными актами, что уже само по себе является инновацией в этих отношениях после того периода, когда о тесном взаимодействии этих организаций и не могло быть и речи.

В соответствии со статьей 17 Конституции Российской Федерации «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам права и в соответствии с настоящей Конституцией. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

Одним из базовых положений, на которых строится взаимодействие, является понятие и свободе совести, мысли, слова, выбора вероисповедования или убеждений.

В статье 1 Устава ООН говорится, что Организация Объединенных Наций преследует цели: 3. Осуществлять международное сотрудничество... в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех. Статья 55 Устава ООН говорит, что Организация Объединенных Наций содействует: с) всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии[4].

Во всеобщей декларации прав человека [5] провозглашается, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, это включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать.

При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только тем ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (статья 29).

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах в статье 13 определяет, что участвующие в настоящем пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих законных опекунов выбирать для своих детей не только учрежденные государственными властями школы, но и другие школы, отвечающие тому минимуму требований для

образования, который может быть установлен или утвержден государством, и обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями [6].

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений, провозглашенная резолюцией 36/55 генеральной ассамблеи ООН от 25 ноября 1981г., определяет, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии.

Причем оно включает в себя свободу иметь религию или убеждения любого рода по своему выбору и свободу исповедовать и выражать их как единолично, так и сообща с другими (статья 1).

Обратимся от международного законодательства к отечественному корпусу нормативно-правовых актов, определяющих и регулирующих взаимоотношения между органами местного самоуправления и религиозными организациями.

Конституция Российской Федерации.

«Статья 13, пункт 5: «Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни».

Статья 17, пункт 3: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

Статья 29, пункт 2: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

Статья 41, пункт 1: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь...».

Статья 41, пункт 3: «Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом».

Статья 55, пункт 3: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»[2].

Имея достаточно широкий и авторитетный список нормативно – правовых документов делаем вывод, что указанные нормативно правовые документы дают возможность по-новому взглянуть на проблему взаимодействия государства и религиозных организаций. Рассматривая и развивая вопросы взаимодействия религиозных организаций с органами местного самоуправления на Федеральном уровне, принимается ряд Федеральных законов Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности», которые напрямую

гарантирую гражданам России право на свободу совести и свободу вероисповедания.

В Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Иностранные граждане и лица без гражданства, законно находящиеся на территории Российской Федерации, пользуются правом на свободу совести и свободу вероисповедания наравне с гражданами Российской Федерации и несут установленную федеральными законами ответственность за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях.

2. Право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

3. Установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается.

5. Никто не обязан сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, в деятельности религиозных объединений, в обучении религии. Запрещается вовлечение малолетних в религиозные объединения, а также обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих.

Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Ряд этих правовых норм провозглашенных в Конституции РФ и Федеральных законах противоречат практике их применения и восприятия частью общества. Так как на наш взгляд пред принятием правовых документов, в том числе и Федерального уровня не проводится изучений общественного мнения всех слоев населения, что на наш взгляд сняло бы напряженность, которая царит в обществе после принятия и введение в действие того или иного законодательного акта любого уровня.

В целом необходимо отметить, что любые взгляды имели, будут иметь, как сторонников, так и противников и следует отметить, что само наличие правовой базы для открытого взаимодействия между религиозными организациями и государством говорит об инновационном подходе к решению давно существующих отношений.

В настоящее время мы строим отношения между религиозными объединениями и властными структурами, основываясь на схожих принципах. Однако, существует немалая разница в понимании и целей и средств взаимодействия, которое строится по принципу синергии – сотрудничества власти

и Церкви, хотя цели сотрудничества и средства его достижения и осуществления иногда лежат в разных плоскостях.

Учитывая имеющуюся нормативно-правовую базу, на наш взгляд религиозным организациям совместно с органами государственной власти и местного самоуправления в закрытом или открытом режиме можно было бы проводить мониторинг религиозной ситуации в Белгородской области. Целью которого должно быть определение возможных векторов взаимодействия и дальнейшего развития религиозной ситуации или законодательного пресечения нежелательных трендов такого развития с целью сохранения их позитивного развития в приграничном регионе – Белгородской области.

Литература

1. Статья подготовлена при поддержке проекта «Управление региональной социальной политикой на основе технологии инновационного проектирования» в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы (ГК № П582 от 18.05.2010).

3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. – М.: «Юридическая литература», 2009/

3. Религиозные конфессии, движения и объединения на территории Белгородской области: справочник. В 2-х частях. Ч. 2. Правовое обеспечение взаимоотношений органов государственной власти и местного самоуправления с религиозными объединениями/ [сост. Г. В. Болотнов, отв. за выпуск И. В. Орехов]; Отдел по связям с общественностью и религиозными организациями информационно-аналитического управления аппарата губернатора области, Социально-теологический факультет Белгородского государственного университета, Белгородская областная организация общества «Знание» России. – Белгород: Белгородская областная организация общества «Знание» России, 2007. – С. 12.

4. Устав Организации Объединенных Наций. 1945 г. Действующее международное право. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996, т. 1.

5. Всеобщая декларация прав человека, 10 декабря 1948 г. Действующее международное право. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996 г., т. 2.

6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 16 декабря 1966 г. Действующее международное право. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, т.2, 1996; официально опубликован Ведомости ВС СССР, 1976, № 17(1831).

К ВОПРОСУ О «КАЧЕСТВЕ ЧЕЛОВЕКА»

Б.Ф. Усманов,

профессор кафедры социологии АНО ВПО

«Московский гуманитарный университет», г. Москва,

доктор социологических наук,

В последние годы не только в нашей стране прослеживается тенденция к смещению научных дискуссий от проблем развития человеческого потенциала, повышения качества жизни населения к проблемам «качества человека». Но недавно в них обозначился неожиданный крен [1], заставивший критически оценить его очевидный политический смысл.

При разных методологических подходах к способам оценки жизнеобеспечивающих человека позиций, уровня благосостояния и условий развития граждан [2, с.427-445; 3, с.192-194], есть и объективная картина, сопоставимая по времени и динамике показателей. На её основе можно понять, как и куда движется материализуемое в продуктах питания, предметах быта, среды обитания, системах образования и здравоохранения, коммуникационных сетях качество жизни населяющих ту или иную территорию людей.

Мировая практика для этих целей использует по инициативе ООН (1990 г.) индексы развития человеческого потенциала (совокупный показатель уровня жизни, социального развития населения отдельно взятой страны). Когда эти показатели дополняются данными социологических опросов, то удаётся получить достаточно достоверные характеристики качества народной жизни. Так, директор ВЦИОМ В.В. Фёдоров на радио «Вести FM» 21.09.2014 г. убедительно продемонстрировал рост позитивных оценок россиянами своей жизни в самых разных сферах за примерно пятнадцать последних лет.

В ином положении оказывается тот, кто пытается разложить на некие составляющие умозрительную категорию «качество человека». С.А. Никольский в «Независимой газете» полагает качество человека не просто главной проблемой современного российского общества, а ещё и отражением глубокой и масштабной культурной деградации людей нашего государства [1].

Название статьи «Людьё» и его объяснение – повод возразить сторонникам совершенно неоправданного снобизма по отношению к соотечественникам, который проявляется в уничижительном делении себе подобных на высший (первый) и прочие сорта. Да, термин придумал Осип Мандельштам, но его поэтический язык не претендовал на научность определений и вряд ли он держал в голове обобщённый портрет «серых» людишек, к коим причисляют «неспособных к восприятию культуры, самостоятельному мышлению» и встраивают их в один ряд с филистерами и толпой, обывателями, мещанами и «совками».

С.А. Никольский даёт политически двусмысленную трактовку категории «людьё»: «В современном отечестве это уже не крепостные или подданные, *но и не граждане* (здесь и далее курсив – мой); это уже не варвары, *но и не цивилизованные люди*; не митрофанушки с начатками знаний, *но и не образованные*. В силу «серости» определить их качество сложно. Однако главная их особенность... непросвещённость в кантовском смысле, то есть «неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого», недостаток решимости и мужества в силу лени и трусости пользоваться своим умом».

Вывод автора без каких-либо доказательных цифр и фактов звучит как приговор: «Последнее двадцатилетие по мере роста численности «людья» его качество непрерывно ухудшается, что неизбежно ведёт к деградации общества» [1].

Склонен думать, здесь желаемое выдаётся за действительное. Стоит посмотреть на российские индексы человеческого развития, чтобы понять, насколько спорными выглядят такие утверждения. С 1995 по 2004 год этот

показатель для страны возрос с 0,644 до 0,781 и с тех пор стабильно остаётся на столь же высоком уровне, меняясь лишь на тысячные доли. Если сопоставлять с другими государствами, то входящая в шестёрку лучших Германия имеет индекс 0,911, а Китай (91 место) – 0,711. Россия занимает место в шестом десятке [4], но никаких ухудшений положения её граждан авторитетные международные эксперты не отмечают.

Зачем нужна такая «игра смыслов»? Когда большинство людей страны под видом научного заключения автор относит к «не гражданам», «не цивилизованным», «не образованным», то можно объявить действующую власть не заслуживающим уважения и поддержки. Разве можно доверять голосование «людью», «серости»?

На мой взгляд, сегодня столкнулись приверженцы свободы для свободных (нынешних собственников некогда общественного достояния) и представители той, несомненно, большей части граждан страны, которые видят смысл власти и экономики в более справедливом распределении общественного продукта, сохранении социально ориентированного государства, приоритетов коллективизма, а не сугубо частных интересов, преимущественно потребительских, деформирующих при своём избытке существующие в социуме базовые ценности, нравственные нормы.

Именно на этом фоне закономерно и потому ожидаемо появление тех сил, с помощью которых стали бы возможны коррекция личных и общественных траекторий развития и формирование под эгидой государства линии на сближение интересов владельцев средств производства и непосредственных производителей общественных благ (населения, граждан).

Не случайны попытки разных по идеологии структур через своих представителей постепенно приучать массовое сознание россиян к неизбежному воссоединению социального и рыночно-экономических начал. Например, директор Института проблем глобализации М.Делягин, рассуждая о вероятности обойтись без выбора между национализацией и приватизацией, альтернативой видит *социализацию собственности*, постановку её на службу обществу [5]. Показательна масштабность предполагаемого процесса, подразумевающая выход за рамки общепринятых представлений о социализации как принадлежности сферы личностных целей, ориентиров и социальных качеств.

Социализация собственности, коснётся в первую очередь человека, участвующего в подготовке изменений, инновационных решений. Я солидарен с М.Делягиным, ибо несколько лет назад высказывал идею по поводу социализации экономики [2, с.389-391] и оценивал её прямые проекции на личные и общественные интересы.

В данном случае социализация – это не столько некая пропорциональная условиям общества социальная нагрузка на производимый продукт или нормирование его потребительских качеств, сколько ещё и нравственная сторона экономики. Об этом учёные рассуждают сегодня то в связи с морально ущербным распределением доходов между гражданами страны, то по поводу уровня благосостояния и качества жизни населения. Причём о морально-

нравственных устоях общества, социальной ответственности бизнеса синхронно забеспокоились и те, кто обеспечивает научное (социологическое) сопровождение инновационных перемен, и те, кто до сих пор привычно уповал на якобы универсальные и всемогущие, рыночные саморегуляторы.

При выполнении даже части социализационных задач, ориентированных на формирование приверженности «масс» к общественным интересам и целям социального развития, неизбежно произойдет изменение сознания и психологии людей, общественного климата в стране. Искать повод для споров вокруг термина «людьё» станет сложно. Что касается гражданской активности, то она приобретёт более значимые масштабы, расширит границы своего влияния и ответственности. Предпосылки к тому уже есть, если обратиться к результатам недавних опросов общественного мнения и проанализировать их под альтернативным обвинением наших соотечественников в «серости» углом зрения.

В марте 2014 года Институт социологии РАН провёл общероссийский опрос (1600 респондентов от 18 лет и старше), тема которого прямо связана с обозначенной мною проблемой «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия» [6]. Исследование показало, что сами граждане в большинстве своём считают себя активными (37%), ещё почти столько же относятся к «смешанному типу» (участвуют в общественных делах по мере необходимости, ситуационно). Инертных – 29%.

Анализ результатов опроса свидетельствует, что неполитические формы активности сегодня для людей предпочтительнее, чем политические. Каждый десятый из респондентов участвует в интернет-сообществе по интересам, 9% состоят в ассоциациях соседей, ТСЖ и т.д. Происходит осознание того, что попытки улучшить качество жизни разумнее предпринимать всеобщими усилиями. По-своему характерны и такие данные: 8% россиян участвуют в работе профсоюзов (среди европейских стран у нас 13 место из 24 возможных по этому показателю), 5% – в студенческих объединениях или иных «профессиональных клубах».

Опрос позволяет сделать вывод, что от общественной активности люди ждут не выгоды или славы, главное – защитить свои права (18% опрошенных придерживаются именно такой точки зрения). Цели 12% определяет желание бороться за свои идеалы и сделать мир лучше, каждый девятый (11%) хочет реализоваться в полезных делах, по 8% надеются получить новый опыт, добиться социального роста, внести в жизнь разнообразие, ощутить свободу. Совсем мало тех, кто стремится «выразить протест против власти» (5%).

Безусловно, не всегда достаточная гражданская активность – оборотная сторона дефицита социализационных средств, способных формировать и воспитывать встречное движение снизу. Но ни сам этот дефицит, ни его последствия не дают оснований унижать гражданское достоинство псевдонаучными заключениями по поводу «людьё» и «серости».

Литература

1. Никольский С.А. Людьё // Независимая газета. – 22.01.2014.

2. Усманов Б.Ф. Социальная инноватика: учеб. пособие. – Изд. 2-е, перераб. и дополн. – М. Социум, 2007. – 484 с.
3. Лига М.Б. Качество жизни как основа социальной безопасности: монография. – М.: Гардарики, 2006. – 223 с.
4. Источник: Независимый институт социальной политики. <http://market.ru/> Доступ 22.09.2014.
5. Делягин М. Украденная Россия // Московский комсомолец. – 9.07.2014.
6. Добрынин Е. Кампания за компании // Российская газета. – 9.09.2014.

ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА КАК ПРОБЛЕМА ДЕФИЦИТА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ – СОЦИАЛЬНО АКТИВНЫХ ЛЮДЕЙ

М.Ю. Хаванская,

*ассистент кафедры социальных технологий
Института управления НИУ «БелГУ»*

Государство и общество – понятия не идентичные. Государство – это исторически сложившаяся основная организация политической власти общества, располагающая специальным аппаратом принуждения в интересах отдельных личностей и их групп, господствующего класса, большинства людей или всего народа. Общество – это форма существования людей, система отношений между ними.

Цели и задачи общества и государства могут совпадать, но могут быть и диаметрально противоположными. В связи с этим возникает вопрос: как найти оптимальный вариант отношений между государством и обществом, способствующий реализации интересов каждого из них в отдельности?

Центральное понятие, определяющее идеал общественного развития, несомненно, свобода. Свобода в порядке и ответственности, в разумном следовании законам цивилизованного человеческого общежития. Свобода, не дарованная сверху, по воле доброго и просвещенного вождя – монарха, генсека, президента, а как естественное и непреложное право каждого человека. Свобода – природосообразна, она является универсальной и высшей человеческой ценностью во все времена. Со свободой человек связывает осуществление своих планов, возможность выбирать жизненные цели и пути их достижения.

Человеческая цивилизация прошла в своем историческом развитии сложный путь поиска той общественной системы, которая бы в наибольшей степени соответствовала естественным правам человека, его стремлению к свободе и справедливости. Право на свободу может быть реализовано и гарантировано лишь при такой организации общества, которая будет в максимальной степени содействовать свободе личности. На всех этапах общественного развития шла непримиримая борьба между тремя принципиально разными подходами к управлению государством и обществом – тоталитарным, авторитарным и демократическим. Рассмотрим их

возможности в контексте поступательного развития общества и максимального удовлетворения потребностей личности.

Таким образом, государство и общество могут успешно развиваться, взаимодополняя друг друга и максимально содействуя развитию и самореализации личности только при условии, если государство – правовое, а общество – гражданское.

В мировой практике выделяют четыре поколения добровольных организаций. Первое – благотворительные организации, направленные на решение проблем, связанных социально-бытовыми условиями. Второе поколение ставило задачи поддержания и поощрения местных инициатив с преимущественной опорой на собственные силы. Как правило, эти общественные организации действуют в рамках идеологии «грасс-рутс». Практика «грасс-рутс» наиболее эффективна для решения местных проблем; она облегчает включение в общественную и политическую жизнь широких масс, воспитывает у них солидарность, умение бороться за свои права. Третье поколение представлено организациями, выступающими за проведение реформ в политической и социально-экономической сферах. Добровольные организации четвертого поколения, сохраняя основные направления деятельности организаций предыдущих поколений, стоят на позиции альтернативного (зеленого) подхода к развитию, связанного с укреплением самоуправляющихся общин, где роль государства постепенно сводится на нет.

НКО выполняют функцию артикуляции интересов групп граждан. В их среде формируются навыки демократического контроля власти, накапливается опыт социальных новаций, стажируются и приступают к общественной деятельности молодые кадры. Отстаивая интересы различных слоев населения, они осуществляют общественную приватизацию политики, выстраивают механизмы влияния общества на власть, осваивают технологии правозащиты, лоббирования общественных интересов, формирования общественного мнения, проведения социального маркетинга, что служит консолидации и активизации населения. Средства массовой информации являются одной из форм взаимодействия гражданского общества с государством, выполняют функции формирования общественного мнения, достижения социального консенсуса. Соединяя между собой отдаленные и разнообразные по характеру ячейки общества через единое информационное пространство, способствуют идентификации человека с референтными группами, тем самым, формируя структуру гражданского общества. Именно через СМИ реализуется право на получение полной и достоверной информации, возможность выбора источника информации, что позволяет гражданам взвешено судить о событиях. СМИ обеспечивают органическую связь граждан и власти, повседневный диалог между ними, способствуя реализации принципа прозрачности и отчетности деятельности властей. Тем самым они содействуют осуществлению контроля за проводимой государством политикой, регулированию системой стабильного развития общественных отношений, участию населения в достижении социального согласия. СМИ формируют культурное пространство,

общественное настроение граждан, активно влияют на ценности, цели и мотивы поведения целых слоев и структур социума.

Местное самоуправление (МСУ) – самая близкая к человеку власть, призванная решать его повседневные проблемы. МСУ является неотъемлемой частью общегосударственной системы сдержек и противовесов, обеспечивает баланс интересов государственного и местных уровней.

Гражданские инициативы лежат в основе взаимодействия гражданского общества и государства, которое должно осуществляться посредством механизма диалога и равноправного партнерства на федеральном, региональном и муниципальном уровне, включая участие гражданских объединений в выработке решений, гражданский контроль за текущей деятельностью властных структур и гражданскую экспертизу законодательных и административных актов.

Эти механизмы должны обеспечивать взаимодействие между группами неполитических объединений, заинтересованными в решении определенной проблемы, и соответствующими структурами исполнительной, законодательной и судебной власти.

Обеспечение экономических, правовых и других условий, гарантируют независимое существование, эффективную работу и самостоятельное развитие неполитических объединений и других институтов гражданского общества. Это диктует необходимость, в первую очередь, совершенствования законов об общественных объединениях, о благотворительной деятельности, разработку поправок к налоговому кодексу.

В странах с демократическим режимом многие элементы гражданского общества финансируются правительством. В Западной Европе широко распространена правительственная поддержка гражданского общества, в том числе и групп, которые бросают правительству вызов, например организации по защите окружающей среды, союза борьбы за права человека. Даже в соединенных Штатах, правительственное финансирование ГО сильно превосходит предполагаемые размеры. Сравнительный анализ некоммерческого сектора», спонсируемый университетом Джон – Хопкинс, показал, что «правительство является практически в два раза большим источником дохода для американских НКО, чем частные вклады, несмотря на наличие в Америке множества фондов и программ финансирования.

Институты гражданского общества могут быть значительно более эффективными в корректировке государственной политики, если у государства есть соответствующие полномочия по проведению и урегулированию таковой. Эффективная работа неправительственных групп фактически сводится не к ослаблению, а к усилению возможностей государства. Например, гражданская активность американцев в вопросах защиты окружающей среды натолкнуло правительство на мысль создать государственные отделения по защите окружающей среды, выработке соответствующих законов, механизмов осуществления соответствующей политики.

Гражданское общество может и должно бросать вызов, раздражать, и даже, время от времени, противостоять государству. Но гражданское общество

и государство нуждаются друг в друге и, в идеальном варианте, они развиваются вместе, в тандеме, а не за счет друг друга.

Полноценное гражданское общество осуществляет контроль за властью, а это, в свою очередь, подразумевает наличие определенных механизмов, позволяющих общественным объединениям влиять на ситуацию: прозрачность власти, важное значение общественного мнения, проведение общественной экспертизы и общественных слушаний по наиболее существенным проблемам.

С. Перегудов, рассматривая гражданское общество как сугубо политизированное явление, выделяет количественный и качественный аспект отношений между гражданским обществом и государством. Количественный аспект отражает степень погружения государства в общество. Качественный – отражает действенность механизмов их взаимодействия как через партии, системы выборов, представительные органы власти, где основным звеном являются партии, так и в рамках государства (парламентские фракции). Это система представительства интересов, основные участники которой со стороны гражданского общества – группы и объединения по интересам, а со стороны государства – прежде сего органы исполнительной власти, хотя в последнее десятилетие во взаимодействие с объединениями по интересам все активнее включается парламент.

Гражданское общество и правовое государство развивались как реакция против идеалов средневековых порядков во взаимосвязи друг с другом и на основе постулатов естественного права и теории общественного договора. В подлинно гражданском обществе роль государства сводится, главным образом, к созданию и поддержанию условий, способствующих соблюдению прав и свобод человека и гражданина и поощрению гражданских инициатив.

В гражданском обществе негосударственные общественные организации позволяют существенно корректировать управленческие государственные решения и тем самым выполнять функции самоорганизации (но не прямого управления) в различных сферах общественной жизни. Основные типы общественных объединений: общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности. Большое влияние на общественно-политическую жизнь оказывают профессиональные союзы. Наиболее важный элемент политической системы – политические партии и общественно-политические движения. Эти структуры общественного самоуправления лишь опосредованно влияют на управленческие функции, принадлежащие государству.

В демократическом обществе суверенитет принадлежит народу. Участие народа в управлении становится решающим, а роль государства сводится к неукоснительному выполнению функций, делегированных ему народом. Государство суверенно лишь постольку, поскольку народ, на определенных условиях передал ему свой суверенитет и уполномочил принимать те или иные управленческие решения в интересах большинства народа.

Зрелость гражданского общества определяется зрелостью общественных отношений и, следовательно, гражданским сознанием индивида. Не смотря на

то, что в России развитие гражданских инициатив всегда требовало поддержки государства, тем не менее, то, что называется российской цивилизацией, не имеет запретов на развитие гражданского общества.

Развитие гражданского демократического общества в нашей стране немыслимо без творческих созидательных инициатив населения, без создания общественных объединений, фондов, некоммерческих учреждений, решающих социально значимые проблемы. Обобщая работы различных исследователей данной проблемы, можно следующим образом охарактеризовать место НКО в определении государственной политики.

В России начался процесс формирования гражданского общества, возникли его институциональные предпосылки, расширяется правовое пространство, меняется парадигма взаимоотношений между властью и обществом, между гражданами и их организациями, появились условия для реализации политических и гражданских свобод, формируется новый тип личности. Все это находит выражение в возникновении многоукладной экономики и демократизации экономической жизни, многопартийной системы, многочисленных независимых самодеятельных ассоциаций населения, свободных средств массовой информации и т.д. В целом можно говорить о большей автономии общества от государства, появлении экономического, социального, политического и культурного плюрализма.

В то же время гражданское общество нельзя считать сформированной системой, так как практически не реализуется ее важнейший признак – равноуровневые горизонтальные связи, что проявляется, в первую очередь, в недостаточной структурно-функциональной зрелости его институтов и гражданской готовности его акторов. Партии еще не стали посредниками между обществом и государством, слабо осуществляют политический синтез и транслирование социальных интересов на государственный уровень, контролируемую функцию. Профсоюзы не нашли свое место в новых экономических условиях, недостаточно представляют и защищают интересы наемных работников в отношениях с работодателями, слабо обеспечивают согласование их социально-трудовых интересов. И партии и профсоюзы отчуждены от основной массы населения и формально представляемых ими социальных групп, не доверяющих им и не видящих в них защитников своих интересов.

«Третий сектор», несмотря на достаточно высокие темпы роста, не стал достаточно массовым, влиятельным, структурно представительным. Население плохо информировано об его деятельности, отмечается часто невысокий уровень профессионализма в работе. СМИ в силу экономической неэффективности, недостаточной гражданской культуры в полной мере не реализуют право на получение гражданами достоверной и полной информации, возможности выбора ее источника, а значит, осуществления контроля за деятельностью властей, содействия достижению социального согласия. Не сформировано правовое поле для эффективного функционирования местного самоуправления, отсутствует четкое разграничение полномочий между уровнями власти. Местное самоуправление финансово несамостоятельно для

решения вопросов местного значения, слабо содействует общественной активности населения.

Существенными препятствиями для дальнейшего формирования гражданского общества в России являются: низкая структурированность социума, научная непроработанность проводимых реформ, игнорирование специфических черт российского менталитета при их проведении, отсутствие собственной модели гражданского общества, несформированность среднего класса, отсутствие массовых социальных движений, слабое развитие института права, использование в целях модернизации кадрового потенциала, в большинстве своем не склонного к этому, отсутствие контроля за деятельностью властей.

Можно говорить, что реально граждане минимально принимают участие в управлении страной, не используют общественный потенциал. Одна из причин такого состояния дел кроется в том, что в экономических и политических преобразованиях в России с конца 1980-х, население не рассматривалось руководством страны как базовый ресурс для достижения политической и экономической стабилизации и активный участник перемен. В значительной степени это стало причиной многочисленных неудач намеченных реформ.

Большинству россиян утраченную уверенность в завтрашнем дне, потерю социального статуса и сбережений обретенные свободы не компенсировали. Не умея воспользоваться ими, подавляющая часть граждан, привыкших к тотальной государственной опеке, ощущает свою «социальную заброшенность» и потребность в поддержке со стороны государства. В этой ситуации конечно же мало места партнерским отношениям между государством и гражданским обществом, а, следовательно и гражданским инициативам, направленным на изменения в деятельности государственного управления.

Однако активное меньшинство всё же сумело проявить себя в новых условиях, выявились деятельные граждане с задатками лидеров и социальных реформаторов, проявляющие некоммерческие инициативы во благо общества. Эти люди и инициативы сформировали особое пространство, называемое некоммерческим, или третьим сектором (в отличие от первого – государственного – и второго – бизнес-сектора). Здесь обрели возможность реализовывать свои амбиции люди, чье призвание – общественная деятельность. В этой сфере получили наибольшее распространение гражданские инициативы, для которых характерны приверженность демократическим идеям, осознание неразрывности понятий «право» и «ответственность» и умение использовать полученные права и свободы для изменения собственной жизни и достижения общественно значимых целей.

Основным критерием оценки реального влияния гражданских инициатив на жизнедеятельность государства является эффективность работы органов власти. В настоящее время, по мнению большинства специалистов, эта эффективность практически равна нулю. Государственная служба, на всех уровнях существует как закрытая система, обслуживающая интересы самих госслужащих. И общество находится только в начале поиска новых путей

взаимодействия гражданина и государства. А нужно это, прежде всего, самому государству.

В современной России особенно четко прослеживается разница интересов государства и гражданина. Нет механизмов доведения гражданской активности до логического воплощения в общепринятые нормы. Бюрократическая система, защищая свой статус-кво, топит все начинания, которые ему угрожают. Остается актуальным и наличие острого вопроса, связанного с дефицитом человеческих ресурсов – социально активных людей.

Сейчас в России наблюдается процесс создания различных движений, (передовой, в этом направлении является Саратовская область), задачей которых является объединение социально активных людей для реализации общественно-значимых целей, в том числе и посредством влияния на деятельность структур государственного управления. Инициаторы проекта уверены, что гражданским долгом каждого является не простое голосование на выборах, а деятельное участие в достижении перспективных целей развития страны. Политики и чиновники являются в данном процессе лишь помощниками граждан.

Результатом деятельности таких движений должно стать создание постоянно действующего механизма непосредственного обсуждения ключевых проблем и выработки общественно приемлемых путей их решения. Выработанные в ходе общенациональных дискуссий подходы будут оформляться в виде проектных программных предложений, передаваемых органам государственного управления. Организационными центрами общенациональной дискуссии станут создаваемые в регионах России «Проектные комитеты», которые будут обобщать интеллектуальные инициативы граждан и транслировать их на федеральный уровень.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Bakrac Vladimir

Faculty of philosophy University of Montenegro – Podgorica

Spasić Ivana

Professor, Department of Sociology, Faculty of Philosophy University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Алексеевко Александр Иванович

доцент кафедры философии и социологии ФГБОУ ВПО Юго-западный государственный университет, г. Курск, кандидат социологических наук

Бабинцев Валентин Павлович

заведующий кафедрой социальных технологий Института управления НИУ «БелГУ», доктор философских наук, профессор

Багреева Екатерина Владимировна

доцент кафедры уголовного права и процесса, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, кандидат психологических наук

Багреева Елена Геннадьевна

заместитель начальника лаборатории исследования проблем исправления НИИ уголовно-исправительная система Минюста России, г. Москва осужденных, доктор юридических наук, профессор

Баранова Светлана Юрьевна

магистр кафедры региональной экономики Института управления НИУ «БелГУ»

Борисов Степан Сергеевич

ассистент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления НИУ «БелГУ»

Белых Татьяна Владимировна

доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Березутский Юрий Владимирович

начальник отдела организации и координации научных исследований Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Хабаровск, кандидат социологических наук, доцент

Боженев Сергей Андреевич

мэр города Белгорода, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления, БГТУ им. В.Г. Шухова

Брыткова Алена Юрьевна

магистрант кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления НИУ «БелГУ»

Воеводина Екатерина Владимировна

заведующая кафедрой социологии ФГБОУ ИВО Московский государственный гуманитарно-экономический университет, г. Москва, кандидат социологических наук

Гоженко Галина Игоревна

ассистент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления НИУ «БелГУ»

Гордеева Наталья Олеговна

старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук, доцент

Гридчин Александр Анатольевич

профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, доктор социологических наук

Городова Татьяна Васильевна

старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Гуляев Иван Иванович

доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления НИУ «БелГУ», кандидат философских наук

Данакин Николай Семенович

профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, доктор социологических наук, профессор

Дейч Борис Аркадьевич

заведующий кафедрой теории и методики воспитательных систем Института молодежной политики и социальной работы ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск, кандидат педагогических наук, доцент

Денищик Алина Юрьевна

аспирант кафедры социальных технологий Института управления НИУ «БелГУ»

Дивненко Ольга Владимировна

профессор кафедры психологии и педагогики высшей школы Национального института бизнеса, г. Москва; кандидат педагогических наук

Евдокименко Юлия Игоревна

магистрант кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления НИУ «Белгородский государственный университет»

Зубок Юлия Альбертовна

заведующая отделом социологии молодежи ИСПИ РАН г. Москва, доктор социологических наук, профессор

Истомин Александр Георгиевич

заместитель директора Центра профессиональной карьеры НИУ «БелГУ»

Каменский Евгений Георгиевич

доцент кафедры философии и социологии Юго-западный государственный университет, г. Курск, кандидат социологических наук

Кисиленко Анастасия Владимировна

старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления НИУ «БелГУ»

Колпина Лола Владимировна

доцент кафедры социальных технологий Института управления НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук, доцент

Конев Иван Викторович

профессор кафедры социальных технологий Института управления НИУ «Белгородский государственный университет», доктор социологических наук

Кубякин Евгений Олегович

начальник кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, доктор социологических наук

Лебедев Сергей Дмитриевич

кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления НИУ «БелГУ»

Макиев Отар Багратович

старший преподаватель теории и методики воспитательных систем Института молодежной политики и социальной работы ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» г. Новосибирск

Мосиенко Ольга Сергеевна

старший преподаватель кафедры социологии факультета социологии и политологии ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, кандидат социологических наук

Надуткина Ирина Эдуардовна

профессор кафедры социальных технологий Института управления НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук, доцент

Нарыкова Светлана Петровна

докторант кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, кандидат юридических наук, доцент

Никулина Наталья Николаевна

заведующий кафедрой профессионального обучения и социально педагогических дисциплин БелГСХА им. В.Я. Горина, кандидат педагогических наук, доцент

Никулина Наталья Николаевна

заведующий кафедрой профессионального обучения и социально педагогических дисциплин БелГСХА им. В.Я. Горина, кандидат педагогических наук, доцент

Новикова Ирина Николаевна

магистрант кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления НИУ «БелГУ»

Огнёва Юлия Игоревна

магистрант факультета журналистики НИУ «БелГУ»

Орлова Вера Вениаминовна

профессор кафедры философии и социологии Томского государственного университета, г. Томск, кандидат социологических наук

Паутова Лариса Александровна

директор проектов Фонд Общественное Мнение (ФОМ), г. Москва, доктор социологических наук

Питка Светлана Николаевна

доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Институт управления НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук, доцент

Посухова Оксана Юрьевна

доцент кафедры прикладной и теоретической регионалистики Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, кандидат социологических наук

Проказина Наталья Васильевна

декан факультета социальных технологий Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Орел, доктор социологических наук

Райдугин Дмитрий Сергеевич

декан факультета социологии и психологии ФГБОУ ИВО Московский государственный гуманитарно-экономический университет, г. Москва, кандидат философских наук

Реутов Евгений Викторович

доцент кафедры социальных технологий Института управления НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук, доцент

Реутова Марина Николаевна

доцент кафедры социальных технологий Института управления НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук, доцент

Рожкова Лилия Валерьевна

профессор кафедры экономической теории и мировой экономики ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», г. Пенза, доктор социологических наук, доцент

Рукавицина Ольга Александровна

магистрант кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления НИУ «БелГУ»

Сальникова Ольга Владимировна

старший преподаватель экономической теории и мировой экономики ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», г. Пенза

Санина Ирина Владимировна

магистрант кафедры социологии организации работы с молодежью Института управления НИУ «БелГУ»

Селиверстова Нина Анатольевна

профессор кафедры социологии Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, профессор

Смакотина Наталья Леоновна

зав. кафедрой социальных глобальных процессов и работы с молодежью МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, доктор социологических наук, профессор

Солнышков Алексей Юрьевич

доцент кафедры социологии АНО ВПО «Московский гуманитарный университет», г. Москва, кандидат социологических наук

Сорокин Олег Владимирович

старший научный сотрудник отдела социологии молодежи ИСПИ РАН,
начальник управления по науке ОАНО ВО «МПСУ»
кандидат социологических наук, г. Москва

Сушко Павел Евгеньевич

младший научный сотрудник отдела социальной структуры Института
социологии РАН, г. Москва, аспирант

Тимофеев Валерий Кузьмич

заместитель директора Института управления, старший преподаватель кафедры
социальные технологии Института управления НИУ «БелГУ»

Усманов Борис Фатыхович

профессор кафедры социологии АНО ВПО «Московский гуманитарный
университет», г. Москва, доктор социологических наук,

Хаванская Маргарита Юрьевна

ассистент кафедры социальных технологий Института управления
НИУ «Белгородский государственный университет»

Хашаева Светлана Владимировна

доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института
управления НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Черкасова Татьяна Васильевна

профессор кафедры социологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВПО
«Уфимский государственный университет экономики и сервиса», г. Уфа,
доктор социологических наук

Чупров Владимир Ильич

главный научный сотрудник отдела социологии молодежи ИСПИ РАН,
доктор социологических наук, профессор

Шавырина Ирина Валерьевна

доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного
технологического университета им. В.Г. Шухова, кандидат социологических
наук, доцент

Шаповалова Инна Сергеевна

заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью
Института управления НИУ «БелГУ», доктор социологических наук,
профессор

Шмигирилова Лариса Николаевна

доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института
управления НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук, доцент

Шовгеня Светлана Александровна

ассистент кафедры управления персоналом Института управления
НИУ «БелГУ»

Шутенко Андрей Иванович

старший научный сотрудник НИИ синергетики при БГТУ им. В.Г. Шухова,
кандидат педагогических наук

Яковук Тамара Ивановна

профессор кафедры политологии и социологии БрГУ, г. Брест, Беларусь,
доктор социологических наук, профессор

Научное издание

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Сборник статей по материалам
первой Международной конференции

30 октября 2014 года

Ответственный за выпуск: *Т.В. Бельх*
Компьютерная верстка: *Н.А. Гапоненко*

Подписано в печать 27.10.2014. Формат 60×84/16
Гарнитура Times New Roman, Arial. Усл. п.л. 18,60. Тираж 100 экз. Заказ 283.
Оригинал макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015, г. Белгород, ул. Победы, д.85